

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2016. Т. 22

№ 4 (156)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2016. Vol. 22

№ 4 (156)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, акад. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, профессор (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров,
канд. филол. наук, доц.

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

Члены редколлегии

Б. Н. Лозовский,
докт. филол. наук, доц.

М. М. Ковалева,
докт. филол. наук, проф.

В. Ф. Олешко,
докт. филос. наук, проф.

И. В. Зиновьев,
докт. филос. наук, доц.

Э. В. Чепкина,
докт. филол. наук, доц.

Н. С. Глуханюк,
докт. психол. наук, проф.

И. А. Ершова,
канд. филос. наук, доцент

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

А. П. Чудинов,
докт. филол. наук, проф.

Н. Б. Кириллова,
докт. культурологии, проф.

Т. А. Галеева,
канд. искусствоведения, доц.

Т. Ю. Быстрова,
докт. филос. наук, доц.

Г. Е. Зборовский,
докт. филос. наук, проф.

Р. Коул, проф. (США)

В. Батмаз, проф. (Турция)

Лей Юцзе, проф. (Китай)

СОДЕРЖАНИЕ

Трибуна ученого

Лозовский Б. Н. Для чего нужны журфаки 6

Журналистика и массовые коммуникации

- Федотова Л. Н., Красавченко И. А.*
Две страны — два телевидения 15
- Булатова Э. В.* Когнитивно-дискурсивные
практики автора и адресата креоли-
зованного медиатекста 25
- Немировская Е. С., Абрамова А. В.,
Мозговая Я. В.* Метафорическое моде-
лирование образа России в СМИ
(на материале американской прессы) 36
- Каблуков Е. В.* Концепт «информацион-
ная война» в российских правитель-
ственных и оппозиционных СМИ 45
- Смолин И. В.* Функционирование концеп-
та «патриотизм» в дискурсе СМИ
о Российской армии 56
- Чепкина Э. В.* Дискурсивные практики
конструирования адресата региональ-
ной прессы: национально-гражданская
идентичность 61
- Лукина Г. А., Портнягина В. О.* Освещение
в печатных изданиях ситуации с бе-
женцами в ФРГ на примере публика-
ций журналов «Spiegel», «Stern», «Fo-
cus»: критический дискурсивный
анализ 69
- Мясникова М. А., Тарасов И. Е.* Место до-
кументального кино в программной
политике современных российских
телеканалов 78
- Волкоморов В. А.* Практика использования
мобильных мультимедийных техно-
логий в обучении студентов-
журналистов 87

Поэтика

Казарин Ю. В. Виды поэтического
подстрочника 92

Психология

- Карпетян Л. В.* Теоретические и эмпири-
ческие подходы к созданию модели
эмоционально-личностного благопо-
лучия 100
- Боднар А. М., Боднар Э. Л.* Исследование
способов преодоления стресса
у военнослужащих с различной
гендерной идентичностью 108
- Алексеева А. С., Миньков К. А., Окочни-
кова Л. В.* Влияние ролевых компью-
терных игр на личностные особеннос-
ти подростков 115
- Залесский М. Л., Винник В. К., Нацвало-
ва М. Ю.* Использование возможнос-
тей социальных сетей в решении
психологических проблем адаптации
первокурсников в вузе 121
- Распопин Е. В.* Методы изучения
и оценки психических состояний 129

Культурология

- Кириллова Н. Б.* Феномен творчества
Андрея Тарковского: духовная
миссия художника 138
- Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б.* Травелог
«русского путешественника»
(к 250-летию Н. М. Карамзина) 150
- Быстрова Т. Ю., Сусарова К. С.* Опыт со-
здания музейного проекта: уход от
плоскостных материалов в музей 2.0 ... 156
- Старостова Л. Э.* К вопросу о коммемора-
ции свердловского конструктивизма:
взгляд через практику формирования
культурных кварталов 163

Образование: Вызовы нового времени

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Методо-
логические подходы к исследованию
нелинейной динамики образователь-
ных общностей мегаполиса 175

Амбарова П. А. Аномалии развития образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности..... 184

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

Ярская-Смирнова В. Н., Калайджян А. А. Социальное время в контексте исследования молодежи российского провинциального города 196

Бритвина И. Б., Савчук Г. А., Бритвин А. М., Жбанкова С. А. Этническая культура как фактор интеграции жителей полиэтничной территории 203

Певная М. В., Зборовский Г. Е. Методология исследования перспективных практик, проблем и возможностей

управления российским волонтерством..... 212

ВОСТОЧНЫЙ МЕРИДИАН

Баасансүрэн Наранбаатар. Картина мира в монгольской традиционной культуре..... 221

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Товбин К. М., Семичаевский А. В., Соколов В. В. Старообрядцы Русской Америки как пример современного традиционализма 227

Иванова О. В. Молитвы о врагах времен репрессий 1930-х гг. как опыт духовного сопротивления 235

S u m m a r y 241

ТРИБУНА УЧЕНОГО

Публикуя статью директора департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета доктора филологических наук Б. Н. Лозовского, мы продолжаем разговор о перспективах развития журналистского образования, начатый в предыдущем номере журнала деканом факультета журналистики Воронежского государственного университета доктором филологических наук, профессором В. В. Тулуповым в материале «О вузовском журналистском образовании». Приглашаем к дискуссии всех заинтересованных представителей вузовской науки и журналистов-практиков.

УДК 378.016:070 + 378-0.57.175:070 + 316.774

Б. Н. Лозовский

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ЖУРФАКИ

Рассматриваются проблемы журналистского образования, роль и место факультетов журналистики в развитии медийной отрасли, вопросы обучения бакалавров с учетом специфики современных СМИ и новых информационных технологий. Описываются различные формы и способы усиления профессиональной подготовки студентов.

Ключевые слова: журналистика; миссия; новые медиа; профессиональные стандарты; образовательные компетенции; практика; профессионализм; монетизация; средства массовой информации; требования отрасли.

Список претензий к журналистскому образованию не меняется уже много лет. Студенты, да и выпускники «не умеют» писать заметки, разговаривать по телефону, придумывать заголовки, находить информационный повод, выбирать

ЛОЗОВСКИЙ Борис Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати, директор департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Boris.Lofovsky@usu.ru).

© Лозовский Б. Н., 2016

тому, неграмотны. А также ленивы, нелюбопытны и амбициозны. Да еще с завышенными претензиями по части заработной платы.

О «проклятье журфака» говорят отставные журналисты Ленты.ру [5]. Не упускает возможности сказать о «ненужности» журфаков и легенда российской журналистики В. В. Познер, даже выступая перед студентами профильных факультетов. При этом оперирует якобы знаниями о системе профессионального журналистского образования на Западе. На самом деле он никогда специально не занимался изучением этого вопроса. К счастью, не всегда известность журналиста равна его компетентности в разбираемых темах.

Критика журфаков в устах их выпускников нередко страдает однозначностью, что отчасти свидетельствует об их пренебрежении профессиональными правилами. Не буду затрагивать отдельную тему «порчи колодца», из которого довелось воды напиться. Это дело сугубо личное. Важно иное: однозначность в оценках — порок журналистики, точнее — это граница перехода к иному занятию.

Тем не менее высокомерно игнорировать мнения критиков — значит консервировать очевидные и не вполне явные изъяны в подготовке. За 80 лет журналистского образования в России накопилось немало проблем. Но прежде чем квалифицированно ответить на вопрос, вынесенный в название статьи, стоит тщательнее разобраться с другим.

Для чего и кому нужна журналистика

В профессиональном сообществе нет согласия по поводу социальной миссии журналистики. Так, замминистра связи и массовых коммуникаций Алексей Волин заявил о том, что у журналистики «нет никакой миссии». Ее декларируют только на профильных факультетах. Но и там преподают разные журналистики: «объективную», «коммерческую», «корпоративную», «гражданскую», «социального участия», «рекреативную», «трэвел журналистику», «государственную», «ресторанную» и т. д. Американские коллеги насчитали 30 видов этого профессионального занятия.

Плюрализм, однако, не во всем полезен для образования. В условиях беспрецедентной неопределенности, «текучей современности», по Бауману [1], нужны ориентиры, которые позволят выстроить систему образования, более адекватную не только запросам отрасли, но и общества. Надо бы найти общую точку зрения на журналистику и ее функции. Сервисная служба по распространению информации? Ориентирующая и ценностная? Пять процентов авторской журналистики — это ее будущее? А все остальное роботы? Но без полевой журналистики Евгения Поддубного в Сирии, без Елены Костюченко и ее интервью с раненым бурятом, подбитым танкистом в ДНР, без колонки Юрия Роста в «Новой газете» все технологические новации блекнут.

Сохранение этой профессии — в ее социальности. По «социальной журналистике» проводятся семинары, мастер-классы, где слушателей тренируют «закрывать социалку», издаются пособия и даже монографии. Но при внимательном рассмотрении журналистика как таковая может быть только социальной. Это

специфический вид общественной службы. Традиционным СМИ ухватиться бы за это и не отдавать на откуп сетям, которые и так уже явочным порядком отобрали у «традиционалов», казалось бы, неотъемлемые их функции, прежде всего информационную. Тем более что конкуренция за внимание и время населения обострилась до предела. Мы — свидетели этой захватывающей битвы за достойное место журналистики в медийном пространстве.

Если уж искать истоки жизнеспособности журналистики, то они именно в обслуживании социума, в самом широком смысле этого слова, начиная с понятной всем «социалки» и заканчивая социализацией аудитории посредством обслуживания ее мнениями, дискуссиями, расследованиями.

Долгая жизнь журналистики — в обращении ее к ценностям, вечным вопросам, правилам жизни, принципам, которыми люди действительно не могут поступаться. Оздоровление журналистики — в разработке не только темы «зла», но и «добра» в самом широком смысле этого слова. Когда выпускница журфака Женя Вахрушева снимает сюжеты о детях, больных раком, помогая им найти спонсоров для приобретения лекарств и просто поддерживая самим фактом представления их публике, она занимается *журналистикой*.

Поэтому журфак точно так же нужен для сохранения институциональности журналистики как профессии, как филологические факультеты нужны для сохранения языковой культуры, а исторические — для сохранения прошлого.

Исследование того обстоятельства, что реальная практика российских СМИ вступает в противоречие с декларируемой журналистским сообществом миссией журналистики, — задача амбициозная. Она потребует изучения установок всех задействованных в информационном обмене субъектов: журналистов, медиаменеджеров, собственников, «кураторов», преподавателей, студентов журфаков, исследователей, аудитории.

Председатель Союза журналистов России Всеволод Богданов на всевозможных журналистских сходках любит задавать риторический вопрос: «Где сегодняшние Аграновские?»

Действительно, где? Но когда начинаешь подходить к поиску ответа буквально, получается забавная картина. Анатолий Аграновский творил в пору, когда газет было в сотни раз меньше, чем сейчас. Он писал одну статью в месяц, и такое право, естественно, он себе заработал. Есть ли сегодня СМИ, где работает кто-нибудь на подобных условиях? Если и есть, то очень немного. Интенсивность работы современных журналистов увеличилась на порядки. Василий Песков и Инна Руденко в «Комсомолке», Юрий Рост в «Новой газете» — не в счет. Их особое положение — дань уважения к их профессиональным заслугам и маркетинговый ход медиаменеджеров, позволяющий удержать тех, кто еще знает этих авторов, и тех, кому их тексты просто нравится читать. Множественное число в реплике председателя Союза журналистов также вызывает специфические эмоции: сколько Аграновских нужно современной России?

В недавней истории медиа нашей страны периодические издания были практически главным источником информации. А в перестройку их отдельные авторы становились властителями дум. Сегодня Аграновским может быть любой.

Сейчас нет таких сведений, мнений и точек зрения, которых бы нельзя было найти в Интернете. Поэтому мерять сегодняшнюю журналистику лекалами прошлого следует весьма осмотрительно. Иначе можно прийти к выводу о необходимости консервации профессии как таковой. Фундаментализм в понимании журналистики тормозит развитие отрасли и чреват застоєм. Хотя, спору нет, исторический опыт может оказаться поучительным.

Учившиеся и работавшие в XX в. — дети дедлайна. Они приучены готовить материалы к строго означенному сроку. В начале XXI в. дедлайна нет, он «почил в бозе» самостоятельно, без какого бы ни было насилия. Сейчас журналист не коптит материал и впечатления для того, чтобы выстрелить в «гвоздевом» материале. Он тут же их конвергирует в текст для разных платформ и далее может дополнять бесконечно без всякой ориентации на время. Каковы следствия такой парадигмы, получающей господство в профессии?

Скорость распространения сообщения предпочтительнее точности. Эффективность важнее этики (под эффективностью чаще всего понимают ликвидность медийного продукта). Впечатление (оценка, мнение, пристрастность) важнее адекватности. Вместо цикла — непрерывность. Вместо отношений субъект — объект отношения субъект — субъект. Транспарентность вместо закрытости. Все заимствуют у всех. Список характеристик современных медиа на этом не заканчивается.

На этом фоне рекламации заказчиков к продукции журфаков, естественно, требуют внимания, квалифицированной интерпретации и учета в учебном процессе.

Но при всей важности и масштабе влияния информационных технологий работа журналиста сводится к нескольким процедурам. А именно: способность обнаружить информационный повод и далее — тему своего материала; обеспечить первичный контакт с источником, т. е. определить его и организовать доступ к нему; уметь взять интервью; наконец, обладать навыками обязательной проверки информации. После чего грамотным, выразительным русским языком описать событие в принятом в данном СМИ формате. Если выпускник этого не умеет, журфак сработал скверно.

Факультет журналистики как производственное предприятие

Какой продукт, пользуясь маркетингологической оснасткой, производит факультет журналистики?

Оказывает услуги в повышении квалификации работающих журналистов в виде мастер-классов, семинаров и прочих обучающих процедур, консультаций, мониторингов, экспертиз?

Готовит учебную, учебно-методическую литературу, используемую не только студентами, но и всеми желающими, включая работников СМИ?

Создает научные статьи, сборники, монографии? Кстати, это наименее ликвидный, по сравнению с предыдущим, материал из всей валовой продукции образовательного учреждения. Пренебрежение «практиков» к разработкам «теоретиков» не всегда обосновано и часто опирается на классическую максиму

«практика — критерий истины». Но, как заметил Режи Дебре, «назначение теоретической работы — разъединять то, что смешивает практика» [2, 14]. Причин много, что требует отдельной рефлексии. Однако несколько маркетинговых предложений, что называется, навскидку можно предложить тотчас: придание результатам научных исследований более удобного для восприятия профессиональной публикой формата; специальный promotion, включая прямую рассылку и рецензирование с всевозможными оценками.

Но главное изделие — специалисты, бакалавры, магистры. Получив диплом, они попадают на весьма насыщенный рынок труда, где покупатель присматривается к товару, выбирает, «покупает». Этот продукт производства наиболее востребован. Но к нему и больше всего претензий. Иногда потому только, что факультет задает иную степень свободы творчества, чем в реальной практике. Правда, отрасль «ремонтирует» выпускников и адаптирует их под свои задачи.

Образование есть «машина» не вполне приемистая, другими словами, не так резко трогается с перекрестка, если продолжать автомобильную тему. В вузах дается, как правило, знание устоявшееся, апробированное. Поэтому, критикуя состояние образования, следовало бы допускать наличие некоторого люфта между образованием и практикой. Последняя меняется настолько стремительно, что образование не успевает за ней, это вызывает недовольство отрасли вузовским «продуктом».

Принципиальная проблема обучения журналистике: дать широкое, по преимуществу гуманитарное, образование и выработать практические умения. Список компетенций велик — 39 по ФГОС 2014 г. — и, как показывает опыт, труден для усвоения и конвертации их в навыки. Во всяком случае, четыре года явно не хватает для их освоения. Не случайно бакалавры одной из основных причин поступления в магистратуру нередко называют такую: «Нам не хватило учебы, практики, общения...» Добавлю: социализации в самом широком смысле этого слова. Без жизненного опыта (сколько уже перьев по этому поводу переломано!) рассчитывать на достаточное освоение профессии журналиста, по меньшей мере, наивно. Хорошо забытый опыт советской школы журналистского образования в той его части, когда принимали на факультет только лишь после двухгодичного производственного стажа (независимо от отрасли), похоже, не вернуть. Хотя в Швеции, например, в школы журналистики и сейчас поступают не сразу по окончании средней школы, но лишь после двух лет практической работы.

Отрасль требует ремесла, а педагогическое сообщество — исполнения общественной миссии журналистики. Нет причины вновь возвращаться к известному заявлению чиновника от Минсвязи Алексея Волина, заявившего, что никакой миссии у журналистики нет. Его тезис разделяет значительная часть медийных менеджеров. Категорически не согласна большая часть преподавателей журналистики.

Факультет нередко дает не то, что требует отрасль, а то, что знает штатно работающий преподаватель. Со стороны можно приглашать только волонтеров, не интересующихся денежным содержанием, так как повсеместная оптимизация расходов не позволяет достойно оплачивать труд приглашенных. Возможно, это

обстоятельство не для всех вузов характерно. Но факт остается фактом, сигналы поступают из разных образовательных локаций.

Изменение характера труда в СМИ. Многоплатформенность, интенсивность, производительность, универсальность сформировали новый тип журналиста задолго до появления компетентностного подхода. «Фордизация» профессии, т. е. сведение ее к набору последовательных стандартных процедур, — явление едва ли не повсеместное. Следовательно, набор основных технологических приемов для работы на имеющихся в регионе платформах студент осваивает по умолчанию, практикуясь в реальных медиа. За факультетом остается право развивать умения наблюдать, расспрашивать, анализировать, грамотным русским языком выражать нетривиальные мысли по поводу всего, что представляет общественный интерес. Но этого мало. Императив Александра Гордона: «Если есть что сказать — говори!», адресованный студентам журфака, сегодня явно недостаточен. Важно, чтобы услышали, прочли, увидели. Чтобы нашлись люди, которых это занимает, интересуется, волнует, раздражает, развлекает, наконец.

Еще одна «заповедь» от замминистра Алексея Волина: «*Писать так, чтобы тебя читали*». Следование такой парадигме приводит к некоторым крайностям. Можно провоцировать пользователя чем угодно, чтобы добиться желанного количества кликов. Юрий Лоза попал в повестку интернет-СМИ по одной простой причине: начал рушить авторитеты в области поп-музыки. Досталось от него многим, в том числе и ливерпульской четверке Beatles, о которых он нелестно выразился в своих комментариях. Негодование поклонников вылилось в мощный трафик. Если так монетизируется контент, то суть профессии исчезает. И знать об этом следует всякому выпускнику, хотя соблазну получать все больше пользователей трудно противостоять.

Приобретение собственных источников. Опытный менеджер, принимая на работу, интересуется не только бэкграундом соискателя рабочего места, но и тем, что он принес в качестве портфолио. Журналист богат своими источниками информации. Их набор, эксклюзивность, компетентность, доступность существенно повышают капитализацию наемного журналиста, равно как и наличие собственной аудитории (имеется в виду достаточное количество уникальных пользователей персонального ресурса и соответствующий трафик). Человеку с собственными источниками и аудиторией руководитель СМИ всегда окажет предпочтение при найме на работу. Более того, по тому, о чем и как пишет заявитель в Интернете, редактор сам может судить о способностях аппликанта.

Учету рыночных обстоятельств, в которых действуют современные СМИ, а также *монетизации* собственного контента научиться можно только на практике. На журфаках этого пока не преподают, тогда как в реальной жизни «медиакликательность» — один из главных критериев успешности журналиста. От количества заходов на сайт и перепостов его публикации в существенной мере зависит размер гонорара.

Журналист — это и есть медиа, т. е. средство, которое выступает одновременно (совершенно по Маклюэну) и сообщением. Если признать это за факт, то обучение должно меняться в сторону *студентоцентричности*, а учебный

и главное — воспитательный процесс (совсем забытый термин) выстраиваться таким образом, чтобы студент начинал ощущать себя многофакторным, многоцелевым инструментом, разносторонним субъектом информационного обмена. «Рюкзак репортера», который показывали деканам факультетов российских вузов в Швеции в мае 2013 г., сегодня уже являет собой подустаревшее представление о сути журналистской работы. Набор используемых инструментов и технологий увеличивается, усложняется и одновременно упрощается с каждым годом, если не месяцем. Вузам не справиться с таким цунами технологических инноваций. Поэтому все более важной становится задача профориентационная, которую следует, видимо, решать таким образом, чтобы уже в школе будущие абитуриенты осваивали технологии видео-, фотосъемок, монтажа, инфографики со всеми вытекающими из этого возможностями для создания информационного продукта. Потому как, возвращаясь к Болонской системе, четырех лет на это не хватит.

Участие в конкурсах. При всем скептическом отношении к огромному числу состязаний в области журналистики, как на федеральном, так на региональном и локальном уровнях, эти competitions — необходимый компонент учебного процесса. Здесь студент получает апробацию сделанного своими руками, поверяет свои практики мнением профессионалов, удовлетворяет собственные творческие амбиции, без которых трудно чего-либо достичь в любой области. А в журналистике тем более. Или, наоборот, терпит поражение, но получает при этом суровую оценку, тем самым пересматривая собственные представления о самом себе. Это еще один важный фактор социализации, которой так не хватает бакалаврам.

Ежегодно выпускники журфака УрФУ готовят альманах «Автограф», где они рассказывают о себе, сокурсниках, факультете и преподавателях, размышляют о профессии. Подобная саморефлексия представляет собой *персонифицированную форму медиакритики*. В этом жанре пробовать себя студенту не менее полезно, как и во всех остальных.

Методы проектного обучения получают повсеместное распространение. Однако самостоятельные проекты на журфаках: создание модели издания, пилотный образец программы, специального репортажа с использованием всех возможностей современных технологий — следует заканчивать обязательным опубликованием. Если проект не имеет выхода на публику — в СМИ, сети, блоги, онлайн-платформы, то его создатель лишь прикрывается творчеством от реальности. Проверка аудиторией, профессионалами, экспертами не только эффективный способ оценки творения, но и мощный социализирующий фактор.

Практика — сквозная идея журналистского образования. Чтобы научиться писать, надо писать. Чтобы научиться снимать, надо снимать. А также интервьюировать и т. д. Все письменные работы с необходимостью предполагают включение профессиональных процедур журналистской работы. Пишешь эссе — обязательно включи самостоятельно взятое интервью с персоной, имеющей отношение к теме. В качестве обязательных компонентов курсовой, реферата, выпускной квалификационной работы — интервью, анализ практики журналистов, изучение документов.

Проведение *письменных работ* по большинству дисциплин. В обучении журналистике, как одному из способов репрезентации реальности, участвуют

и другие дисциплины. Литература — с отражением реальности художественными методами. Философия — с мыслительными аналитическими процедурами. Культурология, психология и далее по списку — со своим инструментарием, которым хотя бы отчасти должен научиться пользоваться бакалавр. Обучение необходимо сопровождать написанием эссе с использованием методологических подходов этих дисциплин, что требует перестройки способа их преподавания. Выпускник журфака — продукт коллективный, но не все в этом коллективе знают свое место и думают о конечном результате. Отдельные преподаватели литературы понимают сомнительность возможности освоения большого массива художественных текстов и позволяют студентам углубиться в творчество одного из авторов. Отчетность — эссе, но с применением всех инструментов биографического, исторического, филологического анализа, что в итоге развивает профессиональные способности студента. Обучение исследовательским навыкам, существующим в естественно-научных и гуманитарных дисциплинах, расширяет аналитические возможности обучающегося журналистике [4, 76]. На встрече со студентами УрФУ помощник президента России Андрей Фурсенко произнес: «Сегодня размываются границы между различными уровнями образования, различными подходами к нему. Лейблы из разряда “я прошел такой-то уровень обучения” потихоньку становятся все менее значимыми по сравнению с багажом знаний и навыков. Более того, сегодня важно иметь не просто набор знаний и навыков, а владеть методологией их использования — применения на практике» [3].

Постоянное сотрудничество в СМИ. Банальное, но, увы, необходимое условие поддерживать на соответствующем уровне профессиональную форму. В эпоху все усиливающейся политической, экономической, собственнической цензуры необходимо, чтобы студент понимал, в каких условиях сегодня работают средства массовой информации. Не задерживался на уровне подросткового максимализма в оценке окружающей действительности, а осознавал возможности данного СМИ «здесь и сейчас», в рамках сложившегося соотношения сил, и, следовательно, находил оптимальные способы реализации сути профессии.

Включение в учебный процесс не менее двух месяцев итоговой практики, если мы хотим, чтобы наши выпускники находили и получали достойное рабочее место. Опыт советского журналистского образования, например, на журфаке Уральского университета, показывает, что последняя практика в течение трех с половиной месяцев, как правило, определяла профессиональную судьбу выпускника еще до получения диплома. Надо ли говорить, что такого времени будет достаточно для освоения и формата СМИ, и решения вопроса с трудоустройством.

При всей очевидности этих предложений остается одна проблема: как преодолеть (или принять?) все более формализующиеся требования учебного отдела вуза? Переход на двухуровневую систему сопровождается унификацией учебного процесса, видимо, ради отчетности перед органами управления образованием. Она обусловлена, с моей точки зрения, *разницей в целеполагании* контролирующих и обучающих структур. И как результат — снижение важности и значимости собственно учебного процесса. Если добавить к тому приоритеты менеджеров от образования по части критериев оценки деятельности вузов, то история

становится еще забавнее. Из обучающего вуза всеми силами стараются сделать научно-исследовательский. Учебный процесс превращается в факультативное занятие: грантов не приносит, государственных субсидий тоже. (Инженерные направления подготовки не в счет.) Вузовский менеджмент — за *монетизацию* образования, а факультеты — за качество подготовки. Так снова расширяется люфт между качеством «продукта» и запросами отрасли.

Степень «свирепости» требований к документационному обеспечению учебного процесса, конечно, различается от вуза к вузу. Но технократические тенденции в высшем гуманитарном образовании настолько очевидно вредны, что не говорить об этом уже нельзя. Например, все настойчивее внедряется так называемый «независимый контроль». Но работодатель и есть тот самый независимый контролер. Занимаясь кадровой селекцией, он сразу определяет, чего стоит обучающийся журналистике или выпускник журфака, без тестов и прочих проверочных методик для определения «остаточного знания». Или еще одна новация — дистанционное обучение. Но как научить студента профессиональным журналистским навыкам на расстоянии [6]? Такая метода поощряется и включается в список достижений педагога при определении размера стимулирующей надбавки. Тогда как в журналистике так называемая «контактная» форма обучения — едва ли не единственно эффективная.

Эти и многие другие «затруднения» журфаки решают самостоятельно, в зависимости от индивидуальной способности договориться с вузовским менеджментом.

Завершая рассуждения о журналистском образовании, представляется вполне уместным вспомнить известный императив советского писателя Юрия Олеши: «Ни дня без строчки!»

1. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

2. Дебре Р. Введение в медиалогию. М., 2010.

3. Никульников Э. Андрей Фурсенко: «Нужно иметь не набор знаний, а методологию» // Уральский федеральный. 2016. № 22.

4. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М., 2014.

5. Подлинная история «Ленты.ру», рассказанная ее создателями / Г. Тимченко, А. Носик, И. Колпаков и др. М., 2015.

6. Тулунов В. В. О вузовском журналистском образовании // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 3. С. 7–13.

Статья поступила в редакцию 09.09.2016 г.

УДК 654.172 + 316.774:654.1 + 659.1

Л. Н. Федотова
И. А. Красавченко

ДВЕ СТРАНЫ — ДВА ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Статья основана на сравнительном анализе объемов содержательных блоков телепередач двух крупнейших отечественных телеканалов в динамике: в 1990 г. (СССР) и 2015 г. (Россия). Цель — выявление некоторых тенденций вещательной политики этих каналов. Результаты свидетельствуют об увеличении новостного контента и кинопоказа, появлении в эфире религиозных программ, заметном сокращении передач, удовлетворяющих интересы не массовых, а более узких, «нишевых» аудиторий. Телеэфир сегодня остается полем напряжения, где сталкиваются интересы общества, государства, производителей контента и рекламодателей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: телевидение; программная политика телеканалов; типы передач; реклама.

В данной статье речь идет о двух срезах телевизионной ситуации: в СССР образца 1990 г. и в России через четверть века — в 2015 г. Уникальность анализа состоит в том, что он базируется на материалах 1990 г., когда в рамках научно-исследовательской программы на кафедре телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ¹ был осуществлен замер объемов основных содержательных блоков телепередач первого и второго каналов Центрального телевидения². Таким образом, мы имеем основу для сравнения; возник своеобразный динамический ряд,

¹ Руководитель программы — Л. Н. Федотова, ведущий исполнитель — И. А. Красавченко.

² Мы не оперируем здесь исторически сложившимися названиями этих каналов, так как они в рассматриваемый период менялись.

ФЕДОТОВА Лариса Николаевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (e-mail: Fedotova117437@mail.ru).

КРАСАВЧЕНКО Ирина Анатольевна — старший научный сотрудник кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (e-mail: i_krasavchenko@mail.ru)

© Федотова Л. Н., Красавченко И. А., 2016

который позволяет нам с помощью метода, использованного в ходе исследования, обнаружить основные тенденции развития телевидения (или отсутствие таковых).

Почему мы обобщаем свои выводы, сделанные на основе анализа двух этих каналов, вплоть до идентификации их со всей телевизионной ситуацией?

Отдавая должное сегодняшнему разнообразию телевизионного *предложения* для среднего российского телезрителя (кабельное телевидение, специализированные каналы типа «Культуры», местные каналы, спутниковое телевидение), мы констатируем, что как *по критериям доступности телевизионного сигнала* на территории страны, так и *размерам реального потребления этих каналов аудиторией*, зафиксированных в ходе многочисленных социологических опросов и в ходе электронных замеров реального потребления телеканалов, именно эти каналы не имеют конкурентов. И в этом смысле справедливо утверждение: скажи мне, что идет сегодня по первому и второму телеканалу, и я скажу, каково телевидение в нашей стране.

В ходе своего анализа мы опирались на подсчет объемов вещания по определенным категориям содержания на основании *телепрограмм*, опубликованных в специализированной прессе.

Это заставляет сразу прояснить ситуацию с рекламой. Однозначно ее не было в 1990 г. В конце 1991 г. СМИ получили право на распространение рекламы. И это означало фундаментальный, революционный сдвиг в телевизионной политике. Сейчас реклама — необходимая экономическая составляющая телевидения. Жесткая экономическая логика диктует свои правила. Появившись на телевидении, реклама перестраивает логику его вещания в соответствии с коммерческой логикой, независимо от того, к какому типу по форме собственности относится каждый конкретный телеканал.

Размещение рекламы считается эффективным, если при равных бюджетах охватывается максимально возможное число зрителей из заданной целевой группы. Рекламодателю выгодно размещать рекламу на тех каналах, которые имеют большую аудиторию, т. е. высокорейтинговых. Единственное ограничение вводится законом о рекламе 2006 г. [7]. Ее должно быть не более 20–15 % (для разных телевизионных программ) от общего объема вещания. Реально телепрограммы не «улавливают» рекламу (в том числе и анонсы). Она, как известно, идет в рекламных паузах, в межпрограммном пространстве, в виде баннера в нижней части кадра, в титрах и т. п.

Не можем не сказать, хотя это осталось за пределами возможностей нашего метода, о влиянии рекламы на содержание передач, их формат, поведение телеведущих и т. п. Мировая профессиональная мысль, в том числе и российская, много и эмоционально рефлексировала по этому поводу [2, 4, 6, 10].

Телепрограммы, опубликованные в специализированной прессе, являются своеобразным навигатором для аудитории. Но мы хотели бы углубить разговор о них двумя теоретическими посылами. Эволюция взаимоотношений средств массовой коммуникации со своим потребителем состояла в том, что такая родовая их характеристика, как *массовость*, претерпела за века существования института средств массовой коммуникации (СМК) значительные изменения.

Можно говорить, что она существует сегодня как тенденция, а реальное существование массовых коммуникаций является в некотором смысле преодолением самой этой характеристики — *массовый*. Действительно, на протяжении истории развития СМК в их контенте все больше воспроизводились наиболее важные ценности межличностной коммуникации, в частности, шла активная индивидуализация потребления; выбор аудиторией отдельных информационных каналов, сообщений все больше осуществлялся *по интересам*.

Это началось еще тогда, когда к исторически привычным газетам и журналам прибавилось радио, стало приобретать черты популярного источника телевидение. Местные радиостанции и телестанции, по сравнению с национальными сетями, уже отличались более специализированной аудиторией. Такая же картина наблюдалась на тот период и в журнальном мире: массовые национальные гиганты вынуждены были приостанавливать свои издания, пока не исчезли совсем, журналы же, обслуживающие специальные интересы аудитории, укрепляли свои позиции. Сам характер финансовой поддержки подсказывает в данном случае направления массовым коммуникациям, которым они должны следовать, чтобы сохранить эту поддержку: развитие все более специализированных видов рекламы означает, что массовые коммуникации должны ориентироваться на те слои аудитории, на которые рассчитана данная реклама, и наоборот. Реклама в данном случае становится одним из факторов продолжающейся специализации коммуникаций. Уже внутри информационных каналы стали строить свою политику, максимально адаптируя свой контент к разным аудиторным группам, — отсюда рубрики, отсюда жанры, рассчитанные на разность восприятия, как по степени образованности, так и по степени выраженности интереса; в анонсах своих передач радио и телевидение максимально адресно обозначают аудиторию, на которую, по мысли коммуникатора, направлены те или иные передачи. Собственно, рейтинги показывают, что только наиболее массовые передачи покрывают всю аудиторию, далее начинает срабатывать индивидуальный выбор.

С этим связано еще одно обоснование важности такой навигации для населения. Известно из теории коммуникации, что собственно коммуникативной стадии, когда человек берет в руки газету или включает определенный телеканал, предшествует стадия *докоммуникативная*, во многом влияющая на исход коммуникативной, а иногда и на сам факт ее осуществления. Более того, многие исследователи склонны считать началом коммуникации не собственно взаимодействие индивида с информационным источником, а появление у человека своеобразного *напряжения*, когда им осознаются ориентированные на СМК потребности. Кстати, именно в этом заключается сложность изучения данного процесса, поскольку реально исследователь имеет дело с потребностью лишь, так сказать, на ее «верхних», осознанных этажах.

Обычно в докоммуникативной стадии выделяют объем жизненного багажа, с которым индивид подходит к любому новому явлению в его жизни; характер жизненных стереотипов; влияние (и давление) внешнего окружения [8, 162–175]. Ведь известно, что информация СМК, как и все, что приходит из внешнего мира, попадает сначала на матрицу культуры, своеобразный экран, созданный

предшествующим бытованием индивида в лоне определенной культуры. В этом плане на факт коммуникации влияет и объем предшествующего опыта общения индивида непосредственно с СМК. У человека есть потребности, которые он может (или не может — во многом по законам вероятностной, стохастической природы массовой информации) удовлетворить с помощью СМК. И человек реагирует на информационное предложение, прежде всего производя его маркировку³.

Конечно, названия передач не всегда впрямую говорят нам о сути содержательного наполнения, но все-таки расстояние между их названием и их функциональным срезом не очень велико. В современных информационных каналах традиционно сложились определенные способы, формы подачи материала, как бы олицетворяющие собой *информирование, воспитание, развлечение, коммуникацию* и *утилитарно-прагматическую* функцию. Сам этот набор может отличаться у разных исследователей (это всегда их конвенциональное решение), но все же существующие типологии материалов информационных каналов работают чаще всего именно с такими фундаментальными характеристиками. Это тот случай, когда мы имеем дело с *называнием* мира реальностей, как он отражается в сконструированных телевизионных форматах. И тут и то, и другое в совокупности (или то и другое в отдельности) помогает сопоставить предлагаемое с нашими потребностями и в итоге сделать выбор.

Нужно заметить, что журналистика работает по созданию многофункциональных текстов: зачастую даже простое информирование, т. е. выбор *факта*, подразумевает оценку, формирование отношения: вспомним освещение украинских событий российским телевидением.

Но и аудитория нацелена на полифункциональность текстов. Сохранились эмпирические свидетельства этого обстоятельства. Так, даже просмотр новостных телепрограмм является таковым. В ходе исследования были зафиксированы следующие ответы респондентов: «я смотрю теленовости [sic!], чтобы быть в курсе злободневных фактов и событий» — 4,46 балла (оценка выставлялась по пятибалльной шкале, где 5 баллов означали, что данное мнение полностью разделяется, а 1 балл — что оно совсем не разделяется); «я смотрю телевизионные новости, поскольку это помогает мне сформировать отношение к важнейшим событиям дня» — 3,38; «я смотрю ТВ-новости для отдыха и развлечения» — 2,84; «я смотрю новости, чтобы потом было о чем поговорить с друзьями и знакомыми» — 2,62; «я смотрю новости потому, что комментаторы и репортеры придают факту человеческое отношение» — 1,34 [11].

Журналисты, ко всему прочему, видят в этом расширении палитры способ подключения к происходящему разных групп, с разным семиотическим уровнем, с разными ценностными ориентациями, с разными ожиданиями и т. п.

³ В связи с этим хочется вспомнить расхожие сетования социологов, когда они, желая уличить респондента в недобросовестности, вставляют в список телепередач, мнение по поводу которых они хотят узнать, несуществующие передачи. Но то, что и эти передачи находят своих приверженцев, скорее подтверждает нашу логику: у людей есть опыт общения с разными телеканалами, они имеют свой семиотический словарь для обозначения телепродукции, ее маркировки, а эта практика не беспредельна, тут возможны аналогии, повторы и т. п.

Именно поэтому известную трудность представляло отнесение конкретной передачи к тому или иному типу в соответствии с классификатором. Определенные типы передач могут встречаться в чистом виде, но реже, чем смешанные. В одной передаче могут присутствовать функции информирования, развлечения, убеждения, образования... Она может касаться разных тем — от личной жизни человека до международной политики. По форме это может быть и «классическая» передача (например, «Пока все дома»), и столь распространенные в последнее время ток-шоу (например, «Пусть говорят» или «Время покажет»). Поэтому было принято решение относить передачи к определенному типу по преобладающей характеристике, например, адресная направленность (молодежные передачи). В любом случае исследователь тут выступает как эксперт, не понаслышке знакомый с анализируемым эфиром.

Итак, в ходе исследования анализу подвергалась опубликованная программа передач, а не реальное наполнение телеканалами своих передач, хотя, как известно, дьявол проявляет себя в деталях...

Единицей счета являлось эфирное событие (передача, фильм; каждая серия сериала считалась отдельным эфирным событием, так как распространенной является ситуация, когда несколько серий следуют одна за другой, особенно в выходные и праздничные дни). Хронометраж передач не учитывался. Ведь сегодня практически любая передача содержит рекламный блок, и если бы мы учитывали ее хронометраж по программе, объем содержания автоматически увеличивался бы за счет этой рекламы, что было бы по меньшей мере искажением картины вещания.

Посмотрим, как были представлены в эфире двух центральных телеканалов передачи разных типов в 1990 г. (табл. 1).

Таблица 1

Доля передач разных типов на каждом из центральных телеканалов в январе — феврале 1990 г., % к общему числу программных эфирных событий

Тип передач	1-й канал	Ранг	2-й канал	Ранг
1. Информативные	45	1	40	1
Новости, актуальные репортажи	10		4	
Передачи о внутренней политике, экономике	4		9	
Передачи на международные темы	2		2	
Передачи для молодежи	2		4	
Научно-познавательные передачи	5		3	
Передачи на морально-правственную тему	1		5	
Передачи с инструкциями, советами, консультациями «личного употребления»	1		—	
Документальные фильмы	7		13	
Передачи синтетического информационно-развлекательного типа	1		—	
Другое	12		—	

Окончание табл. 1

Тип передач	1-й канал	Ранг	2-й канал	Ранг
2. Художественно-культурологические	34	2	29	2
Культурологические передачи о различных видах искусства с фрагментами произведений искусства	5		2	
Кинофильмы, телефильмы	21		19	
Драматические спектакли, телеспектакли	1		2	
Народная музыка, танцы, песни	3		2	
Классическая музыка, опера, балет	4		4	
3. Развлекательные (эстрадные передачи, концерты, юмористические передачи, конкурсы, викторины)	9	3	4	5–6
4. Спортивные	3	5	11	4
5. Учебные	—		12	3
6. Передачи для детей	8	4	4	5–6
7. Религиозные	—	7	—	7
В целом	100		100	

Итак, как мы видим, основные передачи на каналах тождественны. 79 % на первом канале и 69 % — на втором составляли информативные и художественно-культурологические передачи, среди последних в основном кино- и телефильмы. Мировая практика говорит, что это обычное меню современного телепотребителя (иногда в исследованиях передачи меняются местами)⁴. Из оставшихся телепередач на первом канале доминируют развлекательные и передачи для детей; на втором — учебные и спортивные.

И все-таки есть нюансы. В основном это касается информативных передач. Если первый дает больше новостей, то на втором более заметны аналитические передачи (о внутренней политике, экономике); больше здесь передач, адресно закрепленных за молодежью, передач на морально-нравственную тему; почти вдвое больше документальных фильмов.

Посмотрим, какие изменения произошли в эфире центральных телевизионных каналов России к 2015 г. (табл. 2). О самом существенном мы уже сказали. Россия с начала своего современного существования делала попытку встать на рыночные рельсы, и самым видимым результатом этого стала реклама, которая, в полном соответствии с мировыми тенденциями, освоила наиболее массовые информационные каналы — телевидение, печать, радио.

⁴ В статье «Телевизионное пространство глобального мира» крупный специалист в области исследования телевидения В. П. Коломиец приводит результаты исследования «Eurodata TV», проведенного в 2000 г. и охватывающего 64 территории по всему миру с генеральной совокупностью в 1242 млн человек. В целом анализ показал, что кинопоказ (включая сериалы) в то время был лидером среди жанров — 44 %, значительную конкуренцию ему составляли развлекательные программы — 30 %, причем популярность их росла наиболее быстрыми темпами, на третьем месте были новости — 18 %, 7 % имели спортивные программы. В России самую большую аудиторию собирали фильмы (по своим параметрам эта аудитория практически совпадала с характеристиками населения в целом) — 70 %. На втором месте — развлекательные программы, по показателям близкие к кинопоказу. Новости также были весьма популярны, причем 74 % опрошенных смотрели новостные программы каждый день, а 88 из них — не по одному разу [1, 29].

Таблица 2

Доля передач разных типов на каждом из центральных российских телеканалов в январе — феврале 2015 г., % к общему числу программных эфирных событий

Тип передач	«Первый»	Ранг	«Россия 1»	Ранг
1. Информативные	71	1	54	1
Новости, актуальные репортажи	25		33	
Передачи о внутренней политике, экономике	1		0,8	
Передачи на международные темы	0,2		2	
Передачи для молодежи	0,6		0	
Научно-познавательные передачи	4		4	
Передачи на морально-нравственную тему	19		3	
Передачи с инструкциями, советами, консультациями «личного употребления»	11		3	
Документальные фильмы	4		5	
Передачи синтетического информационно-развлекательного типа	6		3	
Другое	—		—	
2. Художественно-культурологические	20,2	2	31	2
Культурологические передачи о различных видах искусства с фрагментами произведений искусства	0		0	
Кинофильмы, телефильмы	19,7		31	
Драматические спектакли, телеспектакли	0		0	
Народная музыка, танцы, песни	0,5		0	
Классическая музыка, опера, балет	0		0,1	
3. Развлекательные	5,4	3	11	3
Эстрадные передачи, концерты	1,5		3	
Юмористические передачи	0,4		6	
Конкурсы, викторины	3,5		2	
4. Спортивные	0,1	6	0,1	6
5. Учебные	0	7	0	7
6. Передачи для детей	2,3	4	3	4
7. Религиозные	0,8	5	0,7	5
Всего	100		100	

Появившаяся на телеканалах реклама требовала введения в программу дополнительных стимулирующих аудиторию содержательных пластов. В связи с этим произошло *увеличение новостного контента* (26 % — на «Первом канале»

и 34 % — на канале «Россия 1»⁵; *показов кинофильмов* — на канале «Россия 1» почти вдвое. Наметившаяся уже в 90-е гг. и продолжающаяся до сих пор клерикализация общества нашла отражение в том, что в эфире появились религиозные программы.

За счет чего это происходило? Мы видим уменьшение спортивных передач — и это понятно: появились специализированные телеканалы с такой тематикой. Резко уменьшился объем детских передач, что вызвало озабоченность общественности. И сигнал этот услышан: при всеобщей цифровизации страны детский канал войдет в так называемый «социальный пакет» — набор каналов, бесплатное распространение которых должно гарантироваться всем гражданам (канал «Культура», детско-юношеский телевизионный канал, «Спорт», «Первый канал», «Петербург-5 канал», Российский информационный канал (РИК), ВГТРК, телеканал НТВ). Перечень общероссийских обязательных общедоступных радиоканалов включает «Вести ФМ», «Маяк» и «Радио России». Классическая музыка, опера, балет в наше время имеют крайне малый объем: на «Первом» таких передач в исследуемый период не было вообще, на «России 1» — 0,1 %. А в 1990 г. на эту группу передач на данных каналах приходилось по 4 %. В большем объеме была представлена народная музыка — 3 % и 2 % соответственно. Были и культурологические передачи о различных искусствах с вкраплениями фрагментов произведений этих видов искусств — 5 % и 2 % соответственно.

Из эфира исследуемых российских телеканалов исчезли учебные передачи, но есть научно-познавательные — 3,8 % на «Первом» и 6,6 % на «России 1». На «Первом» эту группу в основном составляют передачи «Здоровье» и «Человек и закон», набор «России 1» разнообразнее: это рубрики «Моя планета», «Наука 2.0 представляет», передачи «Диалоги о животных», «Планета собак» (как правило, на «России» такого рода передачи выходят в утреннем эфире и затем повторяются в ночном).

Хотелось бы выделить передачи с инструкциями, советами, консультациями «личного употребления». Мы их назвали так. Это передачи с сильной прагматической составляющей, которая является весомым стимулом для потребления аудиторией. На волне перестройки внимание к повседневным нуждам «простого» человека увеличилось. В 1990 г. доля таких передач составляла 7 % на первом, 13 % на втором каналах. В исследуемый период — уже в наши дни — внимание российских телеканалов к этой проблематике несколько перераспределилось: это уже 11 % на «Первом» («Модный приговор», «Жить здорово», «Контрольная закупка», «Фазенда» и др.) и всего 3,5 % на «России 1».

В целом набор самих форматов на российских телеканалах стал более разнообразным. Появились передачи, которые мы назвали синтетическими информационно-развлекательными, — выходящие в будни «Утро России» и телеканал «Доброе утро» на «Первом», развлекательные ток-шоу типа «Вечерний Ургант».

⁵ При этом на «Первом канале» новостные выпуски в будние дни выходят 6 раз (9.00, 12.00, 15.00, 18.00, между 23 и 24 часами и поздней ночью — 3.00) плюс программа «Время». На канале «Россия 1» «Вести» выходят в 11.00, 14.00, 17.00 и 20.00; «Вести-Москва» — 3 раза и «Вести. Дежурная часть» — в 14.50, выпуск которых обычно повторяется поздним вечером или ночью.

Благоприятную оценку прессы и аудитории получили конкурсы «Большая опера», «Большой балет», «Большой джаз». Отметим конкурсы и викторины: на «Первом» — передачи «Кто хочет стать миллионером?», «Угадай мелодию», «Голос»; на «России 1» — «Сам себе режиссер», «Танцы со звездами», «Один в один», «Сто к одному».

Передачи на морально-нравственную тему составляют ударный блок «Первого канала» — 19 %. По форме и по содержанию они могут очень отличаться друг от друга, но ведущей целью остается выработка или фиксация позиции по отношению к кому-то/чему-то: хорошо — плохо, дозволено — не дозволено⁶. Среди этих передач и «Пусть говорят» (очень востребованный формат, на «России 1» недавно появился «двойник» — «Люди рассудят»), и «Сегодня вечером» с Андреем Малаховым, и «Наедине со всеми», и «Мужское/женское», и «Время покажет», и «Давай поженимся» и др. На «России 1» количество таких передач — 3 %.

Отметим, что сегодня телеэфир остается полем напряжения, где сталкиваются интересы общества, государства, производителей контента и рекламодателей.

Стремясь получить как можно больше рекламных денег и выстраивая программную политику «от рейтинга», телеканалы теряют одну часть аудитории, а по отношению к другой «играют на понижение», закрепляя привычку к типовому продукту не самого высокого качества⁷.

Остаются неучтенными интересы более узких аудиторий. Так, передачи об искусстве далеко не всегда имеют высокие рейтинги. Но, например, рейтинг в 0,5 % означает, что передачу посмотрело примерно 750 тыс. человек. Если столько собрала трансляция балета, то ее одновременно посмотрело людей больше, чем за целый сезон в Большом и Мариинском театрах вместе взятых.

У государственного телевидения (а телеканал «Россия 1» — государственный и 51 % акций «Первого канала» также принадлежит государству) есть обязанности перед своими гражданами-налогоплательщиками. Программа государственных каналов должна включать все функции телевизионного вещания: информационную, культурно-просветительскую, интегративную, социально-педагогическую, организаторскую, образовательную и рекреативную. Согласно лицензионным обязательствам — документу, без которого лицензия на вещание не выдается, в эфире должны быть представлены образовательные, научно-популярные, культурно-просветительские, детские и другие типы программ. Но, по свидетельству автора статьи «Кому и за что мы платим, или Заметки разгневанного налогоплательщика» А. Степанова, сами лицензионные обязательства «скрыты за семью печатями, и получить их в руки не только простому гражданину, но даже

⁶ Мы отдаем себе отчет в методической нечеткости этого критерия. Тем более что зачастую — особенно во время украинского кризиса — такие передачи были посвящены целиком политике. Но без контент-анализа конкретных передач невозможно было определить объем передач в целом. По сути, следовало бы оперировать двойными связями: каждую из форм детализировать с точки зрения содержания.

⁷ Руководители телеканалов это отлично понимают. Вот только две фразы из интервью Константина Эрнста: «У нас на протяжении трех сезонов выходил канал “Новый день”, ориентированный на умных людей. Но цифры были таковы, что медиаселлер рекомендовал для размещения рекламы пива поставить продукт с более высоким рейтинговым потенциалом. Более продвинутая, интеллектуальная аудитория телевидением уже вообще не интересуется» [3].

официальным лицам удается далеко не всегда» [5, 137–140]. Так что можно лишь предполагать, насколько велико расхождение между обязательствами каналов и реальностью. И, похоже, за 15 лет, прошедших со времени публикации этой статьи, кардинальных изменений не произошло.

В 2004 г. неформальная группа «Медиалаборатория» при организационной и финансовой поддержке некоммерческой организации «Internews» провела исследование для того, чтобы выяснить степень напряжения между обществом и телевидением [9]. Полевую фазу исследования осуществляла компания «GFK-Русь», используя вопросы, составленные исследовательской группой. В исследовании принимали участие, с одной стороны, обычные зрители, а с другой — эксперты. Исследование сочетало в себе два метода — массовый опрос (было опрошено 2200 человек, репрезентирующих население России, как городское, так и сельское, в возрасте от 16 лет и старше) и процедуру экспертной оценки. Последняя проводилась среди двух групп экспертов — руководителей двенадцати крупнейших московских телевизионных каналов (по одному с каждого канала) и двенадцати общественных экспертов, представляющих различные сферы деятельности: политику, экономику, науку, религию и др. Такой выбор позволил понять, в чем различаются позиции руководителей телевидения, широко известных авторитетных граждан и населения в целом. Один из самых существенных выводов исследования: «драматическое несовпадение» оценок проблем, претензий к телевидению со стороны аудитории, внешних экспертов и руководителей каналов.

Авторы данной статьи надеются, что предпринятый ими объективный анализ количественной составляющей программной политики каналов сможет стать поводом для дискуссии.

-
1. Коломиец В. Телевизионное пространство глобального мира // *Телефорум*. 2002. № 2.
 2. Ослон А. Две стороны ТВ-медали: рейтинг и след // *Телефорум*. 2002. № 2. С. 7.
 3. Рейтинги «аншлагов» умрут. Константин Эрнст думает о зрителях лучше, чем они выглядят в телеизмерениях // *Огонек*. 2005. 17–23 сент.
 4. Соколов А. Измерение «поголовья» // *Культура*. 2000. 27 апр. — 10 мая.
 5. Степанов А. Кому и за что мы платим // *Культура*. 2001. 14–20 июня.
 6. Степанов А. Шоу у камина // *Культура*. 2001. 30 авг. — 5 сент.
 7. Федеральный Закон от 27.12.1991 г. № 2124-1 «Закон о средствах массовой информации». Ст. 36: Распространение рекламы. Распространение рекламы в средствах массовой информации осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о рекламе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html>
 8. Федотова Л. Н. Социология массовых коммуникаций: теория и практика. М., 2014.
 9. Шариков А. В. Социальная безответственность телевидения в России // *Телефорум*. 2005. № 1. С. 100–105; № 2. С. 137–140.
 10. Шариков А. Телереклама: священная корова или золотая жила? // *Культура*. 2001. 15–22 февр.
 11. Hennemigham J. Relations between TV News Gratifications and Content Preferences // *Gazette*. 1985. № 6.

Статья поступила в редакцию 13.07.2016 г.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ АВТОРА И АДРЕСАТА КРЕОЛИЗОВАННОГО МЕДИАТЕКСТА

В статье дается определение понятия «когнитивно-дискурсивная практика» и на примере анализа креолизованного текста социальной рекламы описываются принципы когнитивно-дискурсивного подхода к анализу медиатекстов. Построена интегральная фреймово-слотовая модель доминантного текстового концепта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: креолизованный текст; дискурсивная практика; когнитивно-дискурсивная практика; концепт; текстовый концепт; концептосфера текста; фрейм; слот; фреймово-слотовая модель; восприятие.

К определению понятия «когнитивно-дискурсивная практика». Согласно данным словарей, практика — «вся совокупность деятельности людей, направленной на освоение и преобразование природы и общества, составляющая движущую силу развития общества и человеческого познания» [14, 358]; «деятельность людей, в ходе которой они, воздействуя на материальный мир и общество, преобразуют их; деятельность по применению чего-нибудь в жизни, опыт» [11, 578]; «непосредственная человеческая деятельность» [4, 532]. Соответственно, интегральной семой в понятийном содержании слова «практика» является сема «деятельность». Дискурс — «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [8, 136]. При этом текст — «всякий связный знаковый комплекс» [2, 473], что же касается речи, то она представляет собой «конкретное говорение, происходящее в звуковой (включая внутреннее проговаривание) или письменной форме. Под речью принято понимать как сам процесс говорения, так и результат этого процесса, т. е. и речевую деятельность и речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом» [12, 255]. Во втором случае, если речевое произведение представляет собой «связный знаковый комплекс», мы имеем дело с текстами. Следовательно, понятия «текст» и «речь» тесно связаны: в процессе речевой деятельности происходит продуцирование текстов.

Таким образом, в широком смысле дискурсивная практика (далее — ДП) — это речевая или текстовая деятельность, т. е. деятельность по продуцированию и восприятию речи, предполагающая производство и восприятие текстов. Подобным образом определяет это понятие Социологический словарь: дискурсивная

практика — «категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства» [16]. Соответственно, дискурсивное исследование предполагает целостный анализ речевых произведений (текстов) в аспекте их построения и восприятия. Э. В. Чепкина отмечает, что под ДП понимается процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса. Использование термина «дискурсивная практика» (а не «речевая деятельность»), по мнению исследователя, позволяет подчеркнуть, что речь идет о включенности индивидов в процесс коммуникации, осуществляемой ими практически — по правилам, не всегда осознаваемым на вербальном уровне [18, 8]. О. С. Иссерс говорит о ДП как о «всей совокупности сообщений» определенной коммуникативной сферы [5, 15], о «практике пользования языком» [Там же, 19], о «способе говорения» [Там же, 30] и определяет ее как «динамичную организацию коммуникативных систем внутри социума, которая, с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой — формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [Там же, 65]. Необходимо отметить, что в когнитивной лингвистике речевая деятельность изучается как «вид обработки информации и поэтому как весьма сложный и важный когнитивный процесс» [7, 165]. Обратимся к понятию «когниция».

Когниция — познание, т. е. «деятельность по получению, хранению, переработке и систематизации осознанных конкретно-чувственных и понятийных образов (или, иначе, “и систематизации полученной информации”)» [6, 236]. В. З. Демьянков и Е. С. Кубрякова определяют когнитивную деятельность как «ухватывание» и установление смысла. Результаты когнитивной деятельности могут связываться с образованием системы смыслов (концептов), мыслительная деятельность приводит к пониманию (интерпретации) чего-либо [7, 51–52]. Важнейшими процессами познавательной деятельности человека, заключающимися в осмыслении поступающей информации и структуризации знаний, являются тесно связанные процессы концептуализации и категоризации. Концептуализация направлена на выделение «минимальных единиц человеческого опыта» (концептов), категоризация — на объединение единиц, имеющих сходство, в разряды [7, 93]. То есть концептуализация представляет собой выявление концептов, а категоризация — объединение концептов в группы. Применительно к анализу медиатекстов концептуализация может заключаться в выявлении текстовых концептов и в определении их когнитивных признаков, категоризация — в ранжировании текстовых концептов и в построении фреймово-слотовой модели фрагмента действительности, сконструированного в публикации. Взаимосвязь этих процессов мы покажем далее.

На основании изложенного можно определить когнитивно-дискурсивную практику как познавательно-речевую/познавательно-текстовую деятельность, иначе говоря, — как речевую/текстовую деятельность, представляющую собой акт познания, как акт трансляции и получения знания, включающий процессы категоризации и концептуализации. Когнитивно-дискурсивная практика — это

организация структур знания в тексте (построение концептосферы текста) адресантом и их выявление и интерпретация адресатом.

Предлагаемый нами когнитивно-дискурсивный подход к анализу медиатекстов заключается в использовании комплекса исследовательских процедур: оценка практик *построения* текста осуществляется с помощью анализа смысловой структуры текста (см. о нем [10]) и его выразительных ресурсов, позволяющего построить текстовую концептосферу (выявить ведущие и второстепенные текстовые концепты) и оценить использованные автором приемы, обеспечивающие воздействующий потенциал публикации. Оценка практик *восприятия* публикации осуществляется с помощью ряда методов, одним из которых является анкетирование. В ходе анкетирования респонденты фиксируют свое понимание основной идеи публикации и выделяют элементы текста, которые произвели на них наибольшее впечатление.

Приведем в качестве примера анализ креолизованного текста социальной рекламы. Креолизованные тексты (далее — КТ) — это поликодовые тексты, составленные из знаков разных семиотических систем: вербальной, визуальной и др. (см. о них: [1, 15] и др.). Анализ медиатекстов позволил нам выделить, во-первых, интегративные КТ, в которых разнокодовые элементы равнозначны, тесно связаны по смыслу и друг без друга непонятны, а во-вторых, дискретные КТ, элементы которых имеют неодинаковое значение для выражения смысла публикации: в вербально-центрических дискретных КТ основную смысловую нагрузку несут вербальные элементы, а элементы других знаковых систем вторичны, вариативны; в визуально-центрических дискретных КТ основной смысл передают визуальные элементы, а элементы других знаковых систем имеют второстепенное значение и являются вариативными.

Социальная реклама направлена на привлечение внимания к общественно значимым проблемам. Одной из них является проблема использования насильственных методов в воспитании детей. Ее решению посвящен креолизованный медиатекст «Воспитывая детей, начинайте с себя» (рис. 1) Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (ФПД) (РИА Новости. 2014. 28 окт.).

Оценка практик построения текста — когнитивно-дискурсивных практик автора. Перед нами интегративный текст: кого автор называет «они», в чем смысл первой фразы — становится понятно только благодаря соотнесению вербальной и визуальной частей публикации. Анализ смысловой структуры позволяет ранжировать элементы текста, выделить ключевые и неключевые знаки и тем самым определить ядерную и периферийную зоны концептосферы текста. Смысловая структура данной публикации выглядит следующим образом. Фон (подводка к теме): изображение мальчика, кота и вазы (выражен визуально, эксплицитно). Главная мысль (ГМ): воспитывая детей, начинайте с себя (выражена вербально, эксплицитно). Констатирующий тезис (КТ): так как дети вырастают и становятся похожими на родителей (копируют их поведение) (выражен вербально, эксплицитно). Развивающий тезис (РТ): дети могут копировать негативные модели

Они вырастают
и становятся
похожими
на нас!

**РОДИТЕЛЯМИ
СТАНОВЯТСЯ**
продвижение
принципов
ответственного
родительства

**Воспитывая детей,
начинайте с себя!**

www.ya-roditel.ru

Рис. 1. Креолизованный текст «Воспитывая детей, начинайте с себя»

поведения родителей (тезис выражен с помощью визуального представления ситуации «воспитания» с помощью насилия: мальчик угрожает кошке ремнем за разбитую вазу). Аналитическая оценка ситуации — вывод (АОС): для получения дополнительной информации обратитесь в Фонд поддержки детей (логотип фонда, адресный блок: www.ya-roditel.ru), где вам помогут стать ответственными родителями (выражена эксплицитно и имплицитно). Композиция инверсионная.

На базе анализа смысловой структуры текста выделим основные текстовые концепты (далее — ТК). Мы понимаем ТК как фрагмент универсального концепта, представленный в тексте. ТК образуют концептосферу публикации, в которой выделяются ядро и периферия (рис. 2).

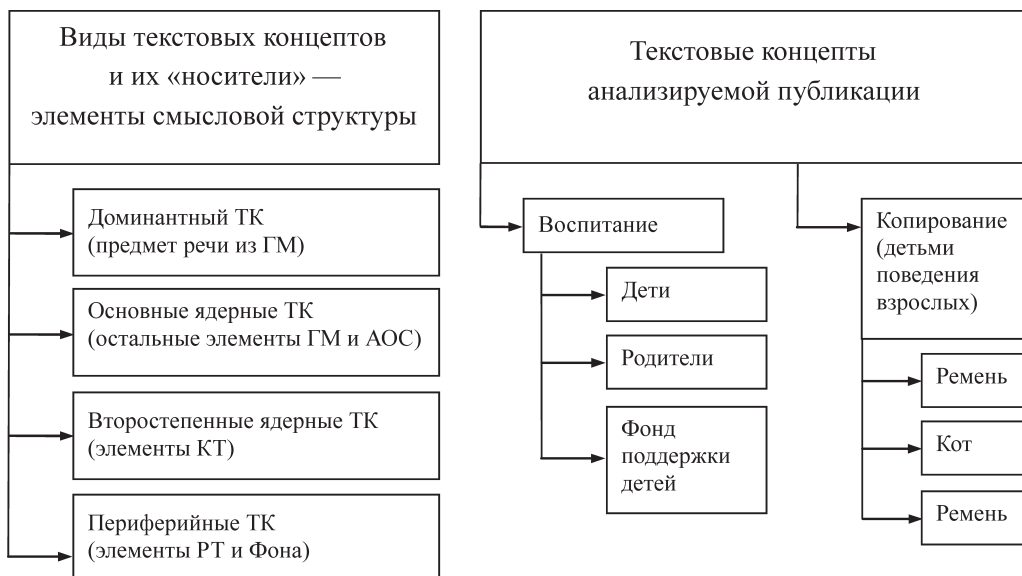

Рис. 2. Соотношение элементов смысловой структуры и текстовых концептов публикации «Воспитывая детей, начинайте с себя!»

Представим концептосферу данного текста в виде схемы (рис. 3).

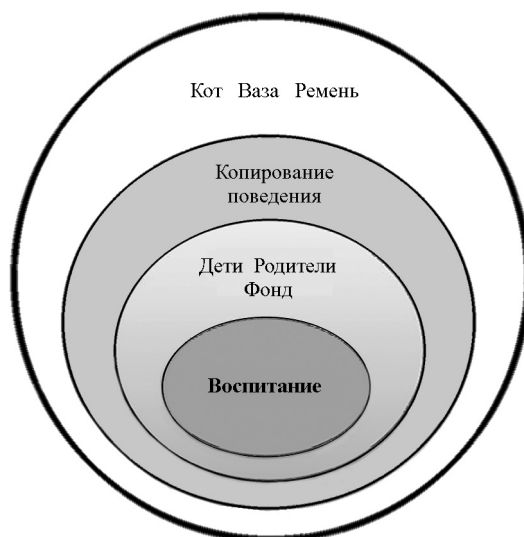

Рис. 3. Концептосфера текста «Воспитывая детей, начинайте с себя!»

Эмоционально-оценочная сторона медиатекста организована с помощью обще-текстовых выразительных эффектов напряжения и конвергенции (см. о них [9]) при взаимодействии визуальных и вербальных элементов. Эффект напряжения, отвечающий за поддержание интереса к тексту, создается композиционными приемами: 1) экспрессивным зачином (читатель сразу погружается в ситуацию и ищет ответ на вопросы, кто такие «они» и «мы», как связаны вербальная часть и изображение), 2) визуальным контрастом (детского возраста героя публикации и недетского поведения) и 3) подтекстом (дети копируют модели поведения взрослых, в том числе негативные). Эффект конвергенции, усиливающий впечатление за счет накопления одинаково «заряженных» (одноплановых) характеристик описываемого объекта или ситуации, создается композиционными и языковыми средствами: лексическими повторами («становятся», «родители» («родительство», *ya-roditel*)), восклицательными предложениями, экспрессивной концовкой, реализуемой за счет синтаксического и морфологического оформления финальной фразы в виде восклицательного предложения с императивом, ярким цветом фона, экспрессией фотографии.

Процесс восприятия может изменить «расстановки» в текстовой концептосфере, т. е. концептосфера текста с позиции автора не обязательно совпадает с концептосферой текста с позиции читателя. Кроме того, характер воздействия текста на ту или иную группу читателей может быть различным. Следовательно, важной составляющей когнитивно-дискурсивного исследования медиатекстов являются социологические методы анализа восприятия публикации, которые позволяют получить обратную связь, в результате чего становится возможным установить специфику взаимоотношений текстопостроения и текстовосприятия.

Оценка практик восприятия текста — когнитивно-дискурсивных практик адресата. К числу социологических методов, наиболее часто используемых при анализе восприятия медиатекстов, относится опрос, который имеет две разновидности: анкетирование и интервьюирование (о методе опроса см., например: [3, 13, 17, 19 и др.]). Мы использовали анкетирование для оценки степени понимания текста, определения значимости различных элементов текста для читателя, установления эмоциогенного потенциала элементов текста, выявления возможного влияния некоторых социально-демографических характеристик аудитории (возраст) на восприятие текстов СМИ.

Анкета включала прямые, открытые дефинитивные и обосновывающие вопросы о мнениях. Три вопроса являлись основными, один вопрос — фильтрующим. Вопросы анкеты:

1. Определите главную мысль публикации (о чем публикация, и что самого важного хотел сказать автор?).

2. Выделите 5–10 ключевых, наиболее значимых элементов публикации (вербальных и/или визуальных: слова, словосочетания, визуальные образы и пр.), которые, на ваш взгляд, несут основную смысловую нагрузку. *Поясните свой выбор.*

3. Испытывали ли вы эмоции в процессе ознакомления с публикацией? Если да, то *какие?* (Если публикация не вызвала эмоций, отметьте это и пропустите вопрос 4).

4. Какие элементы публикации (можно указывать и вербальные, и визуальные элементы, в том числе и те, которые отмечали в п. 2) вызвали эмоции? Почему?

В исследовании приняло участие 29 человек в возрасте от 18 до 26 лет (учащиеся и студенты). В центре внимания 49 % респондентов оказались проблемы правильного воспитания. Опрашиваемые интерпретировали ГМ следующим образом: «нужно воспитывать своим примером», «прежде воспитывать себя», «правильно воспитывать». Ответы 31 % респондентов варьировались в диапазоне от фиксации проблем, с которыми сталкиваются дети («о детях нужно заботиться», «взрослые злоупотребляют своими полномочиями» и т. п.), до трансляции мнения, что «со временем каждый ребенок становится жестоким». 10 % опрашиваемых обозначили только тему текста («о методах воспитания», «про родительство» и т. п.), 7 % не дали ответ на вопрос, 3 % респондентов продемонстрировали непонимание вопроса, отметив вместо ГМ общий характер текста — «социальная реклама». Таким образом, значительный процент опрошенных предлагает формулировку ГМ, подобную полученной при анализе смысловой структуры текста.

К ключевым элементам текста 45 % респондентов относят только визуальные элементы, 55 % — вербальные и визуальные элементы. В ответах зафиксировано 86 упоминаний визуальных элементов и 17 упоминаний вербальных компонентов в качестве ключевых. При этом к числу важных элементов относят мальчика (82 % респондентов), кошку (58 %), ремень (55 %), передаваемую респондентами полностью или фрагментарно фразу «воспитывая детей, начинайте с себя» (48 %), осколки вазы (44 %), яркий оранжевый цвет рекламы (24 %), логотип организации (13 %).

На вопрос об элементах, которые произвели наибольшее впечатление, дали ответ 65 % респондентов, остальные 35 % оставили поле для ответа на данный вопрос свободным или поставили прочерк. Давшие ответ читатели 4 раза упомянули вербальные элементы и 14 раз — визуальные элементы. При этом наибольшее впечатление на респондентов произвели: 1) мальчик («изображение ребенка в роли агрессивного взрослого») — его упомянул 41 % из всех опрошенных; 2) ремень в его руках («мальчик с ремнем — это неестественно для ребенка») — 17 %; 3) сочетание визуальных элементов, в совокупности представляющих ситуацию неправильного воспитания (вся картинка в целом) — 34 %. Кроме того, впечатление произвели фраза «воспитывая детей, начинайте с себя» — 13 %, кот («люблю котов, неприятно, что его обидели») — 10 %, разбитая ваза — 7 %, цвет фона — 3 %.

Таким образом, респонденты упоминают в качестве значимых элементов текста большинство ТК, выделенных в ходе анализа смысловой структуры текста, но оценивают их статус иначе: наиболее важным для читателей оказался ТК «Дети», в то время как два других ядерных ТК — «Родители» и «Фонд поддержки детей» — почти не упоминаются в ответах. Низкий процент читателей (13 %), отметивших важность элементов, передающих информацию о Фонде, а также отсутствие в ответах респондентов мнений о необходимости обратиться по указанному адресу дают основания предполагать, что одна из задач медиатекста — продвижение

Фонда, привлечение посетителей на его сайт — вероятно, осталась нереализованной в данной выборке респондентов — молодых людей в возрасте от 18 до 26 лет. Повышение статуса периферийных ТК «Ремень», «Кот», «Ваза» связано со значимостью визуализации для читателей: воздействующая сила информации о неправильных моделях воспитания увеличивается в силу наглядности.

Что касается эмоционального отклика на публикацию, 20 % респондентов отметили возникновение у них отрицательных эмоций («сострадание», «неприязнь к родителям, вымещающим злобу на детях», «немножко грусти» и др.), 7 % писали о положительных эмоциях («картинка интересная, эстетически приятно», «оранжевый цвет — яркий, запоминающийся, мальчик и котенок вызвали позитивные эмоции»), 7 % отметили, что эмоции возникли в связи с общим интересом к рекламе и благодаря воспоминаниям о маленьких родственниках, но точно характер эмоций не обозначили. Однако у большей части реципиентов (66 %) эмоций не возникло. Мы не считаем, что подобное декларируемое равнодушие большинства опрошенных связано с тем, что они рассматривают представленную ситуацию как нормальную или нейтральную: отвечая на вопросы анкеты, большинство респондентов, отрицавших возникновение эмоций, использовало оценочную лексику («жестокость», «плохое (воспитание)», «насилие», «сердитый», «злоупотребляют», «ярость» и т. п.), косвенно свидетельствующую об эмоциональном негативном фоне восприятия публикации. Скорее всего, отсутствие эмоций свидетельствует о том, что представленная ситуация не связана с интересами респондентов, что может объясняться молодым возрастом испытуемых и отсутствием родительского опыта.

Соотнесение данных анализа эмоционально-оценочной стороны текста с результатами опроса показало, что использованные автором выразительные приемы в данной выборке выполняют не столько эмоциогенную (учитывая незначительное количество респондентов, испытывавших эмоции, — 34 %), сколько когнитивную функцию: способствуют привлечению внимания к текстовому элементу и лучшему его запоминанию. При этом в той или иной степени «работают» почти все отмеченные выше приемы (см. таблицу).

Вместе с тем в данной выборке респондентов практически «не сработали» лексические повторы («родители», «родительство», «ya-roditel»). О причинах такой ситуации мы делали предположение выше.

На базе анализа смысловой структуры и данных опроса респондентов мы построили интегральную фреймово-слотовую модель доминантного текстового концепта «Воспитание», отражающую когнитивно-дискурсивные практики адресанта и адресата и включающую актуальные для автора и читателя когнитивные признаки, образующие понятийную, ценностную и образную зоны ТК (рис. 4).

Необходимо отметить отсутствие непреодолимых границ между слотами, взаимопроникновение слотов. Когнитивные признаки текстового концепта находятся во взаимодействии друг с другом. Один элемент публикации (вербальный или визуальный) в процессе восприятия может одновременно актуализировать

Перлокутивный эффект социальной рекламы в выборке

Выразительные приемы (вербальные и визуальные)	Сигналы обратной связи (маркеры привлеченного внимания, произведенного впечатления)
Эффект напряжения	
Визуальный контраст	Оценка ситуации: «мальчик с ремнем — неестественно для ребенка», оценка изображения мальчика как ключевого элемента текста (82 % респондентов), фиксация произведенного элементом «мальчик с ремнем» впечатления — 17 %
Подтекст	Верное определение ГМ — 49 % респондентов
Эффект конвергенции	
Экспрессивное фото	Изображение в целом произвело впечатление на 34 % респондентов, отдельные его фрагменты выделяли в этом качестве от 3 до 41 % респондентов
Экспрессивная концовка	Сочли ключевой фразой 48 % респондентов, произвела впечатление на 13 % читателей
Яркий цвет фона	Сочли важным 24 % респондентов

разные слоты ТК. Таким полифункциональным элементом является, например, изображение ремня. Использование глагола «побить» в ответах респондентов в границах данной текстовой концептосферы свидетельствует об актуализации слотов и субслотов «Дети» (субъект действия), «Средства воспитания» («побить ремнем»), «Неправильное воспитание» и воспринимается это действие как негативное («пацан хотел побить кошку, вот ее и было жалко»). Заметим, что, будучи употребленным в другом контексте, данный глагол может восприниматься иначе (например, в значении «победить в соревновании, в игре»).

Подводя итоги, можно сказать, что анализируемый текст социальной рекламы в целом выполняет свою «миссию», доносит до читателя мысль о необходимости ответственного подхода к вопросам воспитания и задает ориентиры такого подхода. В этом адресанту во многом помогают визуальные компоненты публикации: согласно данным опроса, визуальная составляющая креолизованного медиатекста привлекает больше внимания, производит более сильное впечатление и лучше запоминается респондентами.

Формирование концептосферы текста имеет дискурсивный характер: она складывается в ходе когнитивно-дискурсивных практик автора и адресата, в процессе текстопостроения и текстовосприятия. Понятия «дискурс» и «концепт» оказываются тесным образом связанными. Следовательно, для изучения текстовой концептосферы релевантны когнитивно-дискурсивные методы анализа, позволяющие учесть динамический и двунаправленный характер становления смысла. Использование комплекса методов позволяет представить специфику построения и восприятия медиатекстов более целостно.

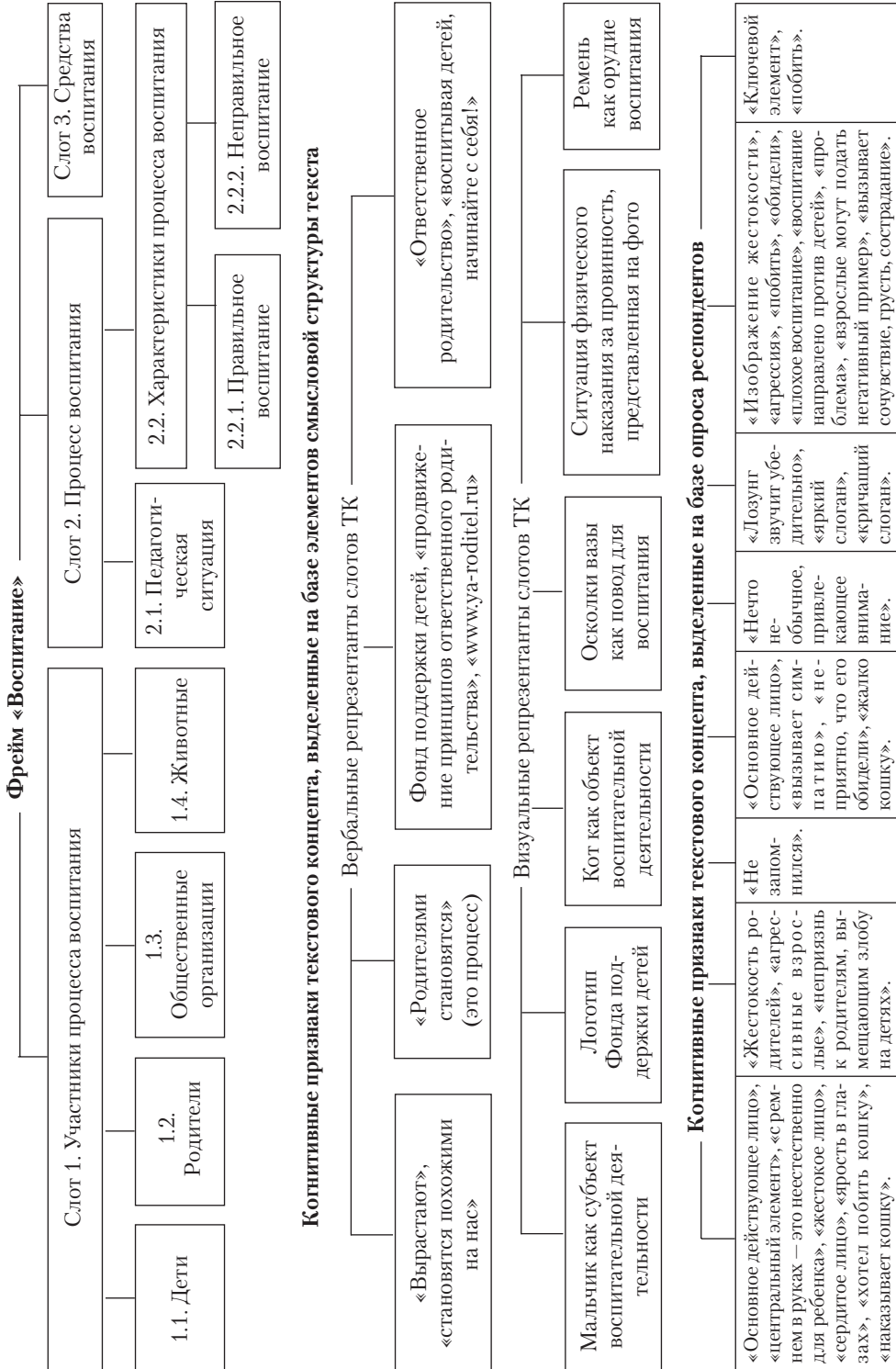

Рис. 4. Фреймово-словотая модель текстового концепта «Воспитание»

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 128 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. 543 с.
3. Белянин В. П. Психоллингвистика. М., 2004. 232 с.
4. Большой словарь иностранных слов. М., 2002. 816 с.
5. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. М., 2015. 272 с.
6. Краткий философский словарь. М., 1998. 400 с.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 685 с.
9. Майданова Л. М. Очерки по практической стилистике. Свердловск, 1987. 184 с.
10. Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 2007. 528 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 944 с.
12. Русский язык : энциклопедия. М., 1979. 432 с.
13. Свитич Л. Г. Социология журналистики : учеб. пособие. М., 2005. 119 с.
14. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981–1984. Т. 3 : П.–Р. 1983. 752 с.
15. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.
16. Социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Diskursivnye-Praktiki-1989.html> (дата обращения: 25.06.2016).
17. Фомичева И. Д. Социология СМИ. М., 2007. 335 с.
18. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000. 279 с.
19. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. 331 с.

Статья поступила в редакцию 21.07.2016 г.

УДК 316.774:070 + 070 + 070(470) + 070(73)

Е. С. Немировская
А. В. Абрамова
Я. В. Мозговая

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ)

Рассматриваются особенности метафорического моделирования образа России в современной американской прессе путем выявления, описания, анализа и классификации метафорических моделей. Выявленные модели позволяют говорить о том, что конструирование «образа врага» основывается на трех позициях: негативный образ лидера России, негативная характеристика России, негативная характеристика отношений между Россией и США.

К л ю ч е в ы е с л о в а: метафорическое моделирование; средства массовой информации; образ; стереотип; национальная картина мира; Россия; США.

В лингвистике на данном этапе развития одним из наиболее продуктивных средств интерпретации концептуальной (языковой) реальности является концептуальная метафора.

При изучении концептуальных метафор того или иного языка одновременно исследуются особенности национального сознания и национальная картина мира, отразившаяся в национальном языке. В системе концептуальных метафор каждого народа есть немало составляющих, имеющих яркую национальную специфику. Многие из этих метафор «руководят» восприятием действительности, пониманием происходящих явлений и событий, обуславливают национальные особенности коммуникативного поведения народа.

Изучение лингвистикой метафорического словоупотребления в средствах массовой информации и необходимость систематизации и описания метафорических единиц обусловили введение термина «метафорическое моделирование».

При исследовании метафорического моделирования в данной работе мы обращаемся к изучению текстов как печатных, так и электронных американских СМИ. Всего проанализировано 253 метафорических словоупотребления, зафиксированных в 54 публицистических текстах. В основном в качестве материала для исследования используются тексты, опубликованные в 2010–2016 гг. в американских

НЕМИРОВСКАЯ Елена Святославовна — ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета (e-mail: enemirovskaya@mail.ru).

АБРАМОВА Алла Викторовна — ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета (e-mail: abramova1304@mail.ru).

МОЗГОВАЯ Яна Викторовна — ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета (e-mail: mozgovaya.yana@inbox.ru).

© Немировская Е. С., Абрамова А. В., Мозговая Я. В., 2016

изданиях (*The American Interest, The American Thinker, The Boston Globe, The Daily Signal, Defensenews, The Forbes, The Globalist, The Impudent Observer, The Los Angeles Time, The National Interest, The New York Times, The Newsweek International, The San Francisco Chronicle, Stratfor, The Time, The Washington Times, The Washington Post, The World Affairs Journal*). В центре нашего внимания оказались публицистические тексты, адресованные читателям с разными интересами и интеллектуальными запросами.

Сформулированы наиболее важные выводы исследования по трем позициям: метафорический образ лидера чужого государства, метафорическая характеристика страны, метафорический образ отношений с чужой страной. Каждое положение проиллюстрировано достаточным количеством примеров.

Проведенный анализ метафорических моделей подтверждает мысль А. П. Чудинова о том, что политическая метафора способна выполнять одновременно несколько функций. В данном случае рассматриваемые нами политические метафоры, употребляющиеся в современной американской прессе для создания образа «чужой страны», выполняют одновременно 9 из 12 возможных функций: коммуникативную, прагматическую, изобразительную (или мнемоническую), инструментальную, гипотетическую, моделирующую, популяризаторскую, аргументативную, а также функцию информационного приращения [3, 106–113].

Образ России в современной американской прессе

Нашей целью является описание и анализ метафорических моделей, наиболее часто встречающихся в американской прессе для характеристики и оценки внутренней и внешней политики России.

Интерес к политической обстановке в России можно объяснить тем, что, с одной стороны, современные средства массовой информации учитывают запросы общества, а «обществу присуще участие в политике». С другой — скандалы и интриги, происходящие на российской политической арене, дают достаточно оснований для экспрессивности оценки, что является неотъемлемой чертой языка прессы.

Можно выделить три темы, которые наиболее часто являются предметом обсуждения в американской прессе относительно России: личность президента Российской Федерации Владимира Путина, политические события внутри страны и за ее пределами. Что касается внешней политики, то в большинстве случаев описываются российско-американские отношения, и только в последние два года отношения с другими странами (Украиной, Сирией, Турцией) стали описываться чаще. В статье исследуются метафорические модели, через которые представлены аспекты политической реальности России XXI в.

Метафорический портрет президента России в американской прессе

Нами была выявлена метафорическая модель, наиболее полно отражающая стереотипное представление среднестатистического американца о президенте

России: «Президент России — это Царь». Данная модель является не единственной, но наиболее часто встречающейся в американской прессе. Она дает наиболее полное и точное представление о восприятии американскими читателями личности главы российского государства.

Такие исследователи, как А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, считают, что «царственная метафора» [2, 214] — распространенное явление в газетном тексте. Однако необходимо отметить, что Соединенные Штаты — страна, в которой никогда не было монархической формы правления. Мы ознакомились с 54 американскими текстами и не нашли примеров сравнения президента США с монархом. Метафорическая характеристика главы государства США в терминах абсолютной власти американскими СМИ не используется вообще. В сознании американцев образ национального политического лидера не связан ассоциативно с монархической системой управления, с самодержавием.

Хотя Россия — демократическая республика, тем не менее в американской прессе сложились определенные стереотипы представления о процессе смены главы государства в России: например, что власть главы государства в России передается по наследству. Владимира Путина часто называли преемником, наследником (*successor*) первого президента России Бориса Ельцина: *Vladimir Putin, Yeltsin's successor, is about to find out other, less heroic ways in which Boris Yeltsin may be remembered* (Newsweek International. 2007. 25 Apr.). Американцы убеждены, что и Владимир Путин таким же образом передаст власть по наследству своему преемнику: *Who will succeed Vladimir Putin?* [18].

Власть выступает как нечто сакральное, обожествляется (*Putin, Godfather*), ибо это условие легитимации (узаконенности) власти монарха. Власть в России не считается производной от какой-либо другой власти, органа или избирателей. Президента России в американских СМИ часто изображают как правителя, наделенного неограниченной властью. Количество метафорических словоупотреблений, относящихся к анализируемой метафорической модели, — 101.

Американские газеты часто называют президента Владимира Путина императором (*emperor*), монархом (*monarch*), царем (*csar/tsar/tzar*). Монархическая модель восприятия главы российского государства формирует в сознании американского социума представление о политической неограниченности власти президента России. Этот факт можно объяснить тем, что историзм «царь всея Руси» сформировал стереотип в сознании американцев, а периодические издания целенаправленно закрепляют уже существующие национальные стереотипы. «The Czar of all Russians», — так называют российского президента в одном из номеров электронного журнала «The American Thinker»: *Here comes the Czar of all Russians to rescue Christian civilization from a bloody nightmare in Syria and Iraq* [14].

Глава президентской республики, которой является Россия, наделяется не свойственными ему полномочиями — это полновластие (*absolute, sovereign*) и вседозволенность (*permissiveness*).

Абсолютная монархия предполагает всевластие главы государства и отсутствие конституционного строя. Монарх играет наиважнейшую роль в управлении, законодательстве, правосудии.

В журнале «Newsweek» в самом названии статьи («Putin the Great (Russia's President)») присутствует аллюзия на Петра I. Это сравнение Владимира Путина с российским императором Петром Великим очень символично. Ср.: *He is following the traditional, expansionist Russian policy of Peter the Great* [10]; Mr. Putin — is a student of Peter the Great [5].

Таким образом, хотя Российская Федерация является демократическим государством с выборным принципом передачи власти, а президент страны избирается в результате всенародного голосования на 6 лет, «царская метафора» нарушает привычное представление американского читателя о главе демократического государства. Это ведет к формированию у американцев негативного образа российского лидера.

Американская пресса подчеркивает стремление Путина укрепить свою самодержавную власть. Обращают на себя внимание следующие глаголы, наиболее часто используемые американскими журналистами для характеристики целей российского президента: подчинить (*to override, to put under one's supervision*), установить (*to establish a connection, establish someone's guilt, to set a limit*), укрепить власть (*to strengthen one's power, to increase the strength*).

Способность метафорической модели «Президент России — это Царь» к ассоциативному развертыванию свидетельствует о ее востребованности американскими журналистами, а это благоприятствует укоренению сложившихся в американском обществе стереотипов, образно представляющих гаранта конституции России в терминах абсолютного, всевластного правителя, что, подчеркнем еще раз, ведет к формированию отрицательного образа российского лидера.

В то же время нередко мы встречаем примеры, когда Владимир Путин представляется как заботливый правитель, который радеет за своих подданных. Главная же заслуга его заключается в том, что он вновь вывел Россию на арену большой международной политики: *The Kremlin [Putin] now openly proclaims that the era of the West is over and that Russia has returned to the scene* [23]. Президент пользуется устойчивой поддержкой большинства россиян: *And of course Putin is widely seen by Russians as the first strong leader Russia has had in post-Soviet times, making it much more unlikely that his popularity will drop in any event* [9].

Читатели часто воспринимают отношения между странами как отношения между живыми существами. Человеку присуще антропоморфное видение мира. Этим можно объяснить факт концептуального представления о чужом государстве как о живом существе, обладающем особым характером, который проявляется во взаимоотношениях с другими странами.

Реализацию этой обычной для прессы антропоморфной метафоры мы находим и в американской прессе: *Russia is clearly trying to find a new approach. But can she, and in time?* (The Newsweek International. 2006. 5 Oct.).

В данном случае журналист, употребляя местоимение *she*, уподобляет Россию живому существу женского пола.

С. Г. Скрещова, изучая метафоры прессы современного российского внешнеполитического дискурса, отводит ведущую роль в восприятии государства как такового метафоре «Государство — как человек» [1, 116].

Однако в американской прессе Россия предстает не через метафорическую модель «Государство — как человек», а через метафорическую модель «Россия — дикий зверь».

Надо заметить, что наиболее продуктивной для американской прессы является метафорическая модель «Россия — медведь». Выявлена 61 метафора, относящаяся к реализации этой метафорической модели. Ср.: *The bear, is surely, the imperial Russia* (The Washington Times. 2007. 26 Febr.).

Медведь как животное наделяется в человеческом сознании определенными характеристиками, которые в американской публицистике переносятся ассоциативно, по сходству, на образ России. Ассоциативное развертывание обозначенной метафорической модели «Россия — медведь» происходит через обращение американских журналистов к вполне очерченному кругу стереотипных представлений обыденного сознания об этом диком животном, которое наделяет его вполне определенными, яркими чертами характера:

— крупное животное, очень сильный, страшный хищник, на которого трудно охотиться и которого трудно приручить: *The Russian Bear: Vicious, clawing, unreasoning* [26]; *The scary Russian Bear* [6];

— ленивый, страдающий зверь: *The Russian Bear.. and yet also slothful, dolorous and dirty* [26];

— непредсказуемый, способен, несмотря на свою неуклюжесть и кажущееся простодушие, совершать молниеносные броски, а также быть хитрым и осторожным: *It [the United States and its foreign policy establishment] now seems keen on poking the Russian bear — until the bear reacts and a new confrontation develops* [27];

— большую опасность зимой представляют так называемые шатуны — медведи, не залегшие по каким-то причинам в берлоги и шатающиеся по лесу: *The bear was not gone; he was only hibernating. And he is back* [12]. В настоящее время стереотип, который лежит в основе метафорической модели «Россия — медведь», начинает подвергаться сомнению, но процесс этот идет очень медленно. Нам удалось обнаружить лишь несколько примеров, свидетельствующих о начавшемся процессе разрушения стереотипа: *Listening to no one Russia is not such a bear as it was before* (The Time. 2006. 12 Aug.);

— с русским медведем надо считаться (танцевать): *Why the U.S. needs to dance with the Russian Bear?* (latimes.com. 2015. 30 Sept.);

— русский медведь вытесняет американского орла: *Russian Bear supplants American Eagle in Syria* [19].

Таким образом, Россия характеризуется в американских СМИ через метафору «Россия — медведь», которая акцентирует агрессивность России и опасность, исходящую от нее. Необходимо обратить внимание на то, что метафорическая модель «Россия — медведь» является востребованной и в самой России, но при этом получает позитивное наполнение. Весь мир знает, что медведь — национальный символ России (в русских народных сказках медведь наделяется добродушным характером, хотя и не лишенным недостатков; символ Олимпийских игр, проходивших в Москве в 1980 г., а также в Сочи в 2014 г. — улыбающийся Мишка).

У России есть свои друзья и враги:

— с которыми она способна вести диалог: *Russia actually has more say in world affairs than they [unpopular leaders of Ukraine] do* [21];

— флиртовать: *Moldova eyes Russia's embrace as flirtation with Europe fades* [11];

— конфликтовать: *Russian-Ukrainian Conflict Spilling Beyond Borders And Into Natural Gas Markets* [24];

— у которых она может находить поддержку: *Russia will find in Beijing the support and encouragement* [7];

— а также ее наказывают, накладывая санкции. Ср.: *Unfortunately... sanctions on Russia have been largely unsuccessful* [4].

Несмотря на все это, Россия остается опасной из-за своей непредсказуемости и тех рычагов воздействия, которые она вновь обрела. Россия не рассматривается американской прессой как равная США страна, а воспринимается как дикий зверь, который, даже будучи раненым, остается опасным, а приручить его очень сложно: *Still, Russia's ability to cause harm to itself and to others in the cause of proving its greatness should never be underestimated* (The Newsweek International. 2006. 6 Dec.); *We need one [a new president] who can... grin down an angry bear* [5].

Характеризуя взаимоотношения России и Соединенных Штатов, американские СМИ постоянно применяют метафору, акцентируя вражеские отношения между странами.

Метафорическая характеристика отношений России и США

Метафорическая модель «между Россией и США — «холодная война»» (модель раскрывается в 79 метафорических словоупотреблениях) восходит к национальному стереотипу «Россия — это враг»: *Eighteen percent of Americans consider Russia to be the United States' greatest enemy today* [22].

Американцы считают Россию «грубым» государством: *Putin's Russia has just ... transformed into a rogue state* [16].

Взаимоотношения России и Америки всегда были в центре внимания американских журналистов, так как напряженность ситуации между двумя странами дает достаточно оснований для экспрессии и оценки. Приход к власти Владимира Путина не изменил «политическую ориентацию» России. Образ отношений России и США, созданный метафорой, не меняет негативной окраски. «Военная метафора» раскрывается через ряд понятий:

— «холодная война»: *By the logic, the U.S. is now in a new Cold War [with Russia]* [25];

— возобновление, возвращение к «холодной войне»: *some will call it a return to the Cold War days* [9]; *Russian submarine activity in the North Atlantic has climbed back up to Cold War-era* [15].

«Война» предстает через:

— стратегию: *Russia's unclassified national security strategy says that nuclear weapons would be used only in the event of an attack with weapons of mass destruction on Russia or one of its allies* [20];

— конфронтацию: *The pragmatists say that discourse on values throws us back to the old confrontation* [23];

— агрессию: *Additionally, in light of Russia's aggressive behavior and a desire to use its nuclear and ballistic missile leverage to blackmail the U.S. and its allies, the United States should plan for a comprehensive-layered ballistic missile defense system capable of shooting down all ballistic missiles* [8];

— угрозу: *Forty-nine percent also now see Russia's military power as a critical threat* [22].

Некоторые американские журналисты размышляют о том, какое государство несет большую угрозу России или ИГИЛ (запрещенная в России организация)? *Who [is] the greater threat to world peace... the Islamic State or Putin's Russia?* [17].

Как мы видим, метафорический образ «холодной войны» продолжает существовать в американской прессе, характеризуя отношения между Россией и США не только в прошлом, но и в настоящем.

На фоне всего изученного нами материала выделяется лишь одна аналитическая статья, рассчитанная на более вдумчивого читателя, — «Russia Is Not the Enemy» в газете «The Boston Globe». Здесь мы видим отход от стереотипов «холодной войны» при описании отношений между Россией и США.

Автор статьи Стивен Кинзер выражает несогласие с позицией огульной критики России. Он, обращаясь к национальному стереотипу «Россия — это враг», меняет акценты восприятия. Журналист рассуждает о том, что политика США в отношении России выглядит намеренно враждебной: *The United States has constructed such a fantasy by turning Russia into an enemy* [13]. Далее журналист объясняет, что американцам по какой-то странной причине нравится видеть в России врага: *Having Russia as an enemy is strangely comforting to Americans* [Ibid.]. Кинзер удивляется позиции («эмоциям») американского правительства, которое хочет наказать Россию из-за того, что она отказывается играть по американским правилам: *Emotion argues that Russia is a troublemaker because it refuses to play by our rules, and must be confronted and punished* [Ibid.]. Рассудок должен преобладать над эмоциями: Россия — это вполне легитимная держава, которая не будет исполнять приказы Запада и молча наблюдать, как Соединенные Штаты провоцируют антироссийские движения рядом с ее границами: *Reason should reply that Russia is a legitimate power, cannot be expected to take orders from the West, and will not stand quietly while the United States promotes anti-Russia movements on its borders* [13]. Журналист считает, что «Россия — это не враг» («Russia — is not the enemy»), и называет «глупостью» саму идею превращения России во врага: *The most important reason it is folly to turn Russia into an enemy* [13].

Статья эта является скорее исключением, подтверждающим правило.

Таким образом, из 253 рассмотренных метафорических словоупотреблений, выявленных в американских публицистических текстах, лишь 18 метафор содержат позитивный образ России. Большая часть метафорических словоупотреблений (235) является реализацией метафорических моделей, создающих негативный образ России. Обобщим наши данные о метафорических моделях, встречающихся в современной американской прессе для создания образа России, и представим их в виде таблицы.

Образ России в современной американской прессе

Тема	Метафорическая модель (количество упоминаний)
Президент страны	«Президент России – Царь» – 120
Характеристика страны	«Россия – медведь» – 114
Отношения между США и Россией	«Между Россией и США – “холодная война”» – 129

Подводя итоги, следует отметить, что использование методики метафорического моделирования параллельно с применением контекстуального и сопоставительного анализа позволяет обнаружить закономерности в организации американского политического дискурса. Анализ политических метафор, встречающихся в современной американской публицистике, дает богатый материал для изучения национальной картины мира, рассмотрения национальных стереотипов восприятия чужой страны и подтверждает важную роль метафор в концептуализации и категоризации мира.

Выявленные нами метафорические модели позволяют говорить о том, что конструирование «образа врага» основывается на трех позициях — негативный образ лидера России, негативная характеристика России, негативная характеристика отношений между Россией и США.

1. *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика : курс лекций. СПб., 2011.
2. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
3. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. М., 2006.
4. *Ashford E.* The Failure of Sanctions on Russia [Electronic resource] // Newsweek. URL: <http://newsweek190.rssing.com> (accessed: 10.01.2016).
5. *Babbitt J.* The David Crockett solution to Putin [Electronic resource] // The Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com> (accessed: 10.03.2016).
6. *Bayer A.* Vladimir Putin: The Antithesis of a Success Story [Electronic resource] // The Globalist. URL: <http://www.theglobalist.com> (accessed: 21.01.2016).
7. *Chang G.G.* Russia's New 'Energy Alliance' with China [Electronic resource] // World Affairs. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org> (accessed: 10.01.2016).
8. *Dodge M.* How the Obama administration changed our missile defense strategy [Electronic resource] // The Daily Signal. URL: <http://dailysignal.com> (accessed: 20.01.2016).
9. *Hall S. L.* Putin's Russia is more stable than it seems [Electronic resource] // Stratfor. URL: <https://www.stratfor.com> (accessed: 13.02.2016).
10. *Harper J.* Historian: Valdimir Putin using Peter the Great tactics [Electronic resource] // The Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com> (accessed: 06.01.2016).
11. *Higgins A.* Moldova Eyes Russia's Embrace as Flirtation With Europe Fades [Electronic resource] // New York Times. URL: <http://www.nytimes.com> (accessed: 11.01.2016).
12. *Horseley D.* Putin's Ukraine incursion brings back the bad old bear [Electronic resource] // Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com> (accessed: 15.01.2016).
13. *Kinzer S.* Russia is not the enemy [Electronic resource] // The Boston Globe. URL: <https://www.bostonglobe.com> (accessed: 10.02.2016).
14. *Lewis J.* Czar Putin defends the West [Electronic resource] // American Thinker. URL: <http://www.americanthinker.com> (accessed: 10.02.2016).

15. *Majumdar D.* NATO's Nightmare: Russian Sub Activity Rises to Cold War Levels [Electronic resource]. URL: <http://www.nationalinterest.org> (accessed: 09.03.2016).
16. *Motyl A. J.* Putin's Misguided Move in Syria [Electronic resource] // World Affairs. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org> (accessed: 10.01.2016).
17. *Motyl A. J.* Putin vs. ISIS: which threatens the West more? [Electronic resource] // World Affairs. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org> (accessed: 16.01.2016).
18. *Motyl A. J.* Will Putin's Successor be worse? [Electronic resource] // World Affairs. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org> (accessed: 04.01.2016).
19. *Opall-Rome B.* Russian Bear Supplants American Eagle in Syria, Beyond [Electronic resource] // Defense News. URL: <http://www.defensenews.com> (accessed: 10.03.2016).
20. *Pifer S.* Pay attention, America: Russia is upgrading its military [Electronic resource] // The American Interest. URL: <http://www.the-american-interest.com> (accessed: 01.03.2016).
21. *Rapoza K.* Like It Or Not, Russia Must Be Taken Seriously [Electronic resource] // Forbes. URL: <http://www.forbes.com> (accessed: 10.02.2016).
22. *Sherfinski D.* Americans agree with Mitt Russia is now the greatest enemy of U.S. [Electronic resource] // The Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com> (accessed: 10.01.2016).
23. *Shvetsova L.* How the west mischarged Russia, Part II the Pragmatists [Electronic resource] // The American Interest. URL: <http://www.the-american-interest.com> (accessed: 11.01.2016).
24. *Silverstein K.* Russian-Ukrainian Conflict Spilling Beyond Borders And Into Natural Gas Markets [Electronic resource] // Forbes. URL: <http://www.forbes.com> (accessed: 03.01.2016).
25. *Tamkin E.* Vladimir Putin's American apologists have a point [Electronic resource] // The Week. URL: <http://theweek.com> (accessed: 10.02.2016).
26. *Vlahos M.* Putin's and Russia's Quest for Identity and Belonging [Electronic resource] // The Globalist. URL: <http://www.theglobalist.com> (accessed: 10.02.2016).
27. *Zukerman A.* The Ukrainian Crisis: A Question of the World's Future [Electronic resource] // The Globalist. URL: <http://www.theglobalist.com> (accessed: 07.01.2016).

Статья поступила в редакцию 24.05.2016 г.

УДК 316.774:81'42 + 070.23(470)

Е. В. Каблуков

КОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА» В РОССИЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ И ОПОЗИЦИОННЫХ СМИ*

На материале двух газет — «Российской» и «Новой» — выявлена специфика конструирования концепта «информационная война» в современном российском правительственном и оппозиционном медиадискурсе. Проанализированы образы участников противостояния, в том числе России, а также методы ведения информационной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: информационная война; концепт; дискурс; СМИ; медиадискурс; Россия.

Даже беглого изучения материалов российских СМИ достаточно, чтобы понять: идет информационная война, в которую вовлечена и Россия. Во всяком случае такую реальность конструируют массмедиа. Подтвердить данный тезис позволяет количественный анализ, проведенный с помощью корпуса медиатекстов «Интегрум» и представленный в виде диаграмм (рис. 1 и 2; выборка включает материалы центральных печатных изданий, информационных агентств, интернет-изданий, онлайн-радио и телевидения за период с 01.01.2000 г. до 31.12.2015 г.).

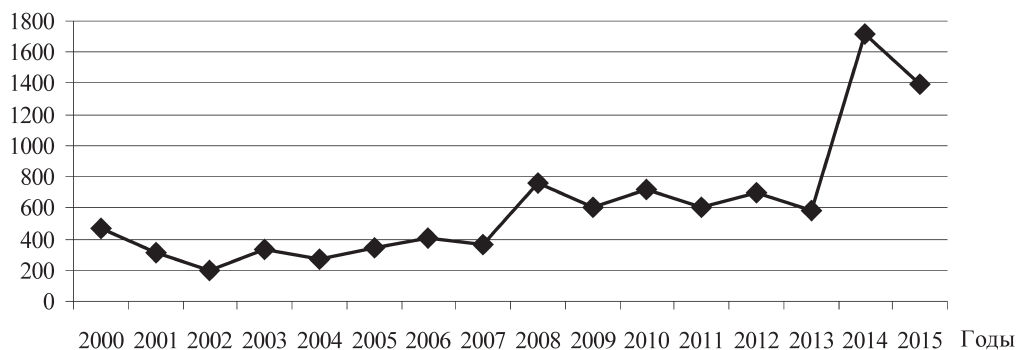

Рис. 1. Частотность индексирования словосочетания «информационная война» в корпусе медиатекстов «Интегрум»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт “информационная война” как мобилизационный фактор идентификации», № 16-04-00460.

КАБЛУКОВ Евгений Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: kablukov.usu@gmail.com).

© Каблуков Е. В., 2016

Диаграмма (рис. 1) свидетельствует о значительной активизации словосочетания «информационная война» в российских медиатекстах последнего времени. Первый пик приходится на 2008 г. и обусловлен вовлеченностью России в грузино-югоосетинский конфликт. Тогда частотность индексирования данного словосочетания увеличилась в 2,08 раза. Однако в 2014 г. произошел еще более значительный рост — в 2,92 раза. Очевидно, что этот пик связан с событиями вокруг Крыма.

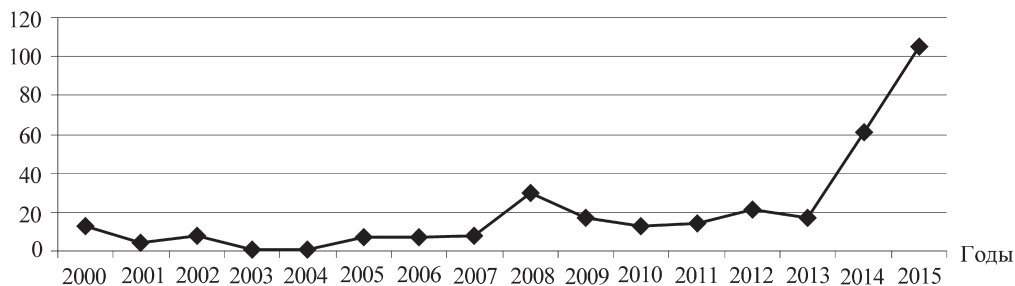

Рис. 2. Частотность индексирования сочетания «информационная война против России» в корпусе медиатекстов «Интегрум»

Диаграмма (рис. 2) показывает активизацию сочетания «информационная война против России», в результате чего данная фраза подвергается стереотипизации [5]. На графике выделяются те же два пика. Причем тенденция к росту, фиксируемая в 2014 г., сохраняется и в 2015 г. Показатель этого года превышает показатель 2012 г. в 6,18 раза.

Настоящая статья посвящена исследованию концепта «информационная война», конструируемого в российских правительственных и оппозиционных СМИ. Актуальность исследования обусловлена представленными выше графиками, которые свидетельствуют об активизации смысла «информационная война» в повестке российских СМИ и соответствующем изменении реальности, в которой существует их аудитория, а значит, практически все российское общество и русскоязычные сообщества за пределами России. Материалом исследования служат журналистские тексты, опубликованные в «Российской газете», учрежденной Правительством Российской Федерации, и «Новой газете», которую принято считать чуть ли не «самым оппозиционным СМИ в стране» [13].

Прежде чем приступить к анализу, остановимся на двух теоретических принципах, лежащих в основе настоящего исследования. Первый связан с интерпретацией термина «концепт», который традиционно используется в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии и означает «оперативную единицу нашего сознания» [7, 11], «комплексную мыслительную единицу» [11, 37], а также «сгусток культуры в сознании человека» [14, 40]. Не подвергая сомнению данный подход, а также возможность изучения мыслительных процессов методами когнитивной лингвистики, мы рассматриваем концепт как дискурсивный феномен. Подобный

подход реализован в работах Э. В. Чепкиной, которая интерпретирует концепт как смысловое образование и при этом отмечает: «В связи с анализом определенного дискурса рассматриваются только такие концепты, которые принадлежат этому дискурсу и не могут отождествляться с ментальными структурами реальных коммуникантов, действующих в данном дискурсивном пространстве. Концепты позволяют формировать “действительность” так, как ее представляет дискурс» [15, 10; см. также: 10]. Таким образом, в настоящем исследовании концепт понимается как единица дискурсивной реальности, дискурсивный конструкт того или иного объекта.

Перейдем ко второму принципу, который заключается в отказе от определения информационной войны и установления ее бытийного статуса (отношения к действительности).

В последние десятилетия ученые весьма активно исследуют феномен информационной войны, по-разному его определяя, а часто избегая строгих научных дефиниций. Одно из наиболее цитируемых определений принадлежит Г. Г. Почепцову, который рассматривает информационную войну как «коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с долговременными и кратковременными целями» [12, 20]. Далее автор разъясняет, что «целями такого воздействия на массовое сознание является внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре. Практически то же самое делает психотерапия, только на уровне индивидуального сознания» [Там же]. Показательно, что при такой интерпретации термин, во-первых, лишается оценочного содержания и, очевидно, может использоваться как в положительных (отсюда сравнение с психотерапией), так и в отрицательных контекстах, а во-вторых, оказывается настолько широким, что потенциально включает всю массово-коммуникационную деятельность, в том числе журналистику, PR и рекламу. Часто информационную войну связывают с манипуляцией [4] и использованием искаженной либо вымышленной информации [6]. Информационная война также определяется как технология борьбы за власть, участники которой «конкурируют друг с другом за производство смыслов, как в сфере войны, так и безопасности» [1, 83].

Отметим, что большинство исследователей полагают информационную войну фактом действительности: «Российское общество подвергается умело срежиссированному воздействию внешнего и внутреннего информационно-психологического воздействия, цель которого состоит в подрыве политической и социальной структуры, лишении народа своих духовных корней» [8, 48]; «Впервые после окончания холодной войны Россия и США оказались в состоянии прямого столкновения, оказавшись по разные стороны фронтов в информационно-психологической войне» [9, 83]; «Воссоединение Крыма с Россией дало толчок новой волне информационной войны Запада против России» [3, 204]. Зачастую авторы делают подобные утверждения, представляя их в качестве аксиом, не нуждающихся в доказательстве, а порой и устранив от сколь бы то ни было конкретного определения феномена, в существовании которого они не сомневаются.

Подчеркнем, что в задачи настоящего исследования не входит ни научная интерпретация термина «информационная война», ни тем более исследование самой информационной войны как имеющего место в действительности противостояния вовлеченных в нее субъектов. Мы лишь рассмотрим, что представляет собой та информационная война, которую российские СМИ конструируют как реальность. Вопрос о соотношении данного конструкта с действительностью не рассматривается.

Методика исследования

На первом этапе исследования с помощью базы данных «Интегрум» методом сплошной выборки извлекаются тексты «Российской газеты» и «Новой газеты», конструирующие концепт «информационная война» и содержащие формальный показатель этого концепта — его первичную номинацию, выраженную словосочетанием «информационная война».

При этом мы признаем, что реальность информационной войны поддерживается и другими текстами, не называющими данный концепт эксплицитно, посредством первичной номинации, однако такие тексты не рассматриваются, в связи с тем что объективная фиксация соответствующих смыслов представляется невозможной: их связь с рассматриваемым концептом зависит не только от авторской, но и от читательской, а значит, и от исследовательской интерпретации.

Полученные массивы правительственных и оппозиционных медиатекстов делятся на группы:

1) по соотношению концепта и реальности — тексты, в которых прямо или косвенно утверждается актуальное бытие информационной войны, и тексты, не содержащие такого утверждения.

2) по вовлеченности России — тексты, в которых Россия связана с конструируемой информационной войной, и тексты, в которых такая связь отсутствует.

Материалом для дальнейшего анализа являются тексты, в которых утверждается наличие информационной войны, связанной с Россией. Их интерпретация предполагает:

1) выявление субъектов конструируемой информационной войны и, в частности, той роли, которую в ней играет Россия;

2) выявление содержания конструируемой информационной войны, которое в данном случае сводится к характеристике методов ее ведения.

Информационная война в правительственном медиадискурсе

База данных «Интегрум» фиксирует 33 текста «Российской газеты» за 2015 г., содержащих словосочетание «информационная война». В трех из них отсутствует констатация того, что информационная война является актуальной реальностью. Два материала рассказывают об информационной войне, в которую не вовлечена Россия. Остальные 28 материалов утверждают, что Россия вовлечена в информационную войну.

1. Субъекты информационной войны и особая роль России. В большинстве отображенных текстов назван субъект, противопоставленный России в рамках информационной войны. Можно обозначить три группы таких субъектов: Запад, Украина и терроризм. Причем все они представляются внешними по отношению к России (ср. с понятием «внешний враг»). Выделяется также группа текстов, в которых данный субъект является анонимным, т. е. не названным в силу каких-либо причин. Для того чтобы составить представление о частотности конструирования перечисленных субъектов информационной войны, обратимся к диаграмме (рис. 3).

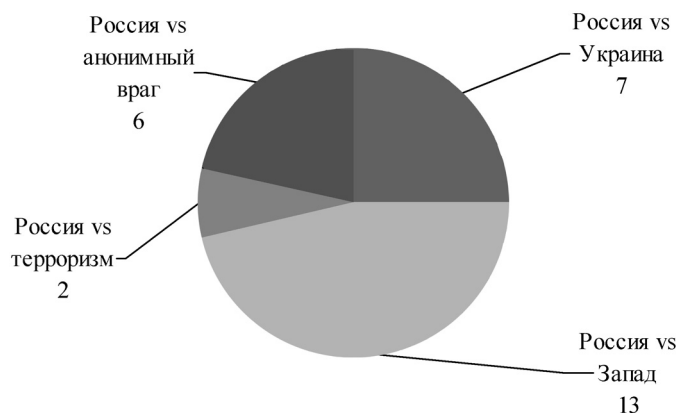

Рис. 3. Субъекты информационной войны (источник: «Российская газета»)

Охарактеризуем специфику отношений между Россией и противопоставленными ей субъектами. Типичны утверждения о том, что последние ведут против России информационную войну:

Первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» Франц Клинецвич прямо говорил об экономической и **информационной войне**, объявленной России Западом (20.01.2015); Собеседник корреспондента «РГ» из спецслужбы считает, что налицо акт **информационной войны** против России, организованной террористами (11.11.2015).

Таким образом, Россия представляется не столько в качестве субъекта информационной войны, сколько в качестве ее объекта — стороны, пострадавшей от агрессии. В связи с этим действия России рассматриваются как оборона:

«России необходимо оружие для защиты в **информационной войне**», — считает историк (*Ефим Пивовар, Российское общество историков-архивистов*. 10.03.2015).

Показательно, что в некоторых случаях, обороняясь, Россия противостояит не врагу, а самой информационной войне:

Александр Бастрькин: Бороться с **информационной «войной»** можно только правдой. Уже вышла подготовленная СК России «Белая книга», в которой содержится описание тех злодеяний, которые имели место на Украине (23.07.2015).

Такой подход позволяет продемонстрировать особый статус России и вывести ее из числа субъектов информационного противостояния. Отметим, что наш материал не содержит ни одного контекста, в котором Россия была бы представлена как активный участник информационной войны. Можно предположить, что правительственный дискурс налагает ограничения на конструирование соответствующей реальности. Постараемся объяснить причину данного табу. Дело в том, что концепт «информационная война» в текстах «Российской газеты» последовательно погружается в негативные контексты, приобретая в результате отрицательный оценочный компонент:

Теперь же Россию стали обвинять еще и в ведении **«информационной войны»**. В то же время Россия просто хочет, чтобы ее мнение было услышано, не навязывая каких-то установок и представлений (*Мария Захарова, представитель МИД РФ. 14.09.2015*).

В тексте констатируется наличие информационного противостояния между Западом и Россией, однако подчеркивается, что Россия не ведет информационную войну, но при этом обвиняется в ее ведении. Другими словами, Россию «считают виноватой, виновной в чем-л.» [2, 662]. При этом «виноватый», «виновный» — это «тот, кто совершил проступок, преступление» [Там же, 131]. Таким образом, информационная война приравнивается к преступлению. Исключаются и типичные для традиционной войны парадигматические связи типа «справедливая война», «освободительная война» и др. Следовательно, участие России в информационной войне табуируется в связи с тем, что правительственной прессе необходимо сконструировать положительный образ страны и исключить приписывание ей отрицательных характеристик, связанных со статусом субъекта информационной войны. Поэтому Россия показана либо как жертва войны, либо как сторона, противостоящая войне, но ни в коем случае не как ее участник.

2. Содержание информационной войны. В материалах «Российской газеты» информационная война представляется главным образом как конструирование реальности, которая, с точки зрения субъекта высказывания, не соответствует действительности и наносит вред объекту агрессии, в качестве которого, как правило, выступает Россия:

В Кремле советуют во время информационной войны очень осторожно относиться к ненадежным источникам. <...> «Нужно быть очень аккуратными, потому что в Интернете распространяется много **лживой информации**», — предупредил он (*Дмитрий Песков, пресс-секретарь президента РФ. 25.10.2015*); «Для нас открытие такого мультимедийного центра очень важно, — подчеркнул председатель Государственного совета РК Владимир Константинов. — Идет информационная война, и наши недруги постоянно пытаются **информацию** о наших успехах **исказить**, а наши **промахи** — **преувеличить**» (12.03.2015).

Приведенные примеры прямо называют действия субъектов, противопоставленных России: распространение лживой информации, искажение информации об успехах и преувеличение промахов. Однозначное отношение к этим действиям фиксируется с помощью оценочной лексики: лживый — «содержащий ложь»

[2, 495], т. е. «намеренное искажение истины» [Там же, 504], исказить — «представить в ложном, неправильном виде» [Там же, 398].

Отдельно следует выделить такой способ конструирования ложной реальности, как «переписывание истории»:

Многие мемуары о войне выпускаются без должных комментариев редакции и являются книгами, подготовленными западными авторами и содержащими 99 % лжи (Владимир Чуров, глава ЦИК РФ. 16.03.2015); Однако сейчас приходится сталкиваться все с большим количеством попыток (особенно западных) переписать историю Второй мировой, говорили участники встречи (10.03.2015).

В современном российском медиадискурсе названный феномен идеологизируется и получает негативную оценку. При этом наш материал показывает, что переписывание истории, в том числе посредством издания книг (мемуаров и учебников), связывается с влиянием Запада, который таким способом осуществляет информационную атаку в отношении России.

В таких условиях основным средством борьбы с информационной агрессией становится правда:

Глава Российского общества историков-архивистов Ефим Пивовар назвал одну из мер, которая позволит донести населению правду о войне, — нужно включить факты о концлагерях, жизни военнопленных в лекции об истории для учащихся. «России необходимо оружие для защиты в информационной войне», — считает историк (10.03.2015).

Таким образом, содержание концепта «информационная война» в материалах «Российской газеты» обычно включает смысл «искажение реальности», а конструирование данного концепта неизбежно предполагает метаязыковую рефлекссию, направленную на выявление и описание способов искажения реальности, которые носят вербальный характер.

Информационная война в оппозиционном медиадискурсе

База данных «Интегрум» фиксирует 24 текста «Новой газеты» за 2015 г., содержащих словосочетание «информационная война». В пяти из них отсутствует констатация того, что информационная война является актуальной реальностью. Три материала рассказывают об информационной войне, в которую не вовлечена Россия. Остальные 16 материалов прямо или косвенно утверждают, что Россия вовлечена в информационную войну.

1. Субъекты информационной войны: Россия в ряду других. В текстах «Новой газеты», конструирующих информационную войну, можно выделить знакомые нам группы субъектов, противостоящих России (Запад, Украина, анонимные субъекты). Однако здесь появляется и новая группа текстов, в которых говорится о внутренней информационной войне, осуществляемой различными внутрироссийскими субъектами, что демонстрирует неоднородность России как государства и общества. Соотношение названных типов показано в диаграмме (рис. 4).

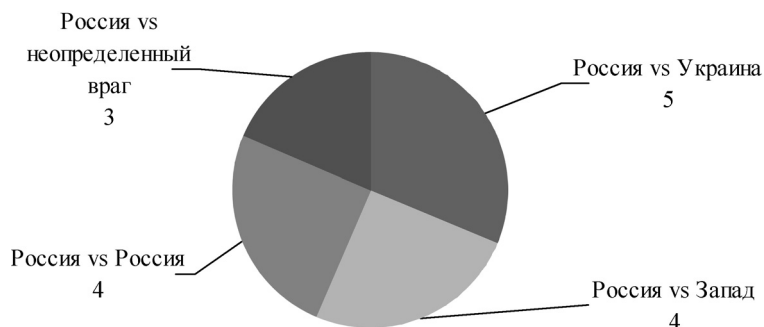

Рис. 4. Субъекты информационной войны (источник: «Новая газета»)

В «Новой газете», в отличие от правительственной прессы, нет ограничений на конструирование России в качестве активного субъекта информационной войны:

Пока же, чисто субъективно, складывается такое ощущение, что ни Россия, ни Украина не прикладывают особых усилий для выяснения причин катастрофы, спихивая ответственность друг на друга с использованием приемов информационной войны (13.07.2015); 38 книг, изданных в России, запрещены к ввозу на территорию Украины. Причина: «Применение Российской Федерацией против граждан Украины методов информационной войны и дезинформации, распространения идеологии человеконенавистничества, фашизма, ксенофобии и сепаратизма» (14.08.2015).

В первом фрагменте журналист утверждает, что Россия и Украина используют приемы информационной войны, являясь, таким образом, ее активными субъектами. Из второго фрагмента видно, что Россия представлена в качестве субъекта информационной войны лишь в цитате из официального документа Государственного комитета телевидения и радиовещания Украины. Отметим, что впоследствии автор материала выражает несогласие с позицией украинской стороны. При этом он оспаривает не саму возможность участия России в информационной войне против Украины, а тезис о том, что изданные книги являются частью данной войны.

Следует также отметить, что собирательный субъект информационной войны, обозначенный нами как «Запад», часто представлен в текстах «Новой газеты» отдельными государствами, которые ведут с Россией локальные информационные войны:

Политическая ситуация между Литвой и Россией носит характер информационной войны (*Миндаугас Билиус, легкоатлет из Литвы*. 02.10.2015); Это еще один пример информационной войны, которая идет вокруг этого контракта с 2009 года (*О противостоянии России и Франции в связи с отменой контракта на поставку кораблей типа «Мистраль»*. 28.08.2015).

Такой подход разрушает идею глобальной информационной войны против России и позволяет сконструировать более сложную реальность, в которой демонстрируется неоднородность Запада и наличие отдельных проблем во взаимоотношениях России с отдельными западными странами.

Более сложной и неоднородной представлена также Россия, внутри которой разгораются информационные войны. Часто они инспирированы не внешним врагом, а субъектами, прямо или косвенно связанными с российской властью:

Для необычной по меркам студентов и обычных офисных работников спешки есть причины. За опоздание на дневную смену в ООО «Интернет-исследования», которое занимает все 2500 квадратных метров серого здания, штрафуют на 500 рублей. Оно и понятно: в Интернете прямо сейчас кто-то не прав, в информационной войне счет идет на секунды (11.03.2015); В конфликте вокруг оперы, перешедшем в стадию масштабной информационной войны, высветилась одна деталь... <...> Самое интересное в послании Красова — его скромная подпись: «Православный, офицер запаса ФСБ». Возможно, пресс-секретарь епархии так подписался, чтобы дать понять «культурной общественности», какой «конфессии» она дерзнула противостоять (30.03.2015).

Интересно, что в приведенных фрагментах выделен лишь один активный субъект информационной войны: в первом случае — Кремль, а во втором — силы, которым, как мы видим, приписывается связь с российскими спецслужбами. Этот субъект осуществляет действия против своих оппонентов, которые, однако, не представлены в качестве активных участников противостояния, т. е. занимают позицию объекта информационной атаки. Впрочем, можно выделить внутрисоссийские информационные войны, в которых конструируется противостояние двух сторон:

Перевес в этой информационной войне, конечно, у первых, но ресурсы у их оппонентов не так уж малы: у омского отделения КПРФ есть газеты и телевидение, коммунисты проводят пикеты и митинги, освещаемые местными интернет-изданиями (27.07.2015).

В данном фрагменте речь идет о противостоянии властей Омской области и местного отделения КПРФ, связанном с взиманием платы за капитальный ремонт.

2. Содержание информационной войны. С одной стороны, так же как и в текстах «Российской газеты», информационная война представлена как искажение реальности:

Полтора года назад «Новая газета» рассекретила «логово троллей» — полусекретный офис в петербургском районе Ольгино, где в три смены **вешали лапшу на уши** сетевых пользователей, публикуя (за умеренную плату) проправительственные посты и комментарии (11.03.2015).

В подобных контекстах концепт «информационная война» наполняется негативным содержанием. Особенно показателен здесь второй фрагмент, в котором используется экспрессивный фразеологизм «вешать лапшу на уши», имеющий значение «рассказывать небылицы; обманывать» [2, 487].

С другой стороны, в текстах «Новой газеты» содержание концепта «информационная война» существенно расширяется. В некоторых случаях оно охватывает распространение противоречивой и непроверенной информации:

25 августа «Интерфакс» сообщил, что Франция вернула России все, что была должна за «Мистрали». И что это «более миллиарда евро». На следующий день официальный представитель правительства Франции Стефан Ле Фоль заявил, что сумма «меньше 1 миллиарда» (28.08.2015).

В других контекстах информационная война сводится к распространению критической информации:

Республика Марий Эл ведет информационную войну с Кировской областью. Марийские СМИ уже месяц рассказывают, как тяжело жить в соседнем регионе, а глава республики с 14-летним стажем Леонид Маркелов обвиняет кировского губернатора Никиту Белых в «некорпоративности» (23.10.2015); Показатели собираемости взносов за 10 месяцев скачкообразно менялись несколько раз... <...> Вероятно, зависят они от активности, с одной стороны, областных агитаторов, разъясняющих жителям области необходимость этой платы, а с другой стороны — правозащитников и коммунистов, призывающих граждан не оплачивать «липовый капремонт» (27.07.2015).

В первом примере речь идет о противостоянии представителей власти двух российских регионов, при этом одна из сторон распространяет о другой критическую информацию. Во втором примере стороны ведут политическую борьбу вокруг взимания платы за капитальный ремонт. Перечисленные методы ведения информационной войны не воспринимаются как ненормативные, что приводит к переосмыслению данного концепта: информационная война — это обычный инструмент политической борьбы.

Впрочем, концепт «информационная война» получает отрицательное оценочное приращение при наличии связей с российской государственной пропагандой, которая является одиозной идеологемой оппозиционного дискурса:

А печальная новизна ситуации в том, что большинство населения добровольно свалилось в объятия еще невиданной массивированной **информационной войны, государственной пропаганды**; Тролли занимают низшую ступень в пищевой цепи **проправительственной пропаганды**. Но зато их много, что позволяет отравлять ядовитыми помоями даже сообщества, максимально далекие от политики. Нужно как-то наводить информационную гигиену (11.03.2015).

Таким образом, «Новая газета» конструирует множество информационных войн, имеющих разное содержание: от распространения ложной информации до критики оппонентов в процессе политической борьбы. В результате рассматриваемый концепт утрачивает однозначную отрицательную оценку и проявляет потенцию к включению в нейтральные контексты.

Выводы

Исследование показало существенные различия в реальности, которую предлагают аудитории правительственные и оппозиционные СМИ. Так, в правительственной «Российской газете» конструируется глобальная информационная война, которая заключается в распространении не соответствующей действительности

информации и ведется против России различными внешними по отношению к ней субъектами. Информационная война рассматривается как ненормативная, в связи с чем Россия в ней не участвует, а лишь противодействует агрессорам. В оппозиционной «Новой газете» информационная война теряет признаки глобального явления, что приводит к появлению локальных информационных войн. Их активным участником, наряду с другими субъектами, становится и Россия. Выделяются также внутророссийские информационные конфликты, в том числе инспирированные российской властью. При этом к информационной войне относится не только искажение реальности, но и распространение непроверенной, противоречивой и критической информации.

1. Беспалов Д. Н., Казаков М. А. Информационная война и обеспечение безопасности // Вестн. МГИМО. 2014. № 6. С. 82–87.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
3. Василенко И. А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны // Власть. 2014. № 10. С. 204–208.
4. Данилова М. И. Информационная война как реальность // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3. С. 229–231.
5. Ильина О. В. Прототипическая схема как способ структурирования стереотипного содержания в СМИ // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 117–128.
6. Ковалева Т. С. Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов ИноСМИ, посвященных южноосетинскому / грузинскому конфликту 2008 г.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 78–86.
7. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. АН. Сер. : Литература и язык. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–12.
8. Макарова И. В., Беззапашный А. С. Информационные войны современности: некоторые вопросы теории // Общество и право. 2006. № 4. С. 46–49.
9. Манойло А. В. Информационно-психологическая война в вооруженном конфликте в Южной Осетии // Власть. 2009. № 9. С. 81–85.
10. Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2012.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
12. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Москва ; Киев, 2000.
13. Ростова Н. «Когда Горбачев узнал о расколе в “Комсомолке”, он сам разыскал нас» [Электронный ресурс] // Slon. 2010. 15 дек. URL: <https://slon.ru> (дата обращения: 20.05.2016).
14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
15. Четкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.

Статья поступила в редакцию 22.06.2016 г.

УДК 316.774:81'42 + 81'42:351.1 + 355.233

И. В. Смолин

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В ДИСКУРСЕ СМИ О РОССИЙСКОЙ АРМИИ

В статье рассматриваются практики функционирования концепта «патриотизм» в современном медиадискурсе о Российской армии. Прослеживается связь патриотизма с идеей национального единства, при этом делается упор на военную историю России, культ героического прошлого.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ; медиадискурс; концепт; патриотизм; нация; армия.

Для выявления практик функционирования концепта «патриотизм» используется методология критического дискурс-анализа, которая выводит условия функционирования дискурса не из когнитивных структур сознания коммуникантов, а из их социальной практики, из воспроизведения практически усвоенного коммуникативного опыта, полученного в заданных социальных условиях [7–9, 11–14, 16, 17, 19]. В рамках данного подхода СМИ не просто отражают реальность, выступают в роли зеркала общественной жизни, но конструируют ее по определенным правилам [6].

Исследование практик использования концепта «патриотизм», который рассматривается не как ментальная сущность, а как устойчивый смысл внутри дискурса об армии и войне, выполнено на материале публикаций газет, выпускающихся в российских войсках и адресованных в первую очередь военнослужащим.

В советское время «армия выступала... в качестве идеала общественного устройства» [5, с. 598]. Эта традиция продолжается и сегодня: Российская армия рассматривается как особая модель общества в целом. Военные и военизированные структуры часто предстают в СМИ как воплощение порядка.

Большая символическая роль армии не только в военное, но и в мирное время связана с несколькими факторами. Во-первых, появление типичных для современности национальных армий (в отличие от армий наемников, распространенных в Древнем мире) связано с идеей нации как способа связать воедино пространство, время и человеческую солидарность [1]. Нация — это типичное воображаемое, или воображенное, сообщество, члены которого ощущают себя связанными некими узами, подобными семейным, даже при отсутствии контактов в любой форме [1; 3, 75]. Социолог Бенедикт Андерсон называет национализм (идеологию, которая легла в основание построения национальных буржуазных государств, чья территория объединяется не волей короля или императора, а наличием нации, имеющей общий язык, общую историю, общие экономико-политические и культурные связи) разновидностью современной религии, которая сулит отдельному человеку бессмертие в вечном существовании нации [1, 12].

СМОЛИН Игорь Владимирович — шеф-редактор газеты «Левобережье Магнитки», г. Магнитогорск (e-mail: smolin-iv@mail.ru).

© Смолин И. В., 2016

Существование нации как воображенного сообщества обязательно ставит и проблему коллективной идентичности, возможной благодаря языку, культуре, истории и идеологии, объединяющим общество. Сегодня многие называют именно патриотизм основой общей для всех россиян идеологии. А наиболее явное и неоспоримое его проявление видят в действиях армии — и сегодня, и в героическом прошлом. Патриотизм устойчиво связывается с военной историей. Не случайно частотное употребление устойчивого выражения «военно-патриотическое воспитание». Концепты «нация» и «армия» в равной мере предполагают не просто формальные связи между индивидами, но наличие морального сообщества, идейного и идеологического единства. Прочитываем слова заместителя министра внутренних дел главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерала армии Н. Е. Рогожкина об офицерском товариществе в Российской армии:

Если говорить о товарищах офицерах, то, безусловно, с чувством огромной благодарности я вспоминаю строгие и доброжелательные уроки своих учителей — офицеров-фронтовиков, людей беспримерной отваги, созидательного ума и высокой культуры. Именно они и заложили в фундамент моего офицерского поколения необходимый запас прочности, который позднее пригодился мне и моим товарищам в Афганистане и в Фергане, в Нагорном Карабахе и в Сумгаите, в Чечне и других горячих точках СССР и России. Говоря о товарищах офицерах, я вспоминаю памятные всем времена бесконечных вооруженных конфликтов, офицерской неустроенности и безденежья, когда в тисках нужды нетрудно было утратить самые надежные жизненные ориентиры. Нередко случалось так, что вернувшиеся с войны офицеры были вынуждены подрабатывать охранниками и сторожами. Однако именно этим перетерпевшим нужду офицерам в конце концов выпала честь спасти Россию от сепаратистских и террористических угроз. <...> Говоря о товарищах офицерах, я с надеждой думаю и о тех, кто сегодня после окончания военных вузов только-только приходит на службу во внутренние войска. Многие из офицеров этой эпохи ничуть не уступают своим предшественникам: быстро растут в профессиональном мастерстве, надежно несут службу, качественно, порой с риском для жизни решают служебно-боевые задачи на территории Северо-Кавказского региона. <...> Единство назначения, единство целей, единство жизненных принципов и даже единство судеб — вот что естественным образом создает товарищество офицеров, а потом делает это человеческое и офицерское товарищество непобедимым (*На боевом посту. 2012. № 10*).

Помимо уже названных условий единства, генерал Рогожкин подчеркнул еще один важный фактор поддержания общности армии и страны в целом — духовную связь поколений.

Именно в контексте патриотизма фигура героя в публикациях о воинской службе в настоящее время важна для положительной самоидентификации нации в целом. Показателен в этом смысле рассказ о военнослужащих, участвовавших в 1986 г. в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной станции:

В первые минуты аварии вместе с героическими пожарными первыми приняли на себя радиационный удар взорвавшегося реактора военнослужащие войсковой части 3561 внутренних войск МВД СССР, которые охраняли ЧАЭС. В момент взрыва реактора четвертого блока ближе всех к нему оказался часовой прапорщик Иван Щерба. Именно он первым доложил о случившемся в караульное помещение и продолжил

нести службу до смены. Подполковник В. Бирюков, капитаны Вакула, В. Медведев, прапорщики П. Северчук, И. Седов, В. Палагеча, В. Тимофеев, В. Тихомиров, В. Герман продолжали обеспечивать охрану порученных им объектов, выполняя служебный долг вблизи смертоносного реактора, и обеспечивали спасение персонала станции ценой собственного здоровья. <...> Еще многие месяцы после катастрофы военнотружущим пришлось нести службу в условиях повышенной опасности, участвовать в ликвидации последствий аварии. Верные присяге, служебному долгу, они выстояли. К сожалению, многие ликвидаторы, отдавшие свое здоровье, ушли из жизни (*Дальневосточный часовой. 2013. № 17*).

Очень понятно стремление автора этого текста точно назвать воинскую часть, охранявшую станцию, перечислить поименно тех, кто принял на себя первый удар. Их подвиг помог оградить от беды всю страну.

Военная пресса заботливо сохраняет память о героях и подвигах прошлого. Этому посвящено значительное число публикаций, в которых создается образ «своих» как безусловных, безупречных героев [10]. Приведем фрагмент зарисовки о встрече с ветераном Великой Отечественной войны накануне Дня Победы:

С чего ни начинался бы разговор с Николаем Титовичем, он все равно плавно перетечет в его рассказы о войне. И лишь выслушав их с десятков-другой, понимаешь, что след, оставленный войной, — самое трагическое и в то же время самое яркое событие его жизни. Сапер на фронте, он стал сапером и в жизни. Запомнив однажды главную истину — сапер ошибается один раз, он старается жить, не ошибаясь. <...> И снова для Жукова возвращается война, снова минные поля, бои за Берлин. Рассказывает он, как по-умному немец оборонял каждую улицу, как и где выставлены заграждения, сделаны баррикады, как туго приходилось завоевывать пространство этого города. Танкам тяжело было проходить, пока не поработают на уличных завалах саперы, пока не освободят проезд. Как попадались наши танки в ловушки, устроенные немцем, когда спусковой механизм фауст-патрона крепили веревкой, а второй ее конец выбрасывали на улицу. Прошла техника, задела веревку — выстрел. «Опять у нас потери», — сокрушается ветеран (*Сын Родины. 2013. № 18–19*).

Живые детали далекой войны, звучащие в рассказе ветерана, приближают ее события к современному читателю, помогают найти историческую связь между вчера и сегодня своей страны.

Тексты о нынешних российских военнотружущих, как правило, воплощают концепт «патриотизм» на примере конкретных историй воинов-патриотов. В текстах о современных событиях особенно подчеркивается героизм воинов, принявших смерть в борьбе с врагом в мирное время, преклонение перед жертвенным поведением в боевой обстановке. Пример из газеты Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск МВД России:

В марте 2009 года... на северной окраине населенного пункта Цонтарой Курчалоевского района Чеченской Республики на минометной mine крупного калибра подорвался сапер... младший сержант Максим Калмыков...

— Ложись! — только и успел крикнуть Максим.

Последний его крик, спасший жизни группе военнотружущих ценой своей собственной, они помнят и сегодня... Святой долг каждого из нас — помнить и передавать

из поколения в поколение имена военнослужащих внутренних войск, героически погибших в боях с бандитами за сохранение целостности современной России (*На посту*. 2013. № 1–2).

Мы видим, что автору важно не просто рассказать о солдате как герое и образце для подражания, но и подчеркнуть в конце текста, что спасенные им товарищи бережно хранят память о погибшем, что память эта будет передаваться последующим поколениям.

В текстах о современной армейской жизни само участие в боевых действиях, нахождение в боевой обстановке приравнивается к героизму — это риск, когда на карту ставится жизнь.

При таком подходе выражение несогласия с основными, общепринятыми в воинской среде трактовками службы в армии как высокого долга и доказательства патриотизма рассматривается как существенное отступление от нормы, знак отпадения от «своих» [15, 18]. Прочитируем текст о трудностях адаптации к военной службе недавних призывников:

Зачастую на морально-психологическое состояние в процессе адаптации оказывают влияние измененные ценностные ориентиры молодых людей до их призыва в армию. Так, сформированное в обществе негативное отношение к военной службе, возможность уклониться от нее, безнаказанность за данные проступки значительно усиливаются в период привыкания к новым условиям жизни. А встреча даже с незначительными трудностями может перерасти в конфликты (*Сын Родины*. 2013. № 22).

Конструирование соответствующей реальности в СМИ предполагает наличие патриотического единства нации, связного нарратива «своих», когда связность обеспечивается преемственностью прошлого — настоящего — будущего. Главным событием этого нарратива, несомненно, является военное событие — победа в Великой Отечественной войне. Постоянное обращение к опыту Великой Отечественной войны обеспечивает переживание прошлого в настоящем, и это способ поддержания сообщества на основе единых ценностей, прежде всего патриотизма. Так, газета Приволжского регионального командования внутренних войск МВД «Начеку» в публикации, посвященной годовщине Сталинградской битвы, подчеркивает:

Они (гитлеровцы. — *И. С.*) прекрасно понимали, что город, носящий имя Сталина, город-символ, играет ключевую роль в патриотическом сознании советского народа... Беспрецедентный подвиг советских солдат и офицеров, стоявших насмерть, сломавших хребет фашистскому зверю, получил огромный резонанс в мире, спасенном от коричневой чумы... Сталинград выстоял потому, что именно в нем воплотился весь смысл Родины. Больше нигде в мире не было такого массового героизма. Здесь сконцентрировалась вся духовная и моральная мощь нашего народа (*Начеку*. 2013. № 5–6).

Нельзя не отметить, что связность без разрывов и противоречий обеспечивают прежде всего мифологизация и героизация прошлого за счет практик исключения неудобных событий: поражений, ошибок, репрессий против собственного населения и др. [3].

То, что военная пресса освещает жизнь армии как института, в некотором роде служащего идеалом общественного устройства в целом, проявляется и в одобрении выбора первыми лицами государства наиболее простых и жестких («солдатских») вариантов политического поведения [3, 96].

В целом практики конструирования коллективной идентичности «своих» на основе патриотизма в текстах СМИ на военную тему имеют два взаимосвязанных вектора: положительно-оценочная идентификация «своих» на фоне конструирования негативной идентичности «чужих» или «врагов» [2], в крайних проявлениях это приводит к конструированию реальности в духе психологической установки на то, что «мы в кольце врагов, в осажденной крепости» [15]. В контексте этой логики появляются призывы воспитывать у молодого поколения готовность к подвигу. Обращенность именно к военному прошлому в этом контексте очень важна. Социолог Борис Дубин отмечал в качестве нарастающей тенденции нулевых и десятых годов XXI в. меморизацию в России коллективной идентичности: все более возрастает значимость символов прошлого, восхваление советского прошлого обеспечивается «ценой устранения в нем негативных моментов политических репрессий, антропологической катастрофы, исторической вины» [4]. Наибольший вес, разумеется, приписывается символическому значению победы в Великой Отечественной войне и регулярному празднованию ее годовщин и юбилеев.

1. *Андерсон Б.* Воображаемое сообщество: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. *Гудков Д. Л.* Негативная идентичность. М., 2004.
3. *Гудков Д. Л., Дубин Б. В., Левада Ю. А.* Проблема элиты в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.
4. *Дубин Б.* Три стремления большинства россиян // Вестник. 2014. 21 авг.
5. *Левинсон А.* Опыт социологии: статьи. М., 2004.
6. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005.
7. *Сандомирская И.* Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
8. *Силантьев И. В.* Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений. М., 2006.
9. *Силантьев И. В.* Дискурс и жанр // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 6 : Журналистика. С. 78–83.
10. *Смолин И. В.* Оппозиция «свой» — «чужой» в военной прессе // Наука-Вуз-Школа : сб. науч. тр. молодых исследователей. Магнитогорск, 2008. С. 249–254.
11. *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009. С.195–231.
12. *Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.
13. *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004.
14. *Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. М., 1996. С. 47–96.
15. *Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н.* История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М., 2014.
16. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.
17. *Чепкина Э. В., Енина Л. В.* Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилизация завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М., 2012. С. 291–308.

18. Чепкина Э. В., Елина Л. В. «Свои» и «чужие» в газетных текстах // Другой в пространстве коммуникации : сб. науч. ст. Казань, 2007. С. 211–228.
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Статья поступила в редакцию 26.06.2016 г.

УДК 070:81'42 + 811.161.1'37

Э. В. Чепкина

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ АДРЕСАТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ: НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ*

В статье исследуется проблема присвоения российской идентичности в дискурсе современных медиа, введен термин «национально-гражданская идентичность», который подчеркивает многоаспектность идентификаций россиян как нации. Рассматриваются дискурсивные практики идентификации адресата в дискурсе региональных СМИ. Проведен дискурс-анализ конструирования гражданской идентичности регионального сообщества, выявлены лингвистические маркеры дискурсивных практик территориальной, политической, экономической идентификаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс-анализ; дискурсивная практика; идентичность; адресат; дискурс СМИ; русский язык.

Региональная пресса современной России обладает рядом устойчивых признаков, во многом сформировавшихся еще в СССР. В постсоветское время она сохранила свои основные черты, несмотря на необходимость освещать иные политико-экономические реалии. Одну из причин устойчивости дискурса городских и районных газет мы видим в их дотационной поддержке со стороны региональных и муниципальных органов власти. Как именно эти газеты выстраивают коммуникацию с аудиторией, будучи почти независимыми от нее в финансовом отношении? Ответ на этот вопрос можно получить в ходе анализа дискурсивной идентичности адресата — конструируемой в текстах особой субъектной позиции.

Идентичность адресата медиатекстов рассматривается в русле теоретических положений дискурс-анализа. Адресат — это субъектная позиция дискурса, и его идентичность всегда процессуальна, она не имеет завершения, поскольку незаменимы использование языка, коммуникация в рамках дискурса, в том числе

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт “информационная война” как мобилизационный фактор идентификации», № 16-04-00460.

ЧЕПКИНА Элина Владимировна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: chepkina@gmail.com).

© Чепкина Э. В., 2016

дискурса СМИ [6, 30–31]. На текстовом уровне принципы анализа понятия гипотетического (идеального) адресата были заложены, прежде всего, в работах М. М. Бахтина, Г. В. Степанова [3, 13]. Выходящий за рамки лингвистики текста подход к конструированию субъектной позиции адресата в дискурсах разных типов опирается на идеи М. Фуко и его последователей, в том числе исследователей дискурса СМИ [1, 3, 8–10, 14–16, 18, 19].

Практики конструирования позиции адресата могут быть выявлены на основе анализа структурного и содержательного построения текстов как дискретных смысловых единиц медиадискурса [16, 19]. Дискурсивная практика — анонимная, безличная, многократно воспроизводимая форма коммуникативного опыта, реализуемая путем накопления повторяющихся смыслов, у которых могут быть лингвистические маркеры [1, 18, 19].

Позиция адресата формируется совокупностью дискурсивных практик, которые включают выбор событий и персонажей, ключевых концептов дискурса, в том числе идеологически-оценочной окраски субъектных позиций. Показательны также тематические предпочтения и практики структурирования текста в целом, включающие — применительно к текстам письменной формы — построение заголовочного комплекса, отбор лексики и синтаксических конструкций. В основном выявлению подлежат повторяющиеся смыслы, позволяющие реконструировать предписанную дискурсом позицию адресата. О лингвистических маркерах этой позиции можно говорить, если в речи субъекта дискурса (автор, эксперт и др.) используется прямое, эксплицитное приписывание идентичности адресату, индивидуализированным или коллективным персонажам дискурса.

Реальный читатель газеты всегда в той или иной мере отличается от идеальной модели, сконструированной изданием, и он обретает свою идентичность в границах дискурса через отождествление (идентификацию) с субъектной позицией, типичной для данных условий коммуникации.

Применительно к дискурсу современной региональной прессы нас в первую очередь интересуют практики присвоения адресату национально-гражданской идентичности.

Под национально-гражданской идентичностью адресата мы понимаем смыслы отнесения его к группе лиц, к общности, объединяемой на основе общих ценностей, связи с территорией города, района, области. Коллективная идентичность, приписываемая прессой жителям региона, представляется разновидностью *воображаемого сообщества* (Б. Андерсон). Социолог Б. Андерсон подчеркивает этим термином, что члены такого сообщества воображают (не столько в смысле *выдумывают*, сколько в смысле *создают, творят*) связь друг с другом в плане солидарности, объединения за счет общего пространства, времени, языка [2].

В более широком смысле региональная идентичность является частью идентификации с гражданами государства в целом, с нацией в политическом, а не этническом смысле. Однако местная пресса прежде всего обращается к смыслам региональной принадлежности, а тематику общенационального патриотизма делегирует федеральным СМИ.

Анализ идентичности адресата региональных печатных изданий показал, что сегодня наиболее актуальны, частотны два направления идентификации аудитории СМИ — территориальное и экономическое. При этом связь названных направлений с этнической или политической (в узком партийном, строго идеологическом смысле) идентификацией нелинейна и, как правило, нерелевантна. Это выделение основано на высокой степени обобщения, потому что направлений идентификации в медиадискурсе всегда множество. Но мы в исследовательских целях концентрируем внимание на двух названных: связь адресата с определенной территорией (которая, в свою очередь, идентифицируется через представителей местной власти и некоторые другие факторы) и наличие у адресата прагматических интересов и коллективных ценностей, побуждающих интересоваться экономическим положением и перспективами России. Смежные, сопутствующие названным смыслу, идентифицирующие адресата, мы также будем отмечать в ходе анализа.

Эмпирический материал исследования требует учета формата анализируемых СМИ, определяемого типом адресата и целями по отношению к нему [12]. Для анализа практик конструирования национально-гражданской идентичности выбраны региональные газеты Свердловской области¹, учредителем которых выступает областная или муниципальная власть. Такого рода издания имеют жесткую содержательную модель, у них одинаковые идеологические и стилистические характеристики. Мы выбрали публикации за 2015 г., это позволяет судить о содержании текстов с некоторой исторической дистанции.

В качестве иллюстраций использованы заголовки журналистских публикаций — они в первую очередь привлекают внимание адресата и сжато выражают концептуальное содержание газеты. Важно, что отобранные заголовки типичны, они адекватно отражают содержательные характеристики соответствующих им текстов и изданий в целом.

Исследование 14 изданий показало, что важнейшим фактором идентификации является связь с территорией.

Конструирование субъектной позиции адресата газеты всегда включает такой признак, как идентификация по признаку локальности, эксплицитное подчеркивание связи публикуемой информации с территорией проживания читателей: это жители городов и районов Свердловской области. Указание на локализацию адресата, который по умолчанию объединяется с основными персонажами публикаций, часто присутствует в заголовках: *Укусили 192 качканарцев (об укусах клещей. — Э. Ч.); Качканарская трагедия нижнетуринцев ничему не научила; Красноуфимцы самые читающие периодику жители области; Полевчанин профукал квартиру.*

Указание на связь содержания текстов и, соответственно, их адресатов с определенной территорией задает и национально-гражданскую идентификацию

¹ Цитируются публикации за 2015 г. в газетах «Артистские вести», «Вечерний Первоуральск», «Вперед!», «Диалог», «Знамя труда», «Известия-Тур»; «Каменский рабочий», «Камышловские известия», «Качканарское время», «Красноуральский рабочий», «Кушвинский рабочий», «Наше слово», «Серовский рабочий», «Шалинский вестник». Стилистические погрешности не правятся и не комментируются.

в более крупной перспективе (*россияне, жители Урала, Свердловской области*): *Мы полностью ушли от «дырочных» ремонтов. За два года в Свердловской области сформирован комплексный подход к ремонту коммунальной инфраструктуры; «Народный», но не артист. В регионе начались выборы лучшего участкового полиции; А нужны ли? Треть россиян считает работу общественных организаций лишней.*

С идентификацией аудитории на основании общей территории оказываются тесно связаны идеологические характеристики. Практики идентификации неизменно включают идеологическое единство региональной власти, коллектива редакции, персонажей конкретных текстов и читательской аудитории. Для региональных газет типично ритуальное воспроизведение идеологических штампов, адресованное «тому, кто верит вместо меня» [7] — гипотетическому адресату, который примет все идеологически маркированные конструкты актуальных событий за адекватное описание объективной реальности. Социальный философ С. Жижек пишет о существовании феномена «субъекта, предположительно верящего», когда человек всего лишь делает вид, что верит во что-либо, так как он считает, что есть кто-то верящий на самом деле и что эту веру следует поддерживать: «...мы проходим через ритуал Санта-Клауса, поскольку наши дети (предположительно) верят в него, и нам не хочется их разочаровывать; они делают вид, что верят, чтобы не разочаровывать нас, нашу веру в их наивность и т. д. и т. п.» [Там же, 6]. Этот механизм востребован и в политике, когда циничный политик проповедует ценности, в которые не верит, и может сказать в минуту честности: «Я не могу разочаровать простых людей, которые верят в это (или в меня)» [Там же, 6–7]. Читатели региональной прессы аналогичным образом конструируются в журналистских текстах как субъекты, предположительно верящие в утверждения газеты, — для публичного слова оказывается важнее конструировать идеальную жизнь социума, чем указывать на его реальные проблемы: *Мы молоды телом и духом едины; Уральцы качественно управляют финансами; Уральский агропром укрепляет позиции; «Мисс Кушва-2015»: процент красоты на отдельно взятый квадратный метр местами зашкаливал; Бег в сосновом бору — это так здорово!* Такого типа заголовки преобладают. Тексты, посвященные каким-то проблемам, всегда говорят о них как об отдельных случаях, обычно в пространстве частной жизни: *Действующий балетный класс в Сысерти зарос плесенью; Хулиган попытался ограбить чемпионку мира по бегу. Но убежать не смог...*

Судя по содержанию изданий, уровень доходов и образования, социальный статус и возраст типичного читателя не акцентированы.

Для концепции адресата важнее включение его в группу «своих» и всегда положительная характеристика «своего круга»: *Большие дела для маленького поселка; Большая актриса маленького города; У наших детей — море талантов; У победы наши лица; Врагам острей ножа наш садовый урожай.*

Последний заголовок демонстрирует вариант идентификации «своего круга» (власть, редакция, герои текстов, читатели) через процедуру исключения: локальное сообщество противопоставлено *врагам*. Размежевание с другим, иным — всегда мощный фактор переосмысления собственной идентичности, переосмысления себя. Поэтому фигура врага показательна: сообщество своих

мыслится как однородное и солидарное, сплоченное против врага, который не конкретизирован.

Что касается целей в отношении адресата, то преобладают задачи формирования положительного образа власти, ее роли в обеспечении стабильного положения вверенной ей территории, на втором месте — информирование о местных новостях, в незначительной степени присутствует развлекательная функция.

Характерно, что в региональной прессе иерархия новостной ценности сообщений существенно корректируется приоритетом формирования положительного имиджа региональной и муниципальной власти и региона в целом. В первую очередь обеспечивается конструирование социальной реальности в интересах учредителей. На страницах прессы Свердловская область — оплот стабильного и разумного мироустройства с опытными и эффективными руководителями во главе, за счет чего обеспечивается единство взглядов власти и населения. Тексты такого содержания абсолютно преобладают, ведь борьба за определение общества и социальной идентичности непрерывна и важно, чтобы выстроенная медийная картина выглядела для адресата само собой разумеющимся, «здоровым» взглядом на реальность [14]. Жителям области приписывается в первую очередь идентичность населения как объекта заботы властей: *Ремонт дороги — по просьбе ветеранов; Продлен срок малой приватизации; За скидки — пенсионерское спасибо! Спасибо за помощь дочери-инвалиду!*

При этом прямому адресату журналистских публикаций — жителю района или небольшого города — газеты конструируют идентичность пассивного объекта политико-идеологического и административного воздействия. Об этом свидетельствует в том числе множество заголовков с директивной модальностью: *Министр: «НАДО ПОСТАРАТЬСЯ!»; Напортачил — отвечай рублем; Будьте внимательны к детям; Не самовольничайте!*

Активность самих граждан предполагается в том, чтобы добросовестно трудиться, а также поддерживать решения властей: *Верхотурицы поддержали программу развития; Строим новое жилье; Станки и инструменты — от уральских заводов; Доблестный труд моей мамы; Машиностроители гарантируют качество.*

Практики конструирования идентичности представителей государственной власти — губернатора, областного правительства — направлены на высокую степень персонификации их действий и заслуг. Именно деятельность или высказывания первых лиц задают основные значения социальной реальности: информационные поводы и их концептуализацию, выбор того, какие события и персонажи заслуживают внимания, и белые, «слепые» пятна за их пределами: *Правительство помогло юным биатлонистам; Уральцы пришли к губернатору и решили насущные вопросы; Губернатор поручил усилить контроль качества капремонтов; Владимир Путин: Свердловская область — один из лидеров сотрудничества с Казахстаном.*

Среди персонажей газеты вообще преобладают по частотности упоминаний представители власти, что характерно не только для прессы, но и для телевидения и радио региона [5]. Информационным поводом для многих текстов становится деятельность административных органов власти: *Муниципалитет поможет*

аграриям; Отдел экономики работает на будущее нашего округа; Ради молодых семей внесли изменения в бюджет.

Анализ дискурсивных практик показывает, что для регионального медиадискурса важно утверждать путем повторов смысл «регион сохраняет стабильность и единство в поддержке федеральной и региональной власти»: *Область сдала экзамен на прочность; К труду и обороне готовы! В одном строю со всем Уралом. По случаю дня народного единства в Екатеринбурге прошел митинг, в котором приняла участие и администрация городского округа Первоуральска.*

Значимо также, что эти издания предпочитают сухую, нередко директивную манеру изложения. Что значит в перспективе идентификации адресата отсутствие ориентации на нарративно интересное содержание и эмоционально выразительную стилистику? На наш взгляд, сдержанность, даже сухость стиля написания и оформления публикаций призвана указывать на интерес к социально значимой, серьезной информации как важную черту идентификации типичного адресата. Казалось бы, такой читатель типичен для качественной прессы с высокими стандартами достоверности, объективности, стилистического качества сообщений.

Однако статус качественного издания для местных газет подрывает ряд признаков. Во-первых, приоритет действующих органов власти в решении вопросов [19]: представители власти — самые главные персонажи и эксперты в местных СМИ; сведения от государственных органов власти используются без проверки, редакции вообще демонстрируют невнимание к указанию на источник полученной информации, как если бы эта информация была истинна сама по себе, а адресату и в голову не придет сомневаться в правдивости и объективности своей газеты.

Во-вторых, желаемому статусу качественного издания противоречит наличие зон, закрытых для освещения и критики, например, таких как неэффективные решения власти, коррупция, протестные настроения среди жителей области. Практики исключения непарадных, неудобных информационных поводов приводят к узости тематики публикаций. И эти характеристики региональной прессы также конструируют идентичность адресата, который верит на слово авторам текстов и не знаком с альтернативными точками зрения или неудобными фактами.

В-третьих, если качественная пресса в идеале стремится побуждать читателя к размышлению, выработке собственного отношения к существенным социальным процессам, то анализируемые издания конструируют свою аудиторию как наивных субъектов, которых устраивает статичная картина реальности с готовыми оценочными позициями, которые нуждаются в подсказке со стороны журналистов, что следует думать по тому или иному поводу. Статичность, как правило, исключает сенсации и вообще неожиданности — смысл «у власти все под контролем» очень важен: *К подаче тепла готовы; Третий год подряд растет укомплектованность больниц медицинскими кадрами; «Все в порядке», или Хорошее начало — половина дела; Снижение дохода территорий компенсирует бюджет области.* Критика в региональных изданиях если и присутствует, то в отношении мелких недостатков в зоне ответственности муниципалитетов: *Аграрников волнует подготовка к посевной; Контейнеры нужны поселку; Впору менять тапочки*

на валенки. Для жителей отдельных поселков нынешняя зима стала испытанием на прочность.

О практиках конструирования стабильной, беспроблемной реальности, в которую слепо верит наивный адресат, свидетельствуют присутствующие в большом количестве бессодержательные заголовки, банальные сентенции: *Главное — душою не стареть; Шалинцев дождями не зальешь; Общение всегда полезно*. Социолог Н. Луман видит в такого рода сообщениях, не несущих новой информации, важную ритуальную функцию. Избыточная, бессодержательная коммуникация «может использоваться для подтверждения социальной сплоченности: люди пересказывают друг другу одно и то же, чтобы засвидетельствовать солидарность» [10, 22].

Тенденция к сохранению традиционной для региональной прессы бедности стиля, публикации неинтересных, однообразных текстов [17] частично компенсируется за счет эмоциональной привлекательности некоторых заголовков, часто с использованием просторечной, диалектной, т. е. «местной», лексики: *Полевчанин профукал квартиру; Кабаны насвинячили; Разбой в общаге раскрыли за сутки; Качканарец отмутил жертву ради 5000 рублей*. На наш взгляд, это свидетельствует о частичном учете рекреационных интересов аудитории, а также добавляет идентичности конструируемого адресата такую характеристику, как использование в собственной речи сниженной, просторечной, диалектной лексики. Последняя еще раз подчеркивает идентификацию читателя по территориальному признаку.

В итоге типичные дискурсивные практики региональной прессы конструируют адресата с идентичностью наивного субъекта, который верит в то, что живет на прекрасной территории, что его земляки — сплошь красивые, талантливые, трудолюбивые люди, что региональная власть — это всегда мудрые и заботливые руководители, а население искренне благодарит их за заботу. Представляется очевидным, что реальная аудитория является совсем не такой однородной, какой ее конструирует региональная пресса. Эта аудитория живет в гораздо более сложном и недружелюбном мире, чем непротиворечивый благополучный регион на страницах прессы.

В итоге проведенный анализ позволил вскрыть мнимую «естественность» национально-гражданской идентификации адресата региональной прессы. Адресат конструируется как экономически благополучный субъект, благодарный за это местным властям; политически он наивен: верит всему на слово, всегда поддерживает руководителей региона и муниципальную власть, нуждается в наставлениях и рекомендациях. Сама территория в значительной степени мифологизируется за счет отбора исключительно положительной информации о жизни региона.

1. *Автохутдинова О. Ф.* «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.

2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

3. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // *Собр. соч.* М., 1996. Т. 5. С. 159–206.

4. *Бахтин М. М.* Проблема текста // *Собр. соч.* М., 1996. Т. 5. С. 306–328.

5. *Енина Л. В.* Представители власти в текстах уральских СМИ: вражда и согласие // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности.* Екатеринбург, 2006. С. 233–244.
6. *Енина Л. В., Балабкина Е. А.* Практики (авто)биографической идентификации в журналистском дискурсе // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры.* 2015. № 2 (138). С. 30–37.
7. *Жижек С.* Интерпассивность. Желание. Влечение. Мультикультурализм. СПб., 2005.
8. *Ильина О. В.* Практики конструирования образа персонажа в прессе: между тождественностью и самостью // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры.* 2012. № 2 (101). С. 60–64.
9. *Каблуков Е. В.* Деформация реальности в современном российском медиадискурсе // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры.* 2015. № 2 (138). С. 43–51.
10. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005.
11. *Луман Н.* Самоописания. М., 2009.
12. *Майданова Л. М., Чепкина Э. В.* Медиатекст в идеологическом контексте. Екатеринбург, 2011.
13. *Степанов Г. В.* К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) // *Контекст.* 1983: Литературно-теоретические исследования. М., 1984. С. 20–37.
14. *Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.
15. *Фуко М.* Порядок дискурса // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. М., 1996. С. 7–46.
16. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
17. *Чепкина Э. В.* Повторение пройденного: дискурсивные практики советской журналистики в современной региональной прессе // *Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т.* Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 8–19.
18. *Чепкина Э. В., Автохутдинова О. Ф.* Проблема Другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «Другой» в дискурсе СМИ // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры.* 2015. № 2 (138). С. 113–119.
19. *Чепкина Э. В., Енина Л. В.* Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // *Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика.* М., 2012. С. 291–308.

Статья поступила в редакцию 01.08.2016 г.

УДК 070(430):325.254.4 + 323.1(430) + 314.7

Г. А. Лукина
В. О. Портнягина

ОСВЕЩЕНИЕ В ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ СИТУАЦИИ С БЕЖЕНЦАМИ В ФРГ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛОВ «SPIEGEL», «STERN», «FOCUS»: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Проводится дискурсивный анализ ряда печатных изданий ФРГ, который позволяет проследить изменения в подборе лексики в федеральных СМИ, характеризующей беженцев, а также в представлениях беженцев и граждан ФРГ; рассмотреть тематику статей; оценить степень поддержки СМИ политики ФРГ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурсивный анализ; миграционные процессы; беженцы; печатные СМИ; социально-демографические характеристики беженцев; ФРГ.

Приток беженцев в Центральную Европу и ФРГ, в частности, ввиду открытости европейских границ и привлекательной интеграционной политики Германии — одна из основных тем СМИ в последние годы. Освещение СМИ вопросов миграции и интеграции является неоднозначным. В связи с этим было проведено исследование трех межрегиональных изданий («Spiegel», «Stern» и «Focus») в период с июля 2015 г. по январь 2016 г. Основными аспектами исследования стали следующие вопросы:

1. Как представлены беженцы в межрегиональной прессе ФРГ (на примерах журналов *Stern*, *Spiegel*, *Focus*)?
2. Как представлены в прессе местные и постоянные жители ФРГ?
3. Как освещается работа групп помощи беженцам, добровольцев и гражданских активистов?
4. Как политики, чиновники и полиция комментируют ситуацию с беженцами?

Стоит отметить, что проблема беженцев и мигрантов не нова для ФРГ. В разные годы Германия предоставляла статус беженца мигрантам из разных стран. Нынешняя ситуация связана в первую очередь с войной в Сирии, и поэтому сейчас в СМИ читателю четко дают понять, что беженец беженцу рознь [24, 24]. В июле журнал *Focus* публикует статью, в которой речь идет о миграционном вопросе, об изменениях в правилах предоставления статуса беженца, на который теперь могут претендовать жители Ближнего Востока, а не Балканских стран, как это было ранее. Более того, министр внутренних дел Берлина Франк Хенкель считает, что мигранты, которым было отказано в размещении, должны

ЛУКИНА Галина Анатольевна — старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: galina.lukina@list.ru).

ПОРТНЯГИНА Вероника Олеговна — ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: portnjaginika@mail.ru).

© Лукина Г. А., Портнягина В. О., 2016

быть депортированы, чтобы сохранить ресурсы для тех, кто действительно нуждается в защите. Мигранты, прибывшие из стран Восточной Европы, являются нежелательными. Ср.: *Flüchtlingstlast, die Unerwünschten* [8]. Список «безопасных стран» постоянно расширяется.

Беженцы

Настоящие беженцы из Сирии и Ливана, кто действительно нуждается в защите, изображаются примитивной проблемной группой — они прибывают, въезжают и ищут убежища, достигают пункта назначения, пересекают границы, едут и не останавливаются, устремляясь в глубь Европы, достигая Германии, их новой родины, при этом они пассивны и не высказывают своего мнения. Ср.: *kommen, einreisen, Zuflucht suchen* [8]. Для описания работы с мигрантами используются безличные конструкции в пассивном залоге: вновь прибывшие должны быть размещены и обеспечены, их перевозят на поездах, распределяют, регистрируют и расселяют полицейские. Ср.: *Trotzdem müssen sie untergebracht und versorgt werden, die Züge bringen sie, sie werden verteilt, registriert und von den Polizisten untergebracht* [8]. В сентябрьском номере журнала *Stern* описываются трудности, пережитые прибывшими в Германию беженцами, их физическое и психологическое состояние на данный момент [16]. К мигрантам с уставшими, изнуренными лицами относятся с состраданием [14, 54]. Мигранты прибывают «без штанов и обуви». Ср.: *Sie kommen ohne Hosen, ohne Schuhe* [Там же]. Это замерзшие, изголодавшиеся люди, среди которых много детей, некоторых сразу отправляют в больницу. В другой статье журнала *Stern* описана история девятилетней Алы, чья семья мигрировала из Сирии в Бохум после ограбления девочки. Из-за ситуации на родине Ала постоянно пребывала в страхе. Как пишет автор, с ноября 2014 г. девочка учится в местной школе и без акцента говорит на немецком языке. Она хочет стать врачом или работать в сфере автомобилестроения. Автор показывает то, как изменилась жизнь детей беженцев в Германии. До прибытия в страну Ала была безграмотной. Теперь же она может болтать со своими одноклассниками на любые темы. Учитель Алы отмечает, что дети могут многому научиться у своих новых одноклассников, дети беженцев более зрелые, а через десять-двадцать лет они смогут, например, открыть свой собственный магазин [21].

Немецкая пресса также констатирует, что среди беженцев много молодежи, которая несет новые идеи и новую энергию. Наряду с обычными местными жителями, беженцы нуждаются в жилье, образовании и социальном пакете, которые государство обязано им предоставить. Беженцы воспринимаются не как отдельный эпизод, а как этап в истории, который повлияет на всю страну. Германия видит своей главной задачей эффективную интеграцию мигрантов, ссылаясь на оптимистичный опыт прошлых лет [21].

В статье «Новая Германия» говорится, что беженцы изменяют Германию — то, как немцы общаются, работают, живут, думают. Беженцы создают новую Германию. Ср.: *Sie werden das Land verändern, schaffen ein Neues Deutschland* [1, 21]. По мнению экспертов, мигранты являются спасителями, которые решат проблемы

страны с недостатком рабочей силы. Кроме того, упоминается, что большая часть мигрантов — хорошо образованные люди [26, 26].

Журнал *Spiegel*, приводя конкретные примеры, создает положительный образ мигранта: Самуэль Осей учит немецкий, помогает с переездом другим беженцам, любит Грайфсвальд, море и старый город. Ср.: *Er (Samuel Osei) lernt Deutsch, jobbt als Umzugshelfer für andere Flüchtlinge. Osei mag Greifswald, er mag das Meer, die Altstadt* [4, 21]. Автор обращает внимание на уровень образования отдельных мигрантов, например, 32-летний Осман из Сирии является квалифицированным IT-специалистом и в совершенстве владеет английским языком. Ср.: *Osman, 32, IT-Experte aus Syrien, spricht perfekt Englisch*. Автор подчеркивает, что мигранты очень трудолюбивые. Ср.: *Er (Osman) würde gern arbeiten, Geld für seine Familie verdienen* [4, 25]. Но тем не менее они не могут сразу получить работу, так как не имеют возможности официально трудоустроиться.

К январю 2016 г. в СМИ все чаще появляются статьи, посвященные проблемам интеграции беженцев. Так, журнал *Spiegel* публикует историю Мохаммеда Хамза, который при всем своем желании выучить немецкий и найти работу не в состоянии этого сделать, так как группы языковых курсов переполнены, преподавателей не хватает, и поэтому он вынужден бездельничать, что совсем ему не свойственно, так как в Дамаске он учился на IT-специалиста и работал в крупной компании [7, 28]. Из-за того, что многие беженцы не могут посещать курсы и заниматься делом, у немецкого общества создается негативный образ мигрантов, что влечет за собой абсурдные сообщения в социальных сетях. Журнал *Spiegel* критикует разжигание межнациональной вражды, развенчивая мифы (например, истории о том, что в Саксонии «чуждые» европейской культуре мусульмане выкрали из контактного зоопарка коз и зажарили их на костре, что беженцы, обналичивая социальные чеки, покупают себе дорогие брендовые кроссовки [6]).

Реальная обстановка в лагерях беженцев напоминает декорации социально-психологического эксперимента, проводимого с целью спровоцировать насилие. Отсутствие личного пространства, повсеместные очереди, ограниченные площади, коммуникация на чужом языке и постоянная неуверенность в собственном будущем создают колоссальное напряжение, которое можно объяснить особенностями человеческой природы, а не принадлежностью к какой-либо национальности [26, 34].

Местные жители

Реакция местных жителей на увеличение потока беженцев, с одной стороны, негативная — подавляющее большинство граждан обеспокоены происходящим, волна эйфории проходит [8, 13, 14, 16]. Ср.: *Die übergroße Mehrheit der Bürger machen sich Sorgen. Doch die Welle der Euphorie ebbt ab* [13, 26]. При описании отношения местных жителей к происходящему встречаются такие глаголы и словосочетания, как *бояться* (ср.: *fürchten, Angst haben*), также при описании реакции местного населения используется глагол *стонать*. Под натиском беженцев стонут все федеральные земли. Ср.: *Unter dieser Flüchtlingslast ächzen alle Bundesländer* [8, 22–23].

С осени 2015 г. беспокойство местных жителей усугубляется сообщениями в СМИ о том, что мигрантов ловят на границе. Ср.: *aufgreifen, erwischen, kriegen*. В статьях также поднимаются проблемы, связанные с лицами, тайно ввозящими мигрантов, их называют контрабандистами. С другой стороны, реакция жителей немецких городов положительная: немцы верят в успех и считают его возможным. Ср.: *die Deutschen glauben an den Erfolg, halten ihn (den Erfolg) zumindest für möglich* [13, 26]. Это подтверждается использованием следующих глаголов действия: *местные жители организуют, координируют, устанавливают, создают, достигают, относятся с состраданием к мигрантам с уставшими, изнуренными лицами*. В Пассау коренные жители постепенно привыкают к тому, что вечерами, когда они возвращаются из бара домой, им навстречу попадаются многочисленные группы беженцев, с чемоданами в руках и в сопровождении детей. Ср.: *In Passau gewöhnen sich die Menschen allmählich daran, dass ihnen abends, auf dem Weg von der Kneipe nach Hause, größere Gruppen von Flüchtlingen mit Kindern und Rollkoffern begegnen* [26, 32].

Различные организации подыскивают мигрантам жилье. Арендодатели, как правило, пожилые люди, которые сами пережили миграцию и изгнание. В данном случае автор делает акцент на моральные принципы, которыми руководствуются местные жители, желающие помочь беженцам: они знают, что такое остаться ни с чем на улице. Миграция показала, что общество Германии открыто миру [13].

При этом упоминается и раскол общества на тех, кто согласен принять данное количество мигрантов, и тех, кто не готов к такому шагу. Ср.: *Deutschland ist in diesen Tagen ein gespaltenes Land* [8]. Против беженцев выступают не только нацисты, но и местные жители, которые боятся мигрантов. Был зафиксирован случай, когда налоговый инспектор сжег место размещения беженцев в целях безопасности женщин и детей, проживающих по соседству.

В августовском номере журнала *Stern* приводятся статистические данные: 80 % местных жителей выступили за принятие мигрантов, 44 % согласились бы принять еще больше мигрантов. Меньшинство, которое высказало сомнения о целесообразности такой гигантской кампании по приему беженцев, названо малодушным [26].

Отношение местных жителей к мигрантам с Балкан можно описать как крайне негативное. В заглавии статьи «Помогите, Балканы наступают!» мы видим призыв о помощи в решении проблемы с балканцами. Ср.: *Hilfe, der Balkan kommt!* [8]. Сотрудница ведомства по делам иностранных граждан полагает, что балканцы приезжают в Германию за тем, чтобы получить медицинскую помощь и вести беззаботную жизнь. В статье сообщается о росте недовольства среди местного населения. Ср.: *...der wachsende Unmut der Bevölkerung* [8, 23–24]. В Баварии местные жители угрожают, что закроют частные гостиницы. Ср.: *Die Wirtsleute drohen mit der Schließung des Gasthauses* [Там же, 24]. Также говорится об убытках, связанных с миграционным процессом, которые покрываются в основном за счет средств налогоплательщиков. Ср.: *Das kostet Milliarden Euro Steuergelder, treibt die Behörden an den Rand des Kollapses und spaltet zunehmend die Gesellschaft* [8, 20]. Кроме того,

внимание акцентируется на описании колоссальных расходов и растущих затрат на размещение беженцев. Ср.: *So explodierten die Kosten für die Unterbringung wegen der gestiegenen Aufwendungen für Asylbewerber* [Там же, 27].

В статье журнала *Spiegel* «Ненависть и приюты» речь идет о насилии со стороны местных жителей по отношению к мигрантам. Самым крупным скандалом на этой почве стал поджог временного места проживания беженцев в г. Мейсен. Нападавшие были в состоянии алкогольного опьянения, со свастикой на груди и расистски настроены. Правые силы атакуют места проживания беженцев чуть ли не каждый день. Беженцы боятся за свою жизнь. Ср.: *angetrunken, aggressiv, ein Hakenkreuz auf der Brust, die Angreifer, die Anfeindungen der Rassisten* [4, 6].

Против мигрантов выступают «правые» (ср.: *die Rechten*), люди с низким уровнем образования (ср.: *Menschen mit niedrigem Bildungsgrad*), люди, которые ищут защиты от организации ИГИЛ и ассоциируют мусульман с террористами (ср.: *Muslimischen Asylbewerbern wird etwa eine Nähe zur Terrororganisation "Islamischer Staat" unterstellt*), жители кварталов блочных многоэтажек, предприниматели, адвокаты, врачи и т. д. Именно образованные люди рассматривают беженцев как «экономически бесполезную» часть населения. Ср.: *Gerade Bildungsbürger würden Flüchtlinge oft als ökonomisch wertlos betrachten* [4, 23].

В немецкой прессе можно проследить причины негативного отношения местных жителей к беженцам:

1. Антимиграционное движение приобретает характерные для расизма черты. Его задача — вызвать страх и беспокойство у местных жителей по поводу наплыва беженцев. Ср.: *Die Anti-Asyl-Agitatoren wollen Angst verbreiten, Unruhe stiften, den Zuzug von Flüchtlingen aufhalten. Ihre Propaganda arbeitet mit Ressentiments gegen Schwarze, Roma, Muslime* [Там же].

2. Боязнь организации ИГИЛ. Всем беженцам-мусульманам приписывают причастность к террористической организации «Исламское государство», хотя большинство беженцев были вынуждены покинуть родную страну из-за страха перед ИГИЛ. Ср.: *Muslimischen Asylbewerbern wird etwa eine Nähe zur Terrororganisation "Islamischer Staat" unterstellt, dabei sind etliche Schutz Suchende gerade vor dieser Gruppe geflohen* [Там же].

3. Создание стереотипов. Правительство всеми силами вытесняет сексизм и гомофобию, но со стереотипами, связанными с беженцами, политики борются с меньшей силой. Ср.: *Der Staat habe Sexismus und Homophobie zurückgedrängt, doch Stereotype über Asylbewerber würden von der Politik zu wenig bekämpft* [Там же, 25].

4. Неосведомленность. Мало кто из враждебно настроенных к беженцам людей когда-либо контактировал с последними. Они не имеют никакого представления о судьбе ищущих защиты, об их зачастую смертельно опасном пути в Германию. Ср.: *Die wenigsten Asylfeinde haben jemals Kontakt zu Flüchtlingen. Sie wissen wenig über das Schicksal der Schutzsuchenden, über deren oft lebensgefährliche Odyssee nach Deutschland. Die Ahnungslosigkeit erleichtert es, die Menschen als bedrohlich zu dämonisieren* [Там же].

Журнал *Spiegel* показывает конфликт мнений в обществе: с одной стороны, солидарность с беженцами в ФРГ высока, как никогда ранее. Жители Германии

выступают с инициативами по оказанию помощи беженцам. С другой стороны, во многих регионах это испытание переносят крайне тяжело. Наблюдается рост расизма. Ср.: *Einerseits ist die Solidarität mit Flüchtlingen in der Bundesrepublik so groß wie selten zuvor. In der ganzen Republik haben sich Initiativen gegründet, die Asylbewerbern im Alltag helfen. Andererseits ist das Land mancherorts schwer zu ertragen. Rassistische Gewalt nimmt zu* [5, 17]. Одна из публикаций сопровождается фотографией, изображающей толпу местных жителей Германии с плакатом в руках. Надпись на плакате гласит: «Нет места для бегства» (ср.: *Kein Ort zum Flüchten*) [4, 22]. Кроме того, указывается география распространения насильственного движения против мигрантов. Нападки случаются чаще всего на востоке страны, но не только там. В Баварии и Рейнланд-Пфальц горят приюты, а неонацисты призывают к охоте на мигрантов. Ср.: *Die Attacken auf Flüchtlinge tragen sich vermehrt im Osten zu, aber nicht nur dort. Auch in Bayern und Rheinland-Pfalz brannten Unterkünfte, rufen Neonazis zur Jagd auf Einwanderer auf* [Там же].

Большое влияние на восприятие беженцев местными жителями оказали события в Кельне в новогоднюю ночь, когда в полицию поступили многочисленные заявления пострадавших от домогательств со стороны организованных групп мигрантов [18]. Радужие немцев сменилось озабоченностью, многие из них стали испытывать страх за свою жизнь и здоровье, в первую очередь недовольство вызывают молодые выходцы из Сирии и Афганистана (70 % беженцев — мужчины младше 30 лет) [3, 22]. Эту тенденцию не может остановить даже положительная статистика: так, количество беженцев с января по ноябрь 2015 г. увеличилось до 1 млн, а количество преступлений, по которым подозреваемыми проходят мигранты, осталось без изменений [Там же].

Добровольцы

Группы добровольцев воспринимают беженцев иначе. Благодаря волонтерам волна помощи охватывает Германию. Ср.: *Noch rollt eine Welle der Hilfsbereitschaft durch Deutschland* [8]. Сотни немцев с готовностью включаются в работу с беженцами. Например, только за выходные добровольцы организовали систему по сбору пожертвований для беженцев. Государство не справляется с размещением всех прибывающих миграционных групп, в отличие от гражданского общества, которому удается обеспечивать мигрантов предметами первой необходимости [1, 8, 22, 26].

В одной из статей журнала *Stern* речь идет о добровольцах и благотворительных организациях, которые оказывают помощь беженцам с момента их прибытия в страну. В статье говорится, что работу с мигрантами осуществляет не только молодежь, но и взрослые люди, в частности 27-летний логист Руди Борщ. Он занимается организацией процесса встречи мигрантов и курирует работу волонтеров. Помимо логистов, мигрантов также встречают представители правительства, санитары, пожарные, полиция и добровольцы, готовые помочь. На вопрос, почему они помогают мигрантам, следует ответ, что они не могут иначе, это их моральный долг. Ср.: *Das ist unsere moralische Pflicht. Ich kann nicht anders* [14, 53–54].

Общая цель — длительная эффективная интеграция мигрантов, чтобы они стали полноценными гражданами общества. Добровольцы воспринимают работу с беженцами как долг. Все немецкие семьи, имеющие детей, обеспокоены вопросом обучения детей мигрантов, который поднимается на каждом родительском собрании. Местные жители и добровольные организации ищут пути для решения всех возникающих проблем. Таким образом, можно утверждать, что германское общество характеризуется очень развитой культурой гостеприимства [21].

Директор одной из немецких школ Эрхарт Буда добровольно принимает детей мигрантов в свою школу. Он считает своим долгом помочь детям интегрироваться в школе. Эрхарт организует классы, в которых новые ученики учат немецкий как иностранный. Многие преподаватели добровольно согласились работать с этими детьми. Он считает, что обучение детей мигрантов отдельно от остальных учеников будет препятствовать процессу интеграции. Подобные социальные инициативы служат помимо прочего доказательством успешности интеграционной политики Германии и толерантности общества [27].

Несмотря на массовое проявление гражданского долга, обеспокоенность по поводу нехватки полицейских, социальных работников и волонтеров растет, и порой их нехватка приводит к внештатным ситуациям в местах массового размещения беженцев. В целом ситуация в лагерях не меняется к лучшему [27].

Политики

В статьях журнала *Stern* создается образ активного государства: оно решает проблемы, обустроивает классы, нанимает новых учителей, чтобы у детей началась новая жизнь [8, 21]. Государство действует в рамках соблюдения конституционных норм.

Однако принятые правительством решения не всегда дают ожидаемый результат [9–12, 19, 25]. В статье «Плана нет» присутствует красочный подзаголовок «Сначала — радушный прием, теперь — пограничный контроль». В ней говорится о том, что во время миграционного кризиса канцлер «изворачивается» как может, а Европа «бросила Германию на произвол судьбы». Например, на просьбу Германии о помощи беженцам другие страны Европы отвечать не хотят. Руководитель польской партии «Право и справедливость» Беата Шидло считает, что Германия шантажирует их и ставит к стене. Несмотря на заявление политиков о готовности Германии к принятию беженцев, политика страны относительно миграционного вопроса описывается как бессильная, беспомощная, лишенная плана [16, 21].

Растущая критика в адрес миграционной политики подтверждается следующим подзаголовком: «Мир восхваляет Ангелу Меркель за ее готовность помочь беженцам. А в Германии растет недовольство: слава канцлера меркнет». Ср.: *Die Welt feiert Angela Merkel für ihre Hilfsbereitschaft gegenüber Flüchtlingen. In Deutschland aber wächst die Kritik: Der Nimbus der Kanzlerin ist in Gefahr* [13, 24]. В данной статье применительно к ситуации с миграцией употребляются слова *штурм*, *захват*. Принятие такого большого количества беженцев описывается как действия против всяких правил (ср.: *gegen alle Regeln*). Госсекретарь министерства финансов Йенс

Шпан, говоря об изменении в настроениях населения относительно мигрантов, указывает на то, что позитивное настроение в стране постепенно меняется. Ср.: *...dass sich die noch positive Stimmung im Land "stündlich" ändere* [13, 27].

Руководитель Христианско-социального союза (ХСС) Хорст Зеехофер называет поступок Ангелы Меркель большой ошибкой. Ср.: *Fehler, der uns noch lange beschäftigen wird* [13, 25]. И эта ошибка может сказаться на популярности госпожи Меркель. Ср.: *Das könne auch auf die Popularität von Merkel durchschlagen* [12, 1]. ХСС ссылается на то, что канцлер сама несет ответственность за миграционный вопрос. Ср.: *Die Kanzlerin hat in der Flüchtlingspolitik die Führungsrolle übernommen* [13, 30]. В СМИ выражаются сомнения относительно правильности принятия решений канцлером. Под вопрос ставится дальновидность Ангелы Меркель, ей даже предъявляют обвинения в капитуляции по данному вопросу, которую она не признает, прикрываясь весомым лозунгом «Мы справимся». Ср.: *Hat Merkel die Entwicklung falsch eingeschätzt? Hat sie, die Physikerin, die Dinge einmal nicht vom Ende her bedacht, nicht berechnet, kalkuliert und geplant?, Merkels kraftvolles "Wir schaffen das" hat sich in eine Kapitulation verwandelt* [13, 26]. Журнал *Spiegel* выпускает номер, на обложке которого изображена канцлер Германии в облачении матери Терезы и дается заголовок: «Мать Ангела. Политика Меркель разъединяет Европу» («*Mutter Angela. Merkels Politik entzweit Europa*») [20].

Одним из основных провалов считают конец политики открытых границ в Европе (ср.: *...das grenzlose Europa wird zur Festung ausgebaut; die Nationalstaaten rüsten sich gegen immer neue Flüchtlingswellen* [8]), а Ангелу Меркель стали называть предательницей своего народа [26, 20].

Власти как могут занижают численные показатели по вновь прибывшим в страну мигрантам. Министерство миграции и беженцев дало неверный прогноз, что осложнило процесс принятия беженцев в Нюрнберге. Профессор Мюнстерского университета Дитрих Тренхарт называет прогнозируемые данные — 800 тыс. беженцев слишком оптимистичными. В ответ на это министерство «защищается», ссылаясь на то, что такие события спрогнозировать очень сложно, и они могут развиваться самым неожиданным образом. Ложный прогноз создал ситуацию, при которой часть беженцев живут в палатках или спят под открытым небом. Министр внутренних дел земли Шлезвиг-Гольштейн оценивает эти прогнозы как терпимые, но мигранты все еще продолжают прибывать. В июле были сделаны окончательные прогнозы. Но, по словам Ангелы Меркель, «данную проблему в нормальном рабочем режиме решить невозможно» [1].

Положительную оценку политике Меркель дают страны, далекие от ЕС, — США и Израиль («Браво!», «Германия ведет первоклассную политику, достойную похвалы»). Ср.: *In Israel und den USA wird Merkel gefeiert, ein "Bravo" für die Kanzlerin formulierte die «New York Times»; "Deutschland verhalte sich "nobel und lobenswert", sagt der israelische Historiker Tom Segev*» [20, 18].

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что во многих статьях немецкоязычных журналов большое внимание уделяется тому, как изменится Германия после «прихода» беженцев. Понятия «мы» (местные жители) и «другие» (мигранты) разграничены. Беженцы и местные жители изображены как две противоположные

стороны: местные жители — «мы» — чувствуют себя притесненными, количество недовольных ситуацией постоянно растет. «Они» — беженцы — дестабилизируют налаженную жизнь, являются причиной нужды и перенапряжения для жителей и местных властей. Беженцы должны учиться, подстраиваться под коренных жителей, и нигде нет речи о кооперации местных жителей и мигрантов. Однако проводимая государством политика требует обратного, а именно интеграции беженцев, и это стремление порождает другую проблему современной Германии — раскол немецкого общества на поддерживающих миграционную политику и ее противников [17]. Группа «мы» включает местных жителей, которые помогают беженцам в общежитиях, и самих мигрантов, а группа «другие» бросает камни, поджигает общежития, критикует политику, проводимую канцлером Ангелой Меркель. Соответственно, разделение происходит по принципу, принимает человек или не принимает идею интеграции и мультинационального общества. Ссоры происходят в семьях, в партиях, в парламенте, в прессе, а также на улицах, и даже с применением насильственных методов [1, 11]. Вопрос миграции вызвал противоречия между Западной и Восточной Германией, которые исторически имеют разные взгляды. Общество Западной Германии с готовностью принимает мигрантов, в то время как жители восточной части страны отказывают им в убежище.

В связи с этим возрастает социальная ответственность СМИ ФРГ. Они должны способствовать развенчиванию стереотипов, избегать представления событий, основываясь исключительно на собственном культурном опыте, а также упоминания этнической принадлежности, особенно при освещении событий криминального характера. Кроме того, следует отказаться от использования клише, которые служат для привлечения внимания читателей. Очень важно давать слово самим беженцам, предоставлять им возможность быть услышанными, понять их видение ситуации. Тогда, наряду с описанием проблем, связанных с огромным притоком беженцев, будут освещаться и положительные последствия этого процесса для развития немецкого общества.

-
1. *Amann M., Friedmann J., Hoffmann C. et al.* Das neue Deutschland // Spiegel. 2015. № 36. S. 18–29.
 2. *Amann M.* Helles Deutschland. Dunkles Deutschland // Spiegel. 2015. № 36. S. 1, 3.
 3. *Amann M.* Wir brauchen einen Plan B // Spiegel. 2016. № 3. S. 16–17.
 4. *Bartsch M.* Der Hass und die Heime // Spiegel. 2015. № 31. S. 21–26.
 5. *Bartsch M., Dahlkamp J., Popp M. et al.* Die Grenzen des Glücks // Spiegel. 2015. № 31. S. 14–18.
 6. *Bartsch M., Clauß A.* Der Ziegenmord von Lostau // Spiegel. 2016. № 1. S. 37–39.
 7. *Bartsch M., Baumgärtner M., Neumann C. et al.* Stuff Pauken für Deutschland // Spiegel. 2016. № 1. S. 28–30.
 8. *Elflein C., Kutzim J., Weikard A.* Hilfe, der Balkan kommt! // Focus. 2015. № 31. S. 18–24.
 9. *Gassel S.* Von aller Welt verlassen // Stern. 2015. № 39. S. 38–39.
 10. *Gerwien T.* Merkel allein zu Hause // Stern. 2015. № 42. S. 40–43.
 11. *Goffart D., Niesmann A., Van Ackeren M.* Alle gegen Merkel // Focus. 2015. № 43. S. 30–31.
 12. *Goffart D.* Das verschweigt die Politik // Focus. 2015. № 39. S. 27.
 13. *Goffart D.* Wir schaffen das — und damit basta? // Focus. 2015. № 39. S. 25–30.

14. *Gießgen F.* Im Sondereinsatz // Stern. 2015. № 39. S. 52–56.
15. Habgierig? Hungrig // Spiegel. 2015. № 31. S. 1.
16. *Hoidn-Borchers A.* Kein Plan // Stern. 2015. № 39. S. 49.
17. *Jörges H.* Zwei Deutschlands // Stern. 2015. № 44. S. 28.
18. *Kutzim J.* Nacht der Schande // Focus. 2016. № 2. S. 32.
19. *Mathes W.* Merkel als Kanzlerin? Ja, aber ohne ihre Politik! // Stern. 2016. № 5. S. 30.
20. *Nicola A., Amann M., Gude H. et al.* Herzdame // Spiegel. 2015. № 39. S. 16–24.
21. *Peters R.* Wohin mit Amet? // Stern. 2015. № 36. S. 38–42.
22. *Schnibben C.* Abschwellender Bocksgesang // Spiegel. 2015. № 39. S. 104–108.
23. Staatssohnmacht // Spiegel. 2016. № 3. S. 1.
24. *Van Ackeren M.* Geholfen, geduldet, anerkannt // Focus. 2015. № 31. S. 24.
25. *Van Ackeren M.* Merkels Plan B // Focus. 2016. № 3. S. 32.
26. *Wüllenweber W.* Der Ansturm // Stern. 2015. № 36. S. 26–37.
27. *Wüllenweber W.* So geht Deutschland // Stern. 2015. № 42. S. 30–38.

Статья поступила в редакцию 02.08.2016 г.

УДК 791.622:94(470)“1941/1945” + 654.197(470)

М. А. Мясникова
И. Е. Тарасов

МЕСТО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО В ПРОГРАММНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ

Рассматриваются подходы российских телеканалов к документальному кино (на примере фильмов о Великой Отечественной войне); выявляется сущность экранной документалистики в ее истинном (не суррогатном) виде и доказывается необходимость ее присутствия в телеэфире.

Ключевые слова: документальное кино; российские телеканалы; программная политика; тема Великой Отечественной войны в документальном кино.

Медиаисследователь С. Уразова называет телепрограмму индикатором социокультурного состояния общества. «Иначе говоря, по той экранной продукции, что востребована массами, отдельными социальными группами, можно судить и о социальных предпочтениях, об интеллектуальном потенциале общества в конкретном историческом периоде» [17, 95]. В теории и практике телевидения программирование эфирного телевидения характеризуется как «способ отыскания наиболее прочных, наиболее действенных контактов телеэкрана и зрителя»

МЯСНИКОВА Марина Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: avt89@yandex.ru).

ТАРАСОВ Илья Евгеньевич — корреспондент ГТРК «Урал», г. Екатеринбург (e-mail: animus_anima@mail.ru).

© Мясникова М. А., Тарасов И. Е., 2016

[3, 10]. Как видим, здесь зафиксирована коммуникативная основа существования телевидения. По словам исследователя Р. Борецкого, коммуникативная функция телевидения реализуется в телепространстве «не эпизодически, а *систематически*, каждодневно; не отдельными “прикосновениями” к постепенно накапливаемой аудитории, а *системой* произведений, объединенных в некую пространственно-временную форму и адресуемых к дифференцированной массе» [Там же, 5]. То есть программа понимается не просто как расписание передач или даже план (стратегия и тактика) программных действий, но как сложный, многосоставный *продукт творческой деятельности*. Причем обитающий не «в голове» и не «на бумаге», а реально, в живом эфирном пространстве. Телевидение не существует вне программы. Его морфологические элементы проявляют себя в ходе ее функционирования. А в самой программе при всех вариациях, связанных с течением времени или конкретным состоянием аудитории, общества, данного этапа развития цивилизации, в близком соответствии с неизбежными *повседневными* человеческими нуждами и стабильными особенностями нашего восприятия обнаруживаются повторяющиеся блоки и определенные закономерности.

В телеконтенте издавна укоренился и такой весьма привлекательный для зрителя блок, как кино (включая все его виды плюс телесериалы). Сравним разные точки зрения на эту тему. «Ежедневная аудитория кинопродукции (на телевидении. — *Авт.*) больше, чем все просмотры российскими зрителями кинофильмов за год. В мировоззренческом, социальном, политическом, тем более культурном плане телевидение — крупнейший игрок на рынке кино», — констатирует главный редактор журнала «Искусство кино» Даниил Дондурей и приводит следующие недавние показатели [7, 106–107]. На десяти основных федеральных каналах и сетях, контролирующих, по существу, все телевизионное пространство России, сериалы составляют 19 % контента, ситкомы и скетчкомы — примерно 7–8, анимационные фильмы — 5 и документальное кино с его суррогатами — 4 %. В сумме получается около 36 %. И это совсем не мало. Однако режиссер-документалист Виталий Манский, полемически заостряя вопрос, утверждает, что «у нас на телевидении вообще нет документального кино» [Там же, 112]. Очень мало картин делается с участием телевидения. Да и те никто не показывает. Зато их покупают телеканалы во многих странах мира. Они востребованы на крупнейших международных фестивалях. А наши телеэкраны закрыты для подобных лент. «То, что хоть как-то могло существовать как развитие даже не кинематографической мысли, а просто жизни в нашей стране... просто выталкивается за пределы существования» [Там же, 113]. Все подменено в телеэфире теми самыми суррогатами из области «псевдокино» с их типичными признаками, которые выявил в свое время исследователь телевидения Сергей Муратов [11, 124]: изображение, композиция, монтаж неважны; дикторский текст, озвученный одними и теми же голосами, обязателен; художественная образность отсутствует. Эти конвейерные опусы типа «Кремлевских жен» или «Кремлевских похорон» можно слушать, но не смотреть, ведь они, по выражению того же С. Муратова, — «упаковка пустоты». Телеканалы, по сути, игнорируют настоящее документальное кино, продюсируя и финансируя так называемые «формульные» фильмы (портретные, исследовательские,

научно-популярные), построенные на шаблоне и очень часто напоминающие обычные телепередачи. «Это, действительно, очень специальный форматный продукт, имеющий очень малое касательство к реальности, — подтверждает режиссер Алексей Ханютин. — В частности, фильмы про величие советского государства... И еще: про несчастных актеров, когда-то знаменитых, теперь забытых, умерших в одиночестве или в нищете. Есть несколько таких стереотипов, которые дают рейтинг и бесконечно эксплуатируются. Причем делается все абсолютно одинаково. Такое кинорадио...» [12, 17–18].

Как видим, у телеканалов нет разумной программной политики по отношению к сложному, нестандартному, социальному кино, в том числе и документальному, что выражается как в неспособности телевидения «показывать лучшее из того, что оно имеет», так и в «умении» «показывать это лучшее так, чтобы его увидело наименьшее число зрителей» [10, 322–323]. У документального кино отсутствует должное анонсирование, кинопоказы блокируются каналами-конкурентами, отсутствует постоянная прописка в эфире, однократные показы осуществляются в неудобное, как правило, ночное время, вместо многократных — в прайм-тайм. Как утверждает кинопрокатчик Антон Мазуров, «слотов для документального кино нет ни на одном канале» [4, 14]. Развлекательность до отказа заполнила эфир. И под все это подводится своя теоретическая база. «Телевидение не должно быть интеллектуальным и умным», — констатирует журналист Александр Невзоров [10, 302]. «Телевидение — это общественная столовая... Мы работаем в сфере обслуживания», — подтверждает гендиректор Первого канала Константин Эрнст [Там же, 302]. «Нет спроса на качественный продукт — сегодня нам это не нужно», — заключает председатель совета директоров компании «СТС Медиа» Петр Авен [14, 18]. А киновед, культуролог и телеведущий Кирилл Разлогов с грустью разъясняет: «Согласно социологическим данным, искусством в серьезном, интеллектуальном смысле слова интересуется от 3 до 7 процентов аудитории» [4, 17].

И все же присутствие документального кино в телепрограмме не только желательно, но и необходимо. Во-первых, это важно для самого кино: телевидение способно предоставить документалистам выход к колоссальной аудитории. «Эфир оказался единственной смотровой площадкой, где широкая публика получала возможность встретиться с произведением экранного документалиста» [10, 319]. Ведь в кинотеатрах документальное кино не показывают уже давно, а фестивальная аудитория никогда не бывает массовой. Во-вторых, это имеет значение и для зрителя: телефильм ценнее любой телепередачи. Сергей Муратов назвал документалистику «стратегическим оружием» вещательной политики каналов. Об этом говорит и тяготение документального телекино к цикличности (многосерийности), большеохватности проблем, и особый характер взаимодействия с повседневностью. Фильм может явиться поводом к тому или иному экранному обсуждению или, наоборот, оказаться продолжением дискуссии; послужить иллюстративным материалом для изучения жизненных проблем; войти составной частью в различные передачи или стать самостоятельным произведением искусства. «Фильм от передачи отличается уже тем, — по мысли С. Муратова, — что это произведение многократного использования, изначально

и структурно задуманное с таким запасом социальной и эстетической прочности, которая позволяет рассчитывать на его экранное долголетие» [10, 320]. И еще. «Настоящий... документальный фильм предполагает многозначность и диалог со зрителем: такой фильм — произведение автора, а не системы» [11, 124–125]. Ученый отмечал такую особенность телевидения, как способность разговаривать непосредственно со зрителем, что позволяет характеризовать его как живую среду взаимодействия, как новую фазу человеческого общения. Телевидение — «кратчайшее расстояние между человеком и человечеством. Точнее, путь от человечества к человеку» [10, 339]. А документальный фильм, «приуроченный к событиям, датам или социальным коллизиям с открытым финалом... становится своего рода общественным резонатором» [Там же, 343].

Близкую мысль высказывал в свое время режиссер и теоретик И. Беляев: «Документальный фильм — это фильм в настоящем времени даже тогда, когда избирается сюжет о прошлом» [2, 135]. Но при этом «телевидение делается “на сегодня”, а кино как бы навсегда» [Там же, 181]. Первое «отражает действительность», второе — «изображает»; первое — «поток жизни», второе — «поток сознания»; первое «реально», второе «условно» [Там же, 182]. И телевидение нуждается в кино: оно «без собственного кино — недоразвито. Оно — недотелевидение», — подтверждал С. Муратов [10, 327]. Хотя вывод звучал пессимистично: «...документальное кино — потребность общества, но сегодня — увы! — не потребность каналов» [Там же, 318].

Ситуация, к сожалению, не сильно разнится, когда речь заходит о фильмах на историческую тему, и в частности о фильмах, посвященных Великой Отечественной войне. Телеканалы и в этом случае ведут себя преимущественно как коммерческие предприятия и сферы обслуживания. А ведь призвание документалистики иное. Она «так или иначе, возвращает человека к полноте понимания жизни, способствует формированию системного мировоззрения и мировосприятия. Она целенаправленно воздействует на разум, мысли и чувства, включает рецепторы познавательной деятельности индивида, обладает значимыми сущностными характеристиками... Основная функция документального творчества состоит в том, чтобы разбудить разум человека... достучаться до его нравственного ядра, показать реальные срезы жизни индивида и общества... Документалистика — показатель общественной сорефлексии создателей фильма и его зрителей. В документальности как внимательном наблюдении за жизнью растворяется сиюминутность и несовершенство современности, документы и факты проецируют вневременное и внепространственное бытие человека», — формулирует петербургский исследователь Ю. Клюев [8, 96].

Традиция отражения Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в нашей экранной документалистике сложилась десятки лет назад [5]. С течением времени что-то менялось как в методах отражения войны, так и в способах ее донесения до аудитории. Приходили новые поколения документалистов, менялся и зритель, который «нуждался в телевизионном искусстве, потому что только оно изредка говорило правду. Из-под плит железобетонной пропаганды пробивалась на экран живая жизнь в образах» [2, 182]. Документальное кино на историческую тему

и сегодня снимается во многом для того, чтобы рассказать зрителям об эпохе в целом, о крупных событиях: сражениях, переговорах, решениях высшего руководства страны. Но на этом фоне мы видим также и истории простых людей: фронтовиков, тыловиков, блокадников, людей, оказавшихся на оккупированных территориях. Многие из них рассказали миру о своих подвигах и страданиях на страницах газет, в эфире радио и телевидения, в мемуарах и на киноленте. Портрет реального человека с реальной судьбой делает историю более понятной и близкой зрителю. Исследователь телевидения Владимир Саппак доказывал, что «живой человек на экране — уже несет в себе зерно художественности. Экран типизирует человека, экран демонстрирует его характер, экран ставит его в особые отношения со зрителем, со мной» [16].

С. Муратов писал также о влиянии на документальное кино коммуникационного эффекта включенности в телепрограмму и о том, что этому эффекту способствует сопряжение с датой — событийная приуроченность показа, календарный принцип (историческая синхронизация). Это имеет прямое отношение к фильмам о Великой Отечественной войне, премьеры которых, как правило, привязаны к памятным датам. «А поскольку восприятие телеаудитории — акт общественный и всякий раз неповторимый в силу уникальности самого контекста программности, то телевидение способно актуализировать или “осиюминутить” содержание любого транслируемого... сообщения» [10, 73]. То есть «программный контекст, в котором оказывается кинофильм, создает некий ситуационный эффект. <...> Демонстрация старого кинофильма “В шесть часов вечера после войны” по 1-й программе ЦТ, поставленная на 9 мая, — своего рода событие дня, тогда как в кинозале этот же фильм собрал бы незначительную аудиторию...», — утверждал С. Муратов [Там же, 61] и, ссылаясь на мысль другого исследователя В. Вильчека, добавлял: «Когда мы смотрим на экране старую хронику или старый фильм, на нас воздействует не столько содержание ленты, сколько сам факт ее включения в современный контекст. Время фильма — иллюзорно, условно. Время передачи — всегда реально» [Там же, 60]. Все эти наблюдения исследователей и практиков телевидения чрезвычайно важны для нашего анализа сегодняшней программной политики российских телеканалов по отношению к документальному кино.

В 2015 г. Россия отметила семидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне, а в 2016 г. — семидесятипятилетие ее начала. Юбилеи миновали, но тема остается актуальной, привлекая к себе внимание новых поколений людей. Сегодня та война не уходит ни со страниц книг, ни с теле- и киноэкранов, ни из памяти народной. Это связано как с давно сложившейся традицией, так и со злободневным общественным запросом, связанным с тем, что в истории войны по-прежнему остается немало белых пятен. А тем временем ветераны уходят, унося с собой частицы памяти, способные эти белые пятна стереть, открыв для нас до сих пор остающиеся неизвестными цифры, факты, биографии, имена, связанные с событиями тех давних лет. Мы рассмотрели два документальных фильма: «Блокаду» Сергея Лозницы и «Голоса» Катерины Гордеевой. Несмотря на то, что оба посвящены одной теме, они максимально не похожи друг на друга. С одной стороны, состоящая только из кинохроники и потому невероятно, если можно так сказать,

«аутентичная», прекрасная в своей простоте и лаконичности картина Лозницы, с другой — подкупающая разнообразными приемами работа Гордеевой. С одной стороны, город теней, в котором не разобрать ни лиц, ни голосов, который мы видим в «Блокаде» Лозницы. С другой — огромное количество живых героев-блокадников в «Голосах», ведь даже тех, кто не дожил до наших дней, авторы как бы «оживили» при помощи актеров, которые озвучили их воспоминания. Будучи такими разными по форме и содержанию, обе картины трогают до глубины души, заставляя зрителя почувствовать, каково это — столкнуться со смертью лицом к лицу в осажденном городе.

Лозница провел огромную работу с архивом. Ни музыки, ни закадрового авторского комментария, ни слов очевидцев и экспертов в фильме нет — только кинохроника, которую, правда, пришлось специально озвучить — добавить шум города. Мы слышим гул машин, стук трамваев, шаги и гудение человеческих голосов, но ни одного слова разобрать не можем. Более того, и видеоряд в картине весь построен на общих планах — крупные отсутствуют. Но при этом сам видеоряд уникален, собран по крупницам из обрывков той «официальной» кинохроники, которая снималась в блокадном Ленинграде. Хотя в нем нет кадров, что могли в то время оказаться «нежелательными»: картин страданий, нервных очередей за хлебом, лежащих повсюду на улицах трупов, подобрать которые было некому. «Режиссер отыскал кусочки, срезки, почти случайные кадры, видимо, на периферии каких-то других уличных съемочных эпизодов. Только уличных. Ничего не было снято в домах, в квартирах. Но и эти короткие сцены на улицах — страшная память, единственные и уникальные документы» — писал о фильме С. Муратов [10, 334].

Таким образом, С. Лозница дает нам возможность «прочувствовать» жизнь в блокадном Ленинграде, оставшись с ним один на один — без автора, ведущего нас, подобно экскурсоводу, без отсылок к современности, где есть живые герои и цветущий мирный город Петербург. Мы словно переносимся в то время, и путешествие это — в один конец. Мы видим в картине одного единственного персонажа — город, наполненный теньями, образ которого складывается из повседневной жизни сотен людей, попавших в объектив кинокамеры. К сожалению, этот фильм мало кто видел, кроме фестивальной публики.

Другой же, двухсерийной ленте К. Гордеевой «Голоса» повезло больше: она была снята и выпущена в эфир на Первом канале. Сделать фильм о блокаде — во многом идея его гендиректора Константина Эрнста, который потом, в ходе работы ни в какие смыслы и идеологические подтексты не вмешивался. Премьера картины была приурочена к 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Правда, фильм вышел в эфир все-таки ночью. Другого времени не нашлось. И многих зрителей это расстроило. Однако интерес к ленте был огромен. Судя по реакции в соцсетях, большое количество думающих людей предпочли не лечь спать, а посмотреть «Голоса». Сама же Катерина Гордеева отнеслась к ночной премьере своей картины спокойно, ее больше поразило отсутствие рекламы во время показа фильма. Это удивительно для Первого канала, но «Голоса» ни разу не прерывались рекламой. «Я невероятно благодарна, — сказала К. Гордеева в одном из интервью. — Я так понимаю, что, в общем, в наше сложное

коммерческое время очень тяжелое решение было для Первого канала. Я очень благодарна Константину Эрнсту за это решение» [1]. Лишь настоящее образное кино могло так эмоционально захватить зрителей.

В названии заключена концепция картины. В отличие от иных масштабных документальных драм о войне в фильме Гордеевой представлены частные истории четырнадцати выживших героев и нескольких десятков тех, за кого теперь говорят только строчки дневников и подписи к детским рисункам. Истории глубоко личные и в то же время такие похожие. Примечательно, что в картине нет экспертов-ученых. В них не было нужды: ведь фильм — не о событиях, а о конкретных людях. Авторский закадровый комментарий склеивает воспоминания блокадников воедино, превращая множество отдельных историй в цельное повествование. Этот фильм — память и о памяти, о том, как она устроена. «Ее надо поддерживать, воспитывать, тренировать. И не только в праздничные и мемориальные даты. Каждый день... Знать, что ты идешь не просто по оживленной улице. А по улице с историей. В том числе и трагической, — размышляет Катерина Гордеева. — У меня нет рецепта по сохранению памяти... Никто из наших героев не считает себя Героем. Они стесняются о себе говорить... Я считаю, что их память — это уникальный документ... Из истории должны быть извлечены уроки. История должна становиться частью памяти. Иначе так и будем ходить по замкнутому кругу. Без выхода и без надежды на это самое светлое будущее, которого всем так хочется» [15].

В фильме используется много документов — кинохроники, фотографий, приказов, распоряжений того времени. И все это перемежается видами современного города. Гордеева использует потрясающий прием. На экране — нарочито дерганая панорама улицы современного Петербурга, и вдруг всплывает черно-белая фотография той же улицы, сделанная в годы войны. Она как бы врезается в современное видео. Звуки улицы остаются, но к ним добавляется гул, словно ветер завывает в трубе. «Мне было важно промаркировать город, который есть сейчас, с точки зрения блокады, — вспоминает Екатерина Гордеева. — Мы совместили современные панорамы улиц с архивными снимками. Чтобы люди, которые идут по этим улицам, представляли, каким он был 70 лет назад. Важно, чтобы эти раны города были видны» [6].

Но, пожалуй, самый пронзительный элемент картины — дневниковые записи очевидцев-блокадников — детей, подростков, молодых людей, озвученные другими голосами. Образы этих людей становятся такими же яркими и реальными, как и лица живых участников событий. Человек стоит к нам спиной и смотрит в окно, за которым видны строчки из дневника, их озвучивает актер. В конце цитаты герой слегка поворачивает голову, оказываясь в профиль к зрителю, но его лицо в тени все равно нельзя разглядеть. Внизу появляется надпись — имя героя, возраст и краткое резюме: умер в таком-то году, эвакуирован либо провел всю войну в блокаде. В сочетании с музыкой это создает потрясающий драматический эффект. В конце фильма мы видим нарезку кадров, выполненных в этом же стиле, но вместо детей уже пожилые люди. Кто они — предстоит додумать зрителю. Комбинируя визуальные приемы с музыкой, создатели добились потрясающего

эффекта вовлеченности зрителя в историю. «Фильм “Голоса” для меня — попытка сохранить, запечатлеть память. Увековечить ее. И именно поэтому с режиссером Сергеем Нурмамедом и художником компьютерной графики Юрием Мелюшиным мы наполнили фильм видеореконструкциями... Это та память, которую уже смогут сохранить будущие поколения. А в том, что память надо сохранять, надеюсь, ни у кого сомнений нет», — говорит автор [13].

Работа над картиной заняла год. Приступая к съемкам, Гордеева сразу столкнулась с огромным количеством мифов вокруг блокады. «Чем глубже мы погружались в исследования, чем с большим количеством специалистов консультировались, тем отчетливее понимали, что достоверных, точных данных, с которыми были бы согласны все исследователи, нет. По некоторым событиям цифры погибших разнятся в несколько сотен тысяч человек» [Там же]. В конце рефреном повторяется фраза, озвученная еще в начале фильма: «Единственная доступная память о тех, из чьей жизни были вырваны восемьсот семьдесят два дня и ночи — это голоса. Они будут звучать до тех пор, пока хоть кому-то будет важно их услышать». «Голосам» повезло. Здесь свою роль сыграл целый спектр факторов: и памятная дата, и яркое художественное решение, и сами герои с их рассказами, и собственно решение телеканала. Другим картинам везет меньше.

Недавно в екатеринбургском Доме кино состоялась премьера четырехсерийного документального фильма «Равная величайшим битвам» режиссеров уральской киностудии «Снега» Г. Негашева, П. Фаттахутдинова и А. Титова. Этот фильм рассказывает об эвакуации во время войны промышленных предприятий на Урал. Съемки картины начались в 2014 г., а закончить ее планировалось к 70-летию Победы. Однако, углубившись в работу, авторы поняли, что им понадобится еще год на то, чтобы «довести до ума» хотя бы четверть отснятого материала (его осталось еще на десять серий). Эта тема никогда прежде в таком объеме в документальном кино не поднималась. Столь же уникальны и герои. Картина, которую хвалят буквально все, вышла на большой экран в мае 2016 г. Однако на телевидение пока так и не пробилась.

К сожалению, федеральные телеканалы продолжают заниматься собственным конвейерным производством, а местные — большим документальным кино вообще не интересуются: не снимают его и не показывают. А ведь были у них прежде и значительные достижения. Вспомним знаменитые картины В. Ротенберга, А. Балужева, А. Погребного, сделанные на телестудиях. Это серьезная проблема, над которой следует думать.

1. *Афанасьева Е., Гордеева К., Велединский А.* Память о блокаде. Телехранитель [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. URL: <http://echo.msk.ru/programs/tv/1248590-echo/> (дата обращения: 07.07.2016).

2. *Беляев И. К.* Спектакль документов. Откровения телевидения. М., 2005. 352 с.

3. *Борецкий Р. А.* Телевизионная программа. М., 1967. 214 с.

4. Где кино? // Искусство кино. 2010. № 11. С. 5–19.

5. *Джулай Л. Н.* Документальный иллюзион. Отечественный кинодокументализм — опыты социального творчества. М., 2001. 243 с.

6. *Ефимов С.* Катерина Гордеева: «Не надо прятать раны Ленинграда» [Электронный ресурс] // Радио «Комсомольская правда». 2014. 27 янв. URL.: <http://www.ural.kp.ru/daily/26186.5/3074544/> (дата обращения: 06.07.2016).

7. Кино на ТВ: какие шансы? // Искусство кино. 2013. № 8. С. 105–118.

8. *Клюев Ю. В.* Трудное творчество интеллектуалов — теледокументалистика // Средства массовой информации в современном мире: Петербургские чтения : материалы 52-й Междунар. науч.-практ. конф. 17–19 апр. 2013 г. СПб., 2013. С. 93–97.

9. Минобороны уточнило потери СССР в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Росбалт : [информ. агентство]. 2014. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/05/08/1266195.html> (дата обращения: 12.02.2016).

10. *Муратов С. А.* Документальный телефильм. Незаконченная биография. М., 2009. 363 с.

11. *Муратов С. А.* Культурная контрреволюция. ТВ: ликвидация документального кино // Искусство кино. 2012. № 6. С. 121–129.

12. Неигровое кино — ресурс игрового // Искусство кино. 2008. № 10. С. 5–23.

13. *Ореханов С.* Катерина Гордеева: «Я не представляю, как можно прожить жизнь, чувствуя себя виноватой в том, что ты была ребенком и хотела есть» [Электронный ресурс] // Большой город. 2014. 24 янв. URL.: http://bg.ru/society/katerina_gordeeva_ja_ne_predstavljaju_kak_mozhno_p-21031/ (дата обращения: 05.07.2016).

14. Почему я не смотрю телевизор? // Искусство кино. 2011. № 2. С. 5–23.

15. Премьера. «Голоса». Фильм Екатерины Гордеевой // Tele.ru : [онлайн-журнал]. URL.: <http://www.tele.ru/peredachi/1tv/premera-golosa-film-ekateriny-gordeevoy/> (дата обращения: 03.07.2016).

16. *Саттак В. С.* Телевидение и мы. М., 1963. 182 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text12/83.htm> (дата обращения: 05.03.2016).

17. *Уразова С. Л.* От «зеркала Нарцисса» к экранной реальности: ТВ в контексте трансформаций цифрового времени. М., 2013. 392 с.

Статья поступила в редакцию 16.08.2016 г.

УДК 378-057.175:070 + 064.738.773.5 + 316.472.4

В. А. Волкоморов

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ

В статье рассмотрена практика использования интернет-мессенджеров как инструмента реализации идеи *connected classroom learning* при обучении студентов-журналистов. Приведен обзор функционала соответствующих приложений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мобильное обучение; мультимедиа; смартфон; социальные сети; медиа; студенты-журналисты; второй экран; *connected classroom learning*.

Мультимедийные технологии, такие как интерактивные доски, презентационные материалы, подготовленные в различных программных и сервисных продуктах для демонстрации при помощи проектора в учебной аудитории, должны были стать обязательным компонентом современного высшего образования. Однако для целого ряда как крупных, так и небольших учебных заведений они по-прежнему не являются стандартом в образовательном процессе — соответствующее оборудование есть далеко не во всех аудиториях [1, 1872]. Таким же открытым остается и вопрос о доступе студентов к сети Интернет, который, в свою очередь, осложняется разного рода ограничительными мерами по посещению тех или иных ресурсов.

Особенно это актуально для студентов медийных специальностей (журналистика, связи с общественностью), так как обучение медиа должно осуществляться, во-первых, на материалах медиа, во-вторых, с использованием технологий медиа, притом что в условиях тотальности последних, окружающих пользователей сети постоянно, в режиме 24/7, игнорирование этой компоненты в образовательном процессе недопустимо.

Очевидно, что лекция или иное учебное занятие, проводимые без использования наглядных мультимедийных материалов в аудитории студентов, по характеру специальности и особенностям возраста привыкших к визуальной подаче информации, воспринимаются ими как скучные и утомительные. Поэтому студент обращается к смартфону — к популярным социальным сетям для просмотра контента и общения с друзьями, к мессенджерам и иным мультимедийным средствам, к которым у него на занятии, в отличие от преподавателя, иллюстрирующего учебный материал при помощи доски и мела, есть доступ «здесь и сейчас». В дополнение — еще и с выходом в Интернет, например, без ограничений на социальные сети. Преподаватели же, согласно данным ряда исследований в российских вузах, редко используют ресурсы Интернета непосредственно во время учебных занятий [Там же, 1867].

ВОЛКОМОРОВ Владимир Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: vladimir.volkomarov@hotmail.com).

© Волкоморов В. А., 2016

Использование экрана смартфона при одновременном просмотре телепередач или потреблении иного медиаконтента получило у исследователей медиа обозначение «второго экрана» [5]. В этом словосочетании заложено представление о том, что смартфон в данном случае лишь второй, дополнительный канал коммуникации. На наш взгляд, было бы уместно применить имеющиеся в этом определении смыслы к образовательному процессу, при этом в роли первого канала следует рассматривать выступление педагога. Либо ввести определение «персональный экран» — по контрасту с интерактивными досками или большим экраном. Смартфон в данном сравнении — это индивидуальное средство доставки наглядного образовательного материала и — что немаловажно — обратной, также индивидуальной связи с педагогом. В англоязычных публикациях на эту тему распространено обозначение подобной модели использования электронного устройства как *connected classroom learning* [6].

О важности обучения с использованием мобильных технологий свидетельствует внимание к нему ЮНЕСКО, в 2013 г. выпустившей «Рекомендации по политике в области мобильного обучения», которые два года спустя были переведены на русский язык. В них дается следующее определение мобильного обучения: «Использование мобильной технологии как по отдельности, так и совместно с другими информационными и коммуникационными технологиями (ИКТ), для организации учебного процесса вне зависимости от места и времени. Обучение может принимать различные формы: с помощью мобильных устройств учащиеся могут получать доступ к образовательным ресурсам, связываться с другими пользователями, создавать контент в учебном классе и за его пределами» [3, 8].

В этом плане включение личных смартфонов обучающихся в образовательный процесс — это не вынужденное решение, к которому преподаватель прибегает в условиях отсутствия необходимых технических средств в аудиториях. Это более современный и отвечающий контексту времени способ коммуникации, образно говоря, подключенная к сетям связи персональная, мультимедийная тетрадь студента, информация в которую отправляется напрямую от преподавателя.

Отдельные опыты использования мобильных технологий в российских вузах проводились еще в самом начале массового распространения мобильных устройств у студентов, примерно шесть лет назад. В частности, одну из первых систематизаций теории и практики вопроса мы можем найти в статье И. Н. Голицыной «Мобильное обучение как новая технология в образовании», опубликованной в 2011 г. [2]. Однако массовой и повсеместной эта практика, к сожалению, так и не стала.

Отметим следующие преимущества использования смартфонов в образовательном процессе. Во-первых, электронные гаджеты являются сегодня для молодых людей естественной средой коммуникации. Включение их в контекст занятия позволяет снять контраст между «современными технологичными» развлечениями и неформальной коммуникацией с друзьями в социальных сетях, с одной стороны, и традиционным устным выступлением на занятии преподавателя — с другой. Трансляция учебного материала на смартфоны студентов

позволяет развернуть его в привычных и удобных для них электронных формах. В итоге студент больше не «отвлекается» на телефон, телефон теперь — это часть учебного занятия.

Во-вторых, в отличие от демонстрации мультимедийных материалов на экране или мультимедийной доске рассылка их на смартфоны студентов не только позволяет показывать какие-либо ресурсы, но и предоставляет возможность каждому студенту так или иначе взаимодействовать с ними, самостоятельно приобретать опыт работы с этими материалами на своем смартфоне. По сути, использование смартфона как персонального подключенного к Интернету экрана — это такой же важный шаг к самостоятельности в освоении учебного материала, как и переход от монологичной формы подачи информации на занятиях к диалогу. Мультимедийные презентации, безусловно, облегчают усвоение учебного материала, позволяют лучше его структурировать, но они не дают непосредственного опыта взаимодействия с этим материалом в самом процессе обучения. Учебная доска остается доской, пусть и мультимедийной, некоторым общим, публичным пространством.

В-третьих, рассылка учебно-методических материалов непосредственно на смартфоны студентов во время занятия позволяет без дополнительных действий — копирования презентаций на карты памяти и т. д. — представить и сохранить их в той естественной среде, какой для студентов являются гаджеты. Популярные приложения для обмена сообщениями имеют специальный функционал, на основе которого все полученные в групповом чате гиперссылки и изображения сохраняются в отдельных разделах, к которым студент может обратиться впоследствии для того, чтобы вернуться к пройденному материалу.

Наконец, в-четвертых, электронное коммуникационное пространство, организованное на основе разного рода приложений для общения в смартфонах, создает возможность для оперативного оповещения студентов о некоторых важных изменениях, событиях в учебном процессе, в то же время предоставляя им канал для связи с преподавателем во внеурочное время.

Как технически может быть организовано подобное взаимодействие во время учебных занятий и вне их? Наиболее удобными, по нашему мнению, являются технологии обмена мгновенными сообщениями в формате групповых (открытых или закрытых) чатов через популярные приложения — мессенджеры.

Сегодня есть целый ряд сервисов, включая популярные социальные сети, обеспечивающих данный функционал.

Прежде всего, это, конечно же, известные социальные сайты «ВКонтакте» и «Facebook». Однако для того, чтобы создать групповой чат «ВКонтакте», преподавателю будет необходимо добавить всех студентов в список своих «друзей», что рождает целый ряд вопросов этического характера, так как страница используется не только или даже не столько для профессиональных, сколько для личных целей, а соответственно, на ней размещен контент не учебного, а личного содержания.

«Facebook» лишен подобных ограничений. И на основе встроенного в него мессенджера можно создавать групповые чаты, добавляя в них пользователей сети

просто по имени и фамилии. Подобным же образом можно создавать закрытые групповые чаты и в мессенджере Telegram.

К сожалению, ряд популярных приложений для обмена мгновенными сообщениями, например WhatsApp, разрешают добавлять участников в групповой чат только из числа контактов с номерами мобильных телефонов создателя. Это, разумеется, еще более жесткое ограничение. Более того, для больших групп студентов подобное взаимодействие неприемлемо.

В менее популярных в России, но не в отдельных регионах мира приложениях Line и KakaoTalk таких ограничений нет. Для того чтобы присоединиться к групповому чату, пользователю достаточно установить соответствующее приложение на смартфон и пройти по ссылке, которую преподаватель может просто написать на доске.

Новые программы со схожим функционалом появляются достаточно регулярно. В мае 2016 г. свое решение для рабочих или учебных групп предложила компания Google — приложение Spaces. Оно лишено мгновенной интерактивности мессенджеров, скорее представляет собой что-то вроде закрытого сообщества в социальной сети и преимущественно ориентировано на добавление пользователями материалов из различных сервисов Google — Youtube, поиска Google и др.

Таким образом, вопрос технической реализации «персонального» экрана или второго канала коммуникации в образовательном процессе, *connected classroom learning*, сегодня можно назвать решенным. Опыт автора по использованию второго канала для занятий со студентами специальностей «Журналистика в области культуры» и «Связи с общественностью» двух высших учебных заведений Екатеринбурга — Екатеринбургской академии современного искусства и Института международных связей показал, что данный канал коммуникации рассматривается ими в целом положительно. Однако несмотря на восприимчивость молодой аудитории к новым технологиям (платформам, приложениям), студентам потребовалось некоторое время для того, чтобы научиться использовать смартфон с мессенджером как привычное средство учебной коммуникации. В частности, поначалу студентам было непросто быстро скопировать и отправить ссылки / файлы с учебными материалами в общий чат. Кроме того, возникали сложности с установкой соответствующих приложений в целом и добавлением себя в состав участников чата. Впрочем, эти трудности не свидетельствуют о невозможности использовать мессенджеры в образовательном процессе. Более того, совместное преодоление этих трудностей вполне может быть рассмотрено и как составляющая освоения современных технологий, которые имеют большое значение для студентов, обучающихся на специальностях, связанных с медиа.

Есть и другие проблемы, связанные с использованием смартфонов как повседневного инструмента учебной коммуникации. Прежде всего, это отсутствие данных устройств у студентов. По статистике мобильного рынка, сегодня они есть у двух третей всех абонентов сотовой связи в России (при этом без учета планшетов как отдельных мобильных устройств с возможностью выхода в Интернет). Однако при проведении занятий в учебных группах указанных вузов автор столкнулся с тем, что у некоторых студентов отсутствовали необходимые аппараты либо они были устаревшими и не поддерживали нужные приложения [5].

Также следует отметить и уже названную в начале статьи проблему отсутствия доступа к Интернету из учебных аудиторий. В упомянутых вузах есть корпоративные сети Wi-Fi, к которым по индивидуальным учетным данным может подключиться каждый студент, однако, как показала практика, они не обладают достаточной устойчивостью и скоростью подключения для повседневной работы.

Обе проблемы, безусловно, носят исключительно социально-экономический характер и могут поставить под вопрос перспективность использования описанной выше модели и технологий connected classroom learning в высшем образовании. Однако необходимо понимать, что наличие смартфона с возможностью выхода в Интернет является для студента, обучающегося по специальности, связанной с медиа, фактически императивом, так как человек, находящийся вне современного медийно-коммуникационного поля, обладающий только теоретическими представлениями о нем, вряд ли будет иметь необходимые перспективы для дальнейшего трудоустройства в профессиональной среде.

1. Бурханова Ф. Б., Родионова С. Е. Внедрение инновационных активных и интерактивных методов обучения и образовательных технологий в российских вузах: современное состояние и проблемы // Вестн. Башк. ун-та. 2012. № 4. С. 1862–1875.

2. Голицына И. Н., Половникова Н. Л. Мобильное обучение как новая технология в образовании // Образовательные технологии и общество. 2011. № 1. С. 241–252.

3. Рекомендации ЮНЕСКО по политике в области мобильного обучения [Электронный ресурс]. М., 2015. URL: <http://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214738.pdf> (дата обращения: 20.06.2016).

4. Смартфоны (рынок России) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Смартфоны_\(рынок_России\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Смартфоны_(рынок_России)) (дата обращения: 20.06.2016).

5. Толмачева А. Использование второго экрана российскими телеканалами: технология и монетизация [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/p/second-screen> (дата обращения: 20.06.2016).

6. Teachers's guide to creating a connected classroom [Electronic resource]. URL: <http://www.educatorstechnology.com/2014/06/teachers-guide-to-creating-connected.html> (accessed: 20.06.2016).

Статья поступила в редакцию 27.09.2016 г.

УДК 81'42 + 81'25 + 81'373.421

Ю. В. Казарин

ВИДЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПОДСТРОЧНИКА*

Статья посвящена исследованию множественной природы поэтического подстрочника, а также факторов (всего 12), определяющих особое лингвоэстетическое функционирование этого специфического текста. Выделяются различные пространства текста-подстрочника (всего 8) и анализируется феномен транслатологической адекватности. Выявляются виды синонимии языкового, стилистического, грамматического, внутритекстового, межъязыкового, метатекстового и сверткестового характера. Рассматривается соотношение текста-оригинала, текста-подстрочника и текста-перевода в содержательном и функциональном плане.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэтический подстрочник; текстовая природа подстрочника; транслатологическая адекватность; текст-оригинал, текст-подстрочник, текст-перевод.

Подстрочник — это особое, определенно-неопределенное, промежуточное состояние текста, характеризующееся очевидной двойственностью; состояние пересеканности и взаимоотталкивания, состояние, в котором реализуются множественные связи поэтического текста-оригинала и поэтического текста-перевода. Подстрочник есть текст, который, как и любой автономный, самодостаточный текст, имеет множественную природу. Множественная природа подстрочника определяется наличием нескольких групп факторов лингвистического, лингвокультурологического, лингвосоциального и этнолингвистического характера. Кроме того, такая уникальная природа подстрочника детерминирована прежде всего процессами межъязыковой, межкультурной и межлитературной интерференции. Данные процессы крайне сложны и в когнитивном, и в гносеологическом,

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-02005.

КАЗАРИН Юрий Викторович — профессор кафедры современного русского языка Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: said55@yandex.ru).

© Казарин Ю. В., 2016

и в антропологическом отношении. Выявление множественной текстовой природы поэтического подстрочника — цель настоящей статьи.

Общие принципы перевода и основы переводоведения (транслатологии) были сформулированы еще К. И. Чуковским [20], который впервые выявил уровневое, пошаговое создание перевода с учетом главных единиц перевода от лексики до стилистики. Л. Л. Нелюбин [14, 335–348], характеризуя «науку о переводе», выделяет 13 подходов к изучению этого сложнейшего феномена. На наш взгляд, наиболее важными направлениями в процессе изучения множественной природы подстрочника оказываются следующие: теория закономерных соответствий; теория уровней эквивалентности и семантико-семиотическая модель перевода. И. С. Алексеева выявляет группы единиц двух языков, находящихся в процессе сопоставления «с целью выработки потенциальных единиц эквивалентности» [1, 49]. Традиционно, вслед за К. И. Чуковским, ученые, работающие в сфере современной теории и методологии транслатологии, указывают на такие категории и группы единиц, актуальные в процессе перевода, как точность, словарь, ритмика, звукопись, синтаксис, интонация, смысл, мелодика, стиль и стилистика и др. Д. С. Самойлов, поэт, переводчик и стиховед, утверждает, что при переводе «сравнивать нужно не строку со строкой, а стихотворение со стихотворением» и что необходимо «охватить стихотворение в целом, решить, воссоздано ли главное — мысль, интонация, эмоциональный колорит, а потом уже добиваться сходства в данных» [16, 62]. Поэт, переводчик и филолог О. А. Седакова, определяя искусство переводчика, говорит о наличии «хорошо развитого навыка отличать уникальное и неподражаемое в тексте» [17, 17]. Перевод, по О. А. Седаковой, — это не копия, а новый текст [Там же, 18]. Возникает вопрос: что же переводится — текст, поэтический текст или поэзия? Поль Валери утверждает, что переводится не текст, но сама поэзия: «От Голоса к Мысли, от Мысли к Голосу, между Действительностью и Отсутствием качается поэтический маятник» [5, 332]. Поэзия, как маятник, связывая мысль и голос, т. е. содержание и речь, речь и просодию, почти неуловима, так как находится в вечном движении между бытием и небытием. М. Л. Гаспаров, говоря о законе компенсации в структуре поэтического произведения, допускает «отказ от точной передачи стихотворной формы ради более точной передачи образов, мыслей и стиля» [7, 11]. Жерар Женетт заявляет о наличии особого поэтического состояния языка [8, 361]. Именно в таком состоянии должны находиться единицы языка переводчика, создающего свой подстрочник и свой поэтический текст-перевод. О. Э. Мандельштам говорит о наличии специфической грузинской традиции в русской поэзии, источником которой являлись поэтические переводы с грузинского на русский [13, 260]. Т. С. Элиот замечает, что «мы учимся, подражая, но подражание это глубже, чем простая имитация стиля» [22, 195]. Ю. М. Лотман говорит о «третьей функции текста» — функции памяти: «Текст не только генератор новых смыслов, но конденсатор культурной памяти» [11, 21]. Зададимся вопросом: поддается ли переводу культурная память текста? М. Фуко различает текст и произведение как сумму текстов, в которой присутствует имя автора, его личность, его история, история текста, планы, наброски, черновики, первоначальный замысел и т. п. [18, 25]. На наш взгляд, М. Фуко

и Ю. М. Лотман говорят об одном и том же феномене — о культурной памяти текста. Кроме того, поэт-переводчик, обладая своим индивидуальным поэтолектом, языком, в процессе перевода должен создать новый «язык», язык — синтезатор языка поэта, чей текст переводится, языка переводчика, а также языка оригинала (например, финский) и языка перевода (например, русский). М. Мамардашвили говорит, что «мы создаем язык и работаем с ним так, что эту работу можно назвать языком языка, а не языком чего-то» [12, 398]. В процессе перевода, таким образом, дифференцируются и функционально объединяются несколько «языков»: поэтолект-1 (язык переводимого поэта), поэтолект-2 (язык переводчика), язык-3 (язык подстрочника), язык-4 (родной для переводимого поэта) и язык-5 (родной язык переводчика), а также язык-*n* (язык-посредник, языки поэтов-билингвов и т. д.). Следует отметить, что язык-3 как язык подстрочника является сферой синтеза, дифференциации и идентификации каждого из перечисленных статусов языка поэтического перевода, или парадигмы поэтолектов. Определение искусства, данное Б. Л. Пастернаком («Искусство не просто описание жизни, а выражение единственности бытия» [15, 354]), содержит в себе ключевое понятие — объект и искусства, и литературы, и поэзии, и, естественно, искусства поэтического перевода. Единственность бытия обуславливает способы и средства выражения — от квантовых единиц (звук и т. п.) до комплексных и сложнейших видов звуковой (и иной) деятельности (просодия, текст, поэзия). А. Л. Шарандин определяет поэзию как высшую форму языкового мышления/сознания [21]. Таким образом, «единственность бытия» может быть выражена «единственностью поэзии», а в процессе перевода поэт-переводчик не столько «переводит» текст, сколько воссоздает единственность бытия, «переводя» с одного языка на другой «единственность поэзии».

Т. В. Цивьян говорит о том, что Кавафис для Бродского начинается с языка — чужого... И Бродский смело объявляет, что, теряя в переводе, как и каждый поэт, Кавафис отличается тем, что он в переводе «также и приобретает» [19, 472]. Что приобретает перевод? Предположим, что это — новое качество поэзии, появление которого обусловлено многими факторами антропологического, поэтологического, лингвокультурологического и этнолингвистического характера.

Множественная природа подстрочника, таким образом, порождается следующими причинами:

1. Наличие поэтического состояния языка текста-перевода.
2. Текст-перевод появляется в процессе пошагового, поуровневого создания различных видов подстрочника.
3. Доминирующие уровни эквивалентности единиц текста-оригинала и текста-перевода определяются факторами лингвотекстового, антропологического и лингвокультурологического характера.
4. Текст-оригинал и парадигма текстов-подстрочников порождают новый текст, который принято называть текстом-переводом.
5. Отказ от точной передачи стихотворной формы поэтического текста.
6. Учет работы закона компенсации.
7. Взаимодействие двух культур.

8. Переводится не только текст, но и культурная память текста, уникальное и неподражаемое в тексте. Образно говоря, переводится прежде всего «поэзия».

9. Переводится не только текст, но и произведение (по М. Фуко) со всей его поэтологической, культурологической и текстотворческой спецификой.

10. Переводится не только содержание текста, но и единственность, уникальность бытия, т. е. поэтической картины мира, созданной языковой, текстовой личностью.

11. Создается новый поэтолект как результат синтеза и преобразования индивидуального языка автора, индивидуального языка переводчика, а также родного языка автора и родного языка переводчика с учетом языка-посредника и др.

12. Новое качество поэзии в тексте-переводе обусловлено «переводом» поэтического мышления и сознания автора текста-оригинала.

Если текст, по мысли Л. Г. Бабенко [2], Н. С. Болотновой [4], И. Р. Гальперина [6], — единица, знак, часть культуры, то текст подстрочника, прежде всего, представляет собой единицу, входящую в парадигму переводимых и переведенных текстов: текст-оригинал — текст-подстрочник — текст-перевод. Подстрочник как текст в замысловом и реализованном виде есть одновременно и послетекст по отношению к тексту-оригиналу, и предтекст по отношению к тексту-переводу. Природа подстрочника вполне адекватна природе замысла текста, или текста-замысла, т. е. текста «нулевого», матричного, на основе которого продуцируется текст-перевод. Двойственная онтологическая (или, если хотите, «рабочая») природа подстрочника порождает его очевидную бифункциональность, основанную на множественных связях подстрочника с оригиналом и переводом: лингвотекстовая, лингвокультурная, антропологическая (языковая личность автора и переводчика, художественная картина авторского и переводного текста и т. д.) связи бивалентны. Двойная валентность и детерминированность подстрочника, безусловно, расширяют степень его вариативности: текст-оригинал — подстрочник + n → текст-перевод. Уровневое представление систем языка, текста и культуры обуславливает наличие уровней пластов подстрочника, которые в процессе подготовительного этапа создания перевода преобразуются в самостоятельные «полутексты», или в подстрочники одного и того же текста-оригинала, имеющие различные объемы, качество и функциональный потенциал. Чем больше в процессе перевода таких «уровневых подстрочников», тем адекватнее результат перевода тексту-оригиналу.

Поэтический текст — это сложнейшая, уникальная функционально-эстетическая система, имеющая полиформальную и полипространственную структуру. Поэтический текст содержит в себе цельную, связную и завершенную парадигму форм: графическая, звуковая, музыкальная, просодическая, дискурсная (метр, ритм, рифма, строфа) и языковая формы образуют гармоничное единство, способное выражать предметные, образные, концептуальные и глубинные (духовные) смыслы. Таким образом, парадигма текстов-подстрочников одного и того же текста-оригинала будет включать в себя следующие типы (соответственно названным формам поэтического текста): подстрочник графический, подстрочник звуковой, подстрочник музыкальный, подстрочник просодический, подстрочник

дискурсивный, подстрочник языковой. Из указанных шести видов подстрочника в том или ином случае перевода могут выделяться доминирующие. Например, относительно текстов авангардных могут доминировать подстрочники графические, звуковые, просодические, дискурсивные и языковые. Относительно текстов традиционалистских могут доминировать подстрочники просодические, дискурсивные и языковые.

Л. Г. Бабенко [2] выделяет пространственную систему и структуру текста, художественного текста и текста поэтического [10], а также семантическое пространство текста, устанавливая экстралингвистические, структурные и коммуникативные параметры текста. Среди ряда пространств текста для осознания природы подстрочника наиболее важным оказываются концептуальное, денотативно-событийное, пространственно-временное и образное (автор-персонаж), а также эмотивное. Данная парадигма пространств входит в единое целостное семантическое пространство текста, основными средствами выражения которого являются единицы всех уровней языка. Если объединить точки зрения Л. Г. Бабенко и нашу на пространственное строение текста, то появляются основания для выделения следующих типов пространств поэтического текста и видов потенциального подстрочника, необходимого для наиболее адекватного перевода поэтического текста с одного языка на другой:

1. Жанрово-стилевое пространство текста → жанрово-стилевой подстрочник.
2. Просодическое пространство текста → просодический подстрочник.
3. Языковое пространство текста → языковой подстрочник как парадигма таких подстрочников, как лексический (денотативно-событийный, концептуальный, образный, эмотивный и пространственно-временной), фонетический, словообразовательный, синтаксический.
4. Стилистическое пространство текста → стилистический подстрочник.
5. Образно-метафорическое пространство текста → образно-метафорический подстрочник.
6. Культурологическое пространство текста → культурологический подстрочник (этническая, историческая, страноведческая, фоновая специфика текста).
7. Антропопоэтическое пространство текста → культурологический подстрочник (автор, реальный хронотоп и т. п.).
8. Антропологическое пространство текста → (художественная картина мира; языковая личность автора; текстовая и культурная личность автора).

Данные виды подстрочника образуют систему — единую и связную. Некоторые виды подстрочника в тех или иных процессах перевода могут доминировать. Следует отметить, что данные виды подстрочника имеют эксплицитный характер (жанрово-стилевой, просодический, языковой, стилистический и др.), имплицитный характер (антропопоэтический и др.), а также имплицитно-эксплицитный (культурологический, антропологический и др.).

Транслатологическая адекватность — феномен комплексный: в процессе перевода идеальный вариант подстрочника и текста-перевода возможен лишь тогда, когда существует, во-первых, антропологическая адекватность языковой и текстовой личности автора оригинала; во-вторых, адекватность подстрочника

тексту-оригиналу и одновременно тексту-переводу; в-третьих, адекватность текста-перевода тексту-оригиналу. В данном случае речь идет о наличии в транслатологической ситуации синонимии различной природы и различного характера. Р. Барт утверждает, что «разделение языка возможно благодаря синонимии, позволяющей сказать одно и то же разными способами» [3, 536]. В процессе перевода, в частности в процессе создания того или иного вида подстрочника, наблюдается функционирование феномена синонимии в различных ее статусах. Прежде всего, следует отметить, что выделяется несколько типов синонимических отношений между различными явлениями языкового, текстового, культурологического, поэтологического и антропологического характера. В ситуации и процессе перевода реализуются следующие типы синонимии:

1. Языковая синонимия (на фонетическом, словообразовательном, лексическом и синтаксическом уровнях).

2. Синонимия стилистического характера (единиц языка, имеющих стилистическую маркированность).

3. Синонимия грамматического характера (на межъязыковом уровне).

4. Синонимия внутритекстового характера:

а) просодическая синонимия;

б) дискурсивная синонимия (метрического, ритмического, рифменного и строфического характера);

в) индивидуально-стилевая синонимия.

5. Синонимия межъязыкового характера (отношение языка текста-оригинала к языку текста-подстрочника и текста-перевода).

6. Межтекстовая синонимия (отношения текст-оригинал ↔ подстрочник; подстрочник ↔ текст-перевод; текст-оригинал ↔ текст-перевод).

7. Внетекстовая, сверхтекстовая синонимия (метасинонимия таких глобальных категорий, как личность автора — личность переводчика; текстовая личность автора — текстовая личность переводчика; языковая картина текста-оригинала — языковая картина текста-перевода; поэтическая картина текста-оригинала — поэтическая картина текста-перевода; культурологическая специфика текста-оригинала — культурологическая специфика текста-перевода; этико-эстетическое содержание текста-оригинала — этико-эстетическое содержание текста-перевода; концептосфера текста-оригинала — концептосфера текста-перевода и др.).

Виды поэтического подстрочника соотносятся с типами синонимии и метасинонимии. Однако если синонимические ряды в тексте-оригинале и произвольны, и произвольны одновременно, то в подстрочнике и, следовательно, в тексте-переводe они в большей степени произвольны. Так, в стихотворении О. Мандельштама «О, как же я хочу...» ряд деривационных синонимов «лучу — лучись — луч — лучу» расширяется за счет функционирующей в данном стихотворении анаграммы:

О, как же я хочу,
Нечуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем!

А ты в кругу лучись, —
 Другого счастья нет,
 И у звезды учись
 Тому, что значит свет.

Он только тем и луч,
 Он только тем и свет,
 Что шепотом могуч
 И лепетом согрет.

И я тебе хочу
 Сказать, что я шепчу,
 Что шепотом лучу
 Тебя, дитя, вручу.

1937 г.

Ряд деривационных синонимов, обогащенный анаграммой «луч», в расширенном виде таков: «хочу — (не)чуждый — лучу — лучись — счастья — учись — луч — могуч — хочу — шепчу — лучу — вручу». После внедрения в этот ряд синонимов со значением «свет», данный анаграмматический ряд становится полипарадигмальным, так как включает в себя три типа синонимических парадигм — деривационный, анаграмматический и лексико-синонимический. Полный полипарадигмальный синонимический ряд выглядит следующим образом: «хочу — нечуждый — лететь — лучу — в кругу — лучись — счастья — (у) звезды — учись — тому — свет — он — (только) тем — луч — он — (только) тем — свет — могуч — согрет — хочу — что — шепчу — лучу — тебя — дитя — вручу». Количественное соотношение этих трех рядов таково: 4 — 12 — 26. В данном тексте, как и в любом другом, содержащем в себе анаграмму, работает следующий закон: чем выше степень просодической, звуковой, дискурсивной, деривационной и грамматической связности и цельности поэтического текста (текста-оригинала, текста-подстрочника, текста-перевода), тем выше вариативность качества и объема синонимических рядов и смыслов, выражаемых ими.

Произведенное исследование показало, что подстрочник — это особый текст, имеющий признаки одновременно текста-замысла, текста-оригинала и текста-перевода. Множественная природа такого текста, имеющего свойства и предтекста, и послетекста, обусловлена действием факторов внутритекстового, текстового и экстратекстового характера. Следует отметить, что виды подстрочника — это части внутритекстовой парадигмы как общего текста-подстрочника, так и текста-оригинала и текста-перевода. Текст-подстрочник, по мысли Н. А. Заболоцкого, должен сочетать в себе «меру точности с мерой естественности» [9, 24].

Перспективы данного исследования связаны с анализом текста-оригинала и текста-перевода с целью определения вида подстрочника и его лингвокультурологической и иной специфики, когда исследуются следующие функциональные статусы подстрочника: реальный подстрочник; экспериментально созданный подстрочник и подстрочник, воссозданный, восстановленный в процессе сопоставительного анализа текста-оригинала и текста-перевода.

1. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб., 2004.
2. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. М., 2004.
3. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с франц. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989.
4. *Болотниова Н. С.* Основы теории текста. Томск, 1999.
5. *Валери П.* Об искусстве : сб. : пер. с франц. 2-е изд. М., 1993.
6. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
7. *Гаспаров М. Л.* Экспериментальные переводы. СПб., 2003.
8. *Женетт Ж.* Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 1.
9. *Заболоцкий Н. А.* Поэтические переводы : в 3 т. Т. 1: Грузинская классическая поэзия / вступ. ст. Д. Дадашидзе ; примеч. Н. Заболоцкого. М., 2004.
10. *Казарин Ю. В.* Филологический анализ поэтического текста : учебник для вузов. М., 2004.
11. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999.
12. *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М., 2000.
13. *Мандельштам О. Э.* Сочинения : в 2 т. Т. 2 : Проза / сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера. М., 1990.
14. *Нелюбин Л. Л., Хухуну Г. Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2008.
15. *Пастернак Б. Л.* Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М., 1990.
16. *Самойлов Д.* Сравнение перевода с оригиналом // Редактор и перевод. М., 1965. С. 65.
17. *Седакова О. А.* Стихи. Переводы. Poetica. Moralia : собр. соч. : в 4 т. Т. 2 : Переводы. М., 2010.
18. *Фуко М.* Археология знания : пер. с франц. / общ. ред. Бр. Левченко. Киев, 1996.
19. *Цивьян Т. В.* Бродский и Кавафис // Кавафис Константинос. Полн. собр. стихотворений : пер. с греч. М., 2011.
20. *Чуковский К. И.* Высокое искусство. М., 1968.
21. *Шарандин А. Л.* Некоторые рассуждения о поэтическом языке в аспекте теории оппозиций // Экология языка и речи. Слово в тексте : материалы междунар. конф. 14–16 мая 1998 г. Тамбов, 2000.
22. *Элиот Т. С.* Назначение поэзии : статьи о литературе : пер. с англ. Киев, 1996.

Статья поступила в редакцию 11.08.2016 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ МОДЕЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Анализируются зарубежные и отечественные подходы к пониманию благополучия. Опираясь на данные теоретического анализа, автор описывает этот феномен как многофакторный конструкт и предлагает модель эмоционального личностного благополучия, включающую как позитивные дескрипторы (счастливый, успешный, компетентный, везучий, оптимист, надежный), так и негативные (пессимист, несчастливый, завистливый). Показано, что счастливый, успешный, компетентный, везучий, оптимистичный, надежный человек является олицетворением эмоционального благополучия. Напротив, несчастливые, пессимистичные, завистливые люди не могут наслаждаться жизнью и ощущать радость бытия, следовательно, их эмоционально-личностное благополучие находится на низком уровне.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субъективное и психологическое благополучие личности; удовлетворенность жизнью; счастье; модель эмоционально-личностного благополучия.

На фоне кризисных явлений экономического, социального, духовно-нравственного характера в истории человечества традиционно повышается интерес к изучению феномена счастья, его истоков и сущности.

В психологии понятия «субъективное ощущение счастья» и «общая удовлетворенность жизнью», как правило, выступают в качестве тождественных понятию «психологическое благополучие», предложенному Н. Бредберном. В центр своей концепции Н. Бредберн поместил дуалистическую модель, представляющую собой баланс двух постоянно взаимодействующих видов аффекта — позитивного и негативного, от преобладания одного из которых и зависит психологическое благополучие [15].

КАРАПЕТЯН Лариса Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, начальник Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России, г. Екатеринбург (e-mail: karapetyanl@mail.ru).

Свой вклад в изучение психологического благополучия внес Э. Динер, который ввел понятие субъективного благополучия, включающее три компонента — удовлетворение, приятные и неприятные эмоции [17]. Тем самым он выделяет когнитивную (оценочную) и эмоциональную составляющие данного феномена, связанные между собой: удовлетворенность повышается, если в переживаниях человека преобладают позитивные эмоции, и снижается при накоплении негативных переживаний. При этом субъективное благополучие связано с рефлексией, с оценкой своего состояния.

Обе модели разрабатывались в рамках *гедонистического подхода*, с точки зрения которого благополучие зависит от степени удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью. *Эвдемонистический подход* связывает психологическое благополучие с самореализацией личности в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах [14]. Данный подход представлен в работах К. Рифф, которая создала модель психологического благополучия, включающую в себя шесть основных факторов психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономию, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост [18].

В одном ряду с концепцией К. Рифф находится теория самодетерминации Э. Л. Деси и Р. М. Райана, согласно которой в структуру базовых психологических потребностей человека входят потребности в автономии, компетентности и связи с другими. Авторы акцентируют внимание на проблеме собственной активности человека, его способности самостоятельно выбирать направление саморазвития [16].

В отечественной науке также существуют различные подходы к пониманию феномена психологического благополучия. Примечательно, что российские ученые, рассуждая о субъективном благополучии, применяют синонимичные понятия, такие как «оптимизм», «удовлетворенность жизнью», «счастье». Они рассматриваются в работах Р. М. Шамионова, А. В. Ворониной, П. П. Фесенко и др. Исследованиями разных аспектов проблемы счастья занимаются И. А. Джидарьян, Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, А. З. Шапиро и др. Отметим, что эти исследования фрагментарны и не дают полной картины данного феномена. Тем не менее определения субъективного благополучия, содержащиеся в работах отечественных психологов, можно разделить на три группы:

— *нормативное* благополучие — определяется по уровню соответствия принятой в данной культуре системе ценностей;

— *когнитивное* благополучие — определяется через удовлетворенность жизнью и соответствие представлениям респондента о хорошей жизни (благополучие — это гармоничное удовлетворение желаний и стремлений человека);

— *эмоциональное* благополучие — тесно связано с обыденным пониманием счастья как превосходства положительных эмоций над отрицательными.

Среди отечественных концепций психологического благополучия внимание привлекает модель П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой [14]. В ней субъективное благополучие предстает как выраженное в индивидуальном ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью целостное переживание, связанное с базовыми человеческими ценностями и потребностями. Данный подход

близок к принятому в работах Э. Динера, в которых психологическое благополучие рассматривается как субъективное явление, переживание, которое тесно связано с системой внутренних оценок самого носителя данного переживания. Психологическое благополучие, по П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой, базируется на двух основных компонентах — субъективной оценке человеком себя и собственной жизни, а также включает в себя другие составляющие позитивного функционирования личности. По мнению авторов модели, эти два главных аспекта наиболее удачно синтезированы в шестифакторной модели психологического благополучия К. Рифф. Основываясь на теории К. Рифф, П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленкова предложили расценивать психологическое благополучие личности как довольно сложное переживание человеком удовлетворенности своей жизнью, где одновременно отражены актуальные и потенциальные аспекты жизни личности.

Многие отечественные концепции построены на основе изучения взаимосвязи субъективного благополучия с разнообразными социальными и психологическими факторами. Так, Н. К. Бахарева рассматривает субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности, Е. В. Бородкина считает, что субъективное переживание благополучия связано с особенностями восприятия индивидом воздействия внешних факторов.

Подводя итоги обсуждения подходов к пониманию субъективного благополучия, можно, несмотря на отмеченные в них различия, выделить несколько ключевых характеристик, признанных всеми исследователями:

- 1) позитивность как показатель измерения благополучия, при этом учитывается наличие разных по интенсивности позитивных показателей и переживаний;
- 2) глобальность измерения — взаимосвязь всех аспектов жизни человека (социальных, биологических, психологических, физических);
- 3) пролонгированность во времени, динамичность;
- 4) субъективность как зависимость переживания благополучия от оценки, отношения и личного опыта.

Таким образом, можно сказать, что психологическая суть субъективного благополучия заключается в позитивном, при этом не всегда совпадающем с объективными условиями отношении субъекта к себе и миру, а также к многообразным аспектам собственной жизни.

Основные эмпирические исследования по заявленной в статье теме проведены за рубежом. Однако данный опыт изучения психологического благополучия не может быть напрямую перенесен в отечественные исследования и нуждается в соответствующей адаптации с учетом социокультурной специфики.

В контексте межкультурных различий исследования счастья обычно соотносят с показателями коллективного/индивидуального, с социальными нормами эмоционального выражения, принятыми в разных этнических сообществах, и т. п. Сложность и многогранность характера связей между различными показателями «субъективного благополучия» проявляется также в том, что они подвержены возрастным и гендерным различиям.

Это положение стало концептуальным основанием для организации нашего собственного пилотного исследования, проведенного в Екатеринбурге в 2014 г.

В контексте темы нашего исследования данные, полученные на выборке из 300 человек, сформированной методом случайного подбора, с нашей точки зрения, можно считать репрезентативными. Исследование особенностей представлений об эмоционально благополучном человеке происходило на основе выявления характеристик реального или абстрактного эмоционально благополучного человека. Согласно инструкции, испытуемые должны были вспомнить и перечислить параметры, позволяющие им оценивать человека как эмоционально благополучного (неблагополучного). Из перечисленных респондентами вариантов с помощью частотного анализа были выделены наиболее распространенные дескрипторы, имеющие как позитивный, так и негативный смысл, а именно: счастливый, успешный, компетентный, везучий, оптимист, пессимист, несчастливый, завистливый, надежный. То есть счастливый, успешный, компетентный, везучий, оптимистичный, надежный человек является, по мнению респондентов, олицетворением эмоционального благополучия. Напротив, несчастливые, пессимистичные, завистливые люди не могут наслаждаться жизнью и ощущать радость бытия. Таким образом, выделенные дескрипторы были положены в основу авторской модели эмоционально-личностного благополучия. Раскроем их с опорой на концепции и определения, существующие как в зарубежной, так и в отечественной парадигме исследования психологических аспектов личностного благополучия.

Оставим самый распространенный дескриптор — «счастливый» для заключительной части анализа представленной модели эмоционально-личностного благополучия, поскольку он является самым емким. Начнем с менее интегративных определений.

Итак, **успешный**. Успех — один из наиболее распространенных показателей благополучности современного человека, характеризующий социальную реальность. Можно с определенной долей уверенности говорить о формировании идеологии социальной успешности в современном обществе, об утверждении в общественном сознании доктрины социальной успешности. Толковый словарь русского языка интерпретирует понятие «успешный» как «закрывающий в себе успех, представляющий собой успех, делающий что-нибудь с успехом». Таким образом, понятие успешный включает в себя непосредственно успех. В этом же словаре: «успех — это удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели» [11].

У многих авторов в описаниях реального и идеального успешного человека имеются различия. Идеальный образ успешного человека в представлении людей обладает такими признаками, как целеустремленность, общительность, ум, материальная обеспеченность, ответственность. При описании реального успешного человека акцент больше делается на личностных характеристиках и способах достижения успешности, чем на конкретных результатах деятельности и других проявлениях успеха.

В зарубежной и отечественной психологической литературе существуют исследования личностных детерминант успешности. К ним относят особенности органической конституции личности, интеллект, уровень мотивации, притязаний, самооценку, особенности ценностных ориентаций, locus контроля. К примеру,

Н. В. Лейфрид говорит о том, что существенной личностной предпосылкой достижения успешности является ответственность, которая представляет собой готовность, способность и процесс обеспечения субъектом целостности, самостоятельности и эффективности деятельности и жизнедеятельности. Данное личностное свойство в значительной мере предопределяет особенности представлений об успешности, а тем самым выработку стратегий поведения в ситуациях достижения [3].

В общественном сознании представлены разные прототипы успешной личности. Чаще других выделяют два распространенных прототипа успешной личности, противоположных по своим характеристикам. Первый описывается исключительно внешними, социально признанными показателями успешности; второй включает личностные характеристики [4].

Эмоционально благополучный человек в восприятии большинства — *оптимист*. Это следующий дескриптор, на котором мы остановимся. Следуя определению, представленному в этимологическом словаре, оптимизм — это «способность видеть во всем только позитивные стороны, склонность к хорошему жизнерадостному настроению» [10].

Психологи определяют оптимизм как свойство личности, которое является показателем пропорционального развития всех психических процессов, это психофизиологическое здоровье обеспечивает человеку жизнерадостное миро-созерцание, веру в собственные силы и возможности как субъекта деятельности.

Примечательно, что оптимизм преобладает в настроениях людей в периоды подъема общества, расцвета культуры и является стимулом для активного, деятельного отношения их к миру и своей судьбе. В то же время оптимистичный настрой может возникнуть и во время социальных потрясений, помогая успешно преодолевать их. В целом доминанта оптимизма в общественном сознании способствует осуществлению социальных преобразований.

Следующие дескрипторы, выявленные нами в процессе исследования, — *везучий* и *компетентный*. С одной стороны, они кажутся очевидно необходимыми элементами образа благополучного человека, добившегося социального успеха и стабильности, а с другой — в определенной степени противоречат друг другу [1].

Получается, что нерациональное везение является базисом для рационального саморазвития, результатом которого становится компетентность и профессиональный успех, который, в свою очередь, является гарантом благополучия.

Но мало быть «везунчиком» и высококлассным востребованным специалистом. С точки зрения респондентов, для того чтобы сложился образ благополучного человека, нужно иметь такое личное качество, как *надежность*, в самом широком социальном смысле. Оно предполагает разумный конформизм, социально желательное поведение, общественно ориентированные формы поведения [6].

Только социум может оценить надежность человека, в то же время образ надежного человека в общественном сознании — это не просто человек-функция, который никогда не подведет, это человек с развитой духовно-нравственной сферой и сложившейся системой ценностных ориентаций. Изначально в мировосприятии российского народа понятия «благополучие» и «счастье» были наделены

духовно-нравственным вектором. Эти ментальные вехи прослеживаются в самом емком, с точки зрения респондентов, дескрипторе — *счастливый*. Остановимся на нем подробнее.

Итак, смысловые границы понятия «счастье» необычайно широки и включают в себя комплексное решение целого ряда философских, религиозных, морально-этических, социально-экономических и других аспектов рассмотрения настоящей проблемы. В пространстве психологических исследований прорыв в исследовании этого феномена был сделан в середине XX в. адептами гуманистической психологии, которые связали его с самоактуализацией. Так, К. Роджерс считал, что самоактуализироваться может только гармоничный человек, т. е. человек, открыто выражающий свои чувства, осознающий свои желания, позволяющий себе слабости и прощающий себе недостатки. Только такой человек, с точки зрения К. Роджерса, способен полностью ощутить свое существование как состояние силы и счастья [7].

А. Маслоу обнаружил, что ситуации самоактуализации встречаются в жизни всех людей. Эти ситуации или состояния, когда человек на какое-то краткое время приобретает черты самоактуализирующейся личности, А. Маслоу назвал «пиковыми переживаниями», или «вершинными переживаниями». Именно в такие моменты человек в большей степени ощущает себя самим собой, а также чувствует себя решительным, целеустремленным, ответственным, надежным, честным, самодостаточным. Такие состояния сопровождаются ощущением необыкновенного счастья и бессмертия [5].

В. Франкл в контексте своего подхода к психотерапии противопоставлял обретение смысла чувственному удовольствию. Он в противовес З. Фрейду полагал, что удовольствие не цель, а следствие удовлетворения наших желаний. С его точки зрения, человек в действительности стремится не к счастью-удовольствию, а к смыслу. Именно смысл рассматривается им как основание подлинного счастья [12].

Работы, выполненные в русле позитивной психологии, также ставят во главу угла проблему обретения человеком счастья и решают ее посредством раскрытия понятия «субъективное благополучие». В исследованиях Э. Динера, М. Фордиса, Н. Бредберна, М. Аргайла было выявлено, что на полноту ощущения счастья влияют такие объективные факторы, как принадлежность к религии, досуг, удовлетворенность трудом, искусство, занятие спортом, социальные и культурные нормы и т. п. Кроме этого счастье, так же как «субъективное благополучие», связано с такими личностными чертами, как экстраверсия, нейротизм, оптимистичность, самооценка, идентичность, наличие жизненных целей, что в значительной части пересекается с выводами, полученными в результате нашего пилотного исследования.

Особого внимания в контексте нашего исследования заслуживает концепция «аутентичного счастья», разработанная М. Селигманом [9].

Он считает, что для ощущения аутентичного счастья необходимо обращаться к наиболее сильным сторонам собственной личности, и представляет его через следующие аспекты: семейный круг, индивидуальный уровень счастья, характерный для определенного человека, к которому он каждый раз возвращается после

пережитых положительных или отрицательных событий, «объективное качество жизни» (обстоятельства, находящиеся вне непосредственного контроля людей), «субъективное качество жизни» (то, что находится под контролем людей — отношения между людьми, любовь, дружба, хорошая семейная жизнь и т. д.).

М. Селигман также отмечает, что счастье включает в себя одновременно два типа переживаний: удовольствие и удовлетворение. Удовольствие имеет сильный чувственный эмоциональный компонент (например, экстаз, восторг, оргазм и т. д.) и в нем практически никак не задействованы когнитивные процессы. Удовлетворение имеет место тогда, когда мы занимаемся любимым делом, что вовсе не обязательно предполагает сильные чувства, но здесь важна полная вовлеченность в такую деятельность, когда мы растворяемся в ней и при этом соприкасаемся с сильными сторонами нашей личности. Это положение пересекается с представлениями респондентов, принявших участие в нашем исследовании, в части такого дескриптора, как *компетентный*.

Основоположником отечественной концепции счастья считается С. Л. Рубинштейн. Вплоть до наступления эпохи демократизации и гуманизации сферы науки и образования в отечественной психологии наблюдался определенный дефицит исследований о счастье, особенно на срезе субъективных представлений личности о нем. В работах С. Л. Рубинштейна феномен счастья не был выделен в отдельную проблему. Однако некоторые его аспекты были актуализированы и являются значимыми для нашего исследования. К числу наиболее важных идей и категорий, пронизывающих всю концепцию личности С. Л. Рубинштейна и непосредственно связанных как с проблемой счастья, так и ценности, принадлежит категория «жизненных отношений», точнее, «отношений человека к жизни», необходимо включающих в себя переживания чего-то личностно значимого для индивида [8].

Личностно значимое отношение рассматривается С. Л. Рубинштейном как ценность, которая не противопоставляется исходному соотношению мира и человека в качестве первичной основы человеческих мотиваций и действий, а определяется и выводится из этого соотношения. В связи с этим он делает важный вывод о том, что поведение человека определяется не стремлением к удовольствию, а соотношением между конкретным побуждением и результатом деятельности. Именно этим соотношением определяется ощущение счастья. Другими словами, ценность счастья не в ее абстрактной сущности как самоцели самой по себе, оторванной от реального процесса жизни индивидов с ее постоянными изменениями, переоценкой ценностей, а в соотношении с тем, что входит в систему ценностей человека, определяя внутренний мир [8].

Этот подход определил дальнейшую методологию отечественных исследований представлений о счастье. На наш взгляд, наиболее полно она представлена в работах И. А. Джидарьян, которая изучала счастье как доминанту российской ментальности и рассматривала феномен счастья с этимологической, ментальной, характеристической и традиционалистической точки зрения [2].

И. А. Джидарьян раскрывает ценностную структуру современного представления о счастье. Анализ результатов ее исследования показал, что в системе представлений о счастье абсолютный приоритет принадлежит ценностям любви

(любить и быть любимым), семьи (семейное благополучие, взаимопонимание и теплые отношения родных и близких), радости жизни. К этим трем наиболее значимым ценностям счастья близко примыкают еще четыре, и связаны они с самореализацией, ощущением полноты жизни, осознанием своей востребованности другими людьми, личностным ростом и потребностью смысла жизни.

Вышеизложенные концепции в той или иной степени содержательно отражают дескрипторы эмоционально-личностного благополучия, отмеченные респондентами в нашем исследовании. Однако более или менее полного совпадения полученной нами картины в работах отечественных и зарубежных исследователей обнаружено не было. Это говорит о научной состоятельности заявленной проблемы, ее хронологической и социокультурной динамике, а значит, необходимости продолжения начатого нами исследования, его детализации с учетом социально-демографических и региональных характеристик выборки.

1. *Ангеловский А. А.* Профессиональная компетентность как необходимое условие профессионализма (психолого-акмеологический анализ) // Актуальные вопросы современной педагогики : материалы Междунар. заоч. науч. конф., г. Уфа, июнь 2011 г. Уфа, 2011. С. 7–13.
2. *Джидарьян И. А.* Психология счастья и оптимизма. М., 2013. 268 с.
3. *Завьялова Е. К.* Психологические механизмы социальной адаптации человека // Вестн. Балт. пед. акад. 2010. № 40. С. 55–60.
4. *Климова С. Г.* Стратегии успеха в меняющемся мире. М., 1997. 191 с.
5. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 2008. 352 с.
6. *Наенко Н. И.* Психическая напряженность. М., 1976. 112 с.
7. *Роджерс К. Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. 480 с.
8. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб., 2012. 224 с.
9. *Селигман М.* Как научиться оптимизму: Измените взгляд на мир и свою жизнь. М., 2013. 338 с.
10. *Семенов А. В.* Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://slovari.bibliofond.ru/semenov_word/оптимизм/ (дата обращения: 16.12.2015).
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: http://slovari.bibliofond.ru/ushakov_word/УСПЕХ/ (дата обращения: 16.12.2015).
12. *Франкл В.* Воля к смыслу. М., 2000. 368 с.
13. *Шамионов Р. М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2007. 243 с.
14. *Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П.* Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
15. *Bradburn N. M.* The structure of psychological well-being. Chicago, 1969.
16. *Deci E. L., Ryan R. M.* The general causality orientations scale: Self-determination in personality // Journal of Research in Personality. 1985. Vol. 19. P. 109–134.
17. *Diener E., Seligman M. E. P.* Beyond Money: Toward an Economy of Well-Being // Psychological Science in the Public Interest. 2004. № 5. P. 1–31.
18. *Ryff C. D.* Psychological Well-Being in adult life // Current Directions in Psychological Science. 1995. Vol. 4, № 4. P. 99–104.

Статья поступила в редакцию 29.06.2016 г.

УДК 159.944.4 + 355.252:159.98

А. М. Боднар
Э. Л. Боднар

ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С РАЗЛИЧНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

В статье обсуждаются результаты исследования типов поведенческих стратегий в ситуации стресса у военнослужащих (149 чел.) с различной гендерной идентичностью. В группах фемининных, маскулинных и андрогинных мужчин-военнослужащих обнаружены специфичные высоконапряженные стили преодоления (копинг-стратегии), связанные с негативными дезадаптивными последствиями в особых стрессогенных условиях несения службы. Результаты могут быть полезны для уточнения критериев профотбора, а также для разработки программ реабилитации военнослужащих, участвующих в опасных видах деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военнослужащие; копинг-стратегии; фемининность; маскулинность; андрогинность; дезадаптивное поведение.

Психология, начиная с XX в., активно включалась в решение самых разнообразных вопросов, связанных с проблемами армии. В то время в центре внимания практико-ориентированной психологии находились вопросы профотбора на появившиеся тогда новые военные специальности (летчики, связисты и пр.) и методического обеспечения этой процедуры. Сегодня актуальными для Вооруженных сил России становятся новые проблемы, в решении которых участвуют психологи. Причем подобные проблемы существуют в любой армии любой страны. Не претендуя на полноту, выделим наиболее важные, с нашей точки зрения, проблемы:

- социально-психологическая адаптация и социализация военнослужащего;
- наличие нескольких статусных систем взаимоотношений в рядах Вооруженных сил: «уставная» (официальная), «дедовская», «земляческая»;
- увеличение физических нагрузок, нервно-психического и эмоционального напряжения;
- негативное воздействие на здоровье и самочувствие военнослужащего неблагоприятных факторов деятельности (шум, вибрация, химические реагенты, замкнутое пространство, монотония, сенсорная депривация и пр.);
- поддержание работоспособности;
- активизация различных личностных характеристик военнослужащих;

БОДНАР Александр Михайлович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: kk001127788@gmail.com).

БОДНАР Эльвира Львовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: abodnar@rambler.ru).

© Боднар А. М., Боднар Э. Л., 2016

- самочувствие лиц, принимавших участие в войнах и вооруженных конфликтах, их реабилитация к мирной жизни;
- адаптация бывших военнослужащих к гражданской жизни и их трудоустройство [1] и др.

В этом ряду особое место занимает проблема изучения стресс-факторов деятельности военнослужащих и способов преодоления ими стресса с точки зрения их личностных особенностей. Актуальность данной проблемы в последние годы обусловлена обеспечением Российской армии новыми видами сложной военной техники, появлением новых видов и родов войск, что повышает требования к индивидуально-личностным особенностям, позволяющим освоить новое вооружение и выполнить боевую задачу в условиях возрастания разнообразия стресс-факторов.

Эта проблема является основным контекстом нашего исследования. Рассмотрим главные теоретические положения, касающиеся этого вопроса.

Проблема преодоления стресса предполагает среди прочего исследование того, как люди ведут себя в условиях стресса. В литературе появились понятия «coping stress» и «coping behavior» [8]. Их значение — «успешно преодолевать», «совладать», «справляться». Что же вынуждает людей менять свое привычное поведение на «coping behavior»?

К копингу люди прибегают тогда, когда сложность задачи или трудные жизненные и/или профессиональные ситуации делают привычные им способы поведения неэффективными, не приводящими к нужному результату.

Совладание-преодоление имеет целью минимизировать последствия стресса. Оно проявляется глобально — и в мышлении, и в переживаниях, и в поступках — в форме различных стратегий противостояния стресс-факторам. Причем люди различаются как возможным для них количеством стратегий, так и способностями к реализации доступных им стратегий. Одним из направлений изучения проблемы преодоления стресса является исследование взаимосвязи личностных особенностей и копинг-стратегий. Чаще всего данная проблема рассматривается в контексте психологии брачно-семейных отношений, трудных жизненных обстоятельств, при психосоматических и неврологических расстройствах. Но особенно важно понять эту взаимосвязь в так называемых «опасных» профессиях с учетом специфики и требований к личности профессионала. Эти профессии (летчик, пожарный, полицейский, военный) по определению характеризуются и общими и специфическими стресс-факторами.

В психологических работах гендерная идентичность определяется как базовая структура социальной идентичности [5]. Кажется бесспорным, что среди людей, занимающихся опасными профессиями, должен преобладать тип мужчин с выраженными маскулинными признаками гендерной идентичности. Маскулинный тип предполагает активность, агрессивность, доминирование, амбициозность и проявляется в стремлении человека к профессиональному и материальному успеху, высокому социальному статусу.

Людам с фемининным типом гендерной идентичности свойственно быть заботливыми, эмоциональными, чувствительными к интересам и проблемам

других людей. Личности с преобладанием фемининных признаков больше ориентированы на качество жизни, на ее, так сказать, процесс, нежели на результат, стремление к которому преобладает у личностей маскулинных.

У людей с андрогинным типом гендерной идентичности одновременно присутствуют маскулинные и фемининные признаки, не всегда в равной степени. Также считается, что в зависимости от степени выраженности фемининности, маскулинности или андрогинности личность может иметь склонность к разным профессиям [4]. В то же время в процессе овладения профессией могут развиваться те фемининные, маскулинные, андрогинные качества, которые необходимы личности для успешной профессиональной деятельности.

Вопрос о том, какие типы копинга предпочитают представители опасных профессий, насколько они адаптивны, а также какова их взаимосвязь с преобладающими у представителей таких профессий гендерными признаками, остается открытым. Ответ может стать основанием для уточнения критериев профессионального отбора, разработки индивидуальных программ реабилитации и поддержания здоровья таких специалистов.

Целью исследования является определение копинг-стратегий, выбираемых военнослужащими с различной гендерной идентичностью. Среди задач выделим анализ специфики стресс-факторов деятельности военнослужащих бригады радиационной, химической и биологической защиты (далее — РХБЗ), диагностику уровня переживаемого стресса, типов используемых копинг-стратегий и типов гендерной идентичности в группе мужчин-военнослужащих.

Исследование проводилось на базе отдельной бригады РХБЗ г. Екатеринбурга¹. В данной бригаде было обследовано 149 военнослужащих-мужчин в возрасте от 18 до 45 лет по четырем методикам:

- 1) опросник «Фемининность-маскулинность» С. Бем [5];
- 2) опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Кюфтяк, М. С. Замышляевой) [6];
- 3) методика диагностики копинг-механизмов Э. Хейма (в адаптации Л. В. Вассермана) [7];
- 4) опросник «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемира [2].

Обратимся к специфике деятельности военнослужащих бригады РХБЗ, а также выделим специфические для нее стресс-факторы.

Анализ деятельности войск РХБЗ указывает на то, что эта деятельность относится к разряду опасных. На военнослужащих возлагается выполнение следующих задач [3] (мы приводим неполный их перечень):

- обнаружение и засечка ядерных взрывов;
- проведение радиационной, химической и биологической (далее — РХБ) разведки, проведения дозиметрического и химического контроля;
- оценка РХБ обстановки после применения противником оружия массового поражения, разрушений (аварий) радиационно, химически, биологически опасных объектов;

¹ В исследовании принимала участие магистрант А. С. Гремитских.

- осуществление специальной обработки личного состава, вооружения, техники, обеззараживание участков местности и военных объектов, а также обеззараживание пострадавших и оказание им медицинской помощи;
- контроль за изменением степени зараженности местности радиоактивными продуктами;
- ликвидация последствий аварий (разрушений) на радиационно, химически и биологически опасных объектах.

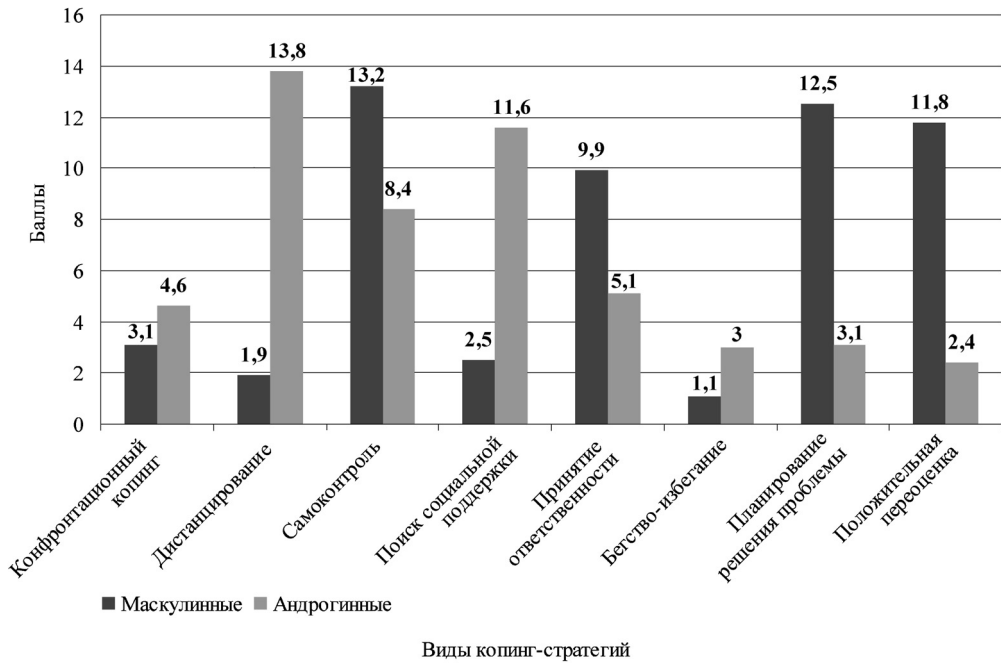
Выполнение и даже подготовка к выполнению любой из этих задач является стрессогенным фактором, так как хорошо известны последствия участия в боевых действиях (например, учений на Семипалатинском полигоне в 50-е гг. XX в.) и ликвидации аварий типа чернобыльской для здоровья и качества жизни участников [9].

Люди какого типа — фемининного или маскулинного — будут выбирать работу с таким букетом стрессоров и, несмотря на объективно имеющееся снижение показателей здоровья, нормально чувствовать себя в профессии? Легко предположить, что это будут представители не фемининного типа. И действительно, данные, полученные по методике С. Бем, свидетельствуют, что из 149 мужчин только у 5,3 % (8 чел.) ярко выражена фемининность, 52,2 % (78 мужчин) имеют ярко выраженную маскулинность, 42,5 % (63 чел.) — андрогинность.

В группе военнослужащих фемининного типа преобладают 3 типа поведения в стрессовой ситуации: «поиск социальной поддержки» (методика Р. Лазаруса), «подавление эмоций» и «альтруизм» (методика Э. Хейма). Первая стратегия является общей для данной группы копинг-стратегией (обращение к помощи окружающих, поиск сочувствия и понимания группы). Половина этой группы (4 человека из 8) использует также стратегии «подавление эмоций», что вполне объяснимо и понятно, так как такие особенности поведения, как чувствительность, эмоциональность, расцениваются в мужском сообществе как слабость, и поэтому их пытаются скрывать, подавлять, что может стать дополнительным источником стресса. Другая половина, наряду со стратегией поиска социальной поддержки, использует стратегию «альтруизм», бескорыстно помогая другим, не считаясь со своими личными интересами. Кроме того, пятеро из восьми фемининных мужчин (62,5 %), согласно результатам, полученным по опроснику Лемира, отличаются высоким уровнем переживания стрессовой ситуации. Поэтому у военнослужащих такого типа возможны дополнительные психологические трудности при несении службы.

Как видим, наше предположение оправдалось: фемининный тип личности и применяемые этим типом копинг-стратегии не соответствуют требованиям воинской службы (по крайней мере, в войсках РХБЗ). Таких людей в войсках крайне мало (в нашей выборке — 5,3 %), очевидно, что «естественный отбор» делает свое дело: фемининные личности выбирают другие профессии.

С помощью методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса сравним копинг-стратегии маскулинных и андрогинных военнослужащих с точки зрения уровня напряженности копинга (см. рисунок).

Средние значения напряженности копинга по опроснику «Способы совладающего поведения» в группе маскулинных и андрогинных мужчин

Методика предлагает следующий способ оценки результатов: 0–6 баллов — низкий уровень напряженности (адаптивный вариант копинга); 7–12 — средний уровень напряженности (средний адаптационный вариант, пограничный вариант копинга); 13–18 — высокий уровень напряженности (выраженный дезадаптивный вариант копинга) [5]. Как уже указывалось, большая часть обследованных мужчин-военнослужащих относится к маскулинному типу гендерной идентичности — 52,2 % (78 чел.). Им присущи такие психологические особенности, как умение самоутвердиться, напористость, готовность к риску, мужественность, выносливость, склонность к доминированию и лидерству, смелость, сила воли. Из них глубоко переживают стрессовые ситуации 20,5 % (16 чел.).

Для *маскулинных* военнослужащих, в отличие от андрогинных, наиболее напряженными (дезадаптивными) являются варианты копинг-поведения, связанные с необходимостью контролировать себя и принимать на себя ответственность, планировать действия в трудных ситуациях, менять, когда того требуют обстоятельства, отрицательные оценки на положительные.

По данным методики Э. Хейма, у 31 % маскулинных военнослужащих нашей выборки перечисленные стратегии сопровождаются непродуктивными формами эмоционального поведения — агрессией и эмоциональной разрядкой.

Наиболее трудной для них является *стратегия самоконтроля*. Среднее значение напряженности данной стратегии равно 13,2 балла, что попадает в диапазон

высокого уровня (13–18 баллов). Поэтому вероятны проявления негативных сторон данного копинга.

Напряженность *стратегии планирования* граничит с высоким уровнем (среднее значение по данному копингу 12,5 баллов), что также чревато дезадаптацией.

Средний показатель стратегии *положительной переоценки* сдвинут в сторону повышенных значений (11,8 баллов), т. е. и в данной группе мускулиных мужчин вероятны дезадаптивные тенденции в виде недооценки возможностей действенного разрешения проблемной ситуации.

Оптимальным является уровень напряженности стратегии *принятия ответственности* (средний показатель — 9,9 балла).

К *андрогинному* типу гендерной идентичности относятся 42,5 % (63 чел.). Их поведение отличается чертами не только маскулинности, но и феминности: терпимостью, склонностью к проявлению чувств, уступчивостью, сострадательностью, стремлением утешить. В этой группе мужчин, глубоко переживающих стресс, в три раза больше, чем в группе маскулиных мужчин, — 60,3 % (38 чел.).

В группе военнослужащих с *андрогинным типом* гендерной идентичности наиболее напряженными стратегиями копинг-поведения являются стратегии дистанцирования и поиска социальной поддержки.

Для нашей выборки средний показатель напряженности стратегии *дистанцирования* (13,8 баллов), предполагающей преодоление негативных переживаний за счет обесценивания их предмета, попадает в зону высоких значений (13–18 баллов). Следовательно, вероятны негативные последствия данной стратегии преодоления трудностей — обесценивание собственных переживаний, недооценка возможностей преодоления трудностей посредством действий. В трудных профессиональных ситуациях это чревато дезадаптацией.

Показатель напряженности стратегии *поиска социальной поддержки*, предполагающей поиск информационной, эмоциональной и действенной помощи, сдвинут в сторону высоких значений среднего диапазона (11,6 балла). Отсюда вероятность проявления негативных дезадаптивных последствий в виде чрезмерных ожиданий по отношению к окружающим, формирования зависимой позиции.

Кроме того, 24,0 % андрогинных мужчин склонны, по данным методики Э. Хейма, подавлять эмоции, что является непродуктивной формой поведения в ситуации стресса.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Деятельность военнослужащих бригады радиационной, химической и биологической защиты отличается как общими, так и специфическими стресс-факторами.

2. Вопреки ожиданию мужчины-военнослужащие с выраженными признаками маскулинности лишь незначительно преобладают над мужчинами-военнослужащими с андрогинными признаками (52,2 % и 42,5 % соответственно). 5,3 % мужчин отличаются яркими феминными признаками. В каждой группе обнаружены специфичные высоконапряженные стили преодоления стресса, что

чревато негативными дезадаптивными последствиями в особых стрессогенных условиях несения службы.

3. В группе маскулинных военнослужащих наибольшее напряжение (дезадаптацию) вызывают стратегии самоконтроля, планирования решения проблемы, положительной переоценки. При этом треть группы (31 %) может демонстрировать агрессию и эмоциональный взрыв как непродуктивные формы поведения. Пятая часть группы (20,5 %) глубоко переживает стресс в виде сложного комплекса ощущений на соматическом, поведенческом и эмоциональном уровнях.

4. В группе андрогинных военнослужащих высоконапряженными копингами являются дистанцирование и поиск социальной поддержки. 24 % военнослужащих из этой группы склонны подавлять эмоции, 60,3 % – глубоко переживают состояние стресса, что в три раза больше по сравнению с группой маскулинных испытуемых.

5. В группе фемининных мужчин в ситуации профессионального стресса преобладают такие стили поведения, как поиск социальной поддержки, подавление эмоций и альтруизм. 62,5 % этой группы отличаются высоким уровнем переживания стрессовой ситуации.

Полученные результаты могут быть полезны для уточнения критериев профотбора, а также служить ориентиром и основанием для содержательной разработки программ профилактики и реабилитации здоровья лиц, связанных с опасными видами деятельности.

1. Боднар Э. Л., Колесникова А. С. Особенности службы и личности бывших военнослужащих в связи с проблемой их трудоустройства // Психология труда и управления в современной России: организация, руководство и предпринимательство : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию ф-та психологии и социальной работы. Тверь, 2014. С. 318–322.

2. Водопьянова Н. Е., Старченко Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.

3. Войска радиационной, химической и биологической защиты [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0_%D0%A0%D0%A5%D0%91%D0%97_%D0%92%D0%A1_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 15.07.2016).

4. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2003.

5. Клецина И. С. Гендерная психология. СПб., 2009.

6. Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.

7. Набиуллина Р. Р., Тухтарова И. В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция) : учеб. пособие. Казань, 2003. С. 23–29.

8. Нартова-Бочавер С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психол. журн. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–30.

9. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: интегративный подход : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2008.

Статья поступила в редакцию 25.07.2016 г.

УДК 159.922.2 + 159.923.5 + 004.77-053.6 + 316.472.4

А. С. Алексеева
К. А. Миньков
Л. В. Оконечникова

ВЛИЯНИЕ РОЛЕВЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НА ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ

На основе исследования, проведенного на выборке из 83 подростков в возрасте 13–15 лет с использованием «Опросника для оценки степени увлеченности ролевыми компьютерными играми» (Е. В. Беловол, И. В. Колотилова), «Опросника уровня агрессивности» Басса-Дарки и «Личностного опросника» Г. Айзенка, было выявлено влияние степени увлеченности ролевыми компьютерными играми на такие личностные особенности подростков, как аутоагрессия (чувство вины), чувство обиды, негативизм, агрессивность, враждебность, раздражительность, искренность и психотизм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ролевые компьютерные игры; степень увлеченности компьютерными играми; личностные особенности; подростковый возраст.

Игровая индустрия всецело захватила медиaprостранство развлекательной продукции. Особый интерес к данному виду развлечения проявляют представители подрастающего поколения. Многие из них полностью погружаются в виртуальную реальность, предлагаемую компьютерными играми. Исследования показали, что вследствие увлеченности компьютерными играми формируются такие личностные особенности, как раздражительность, импульсивность, агрессивность, быстрая утомляемость, неспособность переключаться на другое, чувство мнимого превосходства над окружающими, трудности в общении с кем-либо [5, 6], происходит обеднение круга интересов, подросток дистанцируется от общества и стремится уйти в собственный придуманный виртуальный мир [4, 7]. Психологический статус лиц с онлайн-игровой зависимостью характеризуется признаками нравственной деструкции, нарушением мотивационной и эмоционально-волевой сферы личности, сочетанием нескольких типов акцентуаций характера, повышенной реактивной и личностной тревожностью [6]. Старшеклассникам, имеющим средний и высокий уровень компьютерной игровой активности, свойственен низкий уровень сформированности саморегуляции [1]. Установлены взаимосвязи эмоциональных состояний и волевых свойств с компьютерной игровой активностью и выбором жанра игры [8].

АЛЕКСЕЕВА Анна Симховна — старший преподаватель кафедры клинической психологии и психофизиологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: Nurochka_k@mail.ru).

МИНЬКОВ Кирилл Александрович — студент 4-го курса Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: kirill.mir@gmail.com).

ОКОНЕЧНИКОВА Любовь Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: dokonechnikov@mail.ru).

© Алексеева А. С., Миньков К. А., Оконечникова Л. В., 2016

Наибольшее внимание уделяется влиянию сюжетов насилия в массовой коммуникации, в том числе компьютерных играх, на агрессивность в реальной жизни [2], а также связи между стадиями сформированности компьютерной зависимости и агрессивностью [3].

Особый интерес вызывает вопрос о влиянии ролевых компьютерных игр (Computer Role-Playing Game — RPG) на личностные особенности подростков, поскольку подобные игры предполагают вхождение игрока в роль персонажа, максимально полное погружение в сюжет игры и высокий уровень идентификации с компьютерным героем [4].

Исходя из этого, целью данной работы является исследование влияния степени увлеченности RPG на личностные особенности подростков.

Исследование проводилось в школах г. Екатеринбурга в апреле 2016 г. среди учащихся седьмых классов. В исследовании приняли участие 83 человека — 37 юношей и 46 девушек в возрасте от 13 до 15 лет.

Для изучения степени увлеченности RPG был использован «Опросник для оценки степени увлеченности ролевыми компьютерными играми» (Е. В. Беловол, И. В. Колотилова), для изучения личностных особенностей были применены «Опросник уровня агрессивности» Басса-Дарки и «Личностный опросник» Г. Айзенка.

Результаты применения методики Е. В. Беловол, И. В. Колотиловой («Опросник для оценки степени увлеченности ролевыми компьютерными играми») представлены в табл. 1.

Таблица 1

Степень увлеченности подростков RPG

Степень увлеченности	Юноши, %	Девушки, %
Чрезмерно увлекающиеся	5,41	2,17
Увлекающиеся	64,86*	30,43*
Интересующиеся	18,91	21,73
Неиграющие	10,81*	45,65*

* — различия достоверны, $\varphi^* > \varphi_{кр}$, $p < 0,05$.

Если рассматривать группу «неиграющих» и «играющих» с разной степенью увлеченности, то мнение о том, что девушки играют меньше, чем молодые люди, находит свое подтверждение. Кроме того, стоит отметить небольшой процент «чрезмерно увлекающихся» подростков, т. е. находящихся в группе риска.

Теперь рассмотрим ролевые игры, пользующиеся наибольшей популярностью у девушек и юношей. В табл. 2 представлены игры, которые заняли первые три места.

Таблица 2

Наиболее популярные RPG среди подростков

Ранг	Девушки		Юноши	
	название игры	% игроков	название игры	% игроков
1	Counter-Strike: Global Offensive («Контрудар: глобальное наступление»)	7,23	Counter-Strike: Global Offensive («Контрудар: глобальное наступление»)	55,88
2	Серия игр «Sims»	6,02	«World of Warcraft» («Мир военного ремесла»)	9,64
3	DOTA2/ Defense Of The Ancients 2 («Оборона древних»)	3,61	«World of Tanks» («Мир танков»)	10,84

Самой популярной игрой как среди девушек, так и среди юношей является «Counter-Strike: Global Offensive» («Контрудар: глобальное наступление»). Этот продукт представляет собой многопользовательскую ролевую игру, суть которой заключается в военном противостоянии группы террористов и группы контртеррористов (спецназа). Игра требует от игроков слаженности действий, хорошей реакции, развитого пространственного мышления, знания внутриигровой физики оружия и т. д. Популярность Counter-Strike в данном случае может быть объяснена межличностным общением, которое, с одной стороны, является ведущим видом деятельности в подростковом возрасте, а с другой стороны, становится основной составляющей игры, от которой в значительной степени зависит успешность игрока.

К Counter-Strike по популярности у девушек плотно примыкает серия игр «Sims». Это однопользовательская ролевая игра в жанре симулятора жизни. В ней нет определенного сюжета, игра представляет собой «песочницу», в которой игрок может создавать героев (маленьких человечков) и их собственный мир. Игрок может влиять на все сферы жизни своих подопечных, начиная от того, как будет одет персонаж, на какую работу он устроится, и заканчивая его мировоззрением.

Еще одной игрой, актуальной для девушек в подростковом возрасте, является DOTA2 («Оборона древних»). Это многопользовательская командная ролевая игра, относящаяся к жанру «онлайн-бой». Ее суть состоит в том, что двум противоборствующим командам, находящимся в разных углах виртуального поля (карты), необходимо сначала набрать силу, а после обрушить всю накопленную мощь на вражескую команду и уничтожить главное здание, находящееся в самом тылу вражеской команды. Популярность данной игры показывает, что представительницам женского пола порой не чужда склонность «примерять» на себя роль фантазийных боевых персонажей. Возможно, это происходит вследствие желания некоторых девушек оказаться в центре внимания мужской аудитории, ведь появление особы женского пола в какой-либо многопользовательской игре, которой интересуются молодые люди, почти всегда вызывает некоторую степень оживления и заинтересованности и, как следствие, облегчает возможность коммуникации с противоположным полом.

На втором месте по популярности у юношей стоит игра «World of Warcraft» («Мир военного ремесла»). Эта многопользовательская ролевая игра представляет собой огромный мир, населенный игроками и существами, управляемыми программой. Игра содержит большое количество ролей, задач и возможностей, что позволяет молодому человеку создать собственного персонажа, выбрать интересующий игрока род занятий и умножать свой внутриигровой капитал, таким образом осуществляя во многом социально полезную и общественно одобряемую деятельность в рамках виртуального мира.

Занимающая третье место по популярности игра, которой интересуются исследуемые нами подростки мужского пола, называется «World of Tanks» («Мир танков»). Это многопользовательская ролевая игра, сюжет которой связан с тяжелой военной техникой.

Сравнивая наиболее популярные игры у девушек и юношей, можно отметить, что сходные игровые продукты обладают высокой степенью популярности у представителей обоих полов.

Характеризуя результаты личностных опросников, прежде всего, следует отметить, что уровень агрессивности и враждебности у всех подростков, «чрезмерно увлеченных» RPG, выше нормы.

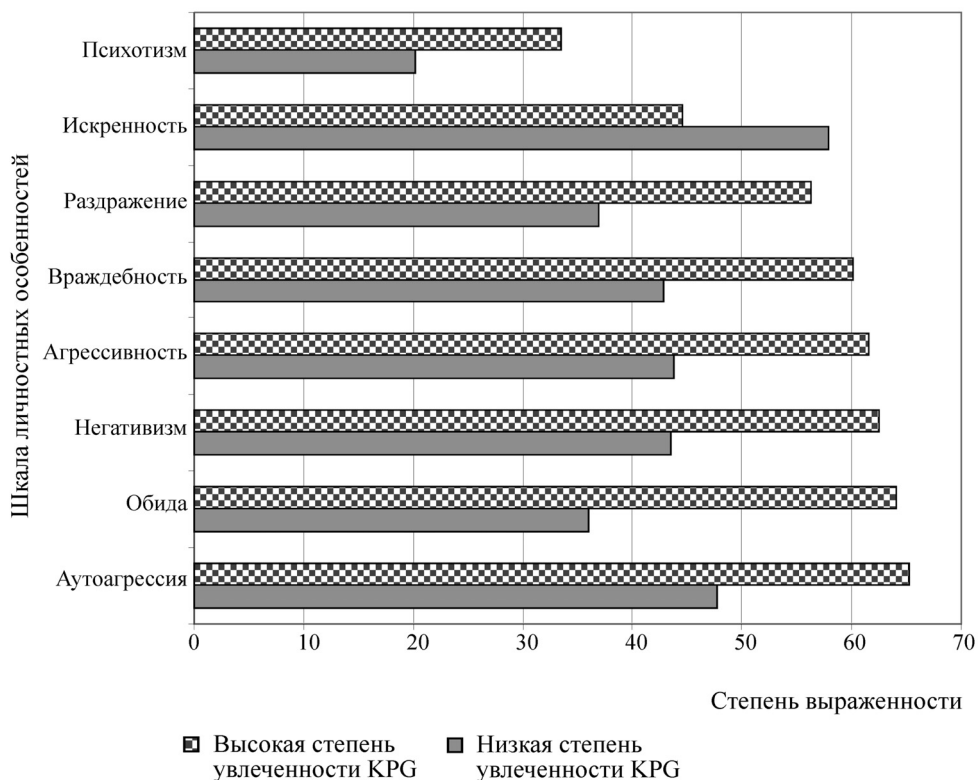
Для корректной обработки данных по результатам методики «Опросник для оценки степени увлеченности ролевыми компьютерными играми» выборка была разделена на три группы: с низким, средним и высоким уровнем увлеченности RPG. В ходе статистического анализа сравнивались данные представителей крайних групп: подростков с низкой увлеченностью RPG и подростков с высокой увлеченностью RPG.

Для определения достоверности влияния увлеченности RPG на свойства личности испытуемых был применен однофакторный дисперсионный анализ. На основе результатов анализа было установлено, что степень увлеченности ролевыми компьютерными играми достоверно ($F > F_{кр}$, $p < 0,05$) влияет на следующие личностные характеристики испытуемых: аутоагрессию (чувство вины), обиду, негативизм, агрессивность, враждебность, раздражение, искренность, психотизм (см. рисунок).

Результаты по шкале «аутоагрессия» показывают, что у подростков с низкой степенью увлеченности RPG аутоагрессия ниже, чем у подростков с высокой степенью увлеченности. Перед активно играющими людьми часто ставятся задания, идущие вразрез с их морально-нравственными нормами, что может вызывать чувство вины.

Различия по шкале «обида» показывают, что подростки с низкой степенью увлеченности менее обидчивы, чем подростки с высокой степенью увлеченности, в данном случае RPG представляет дополнительный повод обижаться на что-либо или на кого-либо в компьютерной игре.

Показатели по шкале «негативизм» ниже у подростков с низкой степенью увлеченностью RPG, чем у подростков с высокой степенью увлеченности. Возможно, исполнение в игре главной роли заставляет подростка поверить в собственную

Личностные характеристики подростков, увлекающихся RPG

уникальность и ему сложно следовать тем требованиям, которые к нему предъявляет социум.

Результаты по шкале «агрессивность» ниже у подростков с низкой степенью увлеченности RPG, чем у подростков с высокой степенью увлеченности. Это подтверждает данные, полученные многими исследователями, и объясняется прежде всего тем, что подобное поведение поощряется механикой виртуального мира.

Причиной различия в показателях шкалы враждебности может быть выраженная потребность подростков с высокой степенью увлеченности RPG делить людей в виртуальном мире на «своих» и «чужих» и, давая отпор чужим, чувствовать себя «героем». Будучи более враждебными, игроки с высокой степенью увлеченности чаще находятся в возбужденном и раздраженном состоянии (шкала раздражения), так как к ним постоянно предъявляются требования быть готовыми к каким-либо важным и зачастую опасным действиям.

У игроков с высокой степенью увлеченности RPG показатель искренности ниже. Это может быть обусловлено тем, что многие компьютерные игры моделируют ситуацию предательства. У игрока, который несколько раз испытал на себе предательство в компьютерной игре, будут «размыты границы» и он будет менее искренне вести себя и в реальной жизни.

Проявление более высокого показателя по шкале «психотизм» отмечается у подростков с высокой степенью увлеченностью RPG. Таким образом, для этой группы подростков более характерно асоциальное поведение, вычурность, неадекватность эмоциональных реакций, высокий уровень конфликтности, неконтактность, эгоцентричность, эгоистичность, равнодушие и т. д.

Итак, степень увлеченности RPG влияет на такие личностные особенности подростков, как чувство вины (аутоагрессия) и обиды, негативизм, агрессивность, враждебность, раздражительность, искренность, психотизм. При этом психологический профиль личности подростка, увлеченного RPG, отличается высоким уровнем ауто- и внешней агрессии, обиды, негативизма, враждебности, раздражительности и психотизма, а также низким уровнем искренности.

Дальнейшее исследование данной проблемы может быть направлено на разработку классификации RPG, основанной на идентификации игрока с компьютерным персонажем и изучении влияния степени увлеченности конкретными типами RPG на личностные, мотивационные и эмоционально-волевые особенности современных подростков, с учетом их половозрастных особенностей.

1. *Добровидова Н. А.* Особенности эмоционально-волевой сферы старшеклассников и студентов с различным уровнем компьютерной игровой активности : дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2013. 192 с.

2. *Епиколопов С. Н.* Массовая коммуникация и проблема насилия [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. URL: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/25570/> (дата обращения: 11.05.2016).

3. *Ершова И. А., Чудинов Т. А., Пермякова М. Е.* Личностные особенности подростков с разными стадиями компьютерной зависимости // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 2. С. 91–98.

4. *Зыкова О. В.* Психологическое влияние компьютерных игр на школьников [Электронный ресурс]. URL: http://knowledge.allbest.ru/psychology/2c0b65625b2ac78a5d43a88421216d37_0.html (дата обращения: 18.05.2016).

5. *Иванов М. С.* Особенности самореализации личности в компьютерной игровой деятельности : дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2005. 152 с.

6. *Кагермазова Л. И.* Ведущая деятельность в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психол. журн. 2004. № 24. URL: <http://psyera.ru/4742/vedushchaya-deyatelnost-v-podrostkovom-vozraste> (дата обращения: 18.05.2016).

7. *Рыбалтович Д. Г.* Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 182 с.

8. *Фомичева Ю. В., Шмелев А. Г., Бурмистров И. В.* Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми // Вестн. МГУ. Сер. 14 : Психология. 1991. № 3. С. 27–39.

9. *Хомерики Н. С.* Индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимым поведением : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 151 с.

Статья поступила в редакцию 22.08.2016 г.

УДК 378.178 + 159.923-053.6 + 316.346.32-053.6:004.77 +
+ 316.472.4

М. Л. Залесский
В. К. Винник
М. Ю. Нацвалова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РЕШЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ В ВУЗЕ

Рассматривается и анализируется суть основных психологических проблем, сопровождающих процесс адаптации первокурсника в высшем учебном заведении. На основании результатов анализа обосновывается полезность использования возможностей социальных сетей и механизмов студенческого самоуправления для создания условий успешной адаптации студента в новой социальной среде в течение первых месяцев обучения. В качестве примера продемонстрированы возможности социальной сети «ВКонтакте» для решения выявленных проблем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адаптация; аксиологическая структура; вуз; интериоризация; первокурсники; социальная среда; социальная сеть; группа.

Приходя в вуз, вчерашний школьник попадает в достаточно некомфортную ситуацию — исчезла привычная ему социальная среда, появилась новая, изменилось его положение в сообществе — в школе он был старшим, в вузе стал младшим. Начинается процесс включения студента в новую социальную среду. От того, насколько успешно произойдет адаптация первокурсника в новой социальной среде, зависит, насколько быстро он начнет полноценно учиться и насколько удачно сдаст первую сессию.

Разберемся с определениями. *Социальная адаптация* включает в себя формирование адекватной системы отношений с социальными объектами, ролевую пластичность, интеграцию личности в социальные группы, деятельность по освоению относительно стабильных социальных условий, принятие норм и ценностей новой социальной среды [1, 8]. В. А. Якунин рассматривает социальную адаптацию как процесс взаимодействия человека и окружающей среды, когда у него появляются модели поведения, адекватные условиям этой среды [9]. Г. И. Рогалева предлагает оценивать успешность адаптации по способности студента «приспосабливаться

ЗАЛЕССКИЙ Михаил Львович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры математических и естественно-научных дисциплин Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (e-mail: zalml@rambler.ru).

ВИННИК Валерия Константиновна — старший преподаватель кафедры математических и естественно-научных дисциплин Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, аспирант Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (e-mail: Lera.vinnik@yandex.ru).

НАЦВАЛОВА Марина Юрьевна — старший преподаватель кафедры культуры и психологии предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (e-mail: marinamun2107@mail.ru).

к различным требованиям (социальным и физическим) среды без ощущения внутреннего дискомфорта и конфликта со средой» [6, 222].

Исходя из позиции отечественных авторов, психологическую адаптацию к условиям вуза можно рассматривать как процесс взаимодействия студента и социальной среды вуза, который, с одной стороны, является активным приспособлением к определенным внешним условиям вуза (М. И. Дьяченко, С. Г. Кабеле, Л. Ф. Железняк), с другой — активным взаимодействием студентов и среды вуза, когда первокурсник не только изменяется, чтобы соответствовать требованиям социальной среды, но и воздействует на них, вызывая тем самым изменения самой среды (А. Г. Егоров, М. Р. Карабейников, С. С. Муцинов, В. П. Петров, А. А. Реан, Н. Ф. Феденко и др.).

Можно условно выделить три основных этапа социальной адаптации: *аккомодация* (полное подчинение требованиям среды без их критического анализа), *конформизм* (вынужденное подчинения требованиям среды, внешнее уподобление ей) и *ассимиляция* (сознательное и добровольное принятие норм и ценностей среды на основе личной солидарности с ними) [1, 8].

Очевидно, что при аккомодации основной проблемой студента является недостаток информации (непонимание механизмов функционирования вуза, системы отношений внутри него). Чтобы выполнять требования, студент должен иметь доступ к информации — знать, как функционирует вуз, иметь возможность задать вопрос и получить ответ. Второй этап уже требует общения с представителями новой социальной среды, соотнесения своей аксиологической структуры с ценностной шкалой, принятой в вузе. Студент должен понять и усвоить правила и ценности новой социальной среды. На третьем этапе студент должен принять систему ценностей, присущих новой для него среде, начать самостоятельно строить свою деятельность в соответствии с системой ценностей, принятой в вузе. Должна произойти интериоризация ценностей.

Здесь актуальной становится еще одна проблема — новые правила до студента доносят сотрудники вуза (преподаватель, куратор, декан и др.), но они достаточно часто ассоциируются у студента со школьными учителями — с социальной группой, независимость от которой он сейчас стремится доказать. Соответственно, преподаватель в период социальной адаптации не всегда референтен для студента. Референтны для студента в этот момент студенты второго — третьего курса, как часть той социальной группы, в которой студент стремится адаптироваться [2, 163].

Решением здесь может стать создание вокруг первокурсника некой управляемой, комфортной для него среды, которая поможет ему пройти основные этапы социальной адаптации и сформироваться в полноценного студента. Одна из основных задач этой среды — вовлечение первокурсника в совместную деятельность, стимулирование его самостоятельной (индивидуальной) деятельности. При этом стимулирование деятельности предполагает не навязывание ее, а изменение внешних, в том числе общественных, условий [5, 23]. Одним из элементов этой среды должны стать студенты 2–3-х курсов (назовем их младшими кураторами). Их задача — подготовка данной среды и управление ею. Второй элемент (собственно среду) можно создать, используя возможности социальных сетей. Дело в том, что

Интернет вообще и социальные сети в частности — привычная для вчерашних абитуриентов среда, среда, обжитая ими. Россия сегодня на третьем месте в мире по времени, которое пользователи проводят в социальных сетях, используя эти ресурсы как для общения, так и в качестве источника информации [8]. Отметим, что самой популярной социальной сетью является «ВКонтакте», ее посещаемость в январе 2014 г. составила 60 млн посещений в сутки; на втором месте сайт «Одноклассники» — 19 млн [4]. Это среда активно развивающаяся — за прошедшее десятилетие количество пользователей Интернета возросло на 566 %. Наиболее активные пользователи социальных сетей — именно старшеклассники и студенты.

Итак, первая задача — создание группы «ВКонтакте» (далее — «ВК»). Создание и функционирование группы рассмотрим на примере группы Нижегородского коммерческого института (НКИ) (сейчас присоединен к Нижегородскому государственному университету им. Н. И. Лобачевского). Перечислим основные задачи группы. Во-первых, студент должен иметь возможность задать любой вопрос, получить на него ответ, поучаствовать в обсуждении. Иначе говоря, нужна «беседка». Во-вторых, студента нужно втянуть в деятельность, дать ему почувствовать себя равноправным участником событий, происходящих в вузе, частью социальной группы.

Начнем со второго — с вовлечения студента в деятельность. Именно деятельность является условием успешной адаптации, причем «первичной формой деятельности является ее коллективное (совместное) выполнение. На основе совместной деятельности... возникает индивидуальная деятельность многих субъектов. Становление индивидуальной деятельности осуществляется в результате интериоризации» [7, 263].

В течение первого месяца учебы со студентами активно работают младшие кураторы. Студенты постоянно участвуют в совместных мероприятиях, т. е. в совместной деятельности. Одной из задач младших кураторов в этот момент является привлечение студентов в группу. Есть одна хитрость — в группе существует синтетический пользователь (далее — «пользователь»). Зовут его так же, как и вуз (факультет), в нашем случае — Нижегородский коммерческий институт, соответственно, на личной страничке — фотографии вуза, дата его создания, имя ректора. Пароль этого «пользователя» могут использовать все младшие кураторы и активисты студсовета. На первой неделе обучения вчерашний абитуриент получает «ВКонтакте» от имени вуза приглашение в группу и предложение дружить. Предложение это он принимает с готовностью. Поскольку у «пользователя» — администраторские права, любая новость, которую он размещает в группе, сразу же рассылается всем членам группы.

Следующий шаг — втянуть студентов в интенсивное общение. Поскольку от имени «пользователя» работает достаточно много студентов, интенсивное общение обеспечивается легко. Студентам сообщают о грядущих мероприятиях, размещают результаты прошедших мероприятий, желают удачи, поздравляют с днями рождения (еще одна опция «ВК»). Заместитель декана по воспитательной работе также может работать от имени «пользователя». Значит, учебная информация тоже рассылается от имени «пользователя», т. е. от имени вуза.

Поскольку сегодняшние студенты «живут» «ВКонтакте», рассылку они получают немедленно. Это очень важный психологический момент адаптации — студент не идет за информацией, она сама к нему приходит, напоминая, что он не один, он участник группы.

Студент должен почувствовать себя равноправным участником событий. По завершении каждого из проходящих мероприятий младшие кураторы обязаны в этот же день выложить на страничке группы фотографии. Причем на каждой из них необходимо отметить присутствующих людей. Студент получает в сети уведомление, что он «отмечен на фотографии» (опция «VK»). У него появляется повод размещать свои фотографии, комментировать другие фотографии, т. е. общаться. Заметим, что о каждом размещенном комментарии «VK» тоже моментально информирует. Каждая такая отметка напоминает студенту, что он часть группы, что он участвовал «вместе с группой». Это формирует у студента ощущение общей ответственности, сопричастности, что, в свою очередь, приводит к принятию общих правил и интериоризации ценностей. Не страшно, что в первый момент ведущей стала не учебная деятельность. В. А. Слостёнин, например, заметил, что «в воспитании целесообразно использовать комплекс видов деятельности» [5, 114].

Понятно, что общаться студент может не только при размещении и обсуждении фотографий. Если у него возникает вопрос, он размещает его на «стене» группы и максимально быстро получает ответ. Если ему хочется высказаться, и здесь «стена» в полном его распоряжении. Более того, младшие кураторы достаточно активно (уже под своими именами) провоцируют обсуждения и «создают темы». Обсуждаться здесь может что угодно — учеба, трудоустройство, погода, взаимоотношения, жизнь в общежитии... Если студент захочет задать вопрос какому-то преподавателю, младшие кураторы этот вопрос передадут и разместят ответ преподавателя, если, конечно, преподавателя нет «ВКонтакте». В этом общении информация — не главное. Главное здесь — обсуждение, обмен мнениями. Именно обмен мнениями позволяет студенту соотнести свою аксиологическую структуру с системой ценностей, принятых в новом для него коллективе, т. е. сформировать свое отношение, свою точку зрения.

Следующий момент: группа является своего рода лицом вуза (факультета) в сети, соответственно, ее достаточно легко найти. Значит, абитуриент, планируя поступать в вуз, может получить информацию о вузе не из официальной рекламы, которой он не всегда доверяет, а от реальных студентов. Ведь эмоционально окрашенная информация, полученная от студента, для абитуриента гораздо ценнее сухой официальной информации, полученной из недостаточно референтного источника, который еще надо найти. Абитуриент начинает общаться, вступает в группу, постепенно привыкает к лицам собеседников (это наиболее активные студенты и курирующие группу преподаватели), к интерьерам вуза, которые постоянно видит на фотографиях мероприятий. Он начинает ходить на студенческие мероприятия, информацию о которых и приглашение ему от имени вуза (факультета) доставляет «VK». Заметим, что в НКИ абитуриентами занимается отдельная студенческая организация — студенческий педагогический отряд, одна из задач которой — выявление абитуриентов в группе и работа с ними. В такой

ситуации вчерашний абитуриент, поступив в вуз, не испытывает стресса, ибо новая социальная среда ему понятна и уже почти привычна. Более того, наличие такого студента в академической группе делает менее болезненной адаптацию остальных студентов вуза.

Доступность группы в Интернете значительно расширяет круг общения ее участников — в группу пишут работодатели, здесь размещают свою рекламу развлекательные учреждения, общественные молодежные движения, представители других вузов. И если группа «раскручена», она становится основным каналом, через который информация извне попадает к студентам вуза. Это значит, что любой заинтересованный сотрудник вуза (ответственный за воспитательную работу, профориентацию, трудоустройство, прохождение практики и т. д.) может легко эту информацию контролировать. Как контролировать, обсудим чуть ниже, пока заметим, что так же (при необходимости) можно контролировать и любую социальную активность студентов, ибо обсуждение мероприятий, выражение позитивных или негативных эмоций будет происходить на той же «стене» группы.

Мы уже отмечали, что наиболее некомфортными для студента могут стать первые недели адаптации. Именно в это время студенту психологически тяжело обратиться за помощью к психологу, куратору, сотруднику деканата, ибо все они — часть непривычного сообщества. Этот дискомфорт можно снизить, если ответственные за воспитательную и социальную работу, куратор, психолог будут достаточно активно общаться в группе. Есть и второй аспект — ощущая дискомфорт от недостатка общения, неумения выстроить отношения, студент может обозначить свою проблему в Интернете. Разумеется, это не будет прямой просьбой о помощи, но, например, изменения «статуса в сети», размещение вызывающих фотографий, внезапное удаление или переименование своей страницы «ВК» могут свидетельствовать о том, что молодому человеку нужна помощь или внимание. Обо всех этих изменениях «ВК» сразу же оповестит всех друзей студента (опция «ВК»), и «пользователя» в том числе.

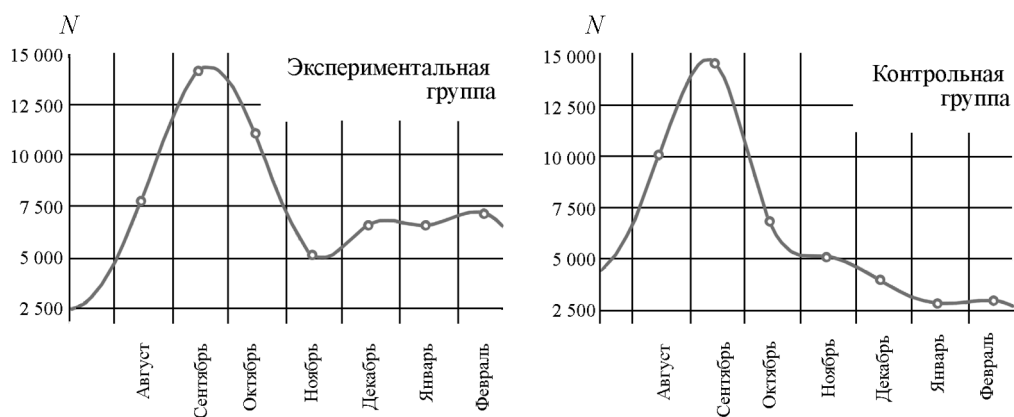
Продолжая тему психологического сопровождения адаптации студентов, нельзя пройти мимо еще одного вида информации, которую можно почерпнуть из группы. Первые два месяца учебы в вузе проводится достаточно большое количество массовых мероприятий. Они различаются количеством участников (группа, поток, курс), видом деятельности (спортивные, художественные, развлекательные). Их общая задача — дать каждому студенту возможность показать себя с выигрышной для него стороны, создать для него ситуацию успеха, представить его одноклассникам. Проблема в том, что в ходе массового мероприятия трудно заметить нюансы, характеризующие особенности конкретного молодого человека. Здесь помогают фотоотчеты с мероприятий, которые оперативно размещаются в группе. С точки зрения РДП (рефлексивно-деятельностного подхода), фотографии — неограниченный ресурс информации. Например, на них хорошо видны лидеры, студенты, не нашедшие контакта с группой, люди, склонные к конфликту, к девиантному поведению, проявления симпатии и антипатии. Фотографии будут комментироваться, оцениваться участниками группы — это полезная для психолога информация, которая, благодаря специфике «ВК», доступна всем и всегда.

И последний аспект, который хотелось бы рассмотреть, — все, предложенное выше, работает, если группа «раскручена», технически правильно создана и грамотно модерируется. Тезисно перечислим основные требования, которые необходимо выполнить, чтобы группа решала поставленные перед ней задачи:

- Группа должна быть общедоступной («открытой»), как и все связанные с ней группы.
- Общение в группе должно строиться с учетом традиций социальных сетей.
- Недопустимо любое наказание за высказывания в группе.
- Административное удаление высказываний может применяться только в случае крайней необходимости (высказывание антиобщественно, автор неконтактен). Если высказывание кажется некорректным, можно создать дискуссию, попытаться найти автора лично и убедить его удалить (изменить) свое высказывание.

Заметим, что описанная выше модель опробовалась в Нижегородском коммерческом институте в течение пяти лет. Приведем некоторые результаты исследований, позволяющие судить о работоспособности предлагаемой модели.

В первую очередь рассмотрим изменение активности участников группы по месяцам (опция «ВК»). В качестве контрольной возьмем группу Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета (ИЭП ННГУ). В группе схожее количество участников (около 2 тыс.), вуз имеет ту же направленность, что и НКИ, что говорит о схожести контингента студентов, в вузе проводится программа адаптации первокурсников. Единственное отличие — группа создана и модерируется студентами, вуз ее не использует. Графики изменения *сетевой активности* (количество посещений группы в месяц) приведены на рисунке.

Изменение активности участников группы:
N — количество посещений группы (в месяц)

Чтобы выяснить причины изменения посещаемости группы, проанализируем изменение уровня адаптации студентов к условиям вуза. Сделаем это с помощью методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса

и Р. Даймонда. Исходя из целей исследования, выделим три основных уровня адаптации — средний уровень (132–141 балл), уровень выше среднего (более 142 баллов) и ниже среднего (менее 131 балла). В табл. 1 приведены результаты исследования, проведенного в сентябре — декабре 2015 г. Опрос проводился в третьей декаде месяца. Опрошено было 113 первокурсников.

Таблица 1

Изменение уровня социально-психологической адаптации первокурсников (2015 г.), %

Уровень адаптации	Сентябрь	Ноябрь	Декабрь	Февраль
Ниже среднего	63	2	2	1
Средний	37	11	10	12
Выше среднего	0	87	88	87

Из данных таблицы видно, что подавляющее большинство первокурсников адаптируются к условиям вуза к концу ноября. Сравнение изменения уровня адаптации студентов к условиям вуза и изменения их сетевой активности показывает, что динамика изменения этих явлений схожа, что, в свою очередь, позволяет предположить их взаимозависимость — с повышением уровня адаптированности «падает» востребованность группы, вследствие чего снижается сетевая активность.

Обратим внимание на то, что сетевая активность начинает расти с июля (время окончательного выбора вуза и подачи документов) и достигает своего минимума в конце ноября (время, когда почти 90 % первокурсников адаптировались к условиям вуза).

Чтобы выяснить, что же происходит с оставшимися 10–13 % студентов, более детально проанализируем особенности психологического состояния первокурсников. Рассмотрим уровень и природу тревожности как индивидуальный показатель адаптации [3, 45]. Воспользуемся методикой Ч. Д. Спилбергера, адаптированной Ю. Л. Ханиным, так как она позволяет дифференцировать *тревожность* как личностное свойство и как состояние, связанное с текущей ситуацией. Результаты тестирования приведены в табл. 2. Сроки исследования и экспериментальная группа — те же, что и в предыдущем исследовании.

Таблица 2

Изменение уровня и структуры тревожности первокурсников (2015 г.), %

Уровень тревожности	Сентябрь		Ноябрь		Декабрь		Февраль	
	личностная	ситуативная	личностная	ситуативная	личностная	ситуативная	личностная	ситуативная
Высокий	48	52	21	20	12	37	20	24
Средний	44	34	55	36	42	47	52	35
Низкий	8	14	24	44	46	16	28	41

Результаты тестирования подтверждают сделанный нами ранее вывод: к концу ноября социальная адаптация первокурсников в основном заканчивается. С учетом принятого нами выше определения социальной адаптации можно предположить, что к началу декабря студенты успевают простроить для себя адекватную систему отношений как с однокурсниками, так и со структурами вуза, усвоить и принять нормы и ценности новой социальной среды. Однако изменение социальных условий (приближение сессии) вызывает всплеск тревожности, что подтверждает очевидное преобладание уровня ситуативной тревожности над личностной (см. табл. 2, графу «Декабрь»). Этот вывод косвенно подтверждается и при сравнении графиков сетевой активности студентов. Контрольной у нас является группа, модерируемая студентами. Очевидно, что акцент в этой группе делается на межличностные отношения. Поэтому в ноябре, когда межличностные отношения уже простроены, посещаемость группы падает. Экспериментальная же группа охватывает весь спектр интересов студентов. Поэтому, как только у студентов повышается уровень внутреннего дискомфорта, повышается востребованность группы, следовательно, растет и сетевая активность.

Приведенные выше результаты и наш опыт применения описанной модели позволяют утверждать, что использование социальных сетей существенно снижает уровень психологического дискомфорта первокурсников, делает более эффективной работу служб психологической и социальной поддержки, т. е. облегчает решение психологических проблем адаптации студентов в вузе.

-
1. Еникеев М. И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. М., 2002. 560 с.
 2. Залесский М. Л., Макарова Д. В., Залеская А. М. Роль студенческого самоуправления в формировании профессиональных компетенций выпускника университета предпринимательского типа // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3. С. 163–170
 3. Мирзаянова Л. Ф. Социально-психологическая адаптация первокурсников: кризис взаимоотношений с преподавателями // Среднее профессиональное образование. 2009. № 4. С. 45–46.
 4. Аудитория Интернета в России // TNS Россия : [официальный сайт]. URL: http://tns-global.ru/press/news/183388/?sphrase_id=14062 (дата обращения: 03.05.2014).
 5. Педагогика : учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений / В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. М., 2000. 512 с.
 6. Рогалева Г. И. Адаптация первокурсников в вузовском образовательном пространстве // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2011. № 5. С. 221–225.
 7. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1993. Т. 1 : А–М. 608 с.
 8. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям : отраслевой доклад. URL: <http://www.farnc.ru/rospechat.html> (дата обращения: 28.04.2014).
 9. Якушин В. А. Педагогическая психология. СПб., 1998. С. 138.

Статья поступила в редакцию 12.07.2016 г.

УДК 159.9.072 + 159.922 + 159.964.21

Е. В. Распопин

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОЦЕНКИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

В статье рассматриваются методы изучения психических состояний, такие как наблюдение, эксперимент, самоотчет, проективные и психофизиологические методы. Обсуждаются их общие характеристики, особое внимание уделяется анализу присущих им достоинств и недостатков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психические состояния; методы изучения психических состояний; наблюдение; эксперимент; самоотчет; проективные методы; психофизиологические методы.

Проблема изучения психических состояний имеет большое прикладное значение. Связано это с тем, что психические состояния являются важной частью психической регуляции и оказывают непосредственное влияние на поведение человека и результаты его деятельности [4, 9]. Важно изучать психические состояния человека, действующего в трудных и ответственных ситуациях, в сложных условиях [11]. Особое значение здесь приобретают методы изучения, измерения и оценки психических состояний человека, вовлеченного в выполнение подобной деятельности.

В связи с этим цель данной работы — провести обзор методов изучения психических состояний, проанализировать присущие им достоинства и недостатки.

Данный обзор будет осуществляться в соответствии со следующим планом. Вначале будут рассмотрены основные подходы к изучению состояний, а также группы и классы методов их изучения. После этого будут проанализированы конкретные методы изучения и оценки психических состояний, их специфические особенности, достоинства и недостатки. В завершении будут подведены итоги, сделаны выводы и обобщения.

Итак, как отмечает Н. Д. Левитов, психические состояния представляют собой сложные, многомерные явления, поэтому для их изучения необходимо применять самые разные методы, в том числе в сочетании друг с другом. В целом для изучения психических состояний могут быть использованы следующие методы:

1. Наблюдение за внешними проявлениями состояния, в том числе с использованием фото- и видеосъемки.
2. Эксперимент, проводимый в естественных или в лабораторных условиях.
3. Беседа, данные самонаблюдения и самоотчета.
4. Изучение продуктов деятельности, по качеству выполнения которых можно судить о состояниях, которые испытывал человек, когда трудился над их созданием [5].

РАСПОПИН Евгений Владимирович — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург (e-mail: ev73@mail.ru).

© Распопин Е. В., 2016

Кроме этого Н. Д. Левитов отмечает, что выбор метода должен зависеть от конкретного психического состояния, подлежащего изучению. Например, такие состояния, как стресс или утомление, успешно оцениваются с помощью экспериментальных объективных методов. Другие же состояния, например, состояние внутреннего конфликта или творческого вдохновения, с трудом поддаются экспериментальному изучению. Наконец, необходимо, чтобы при оценке состояний использовались различные, взаимодополняющие и контролирующие друг друга методы [6].

Ю. Е. Сосновикова выделяет три большие группы методов изучения психических состояний:

- 1) теоретическое исследование философских вопросов проблемы;
- 2) изучение медицинских, физиологических и биологических характеристик и параметров психических состояний;
- 3) собственно психологические методы: наблюдение и самонаблюдение, беседа, анкетирование, тестирование и др. [13].

О. Г. Носкова описывает следующие группы методов изучения психических состояний, которые испытывает в процессе своей деятельности субъект труда:

1. Поведенческие методы. К ним относятся хронометраж продуктивности работы, анализ брака в разные часы работы, тестовые задания, моделирующие работу психики при решении профессиональных задач (например, пробы на измерение скорости сенсомоторной реакции).

2. Психометрические методы, ориентированные на оценку состояния психических функций (например, задания на проверку оперативной памяти).

3. Физиологические методы, оценивающие состояние физиологических функций (например, измерение частоты сердечных сокращений, артериального давления, дыхания).

4. Методы субъективной оценки и шкалирования ощущений усталости, настроения, самочувствия (например, методика и диагностика самочувствия, активности и настроения — САН).

Выбор диагностических методов определяется задачей исследования психических состояний и должен основываться на предварительном психологическом анализе профессиональной деятельности [8].

А. О. Прохоров отмечает, что методы оценки психических состояний могут быть объединены в две основные группы — физиологические и психологические. Физиологические методы также иногда обозначают как объективные, психологические — как субъективные [10].

Также А. О. Прохоров рассматривает следующие конкретные группы методов диагностики психических состояний:

1. Методы изучения осознаваемых компонентов психических состояний. Эта группа представлена, прежде всего, шкалами и опросниками самоотчета испытуемого о своем психическом состоянии.

2. Методы изучения неосознаваемых компонентов психических состояний. В эту группу входят методы изучения вегетативных реакций и проективные методы изучения психических состояний.

3. Методы изучения экспрессивного компонента психических состояний. В эту группу входят методы оценки психического состояния испытуемого по характерным особенностям мимики и пантомимики с помощью наблюдения.

4. Методы диагностики и измерения психических состояний, проявляющихся в деятельности. Эта группа включает разнообразные психодиагностические методики, предназначенные для оценки таких практически важных состояний, ведущих к нарушению работоспособности, как утомление, монотония и психическое пресыщение, напряжение и стресс [9].

По мнению Л. В. Куликова, методы диагностики психических состояний могут быть объединены в следующие основные группы:

1. Психофизиологические методы (изучение состояний путем оценки их психофизиологических коррелятов).

2. Обсервационные методы (оценка состояний путем наблюдения и самонаблюдения).

3. Праксиметрические методы (изучение состояний посредством анализа продуктов деятельности).

4. Субъективно-оценочные методы (изучение состояний с помощью шкал и опросников самоотчета).

5. Ассоциативные методы (изучение состояний на основе анализа ассоциаций испытуемых, в том числе с помощью проективных методик) [3].

Таким образом, основные методы оценки и изучения психических состояний могут быть условно объединены в следующие группы:

1. Наблюдение.

2. Эксперимент.

3. Методы самоотчета.

4. Проективные методы.

5. Психофизиологические методы.

Обратимся к рассмотрению возможностей применения этих методов, а также их достоинств, недостатков и ограничений.

Наблюдение

Наблюдение является одним из наиболее универсальных методов изучения и оценки самых различных психических явлений. Прежде всего, наблюдение позволяет исследовать состояние человека как в лабораторных, так и в естественных условиях; как самостоятельно, так и в сочетании с другими методами. Его преимущество — известная степень доступности в плане технического оснащения: этот метод не требует наличия специальной аппаратуры, в отличие от психофизиологических методов, или сложного стимульного материала, в отличие от некоторых проективных методик или опросников. Главное же достоинство метода наблюдения — возможность оценивать состояние человека, вовлеченного в процесс деятельности, не прерывая самой этой деятельности. Это позволяет получить информацию о реальном поведении испытуемого в эмоционально насыщенных ситуациях, изучить динамику этих состояний, определить влияние

состояний на эффективность выполняемой деятельности, оценить способность испытуемого к саморегуляции и т. д.

Наряду с этим данному методу присущи определенные недостатки. Как отмечает Л. В. Куликов, к ним относится, прежде всего, сложность процедуры оценки и интерпретации наблюдаемых явлений, а также риск искажения результатов наблюдения вследствие субъективных тенденций со стороны наблюдателя [3].

Н. Д. Левитов напоминает о необходимости корректной интерпретации полученных в ходе наблюдения результатов. Прежде всего, здесь необходимо помнить о том, что на основании наблюдаемого состояния нельзя делать выводы о чертах личности испытуемого. Например, видимые признаки страха еще не являются признаком тревожной личности, они говорят именно о состоянии страха в момент наблюдения. Кроме того, иногда человек пытается скрыть от окружающих свои действительные переживания и внешне наблюдаемое состояние может быть искусственным [5].

Таким образом, несмотря на видимую простоту и доступность, этот метод требует от наблюдателя большого опыта в осуществлении регистрации и интерпретации полученных данных. Для эффективного проведения наблюдения за состояниями человека необходимы тщательная разработка карт наблюдения, четкое описание поведенческих индикаторов тех или иных состояний, подлежащих фиксации в ходе наблюдения, и главное — наличие опыта, необходимого наблюдателю для объективной и точной регистрации интересующих его явлений.

Эксперимент

В целом экспериментальное исследование строится на принципе моделирования той или иной ситуации, в которой могут проявляться интересующие исследователя психические состояния [11].

Как отмечает Н. Д. Левитов, при организации и проведении эксперимента необходимо помнить о том, что не все состояния можно смоделировать в эксперименте, и в этом проявляется главный недостаток данного метода. В эксперименте легче смоделировать волевые и познавательные состояния, вовлекая испытуемого в выполнение той или иной деятельности; эмоциональные же состояния вызвать в эксперименте труднее [5].

Тем не менее экспериментальный метод положительно зарекомендовал себя при изучении таких сложных состояний, как стрессовые состояния.

Л. А. Китаев-Смык считает, что изучение стресса наиболее эффективно при экстремальных нагрузках [2]. Такие нагрузки могут быть созданы и смоделированы как в естественном, так и в лабораторном эксперименте. В. Л. Марищук и В. И. Евдокимов приводят следующую схему экспериментального изучения стресса. На первом этапе испытуемый выполняет тестовые задания на память, внимание и т. п. После этого задание выполняется на фоне каких-либо сильных воздействий, способных выступать в качестве источника стресса. Затем сопоставляются тестовые показатели, полученные при выполнении задания в спокойной

и стрессогенной ситуации. Это позволяет оценить, как состояние стресса влияет на продуктивность деятельности испытуемого [7].

Говоря о возможности экспериментального изучения стресса с применением экстремальных нагрузок, Л. А. Китаев-Смык предупреждает о необходимости соблюдения ряда важных принципов. Эти принципы могут быть сформулированы следующим образом:

1. Первый принцип — гуманное отношение к человеку, испытывающему на себе воздействие экстремальных факторов. Этот принцип подразумевает соблюдение этических требований к испытуемому, принимающему участие в эксперименте, а также ответственность за состояние его физического и психологического здоровья.

2. Следующий принцип — добровольное участие в экспериментах, связанных с такого рода экстремальными воздействиями.

3. Третий принцип — строгое соблюдение правил и регламента проведения эксперимента со стороны экспериментатора.

4. Участие самого экспериментатора в качестве испытуемого в первых сериях эксперимента. Это положительно действует на последующих участников эксперимента.

5. Наконец, необходимо, чтобы лица, обслуживающие проведение эксперимента, были четко проинструктированы о том влиянии, которое их произвольные или непроизвольные реакции (например, сочувствия или безразличности) способны оказывать на состояние испытуемых [2].

Таким образом, эксперимент позволяет смоделировать условия, способствующие возникновению и развитию тех или иных состояний, и оценить, какое влияние эти состояния оказывают на поведение и деятельность испытуемого. При этом, помимо собственно диагностических целей, эксперимент может выполнять и коррекционно-развивающие функции, например, при обучении испытуемого методам саморегуляции в экстремальных условиях деятельности. В этом случае экспериментальное исследование приобретает вид формирующего эксперимента.

Методы самоотчета

Как отмечает Н. Д. Левитов, любое психическое состояние в своей основе имеет определенное переживание, поэтому важно выяснить отношение человека к этим переживаниям, изучить то, как он сам описывает свое состояние и самочувствие [5]. Для этого применяются методы самоотчета, или субъективные методы, к ним относятся различные шкалы и опросники, а также интервью и беседа. По определению А. О. Прохорова, субъективно-оценочные методы диагностики психических состояний — это методы, в которых испытуемый самостоятельно сообщает о своем состоянии и самочувствии [12].

По мнению Л. В. Куликова, одним из основных достоинств этого метода является достаточно простая, стандартизированная и точная обработка получаемых с его помощью результатов [3]. А. О. Прохоров добавляет к этому, что методики самоотчета позволяют достаточно точно и быстро получать необходимую

информацию о состояниях испытуемого и не требуют применения сложного оборудования, сложных схем обработки и интерпретации полученных результатов. Кроме этого методики самоотчета можно применять не только индивидуально, но и в группах, что недоступно, к примеру, при психофизиологическом или проективном тестировании. Наконец, эти методики позволяют получить такую картину переживаний человека, какой ее видит сам испытуемый [12].

К основным недостаткам этого метода относится, прежде всего, то, что испытуемый может быть неискренним в своих ответах, особенно в экспертных ситуациях. Кроме того, испытуемый может сообщать о себе неточную информацию в силу недостаточной способности к саморефлексии, к самонаблюдению и самоанализу. Наконец, на точность ответов могут влиять как текущее состояние, так и индивидуально-типологические особенности испытуемого (например, оптимист оценивает свое состояние более положительно, чем пессимист) [3, 12, 14].

Несмотря на это субъективный самоотчет рассматривается многими исследователями как основной, ведущий метод диагностики психических состояний [12, 14].

Проективные методы

В рамках проективного подхода диагностика осуществляется путем анализа ассоциаций испытуемого на предъявляемый ему слабоструктурированный стимульный материал, который в силу своей неопределенности становится для испытуемого объектом проекции своих чувств, переживаний, личностных особенностей и т. д. Этот подход представлен, соответственно, проективными психодиагностическими методиками [1]. Л. В. Куликов обозначает эту группу как ассоциативные методы и говорит о том, что достоинства и недостатки данных методов схожи с достоинствами и недостатками проективных тестов в целом [3].

Говоря о недостатках проективных методик, критики указывают на то, что они недостаточно стандартизованы, а их интерпретация слишком сильно зависит от опыта психолога, а также от его индивидуальных особенностей и предпочтений, в результате чего полученные результаты могут отражать особенности самого исследователя, а не испытуемого. Еще один повод для критики проективных методик — отсутствие нормативных данных. Особо отмечается трудность, а в ряде случаев и невозможность оценки надежности и валидности таких методик с помощью общепринятых процедур. Вследствие этого валидность и надежность многих проективных методик остается неизученной либо имеющиеся данные о результатах изучения этих параметров подвергаются сомнению [1].

Но проективные методики обладают одним чрезвычайно важным достоинством, которое наиболее ярко проявляется в сравнении с методиками самоотчета: они позволяют исследовать состояние испытуемого, минуя цензуру его ответов со стороны сознания. Кроме того, в отличие от шкал и опросников, проективные методики дают возможность избежать таких проблем, как языковой барьер, сниженный интеллект или недостаточная способность испытуемого к саморефлексии, затрудняющие адекватную самооценку своего состояния.

Психофизиологические методы

Данная группа методов направлена на регистрацию психофизиологических сдвигов, возникающих в ответ на воздействие тех или иных психических раздражителей.

Их основным достоинством является то, что данные, полученные с их помощью на разных группах испытуемых в схожем диапазоне ситуаций или на одном испытуемом, но в разных ситуациях, поддаются объективному сравнению.

Но эти методы содержат также ряд существенных недостатков и ограничений. Прежде всего, они требуют сложного оборудования, много времени для проведения, обработки и интерпретации результатов, а также высокой квалификации исследователя. Не менее существенным является то, что использование физиологических методов не дает возможности качественной интерпретации психических состояний, поскольку при одних и тех же физиологических показателях психологическая характеристика переживаемых состояний может быть различной. Иначе говоря, одно и то же состояние может характеризоваться разнонаправленными сдвигами со стороны психофизиологических систем, в то время как разные психические состояния могут иметь одинаковые физиологические сдвиги. Например, такие состояния, как негодование и воодушевление, имеют близкие физиологические характеристики, но они совершенно различны по своему психологическому содержанию. Наконец, в большинстве случаев эти методы малопригодны для групповых исследований [3, 10, 12].

Как отмечает А. О. Прохоров, до сих пор остается дискуссионным вопрос о соотношении физиологических и собственно психологических методов. С одной стороны, физиологические методы дают возможность объективно оценить физиологические сдвиги в организме. С другой стороны, как уже отмечалось, физиологические методы не позволяют качественно интерпретировать эти сдвиги. Это вызывает значительные затруднения в использовании физиологических методов. В связи с этим некоторые авторы применяют данные методы не для качественного анализа состояний, а для оценки их энергетического потенциала [10].

Таким образом, психофизиологические методы позволяют получить объективную количественную оценку параметров переживаемого состояния, но с их помощью затруднительно проводить дифференцированную диагностику состояний.

Выводы

Завершая данный обзор, необходимо отметить, что проблема методов изучения и оценки психических состояний остается открытой и требует своего дальнейшего решения. Связано это в первую очередь с названными выше ограничениями и недостатками различных методов диагностики состояний.

В широком смысле эта проблема может быть рассмотрена через призму основных психодиагностических подходов к изучению психических явлений. Согласно позиции Л. Ф. Бурлачука и С. М. Морозова, выделяются следующие подходы:

1. Объективный подход. В рамках данного подхода диагностика осуществляется на основе успешности и/или способа выполнения деятельности. Данный подход представлен, прежде всего, тестами интеллекта, а также объективными

тестами личности. Главные отличительные характеристики такого рода тестов — надежность, валидность и стандартизация. Кроме этого диагностика в рамках данного подхода предусматривает наличие правильного (данного в соответствии с «ключом») ответа.

2. Субъективный подход. Здесь диагностика осуществляется на основе самоотчета испытуемого о своих свойствах, качествах и состояниях. Этот подход представлен личностными опросниками и опросниками состояний.

3. Проективный подход. В рамках проективного подхода оценка состояния осуществляется на основе анализа особенностей взаимодействия испытуемого с внешне нейтральным, слабоструктурированным и неопределенным материалом, становящимся в силу его неопределенности объектом проекции. Этот подход представлен, соответственно, проективными психодиагностическими методиками [1].

Как видно из описания, методики измерения состояний представлены, прежде всего, в рамках субъективного подхода. Кроме того, как было отмечено выше, проективный подход дает возможность исследования и оценки психических состояний. Что же касается объективного подхода, то здесь возможности изучения психических состояний оказываются крайне ограниченными. Безусловно, в рамках данного подхода по примеру стандартизованных тестов личности могут быть разработаны и опросники состояний, характеризующиеся высокими характеристиками надежности, валидности и стандартизации. Но такие стандартизованные опросники не лишены недостатков опросных методик в целом, а именно возможности искажения испытуемым результатов тестирования в силу установочного поведения, трудностей самооценки и т. д. По сути, несмотря на высокие психометрические характеристики, они так и остаются методиками субъективного самоотчета, поскольку именно эта процедура лежит в основе сбора данных. Поэтому в рамках объективного подхода могут быть рассмотрены лишь тесты в строгом смысле этого понятия, главным свойством которых является наличие правильного ответа при решении тестовой задачи. Это правильное решение зависит в первую очередь от реальных компетенций испытуемого, а не от его самооценки, субъективного представления о своих способностях и т. д. Именно таких объективных процедур не хватает в области изучения и оценки психических состояний. Исключение здесь составляют тесты, предназначенные для изучения состояния познавательных функций — памяти, внимания, умственной работоспособности и т. п. Но об эмоциональных и волевых состояниях испытуемого, сопровождающих его умственную работу, такие тесты позволяют судить лишь косвенно. Конечно, эмоциональные состояния неизбежно проявляются при работе с объективными тестами и влияют на их результаты. Например, испытуемый, у которого отмечается высокая степень тревоги или утомления, возможно, покажет более низкие результаты по тесту, чем испытуемый, находящийся в оптимальном рабочем состоянии. Но эти результаты не позволяют сделать строгого вывода об эмоциональном состоянии испытуемого во время работы с тестом.

Таким образом, по результатам работы могут быть сделаны следующие выводы:

1. Основными методами изучения и оценки психических состояний являются наблюдение, эксперимент, методы самоотчета, проективные методы и психофизиологические методы.

2. Данные группы методов имеют как свои достоинства, так и ограничения и недостатки. В связи с этим продуктивным является использование данных методов не изолированно, а в сочетании друг с другом.

3. В силу присущих данным методам ограничений и недостатков проблема их изучения и оценки остается открытой. Основное содержание этой проблемы сводится к сложности объективной оценки психических состояний, т. е. такой оценки, которая является независимой от влияний и искажений, произвольно и непроизвольно возникающих в триаде «исследователь — инструмент — испытуемый».

-
1. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 2002.
 2. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М., 1983.
 3. Куликов Л. В. Диагностика психического состояния // Психология состояний / под ред. проф. А. О. Прохорова. М. ; СПб., 2004. С. 74–81.
 4. Куликов Л. В. Проблема описания психических состояний // Психические состояния / сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. СПб., 2001. С. 11–42.
 5. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М., 1964.
 6. Левитов Н. Д. Проблемы методов изучения психических состояний // Материалы IV Всесоюз. съезда об-ва психологов (Тбилиси, 21–24 июня 1971 г.). Тбилиси, 1971. С. 422–423.
 7. Маршук В. Л., Евдокимов В. И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. СПб., 2001.
 8. Носкова О. Г. Психология труда. М., 2008.
 9. Практикум по психологии состояний / под ред. проф. А. О. Прохорова. СПб., 2004.
 10. Прохоров А. О. Модель изучения психических состояний: теоретические и прикладные аспекты // Психология состояний / под ред. проф. А. О. Прохорова. М. ; СПб., 2004. С. 82–85.
 11. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова. М., 1983.
 12. Психология состояний : учеб. пособие / под ред. А. О. Прохорова. М., 2011.
 13. Сосновикова Ю. Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика. Горький, 1975.
 14. Чирков В. И. Методы оценки функциональных состояний. Ярославль, 1993.

Статья поступила в редакцию 28.04.2016 г.

ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО: ДУХОВНАЯ МИССИЯ ХУДОЖНИКА

В статье анализируются нравственно-философские аспекты кинематографа Андрея Тарковского как уникального явления мировой экранной культуры. Актуальность темы исследования связана с тем, что нравственно-эстетические проблемы творчества, поднятые Тарковским, остаются по-прежнему злободневными. Автор данной статьи, опираясь на анализ фильмов и теоретических работ А. Тарковского и других исследователей, пытается дать свою точку зрения на философию его творчества, концентрируя внимание на духовной миссии художника.

Ключевые слова: феномен Тарковского; выдающийся кинорежиссер; экранная культура; авторское кино; концептуальное кино; поэтическое кино; «запечатленное время»; нравственная философия; философская притча; духовность; духовная миссия.

В 2016 г. исполняется 30 лет, как не стало Андрея Арсеньевича Тарковского, великого русского кинорежиссера. Его имя внесено в золотые страницы мировой экранной культуры XX в. наряду с именами Сергея Эйзенштейна, Чарльза Чаплина, Лукино Висконти, Микеланджело Антониони, Ингмара Бергмана, Луиса Бунюэля, Федерико Феллини, Алена Рене, Франсуа Трюффо и др.

Прошли годы, но мы до сих пор ощущаем эту невосполнимую утрату, ностальгию по тем духовным ценностям, которые вопреки всем противоречиям эпохи отстаивал в своем творчестве Андрей Тарковский.

Писать о Тарковском — это значит затронуть эстетико-философские возможности экранной культуры, соотнести закономерности кинопроцесса и творческой индивидуальности художника в контексте эпохи, т. е. определить его духовную миссию. Это и составляет предмет данного исследования, актуальность которого несомненна.

КИРИЛЛОВА Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: urfo@bk.ru).

© Кириллова Н. Б., 2016

О трагической судьбе, личности и творчестве Андрея Тарковского в отечественном киноведении и культурологии уже после его смерти написано немало. Достаточно вспомнить книги М. Косиновой и В. Фомина [6], Д. Салынского [10], О. Сурковой [12], сестры режиссера М. Тарковской [14], М. Туровской [15], монографию С. Фрейлиха [16], сборник воспоминаний «Неизвестный Тарковский» [9], подготовленный Я. Ярополовым; творчеству художника посвящен и ряд диссертаций. Интересно и теоретическое наследие самого А. Тарковского, в частности, его «Архивы, документы, воспоминания», вышедшие отдельным изданием [1], его известная работа «Запечатленное время» [13] и др. Автор данной статьи также в разные годы обращался к творчеству Тарковского, анализируя его нравственно-философскую проблематику как духовную основу творчества [4, 5], специфику его «авторского» кинематографа.

Отметим, что стремление к концептуальному («авторскому») осмыслению действительности отличало еще в 1920-е гг. поиски представителей советского киноавангарда (Д. Вертов, С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, А. Довженко) с их стремлением расширить возможности киноязыка в отражении революционной эпохи.

Для «авторского» кинематографа чрезвычайно существенны следующие нравственно-философские аспекты: отражение реальности, познание реальности, проблема личности. «Авторское кино» — это кино определенной позиции, а не только стиля. «Во всяком случае, — писал С. Эйзенштейн, — это всегда “личный поворот” внутри темы, и во всех случаях — самостоятельное сочинительство самого материала фильма» [17, 294].

Однако в 1960–1970-е гг. философская глубина, интеллектуальность кино воспринимались многими советскими чиновниками как «элитарность», т. е. явление, в корне противоречащее основным принципам социалистического реализма, и прежде всего таким основополагающим, как «партийность» и «народность», — вот в чем главная причина неприятия кинобюрократией творчества Андрея Тарковского.

Семь картин Тарковского, снятых за четверть века, — это путь философского осмысления художником окружающего мира во всех его противоречиях и исследование духовного потенциала личности.

Его фильмы на первый взгляд кажутся очень разными. Но им присущи единство и непрерывность творческого поиска. «Есть порода художников, — констатирует А. Липков, — для которых осмысление своей профессии составляет существенную часть работы в ней. Постоянная работа мысли, сопоставление собственного опыта с опытом других, прежним и настоящим, пересмотр устоявшихся взглядов на кинематограф и собственных вчерашних позиций, размышление о нравственной цели своего труда, а не просто о его технологии, — для них внутренняя потребность, необходимость, естественное состояние» [8, 3–4]. Именно это выделяло Андрея Тарковского среди его коллег.

Его собственные размышления о сущности и действенной силе кино, о миссии творца сводятся к следующему: «Художник начинается тогда, когда в его замысле или уже в его ленте возникает свой особый образный строй, своя система мыслей о реальном мире, и режиссер представляет ее на суд зрителей, делится

ею со зрителем как своими самыми заветными мечтами. Только при наличии собственного взгляда на вещи, становясь своего рода философом, он выступает как художник, а кинематограф — как искусство...» [13, 180], главной идеей которого является «время, запечатленное в своих фактических формах и проявлениях» [Там же, 182].

Начало творческого пути Андрея Тарковского приходится на тот период, когда заговорили о «новой волне» советского кино, когда в кинематографе лидировали С. Бондарчук, Г. Чухрай, М. Калатозов, Л. Кулиджанов, А. Алов и В. Наумов, С. Урусевский, М. Хуциев... К этой замечательной когорте киномастеров вскоре присоединится и молодой выпускник ВГИКа (мастерская М. И. Ромма), чья картина «Иваново детство» войдет в отечественную киноклассику о войне вместе с фильмами «Баллада о солдате», «Судьба человека», «Летят журавли», «Дом, в котором я живу», «Мир входящему» и др.

Впрочем, внимание общественности привлекла и дипломная работа А. Тарковского «Каток и скрипка» (1961), в которой уже просматривалась одна из ведущих тем его творчества — драма взаимоотношений человека с окружающим его миром.

Правда, эта первая, еще ученическая лента не кажется столь драматичной, как последующие, она чиста, светла, даже простодушна. Казалось бы, антиподы — асфальтовый каток и скрипка — не враждебны друг другу, они сопоставимы; дружат их обладатели — взрослый и мальчик, а инструменты — как бы двойники своих владельцев. Каток символизирует силу и надежность, скрипка — хрупкость духовного мира, эфемерность нравственного опыта. Молодой режиссер в действительности и творчестве ищет «духовную» реальность, некую «материю» духовности, осмысленности бытия.

«Иваново детство» (1962) — это драма подростка, сознание которого не способно объять перипетии войны и мира. Поставленный по рассказу В. Богомолова «Иван» фильм, однако, переносит действие из внешней сферы в сферу внутреннюю: его основой становится не подвиг мальчика-солдата, а анализ сложных метаморфоз его души.

Соединяя приемы «поэтического кино» (солнечные блики, мерцание звезды в колодце, яблоки, сыплющиеся через борт грузовика под ноги лошадям в снах героя) с жестким, почти документальным изображением реалий войны, Тарковский вместе с оператором В. Юсовым достигают сильного психологического эффекта.

Хрупкая душа 12-летнего мальчишки, вынужденного взять на себя неподъемную ношу солдата, обугливается, ожесточается. Через призму расколотого мира, через перепады прошлого и настоящего героя, взаимоотрицающих друг друга, Тарковский выводит свою формулу войны, основой которой являются противоестественность, ненормальность человеческого бытия. Трагедия Ивана в том, что он сдвинут со своей человеческой оси недетским чувством сжигающей его ненависти, жадной отмщенья. Вот почему «черное дерево у реки» — это не просто умозрительный образ, призванный подытожить фильм, это метафора, эмоциональный итог фильма, вобравший всю сложность отношения автора к герою, в котором переплелись и ужас, и горечь, и нежность, и боль. «Такой

характер, — объяснял Тарковский, — был мне близок и интересен. Он волновал своим драматизмом и интересовал меня гораздо больше, чем характеры, раскрывающиеся в процессе постепенного развития в среде острых конфликтных ситуаций и принципиальных человеческих столкновений» [6, 26].

Интересна в связи с этим точка зрения на «Иваново детство» знаменитого французского писателя-экзистенциалиста Ж.-П. Сартра, который увидел фильм на Венецианском фестивале и поддержал режиссера в открытом письме в редакцию газеты «Унита»: «...Кто он, Иван? Безумец, чудовище, маленький герой? В действительности он — самая невинная жертва войны, мальчишка, которого невозможно не любить, вскормленный насилием и впитавший его. Нацисты убили Ивана в тот момент, когда они убили его мать и уничтожили жителей деревни. Однако он продолжает жить. Но жить в прошлом... Нужно отдать должное Тарковскому, так убедительно показавшему, что для этого ребенка, тяготеющего к самоубийству, нет различия между днем и ночью... Маленькая жертва знает, что ей нужно, — это породившая ее война, кровь, мщение. Дорога любви закрыта здесь навсегда...» [16, 452–453].

Фильм «Иваново детство», получив главный приз Венецианского кинофестиваля — «Золотого льва», стал «визитной карточкой» молодого советского кинорежиссера.

До сих пор невероятным кажется рывок от «Иванова детства» к «Андрею Рублеву» — из XX в. в XV в. В этой картине, которая в нынешнем году отмечает свой «золотой» юбилей и актуальность которой остается непреходящей, развернута нравственная философия русской истории (сценарий был написан А. Тарковским совместно с А. Кончаловским).

Первая половина XV в. — один из наиболее противоречивых периодов, относящийся ко временам татаро-монгольского ига и внутренней междоусобицы князей, когда «брат вставал на брата» и кровь лилась рекой. «Одна из целей нашей работы, — писал Тарковский, — заключалась в том, чтобы восстановить реальный мир XV в. для современного зрителя, т. е. представить этот мир таким, чтобы зритель не ощущал “памятниковой” и музейной экзотики ни в костюмах, ни в говоре, ни в быте, ни в архитектуре. Для того, чтобы добиться правды прямого наблюдения, правды, если можно так сказать, “физиологической”, приходилось идти на отступления от правды археологической и этнографической» [13, 196].

Сам Тарковский не раз утверждал, что нельзя трактовать эту картину только как попытку реконструировать прошлое, пользуясь для этого логикой историко-биографического жанра, и видеть в ней одно «житие» древнерусского иконописца, как это делали некоторые историки и чиновники от культуры. «Андрей Рублев» — это философская притча о смысле творчества, о судьбе творческой личности в мире, о торжестве человеческого духа.

Картина (ее первоначальное название «Страсти по Андрею») строится как череда духовных испытаний для художника, распадаясь на отдельные части — новеллы: «Скоморох. 1400 г.», «Феофан Грек. 1405», «Срасти по Андрею. 1406», «Праздник. 1408», «Страшный суд», «Набег. 1408», «Молчание. 1412», «Колокол. 1423». В них сконцентрированы близкие Тарковскому нравственно-философские

проблемы: личность и история, художник и власть, свобода и нравственный выбор, вера, предательство, совесть и др.

Автора «Андрея Рублева» не раз обвиняли в субъективно-мрачном взгляде на русскую историю, в нарушении принципов реалистического искусства, в пристрастии к «шифрованному» языку и т. д. — в то время как Тарковский своим творчеством отстаивал право художника на правду в воспроизведении реальности: «Кинообраз в основе своей есть наблюдение жизненных фактов во времени, организованных в соответствии с формами самой жизни, с ее временными законами... Образ становится подлинно кинематографическим при том обязательном условии, что не только он живет во времени, но и что и время живет в нем, начиная с отдельно взятого кадра» [13, 187].

Тарковский размышляет о предназначении искусства экрана, которое должно пробуждать мысль зрителя, напоминая ему о времени, в котором он живет. Отсюда система иносказаний — аллегорий, символов, метафор, служившая ему как наиболее емкая мера обобщения и позволяющая вместить в картину огромный по своим историко-философским параметрам материал.

Продираясь сквозь века, стремясь увидеть реалии времени без лжепатетики, без пелены и завесы (оператор В. Юсов), Тарковский заостряет внимание зрителя на главном — взаимосвязи творчества художника со своей эпохой и своим народом. Фильм доказывает, что уникальные иконы и фрески Рублева, жизнеутверждающие по цветовой гамме и драматичные по содержанию, родились из наблюдений и размышлений их создателя над судьбой Отчизны, страдающей не только от внешних врагов, но и от братоубийственных распрей, от равнодушия власть имущих к нуждам и бедам людей.

Неоднозначен и образ самого Андрея Рублева в исполнении актера Анатолия Солоницына, в котором наиболее полно проявляется мироощущение автора.

Андрей Рублев — не просто центральное действующее лицо фильма — человек, творец, мыслитель; это некое нравственное начало, с которым сопоставляются все другие персонажи. «Страсти» его бытия — состояние души художника, муки его совести, не желающей мириться с мерзостями окружающей жизни, несмотря на данный Богу обет... Молча проходит потрясенный Рублев по родной земле, истерзанной предательством, раздорами, жестокостью, постепенно начиная понимать, что и среди хаоса разрушений есть чистые животворные силы, способные вдохновлять художника, питать его творчество, дарить ему веру и надежду.

Одна из центральных проблем фильма — отношение к человеку и человечеству. Носителями двух противоположных идей здесь являются два гениальных художника, два антипода — Андрей Рублев и Феофан Грек (в исполнении Николая Сергеева). Их спор — о смысле жизни, о предназначении искусства, о добре и зле, о вере и безверии.

Тарковский полемику между Феофаном Греком и Андреем Рублевым, как главную идейно-художественную концепцию фильма, объяснял так: «...Дело в том, что Феофан Грек видел вокруг себя предательство, братоубийство, кровопролитие и непосредственно это отражал в своих иконах, обрушивая всю вину на народ. А у Андрея Рублева другая жизненная позиция. Видя вокруг себя этот кошмар,

он умел видеть и то рациональное зерно, которое только намечается и, конечно, победит... Андрей как художник, выражая мысль народа, отражал нравственный идеал, к которому он призывал. Поэтому велик Андрей Рублев...» [6, 231].

Мощным аккордом жизнеутверждающей темы фильма звучит финальная новелла — отливка юным мастером Бориской (его, как и Ивана, играет Николай Бурляев), совсем еще мальчишкой, оборванным и грязным, большого колокола, звон которого приобретает аллегорический смысл: талант, как дар Божий, не имеет права молчать, он нужен людям, Родине, будущим поколениям.

Главным достоинством этого фильма, как считает Л. Аннинский, является «боль о России — вот чем отзывается в нашем самосознании “Андрей Рублев” и чем навсегда остается в нашей памяти, хотя ситуация, его породившая, ушла в прошлое» [2, 141].

«Андрей Рублев» — самая многострадальная лента Тарковского. Поставленная в 1966 г. и запрещенная по идеологическим соображениям («за натурализм, элитарный язык, антинародность, искажение истории») в советском прокате, картина тем не менее была продана в 1969 г. за границу. Показанная в том же году на Каннском кинофестивале на внеконкурсном просмотре, она была удостоена приза ФИПРЕССИ (Международной федерации кинопрессы).

Только в 1971 г. фильм «Андрей Рублев» выйдет на экран, и на протяжении многих последующих лет, демонстрируясь в киноклубах, будет неизменно вызывать интерес и дискуссии у зрителей.

Размышляя о муках творческого процесса, о нравственном долге и совести художника, Тарковский в конечном итоге приходит к необычному для себя жанру — монологу. Речь идет о фильме «Зеркало» (1974) — самом исповедальном и непривычном из всего, что создал режиссер.

Поэтическая формула «о времени и о себе» стала основой этого уникального экранного произведения.

Чтобы осуществить свой замысел, Тарковский использовал метод «внутреннего монолога», перенося на экран не только реальное, но и ирреальное — то, что происходит в сфере сознания и подсознания художника и представляет собой своеобразную «культуру памяти». Художественные приемы внутреннего монолога в кино уже были разработаны И. Бергманом («Земляничная поляна») и Ф. Феллини («8 ½», «Амаркорд»). Однако Тарковский шел в искусстве своим путем, создавая особый эстетический мир.

В «Зеркале» (сценарий А. Тарковского при участии А. Мишарина) сделана попытка войти в лабораторию творческого мышления художника. Заявка режиссера на фильм-исповедь реализуется в прологе метафорой — «Я могу говорить...» — в сцене лечения гипнозом мальчика-заики.

Сохраняя все признаки «поэтического фильма», «Зеркало» тем не менее вполне реалистическое произведение, рожденное из непосредственного «опыта» режиссера. Здесь создана особая художественная структура, вобравшая судьбу и автора, и народа, и страны. «Ломая, как и в других фильмах, классическую форму киноповествования, — отмечает М. Зак, — отказываясь от привычного сюжетостроения, традиционного конфликта и динамики действия, Тарковский

на первый план вывел движение человеческой памяти, сопряженной с Историей» [4, 192]. В определенной степени «Зеркало» стало «актом социального и человеческого самопознания и самоопределения, внятным для целого поколения», констатирует М. Туровская [15, 247].

Автор, развивающий повествование, существует в фильме «за кадром»: в своих воспоминаниях, разговорах с близкими ему людьми — матерью, бывшей женой, сыном; мы так и не увидим его воочию (эта звуковая роль блестяще исполнена Иннокентием Смоктуновским). Апеллируя к своей памяти и состоянию души, автор ведет диалог со своей совестью; все проходит, фильтруется через его личные ощущения. Идея картины — мысль о трудной судьбе человечности, доброты, которая не существует в мире как некая абстракция, она в реальных делах и действиях человека.

Основные темы фильма — мать и Родина — соединяются в сознании героя в нечто единое. Мать и бывшая жена — другие переплетающиеся темы. Не случайно обе роли исполняет одна актриса — Маргарита Терехова: в восприятии героя эти женщины похожи, и прежде всего одинаковым его отношением к ним, во многом инфантильным (сын всегда остается для матери ребенком). Сам Тарковский заметил в одном из интервью, что «мы все испытываем чувство вины по отношению к нашим матерям» [3, 106].

«Зеркало» снято оператором Г. Рербергом в стиле особой экранной живописи: отдельные кадры похожи на натюрморты. Даже в детских сновидениях, где движения замедленны, изображение остается реальным, предметным, осязаемым, хроника смешивается с игровыми эпизодами на разных уровнях — через воспоминания, в звучании стихов отца — поэта Арсения Тарковского, на возможной мимолетной ассоциации и т. д.

Композиционно «Зеркало», как и «Андрей Рублев», состоит из новелл, представляющих своеобразные психологические конструкции («Я здесь живу», «Пожар», «Типография», «Военрук» и т. д.); каждая из них, вобрав кусок того или иного времени, запечатлелась в сознании героя. Так, на эпизоде «Типография» лежит отсвет событий 1930-х гг., связанных с периодом сталинских репрессий, — вот почему в поведении людей, в игре М. Тереховой есть сплав того, что рождено страхом, и того, что возвышает человека, сумевшего этот страх преодолеть.

Затрагиваются в фильме и другие трагические противоречия эпохи... Испания 1930-х гг. Испанские дети, прибывшие в СССР и оставшиеся здесь жить. Великая Отечественная война. Знамя Победы над рейхстагом... Хиросима, страшный гриб атомной бомбы... Китай 1960-х гг. Весь фильм, в котором, как в зеркале, отразились история и современность, апокалиптические картины и смятение души художника, — свидетельствуют о связи личности с эпохой и вечностью.

Символичен финал картины: духовная память сына воспроизводит «поле жизни» матери, где на одном конце она — молодая, красивая, в апогее любви и счастья, а на другом — старая, все познавшая, она ведет за руки своих для нее всегда маленьких детей...

Нравственно-философские проблемы становятся стержневыми и в тех фильмах Андрея Тарковского, которые причисляются к научно-фантастическому

жанру, — в «Солярисе» (по одноименному роману С. Лема) и «Сталкере» (по повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине»). В каждом из них литературный замысел претерпел принципиальное изменение.

Сюжет романа, положенного в основу фильма «Солярис» (1972), удален и от наших дней, и от земной реальности: события происходят в далеком будущем на некой планете Солярис, где обитает Океан — мыслящая субстанция.

Однако произведение было написано в период, когда постижение Неведомого уже было связано с полетами в космос, что дало возможность польскому писателю С. Лему сформулировать основную мысль романа так: «В сущности, говоря о будущем, о жизни на далеких планетах, я говорю о современных проблемах и о своих современниках, лишь облаченных в галактические одежды» [7, 6]. То есть вся социальная и нравственная проблематика романа возвращает читателя к современности. Что касается жанровых признаков научной фантастики, то они наиболее ярко проявились у Лема в «облике» и «поведении» Океана, который приобретает черты и свойства какого-то удивительно сложного, загадочного явления, господствующего над людьми, способного уничтожить их или вернуть им то, что, казалось бы, утрачено навсегда.

Однако А. Тарковский в своей экранизации видел главный, глубинный смысл в нравственной состоятельности личности на пути проникновения человека в Космос.

Сохраняя композиционно-сюжетную схему Лема, режиссер создает фильм-размышление о сущности нравственного. И поэтому «Солярис» можно считать научно-фантастическим фильмом в той же мере, в какой «Андрея Рублева» — историко-биографическим.

«Океан» у Тарковского — это некий вселенский разум, отчужденный интеллект, отчужденная нравственность. В столкновении с этим «другим» и в постижении «другого» человек, землянин проверяется на духовную прочность. Таким образом, «Солярис» — это тоже философская притча, основанная на вечных как мир библейских мотивах.

Тарковский опирается на духовные, нравственные корни, питающие фантастику: он все облекает в земную плоть, а фантастический антураж декорации или исключительность ситуации — лишь счастливая возможность увидеть Землю и людей с новизной откровения, опираясь на силу поэтической метафоры.

Звездолетчик Крис Кельвин, психолог по профессии (актер Донатас Банионис), четко делил события своей жизни на то, что было, что есть и что будет... Но это — на Земле. А на космической станции в орбите Соляриса все перемешивается.

Материализация совести в образе человека или какого-то события из прошлой жизни становится главной нравственной темой фильма. Автора тревожит духовная цена того, что теряем мы, соприкасаясь с жизнью других культур и цивилизаций. Жанр фантастики позволил ему показать разрыв нравственных связей между людьми на планете. Вот почему столь настойчиво звучит в фильме тема, которой не было у Лема, — тема Земли как единой Отчизны человечества.

Символом культуры памяти в «космическом комплексе» фильма является библиотека, где полны высокого духовного смысла материализованные

воспоминания о далекой планете-родине: голова античного мудреца, выпившего яд, чтобы не поступиться совестью, старинная книга о земном безумце и мечтателе Дон Кихоте, вечные ландшафты Фландрии, запечатленные Питером Брейгелем, ни с чем не сравнимая небесная лазурь «Троицы» — бессмертного единства Любви, Добра и Красоты, созданного гением Андрея Рублева...

Проводя героев через испытание космосом, «чужим» интеллектом, Тарковский создает ностальгический образ Земли, доказывая, что «человеку нужен только человек».

Судьба «Соляриса» оказалась счастливой: он был удостоен «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля и стал одним из лидеров отечественного кинопроката.

В «Сталкере» (1980) Тарковский также ведет наблюдение за героями (их трое), попавшими в экстремальную ситуацию; причем люди и ситуация связаны не просто сюжетно, они аллегоричны, как и герои предыдущих фильмов режиссера.

В этой «троице» Сталкер — нравственный стержень фильма. Именно он является воплощением антипрагматизма, носителем той истины, ради постижения которой находящийся в творческом кризисе Писатель и разуверившийся в научных поисках Ученый хотят «переступить» порог комнаты, где сбывается «заветное желание», т. е. обретение веры в будущее.

В пейзаже Зоны (оператор А. Княжинский) преобладает библейское начало: в линии прибрежных кустов, похожих на кущи, в текучести вод, то обрушивающихся потоком, то зеркально отражающих островки, на которых как-то умещаются люди. Опущенная в воду кисть руки и лежащие на дне стерилизатор, шприц, перекидной календарь образуют натюрморт, возвращающий зрителя в современность; кадры задерживают внимание то на иконах, то на бездонном колодце, то на остатках бомб — на экране течет жизнь, реальная и ирреальная одновременно.

««Сталкер», — как отметила М. Туровская, — запечатлел момент какого-то апокалиптического отчаяния (“век расшатался”) самого художника...» [15, 248].

Что касается героев, то они в соответствии с философскими аллегориями режиссера воплощают вечное: Сталкер (Александр Кайдановский) — духовность, веру, бескомпромиссную преданность идее; Писатель (Анатолий Солоницын) — скепсис, безверие; Ученый (Николай Гринько) — тревогу за судьбу науки и себе подобных.

Только в финале им откроется все та же вечная как мир истина: человеку нужен только человек. Этим открытием они будут обязаны обыкновенному человеческому чувству — любви усталой, много пережившей жены Сталкера (актриса Алиса Фрейндлих) к мужу, и трогательной любви самого Сталкера к дочери-калеке. Именно любовь, по мнению режиссера, и является тем чудом, которая способна противостоять цинизму и безнадежности окружающего нас мира.

От фильма к фильму Тарковский поднимал вопрос о личной ответственности человека за все, что происходит с планетой, с цивилизацией, человеческим сообществом.

Об этом и его последние, зарубежные картины. «Ностальгию» (1983, Италия, сценарий А. Тарковского и Т. Гуэрры) пресса, и западная и советская, объясняла

преимущественно как драму человека, тоскующего на чужбине по родному дому. Но суть фильма куда глубже. Идея родилась у режиссера на основе первоначального проекта — документального фильма «Путешествия по Италии», для съемок которого он и уехал на Запад.

Главный герой «Ностальгии» Андрей Горчаков (актер Олег Янковский) — русский интеллигент, профессор истории с мировым именем, прибывает в Италию в командировку. Знаток итальянской культуры, он впервые получил возможность увидеть все воочию, дотронуться до памятников, с которыми был знаком только по репродукциям и фотографиям. Постепенно он осознает, что нельзя быть подлинным ценителем прекрасного, если ты не являешься частью мировой культуры.

Тарковского как художника волнует не только внутренняя драма героя, но и драма цивилизации, духовной разобщенности миров, драма культур, созданных человечеством. Италии в фильме отведена роль все той же Зоны, куда герой попадает, чтобы преодолеть свой духовный кризис, обрести утраченную нравственную основу.

Метафорична сцена, где герой с горящей свечой пытается пройти по старому, еще средневековому, с пузырящейся водой бассейну... Пройти, чтобы понять, где и когда человечество оступилось, в результате чего цивилизация оказалась в тупике.

Эти мысли и чувства героя разделяет полубезумный учитель математики Доменико (шведский актер Эрланд Юсефсон), который проповедует приближение Апокалипсиса и в конечном итоге публично сжигает себя у статуи Марка Аврелия в Риме. Это его форма протеста против цинизма и бездуховности общества. Горчаков в финале фильма тоже умирает.

Этим фильмом Тарковский предсказал собственную судьбу: «Мог ли я предположить, снимая “Ностальгию”, что состояние удручающе-безысходной тоски, заполняющее экранное пространство этого фильма, станет уделом моей дальнейшей жизни? Мог ли я подумать, что отныне и до конца дней моих я буду нести в себе эту тяжелую болезнь?..» [14, 172].

В своем последнем фильме «Жертвоприношение» (1986), который снимал оператор Ингмара Бергмана Свен Нюквист, Андрей Тарковский высказался до конца, будто знал, что ничего уже не сможет добавить к сказанному.

«Жертвоприношение» — это 24 часа из жизни Александра (актер Э. Юсефсон), в прошлом знаменитого актера, ныне преподавателя эстетики, его жены, дочери, сына и двух служанок. Все есть в этом доме, в этой семье — кроме счастья и гармонии. Героя терзает душевная мука — мука разобщенности с миром и трагического одиночества, которая усиливается не столько разладом с женой, сколько молчанием, немотой сына Мальша.

Странности жизни, печаль, разобщенность... Чтобы передать эту атмосферу, Тарковский использует новый для себя стиль, вобравший эстетику и модерна, и постмодерна. Каждый кадр в интерьере — художественная миниатюра, своеобразная открытка с продуманностью расположения всех деталей, с нюансировкой тонов и красок этого элитарного бытия.

Значимой частью пролога является репродукция картины Леонардо да Винчи «Поклонение волхвов» в кабинете Александра. Камера то укрупняет фрагмент (в первую очередь младенца, принимающего от волхва свое предсказанное будущее), то дает общий план евангельского события. А каждое последующее возвращение к картине означает тот или иной поворот фильма. То есть младенец Иисус, которому поклоняются как будущему мученику и испителю, становится «кодом» всего фильма «Жертвоприношение».

Идея жертвы проходит в фильме через три сюжетных слоя. И сопутствуют ей, как отмечает исследователь Д. Салынский, три мифа. Первый — о Дереве. Оно появляется в начале — засохшее, мертвое, затем в финале — ожившее, уже как завещание отца сыну, который наконец-то заговорил: «Вначале было слово. Почему это так, папа?..»

Если Дерево связывает жизнь и смерть, то разделяют их Огонь и Вода. Вода во всех фильмах Тарковского — это среда, враждебная человеку; это забвение; это всеразрушающее время, текущее как вода. А Огонь у Тарковского обозначает высшую духовную жизнь. «В судьбе всех героев Тарковского Огнем отмечены переходы души в новое состояние. Огонь — это очищение. Это память. Это бессмертие...» [11, 88].

«Жертвоприношение», объединившее в жанре притчи элементы и сюрреализма, и «черной» мелодрамы, и фарса, утверждает общую идею творчества Тарковского — идею духовного спасения мира и человека. Дерево не зацветет, сын не заговорит, если отец не принесет жертву, т. е. не разорвет порочный круг бытия, пусть даже и ценою собственного безумия.

Как писал Тарковский в письме сестре, «фильм “Жертвоприношение” продолжил в основном русло моих прежних картин... но общая структура фильма стала более сложной, приобрела форму поэтической притчи» [14, 193]. В определенном смысле «Жертвоприношение» является фильмом-завещанием.

Вместо заключения

Нельзя не согласиться с тем, что Андрей Тарковский реализовал свой творческий потенциал далеко не полностью, хотя не только в кино, но и в театре у него были яркие постановки («Гамлет» в Ленком, «Борис Годунов» в Лондоне), была масса замыслов. Но многим идеям не суждено было осуществиться.

На Западе Тарковский получил желанную свободу. Однако не только ее. Пришлось бороться за право на существование в кинопроизводстве. Жестокий коммерческий прессинг, прагматизм и меркантильность западной жизни, как и разлука с Родиной, доконали его.

Похороненный на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем, где покоятся многие яркие представители русской культуры, Тарковский остается по-прежнему востребованным на родине, где до сих пор не утихают страсти вокруг его имени и творчества.

Мир за тридцать лет после кончины этого выдающегося кинорежиссера стал значительно более открытым. Но стал ли он нравственно совершенней?

Главная миссия художника — влиять на духовную природу человека и общества, изменяя их в лучшую сторону. И образцом здесь еще долго будут служить фильмы Андрея Тарковского...

1. Андрей Тарковский: Архивы, документы, воспоминания. М., 2002.
2. *Аннинский Л.* Апокалипсис по Андрею // *Неизвестный Тарковский* / сост. Я. А. Ярополов. М., 2012.
3. *Зак М.* Кинорежиссура: опыт и поиск. М., 1983.
4. *Кириллова Н. Б.* Запечатленное время Андрея Тарковского // *Кириллова Н. Б. Кинометаморфозы: Время. Портреты. Судьбы.* Екатеринбург, 2002. С. 184–203.
5. *Кириллова Н. Б.* Ностальгия по духовности // *Наука. Общество. Человек : вестн. УРО РАН.* 2006. № 4 (18). С. 133–145.
6. *Косинова М., Фомин В.* Как снять шедевр: История создания фильмов Андрея Тарковского, снятых в СССР. М., 2016.
7. *Лем С.* Избранное. М., 1976.
8. *Липков А.* Андрей Тарковский // *Липков А. Профессия или призвание.* М., 1991. С. 2–31.
9. *Неизвестный Тарковский: Сталкер мирового кино* / сост. Я. А. Ярополов. М., 2012.
10. *Сальнский Д.* Киногерменевтика Андрея Тарковского. М., 2010.
11. *Сальнский Д.* Режиссер и миф // *Искусство кино.* 1988. № 12. С. 79–91.
12. *Суркова О.* С Тарковским и о Тарковском. М., 2005.
13. *Тарковский А.* Запечатленное время // *Экранная культура* / под ред. К. Э. Разлогова. СПб., 2012. С. 177–205.
14. *Тарковская М.* Осколки зеркала. М., 1999.
15. *Туровская М.* 7 ½, или Фильмы Андрея Тарковского. М., 1991.
16. *Фрейлих С.* Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М., 2002.
17. *Эйзенштейн С.* Автор и его тема // *Эйзенштейн С. Мемуары.* М., 1997. Т. 2. С. 292–295.

Статья поступила в редакцию 18.05.2016 г.

УДК 130.2(470) + 130.2(09) + 821.161.1-311.8 Карамзин

Б. В. Емельянов
О. Б. Ионайтис**ТРАВЕЛОГ «РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
(к 250-летию Н. М. Карамзина)**

В статье анализируются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. На основе анализа европейской культуры и философии оценивается становление русской мысли XVIII — начала XIX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: масоны; путешествие; просвещение; философия; Россия; Европа.

Николай Михайлович Карамзин по праву считается выдающимся представителем русской культуры, выразившим ее философские поиски на рубеже XVIII–XIX вв. Говоря о своей жизни и творчестве, он неоднократно подчеркивал, что они распадаются на два периода: в одном он живет в будущем, во втором — в прошедшем. Первый он связывал со своим путешествием по Европе с мая 1789 по сентябрь 1790 г. Его мировоззренческому содержанию и значению в творчестве Карамзина мы предполагаем посвятить нашу статью.

Путешествие — одна из древнейших форм человеческого общения, идентификации себя и своего народа. Путешественники перенимали традиции и предания других народов, ретранслируя при этом культуру своего народа. Россия имела свой взгляд на путешествия, их причины и их влияние на самоидентификацию русской ментальности. После крещения Руси русские люди для путешествия выбирали «святые места» Востока (Палестину, Афон), избегая «грешных земель» Европы, а после утверждения доктрины «Москва — Третий Рим», благодаря которой русская земля сама получила признак святости, возникла тяга к путешествиям по европейским странам с их культурой и знаниями. К XVIII в. изменилась техническая сторона путешествий: появились дороги, почтовое сообщение со столицами европейских государств. Путешествующая, чаще всего образованная, публика знала европейские языки, могла описывать впечатления о виденном. Первым это сделал Д. И. Фонвизин в запрещенных Екатериной II «Путевых заметках» о своем путешествии по Франции в 1777–1778 гг.

Н. М. Карамзин по-своему продолжил европейский травелог Фонвизина. Осенью 1784 г. началась московская жизнь Карамзина. Его земляк Иван

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и философии образования Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: bve35@yandex.ru).

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и философии образования Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: ionaitis@yandex.ru)

© Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б., 2016

Петрович Тургенев ввел его в круг друзей и единомышленников Н. И. Новикова, который, в свою очередь, познакомил его с вождем московских розенкрейцеров А. М. Кутузовым и поэтом Якобом Ленцем. Новиков, сблизившись с 19-летним Карамзиным, привлек его к изданию журнала «Детское чтение» и переводческой деятельности Типографической компании. Только за три (1786–1788) года Карамзин перевел и издал несколько религиозных книг для серии «Беседы с Богом», поэму Галлера «О происхождении зла», «Эмилию Галотти» Лессинга, трагедию Шекспира «Юлий Цезарь», позже запрещенную Екатериной II. Увлекла его и просветительская деятельность московских масонов, их призыв к нравственному самосовершенствованию, хотя их мистицизм изначально отталкивал Карамзина. В масонской иерархии он так и не продвинулся. Как он сам позже вспоминал, «я был обстоятельствами вовлечен в это общество в молодости моей и не мог не уважать в нем людей, искренно и бескорыстно искавших истину и преданных общепольному труду. Но я никак не мог разделить с ним убеждения, будто для этого нужна какая-либо таинственность, — и не могли мне нравиться их обряды, которые всегда казались мне нелепыми. Перед моею поездкой за границу я откровенно заявил в этом обществе, что, не переставая питать уважение к почтенным членам его и признательность за их постоянное доброе ко мне расположение, я, однако ж, по собственному убеждению принимать далее участие в их собраниях не буду, и должен проститься» [4, 29].

Хотя московская жизнь в кругу Новикова много дала Карамзину, он почувствовал потребность в дальнейшем образовании (старый его учитель советовал прослушать лекции в Лейпцигском университете), личном знакомстве с европейской культурой, авторами известных ему книг. Исполнить это желание он смог, когда получил наследство и в мае 1785 г. отправился в путешествие по Европе, обсудив его план со своими масонскими наставниками А. М. Кутузовым и С. И. Гамалеей. Впереди были Германия, Швейцария, Франция, Англия. Все свои впечатления о Кенигсберге, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Страсбурге, Женеве, Лозанне, Лионе, Париже, Лондоне, разговоры с известными людьми и простыми попутчиками Карамзин заносил в путевой журнал, а позже, вернувшись на родину, он обобщил их, литературно обработал и превратил в «Письма русского путешественника», которые частями опубликовал в своем «Московском журнале» в 1791–1792 гг. и двух номерах альманаха «Аглая» в 1794–1795 гг. «Письма» сразу же вызвали живой интерес и отклики современников в русском обществе, а после того как их начали переводить и печатать на немецком, английском, французском и польском языках — и за рубежом. «Письма» стали важным мировоззренческим документом эпохи, о чем мы писали ранее [1].

Травелог «русского путешественника» — это погружение Карамзина, как он и задумывал, в мир европейской культуры и философии. По верному замечанию А. Д. Сухова, «путешествие Кармазина совершается по определенному плану и с вполне определенными целями; оно строго мотивировано. Его направляет философский поиск. Путешественник стремится познакомиться с философией Европы. И это — далеко не визиты вежливости. Его интересует, что они создают, он хочет постичь их идеи, еще не ставшие общим достоянием, методы их

работы, стиль творчества» [5, 689]. Таких встреч было несколько. Уже в июне он в Кенигсберге посетил И. Канта. Еще в Москве ученик немецкого философа Ленц рассказал о нем и его философии, что заставило Карамзина прочитать кантовские «Грезы духовидца, объясненные грезами метафизика», «Критику чистого разума» и «Прологомены ко всякой будущей метафизике». В истории философии зафиксировано несколько бесед Канта с русскими посетителями, но, вероятно, только с Карамзиным у него состоялся собственно философский разговор. Для русского путешественника Кант — глубокомыслящий, тонкий метафизик, «который опровергает и Мелебранша и Лейбница, и Юма и Боннета... которого иудейский Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende* Кант, т. е. *все сокрушающий Кант*» [2, 20]. Философ предупредил Карамзина, что написанное им «не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости». Беседа с Карамзиным убедила его, что русский путешественник сведущ в философских проблемах. Тем для трехчасового разговора у них было несколько. Кант, ссылаясь на собственный опыт, рассказал о начертанном в сердце «нравственном законе», о чувстве радости, когда поступки соответствуют ему. Обсудили они возможности и посмертной жизни. Она — вероятно, не доказуема, в нее можно только верить. По Канту, так можно сказать и о Боге — «Все вечном Творческом разуме»: «Здесь разум погашает светильник свой, и мы во тьме остаемся; одна фантазия может носиться во тьме сей и творить несбыточное» [2, 21]. Поговорили они и о Лафатере, в переписке с которым оба состояли. Он добрый человек, замечает Кант, но «имея чрезвычайно живое воображение, часто ослепляется мечтами, верит магнетизму» [Там же]. Прощаясь с Карамзиным и узнав, какие его книги он уже прочитал, философ на листке бумаги написал названия еще двух, вышедших недавно: «Критика практического разума» и «Основы метафизики нравов».

Через месяц Карамзин посетил Веймар, намереваясь познакомиться и поговорить с Виландом, Гердером и Гёте, с произведениями которых он уже был знаком. Он читал «Анналы рода человеческого» Гердера и его небольшую защищавшую Спинозу книгу «Бог», из которой в «Письмах» публикует несколько выдержек. С Гердером Карамзин встречался дважды. Их разговор касался не только немецкой поэзии, искусства Италии, но и содержания последней книги «Анналы» (полное название ее «Древнейший документ человеческой истории»), многие места которой для Карамзина остались непонятными. Гердер оставил у русского путешественника впечатление «ученого и глубокомысленного метафизика».

Два разговора Карамзина с Виландом касались литературы и лишь частично философии. Высоко оценив творчество Ш. Бонне и И. Канта, Виланд порекомендовал ему только что вышедшее исследование Рейнгольда «Опыт новой теории человеческой способности представлений», посвященное философии Канта. А вот с Гёте русскому путешественнику так и не удалось увидеться.

В декабре 1789 г. Карамзин имел встречу с естествоиспытателем и философом Шарлем Бонне, жившим в деревне Шанту близ Женевы. Разговор касался широкого круга проблем, затронутых в главных его книгах «Палингенез» и «Созерцание природы». Карамзин назвал Бонне «славным философом и натуралистом»

и договорился перевести ряд его работ на русский язык, что впоследствии частично и выполнил.

В разговоре с Кантом и Бонне речь заходила и о Лафатере, произведения которого Карамзин не только прочитал, но и обсудил в переписке с ним. Московское увлечение Карамзина взглядами цюрихского сторонника мистицизма, не без влияния работ Канта, Вольтера, Кондильяка и Мирабо, стало постепенно проходить. Карамзин принял критическую оценку Кантом мистицизма Лафатера. Для него «Кант и Лафатер как бы замыкали две границы философского пространства эпохи. И одновременно, представляя две тенденции — критическую философию и мистический энтузиазм, допускающий творение чудес и общение с душами, — кенигсбергский философ и цюрихский физиогномист принадлежали все же одной эпохе — великой эпохе немецкой культуры между Лессингом и Гегелем. Карамзин остро почувствовал не только противоположность, но и единство их как современников... Карамзин хотел выслушать обоих и не подчинить себя ни одной из точек зрения. Он не торопился встать в ряды каких бы то ни было приверженцев. Он выше всего ценил независимость мысли» [3, 63]. Но желание личной встречи со швейцарским философом осталось. Они встретились в Цюрихе 10 августа 1789 г. и полмесяца провели в разговорах. Карамзин был увлечен филантропизмом Лафатера, идеей непрекращающейся деятельности и с удовольствием записал одну из его сентенций: «Человек может делать много если захочет; и чем более он действует, тем более находит в себе силы и охоты к действию» [2, 117], которой, как мы знаем, неизменно следовал в своем творчестве.

Завершил Карамзин свое путешествие в мир европейской философии посещением мест, связанных с философами, закончившими свой жизненный путь. Больше всего таких мест он отыскал во Франции. Побывал в Пасси, где жил Б. Франклин, в церкви Св. Стефании, где погребен Б. Паскаль, а в аббатстве Св. Женевьевы нашел могилу Декарта без памятника, но с интересной надгробной эпитафией, которую прокомментировал так: «Он был первым мудрецом своего века — и справедливо. Философия прежде его состояла в одном школьном пустословии. Декарт сказал, что она должна быть Наукою Природы человека; взглянул на Вселенную глазами мудреца и предложил новую, остроумную систему, которая все изъясняет — и самое неизъяснимое; во многом ошибся, но своими ошибками направил на путь истины английских и немецких философов; заблуждался в лабиринте, но бросил нить Ариадны Невтону и Лейбницу; не во всем достоин веры, но всегда достоин удивления; всегда велик, и своею метафизикою, своим нравоучением возвеличивает сан человека, удивительно доказывая бытие Творца, чистую бестелестность души, святость добродетели» [Там же, 284].

Два гения французского Просвещения — Вольтер и Руссо особо привлекали Карамзина. Он почтил память Вольтера, посетив его дом в имении Ферне близ Женевы. Затем побывал в Эрменонвилле, где умер и был похоронен Руссо. В своих путевых заметках он писал: «Монумент его [Руссо] имеет вид древнего жертвенника; с одной стороны написано: *ici repose (homme de la Nature et de la verité, здесь покоится человек истины и природы)*; а на другой стороне изображены играющие дети с матерью, которая жержит в руке том “Эмилия”; на верху девиз Жана-Жака:

vitam impendere vero, *жить для истины*. На свинцовом гробе вырезано: hic jacent ossa J. J. Rousseau, *здесь лежат кости Руссо*» [2, 311].

Часть «Писем русского путешественника», в которой Карамзин повествует о знакомстве с социально-политической жизнью Европы, не менее впечатляюща. Описание им политического устройства швейцарских кантонов, деятельности законодательного собрания в революционном Париже, парламента и Верхнего суда в Лондоне характеризуют Карамзина не только как простого путешественника-наблюдателя, но и вдумчивого исследователя, пусть и не открыто сравнивающего различные стороны общественно-политической жизни Англии, Швейцарии, Франции с российскими аналогами. В результате сравнения Карамзин приходит к выводу, что Европа не противостоит России, у них один путь развития — путь прогресса. Под прогрессом «русский путешественник» понимал успехи просвещения, совершенствование «ума и сердца», постепенную смену общественных институтов.

По Карамзину, Россия вписывается в общие закономерности исторического процесса, в ней действуют те же законы, которые характерны и для других культур. Размышляя на эту тему, он пишет: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее Русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами» [2, 253]. Усилиями Петра I Россия достаточно быстро начала осваивать опыт Европы: «Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощной рукою, и мы в несколько лет почти догнали их... для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами, что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских, и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое* ибо я человек!» [Там же, 254].

Путешествуя, Карамзин изучал историю государств и народов не по книгам, а на конкретных примерах. Из его сознания постепенно выветривалась утопическая конструкция масонов. Конечно, утопия, как мечта о светлом будущем, осталась, но для общественного развития требовались действия. По мнению Карамзина, эти действия принесут результат, если будут осуществляться под эгидой самодержавия как лучшей формы правления. «Всякое гражданское общество, — пишет Карамзин, — веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан... *Утопия* будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного счастья добродетель необходима, тогда настанет век златой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. предадим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: Оно, конечно, имеет Свой план; в Его руке сердца Государей...» [Там же, 226–227].

Идеалы Просвещения, на которых Карамзин был воспитан, изначально отвергали насилие как «губительное» для общества. Судьбе было угодно, чтобы «русский

путешественник» провел три месяца в Париже в его роковые дни, вместившие самые трагические события — от падения Бастилии до казни короля. Подробно не описывая их, он сделал, однако, вывод: «Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены, и живут тихо. Французская монархия производила великих Государей, великих Министров, великих людей в разных родах; под ее мирною сению возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цветами приятностей; бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком... Но дерзкие подняли секиру на священное дерево, говоря: *мы лучше сделаем!* Новые республиканцы с порочными сердцами! Разверните Плутарха, и вы услышите от древнего, величайшего, добродетельного Республиканца, Катона, что *безначалие хуже всякой власти*» [2, 227–228]. Завуалированное осуждение Карамзиным революции, только в более резкой форме, ощущается на страницах «Московского журнала» и «Вестника Европы».

«Письма» — это не только глубокомысленный травелог «русского путешественника» с поразительно большим количеством фактов и наблюдений, но и размышления о России, о ее прошлом и будущем, утверждение ее равноправия с европейскими народами. Упоминаний о России в «Письмах» много. Вот одно из них: «Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев... У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Людовик XI: царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей Истории, и даже в истории человечества...» [Там же, 252–253].

Свои «Письма» Карамзин неоднократно редактировал, дополнял. Печатались они в разных изданиях на протяжении нескольких лет, а в начале XIX в. анонимно появились на немецком, английском, французском и польском языках. Заканчивались «Письма» русского путешественника такими словами: «...вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (если столько проживу на свете) будет для меня приятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каков я был, как думал и мечтал» [Там же, 388]. В качестве документа («зеркала») жизни Карамзина — выдающегося русского писателя, журналиста и историка они дошли до нас, современных его читателей и почитателей.

-
1. *Ионайтис О. Б.* Николай Михайлович Карамзин: путешествие как поиск себя // Дискурс-Пи. 2005. Т. 5.
 2. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.
 3. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997.
 4. *Смирнов А. Ф.* Николай Михайлович Карамзин. М., 2005.
 5. *Сухов А. Д.* Философствующий Н. М. Карамзин // Философия и культура. 2014. № 5 (77). С. 687–696.

УДК 069.1:316.77 + 069.29(470.54-25)

**Т. Ю. Быстрова
К. С. Сусарова**

ОПЫТ СОЗДАНИЯ МУЗЕЙНОГО ПРОЕКТА: УХОД ОТ ПЛОСКОСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ В МУЗЕЕ 2.0

Проанализирован ряд музейных проектов 2015–2016 гг. Показана ограниченность сведения актуальных ныне проектов в духе «культуры участия» исключительно к работе с письменными и визуальными текстами. Предложена и проиллюстрирована конкретными примерами идея экзистенциального «проживания» истории на площадке музея. Рассмотрен опыт организации нескольких музейных проектов, развивающих данный подход.

К л ю ч е в ы е с л о в а: музей; музейная коммуникация; «культура участия»; нарратив; экзистенция; со-бытие; проживание истории; фотопроект; формирование сообществ.

Современные музеи самой разной направленности меняют свое отношение к посетителям: сохраняя образовательные и исследовательские функции, они становятся площадками все более активного социокультурного взаимодействия. Об этом свидетельствуют как программные документы, так и опыт проводимых выставок [3, 8, 11, 14, 15]. Музеи ставят задачу создания сообществ (разного размера и длительности существования), которые не только воспринимают музейный продукт, но и участвуют в его формировании. Понятно, что добиться решения этой задачи исключительно посредством работы с разного рода текстами, как это часто практикуется, к примеру, в российских музеях, невозможно. Требуется подход, обеспечивающий более глубокий и интенсивный контакт.

В первой части статьи излагается опыт авторского участия в музейном проекте с подобными целями и ориентирами в течение 2015–2016 гг. Этот проект по своим творческим и концептуальным установкам пересекался с выставкой 2014–2015 гг. «Искусство путешествий», о которой мы писали ранее [5]. Сложная структура проекта, расположение экспозиции на нескольких площадках потребовали разработки целого ряда нестандартных шагов, объединенных общей концепцией и пониманием со-бытийного [7] характера коммуникации, вовлекающей посетителя в более активный контакт с музеем. Во второй части статьи приводятся конкретные примеры (тренажер городских социокультурных проектов; книга в качестве игрового элемента) и предложения по достижению большей открытости ряда музейных экспонатов Свердловского областного краеведческого музея (Екатеринбург) с помощью средств графического дизайна.

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, профессор Екатеринбургской академии современного искусства, профессор Уральского государственного педагогического университета (e-mail: Taby27@yandex.ru).

СУСАРОВА Ксения Сергеевна — магистр кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: susarovaks@mail.ru).

© Быстрова Т. Ю., Сусарова К. С., 2016

Краткая характеристика возможностей и ограничений музейных проектов в духе «культуры участия»

Не понимаю, как можно забывать о телесном, если человек состоит не только из души.

Поджо Браччолини, 1450

Идеи музея как площадки взаимодействия активно развиваются на протяжении последних 15 лет [2]. Музейный специалист Д. Агапова определяет понятие «культура участия» как «свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только “потребителями” или объектами воздействия, но вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание культурных событий (например, выставок и образовательных программ), а стало быть, в процесс осмысления и актуализации культурного наследия» [14, 8]. Автор рассматривает *участие* как качественно иное социальное взаимодействие, чем, к примеру, актуальная в последние годы *интерактивность*, зачастую ограничивающаяся «троганием руками», и включает участие в контекст общения, взаимодействия между людьми, как его понимает М. М. Бахтин [1]. Сам музей все чаще воспринимается как центр подлинного общения, каким раньше был, к примеру, домашний очаг [13, 73]. К сожалению, при этом недооценивается возможность артефакта, предмета повседневности [6] служить посредником в телесно-чувственном взаимодействии и общении между людьми. Чаще всего пространство коммуникации задается совокупностью текстов (ответов на вопросы, более ранних записей, обращений к кому-либо и т. п.) либо плоскостными визуальными образами (фотографии, рисунки и т. п.). В свою очередь, обилие плоскостного материала затрудняет формирование интересной живой экспозиции, вовлекающей посетителей в свое пространство, приводит к повторам в оформлении (стенды, «листающиеся» страницы сайтов, шрифтовые композиции и т. п.).

Философия культуры понимает вещь как аккумулятор социокультурного опыта ее создателя, который в дальнейшем может быть распределен тем, кто прикасается к вещи, что-либо делает с ее помощью, находится рядом с ней [4, 9]. Соответственно, модель человека как субъекта музейной коммуникации не исчерпывается версией «человек-читатель», ведь современный посетитель любого возраста знает огромное количество самых разных практик и готов к их использованию.

Отсюда основной гипотезой нашей проектной работы является идея создания различных материальных объектов, контактируя с которыми, люди прикасаются к истории и взаимодействуют друг с другом. В случае, когда документальных материалов недостаточно (а именно так было в проекте «Уралмаш: производство будущего», куратор С. Ю. Каменский), у музейного дизайнера появляется возможность моделирования эквивалентов предметов, которые обеспечивают посетителю формирование представления о пространстве и предметном окружении тех, кому посвящена выставка.

Примером может служить Музей Гражданской войны в Картахене [19]. В 1936 г. во время налетов авиации жители города прятались в нишах, вырубленных в сплошной скале. Существовали специальные инструкции по размещению людей, указывавшие с точностью до сантиметра, где и как может расположиться человек. Сегодня это пространство открыто для посетителей: присев на скамейку, можно почувствовать тяжесть горы, отсутствие звуков, запахи.

Безусловно, эти находки пересекаются с идеями философов-экзистенциалистов, в частности С. Кьеркегора, о *состояниях*, которые, собственно, и представляет собой человеческая жизнь. Достижение определенного состояния, особенно совместного, уникально и ценно для человека. При этом, конечно же, музею нельзя превращаться в аттракцион. Параметры объектов задаются познавательными, а не развлекательными задачами.

Особую сложность — и одновременно экономический интерес — представляет создание разветвленной коммуникации, которую коротко можно обозначить как «второй заход в музей (с другом)».

Фотоконкурс «Стань своим дедушкой»

Выставка «Уралмаш: производство будущего», в рамках которой проходил фотоконкурс, призвана изменить отношение жителей города к району Уралмаш, имеющему как славную трудовую и творческую историю, так и негативные имиджевые «шлейфы» 1990-х гг.

При разработке креативной идеи выставки мы исходили из следующих соображений:

1) в Екатеринбурге существует множество небольших креативных профессиональных сообществ и, вместо ставшего традиционным обращения к максимально широкой аудитории, мотивы и ценности которой довольно сложно изучать специально, имеет смысл работать с ними;

2) избыток плоскостного материала не является недостатком музейных экспозиций, но необходим момент его переосмысления участниками и зрителями проекта;

3) ресурсов социальной сети «ВКонтакте» достаточно для обеспечения «технических» коммуникаций проекта [10].

В каждой семье Екатеринбурга есть фотографии 1930–1980-х гг., запечатлевшие не только родных и близких, но и детали их быта, стиль эпохи, дух времени. «Ценность прошлого заключается в том, что оно является призмой видения будущего. Если нет прошлого и перспективы будущего, то нет и настоящего» [8]. Когда забываются детали, фотография воспринимается все более абстрактно, стирается историческая память. Мы посчитали, что преодолеть эти негативные процессы способно искусство фотографии, а также сотрудничество фотографов, стилистов, дизайнеров одежды и тех участников проекта, кто берет на себя функции модели. Это были как потомки жителей Уралмаша, так и люди, просто откликнувшиеся на просьбу музея.

Акцент на передачу «духа времени», а вовсе не точность отдельных деталей дал участникам ощущение присутствия в конкретном периоде истории. Проживание

ситуации, запечатленной на фотографии, актуализирует моменты истории и позволяет участникам конкурса продолжить ее через современные творческие практики.

Первая встреча кураторов и участников происходила очно. Были представлены около 100 фотографий, собранных работниками Музея истории Екатеринбурга (некоторые снимки предоставили жители района). У каждого участника имелся бейдж с указанием, какие функции он хочет выполнять в проекте. В ходе встречи были сформированы команды, выбраны фотографии, уточнены правила и концепция проекта. В решении организационных вопросов музеем активно помогал «Центр имиджа Яны Романовой», выпускающий стилистов и визажистов, стремящихся попробовать свои силы в необычных, негламурных жанрах. Результаты работы выставлялись на странице «ВКонтакте» вместе с исходным снимком, победителя называло профессиональное жюри.

Особенно интересны оказались реплики участников во время рабочего процесса, так сказать, нарративы второго уровня. «Мы сделали неверный шаг, сразу начав фотографировать, — написали участники одной из команд, — Познакомившись с человеком, изображенным на фотографии, мы увидели время другими глазами». От внешнего подобия люди шли к переживанию истории и сюжета. К примеру, снимок на стадионе потребовал большого числа участников, и к процессу присоединились совершенно незнакомые люди. Героиню одной из фотографий в детстве «сыграла» ее племянница, которой сейчас более 70 лет. Необходимость создания недостающих элементов одежды заставила дизайнеров осмыслить особенности кроя и моды предшествующих десятилетий. Общение на всем протяжении проекта способствовало созданию групп и сообществ. Фотография оказалась мощным проводником в предметный мир, о котором в начале проекта большинство участников просто не подозревали.

Невиртуальный музей: игра как путь вовлечения

Другой вариант обеспечения присутствия, например, инвалидов или людей, живущих далеко от интересующего их музея, — моделирование дизайнером эквивалентов музейной экспозиции, рассчитанных на удаленный доступ, к примеру, в виртуальном музее [16]. Так, визуальная экскурсия по залам Третьяковской галереи дает пользователю возможность не только в любое время обратиться к понравившемуся экспонату, но и без труда найти похожие произведения.

К сожалению, как и в большинстве реальных экспозиций, в виртуальных музеях зачастую отсутствует «культура участия». В основном визуальные туры представляют собой плоскостной ряд снимков экспонатов и текстовое описание, что в недостаточной мере обеспечивает привлечение внимания зрителя. Виртуальный тур по Эрмитажу — это панорамная съемка залов. Пользователь может быстро переместиться в любую секцию музея и ознакомиться с экспонатами. Статуи показаны только в одном ракурсе по ходу съемки панорамы, качественное изображение картин и их описание можно увидеть исключительно в отдельно открывающейся вкладке, которую, по сути, можно считать электронным каталогом.

Выставка «Дом-музей М. Ю. Лермонтова» представляет собой слайд-шоу с фотографией экспоната с одного ракурса и текстовым описанием. Компания Google совместно с LCAV (Лаборатория аудиовизуальной связи) разрабатывает технологии для выхода виртуальных музеев на новый уровень, однако на это потребуется еще ни один год. Кроме того, мы убеждены, что виртуальный музей может лишь дополнять «реальный», а не замещать его целиком.

В научных работах, посвященных рассмотрению феномена музея, прослеживается проблема статичности музеев: «Мертвящее ощущение от музея как искусственной, авторитарно выстроенной предметности» [12, 41]. Важно сделать так, чтобы артефакты в музеях были не просто бледными «мумиями» минувших лет, а активными посредниками в общении между людьми. И это не обязательно делать в процессе создания виртуальной реальности. На наш взгляд, полное погружение в музейную экспозицию возможно на основе игры. Мы обратились к игровой концепции Й. Хейзинги, который считает игру неотъемлемым модусом бытия человека в культуре [17, гл. 1]. В качестве игрового компонента мы предложили книгу с интерактивными элементами, связанными с экспозицией Свердловского краеведческого музея «Особняк дворян Поклевских-Козелл».

Средством, обеспечивающим достижение эффекта присутствия в музее, выбран печатный, а не электронный носитель, так как контактная составляющая важна для интерпретации экспозиции. «... Чувство осязания более всех остальных отвечает за наше представление о реальности в противоположность иллюзии, подделке, галлюцинации», — отмечают специалисты [18, 20]. Значит, имеет смысл обращение к телесности, учет тактильных, ольфакторных, визуальных моментов контакта.

Книга представляет собой совокупность фотографий и графических иллюстраций, дополненных текстовым материалом, но не описанием экспонатов, а художественным повествованием. Человек мыслит образами, поэтому дополнительные графические вставки и текст в форме рассказа делают материал наиболее привлекательным. Разработка иллюстраций позволяет заполнить пробелы, существующие в реальной музейной экспозиции, связанные с отсутствием тех или иных экспонатов. Книга содержит интерактивные элементы, такие как раскладывающиеся страницы, дополнительный контент в виде конвертов, фишек, закладок, и прочие дополнения, служащие для процессов игры и познания. Пользователь может заглянуть внутрь предметов, посмотреть, что они скрывают. Такой возможности нет в реальной экспозиции, но в игровой форме она легко реализуется инструментами графического дизайна.

Пользователь получает свободу действия, он может следовать по пути повествования, а при необходимости обращаться в любое удобное для него время к определенному экспонату.

Еще одним вариантом реализации игровой концепции является *тренажер городских проектов*. Работа над данным проектом осуществлялась в несколько этапов. Сначала студентам четырех вузов Екатеринбурга в рамках читаемых им курсов была предложена структура городского проекта. Взяв ее за основу, они представили свои идеи изменения отношения жителей и гостей города к его

районам. Далее были выбраны наиболее нестандартные проекты. Предполагалось, что их части (в сокращенном виде) будут нанесены на таблички или магнитные носители в виде паззлов. Эти паззлы следовало поместить в большую коробку или разложить на специальном столе, чтобы посетители Музея истории Екатеринбурга могли в произвольном порядке подобрать или даже смешать их. С одной стороны, такая игра создает коммуникацию между автором проекта и посетителем. С другой стороны, на тренажере могут состязаться несколько посетителей (кто соберет точнее, оригинальнее, быстрее и т. п.), а значит, он помогает формировать новые кратко- и долгосрочные сообщества. К сожалению, в силу ряда причин эта идея оказалась не реализованной до конца, несмотря на то, что более сложный, проектный этап уже завершен.

Выводы

В статье приведены примеры построения активной многоплановой музейной коммуникации без использования нарративов в качестве основного элемента экспозиции. Решающее внимание уделяется состояниям, проживаемым посетителем музея, а также качеству общения с экспонатами и другими людьми. При этом если удаленный доступ позволяет музеям расширить область действия, привлечь большие массы людей, то продукт графического дизайна помогает реализовать незадействованный потенциал музейных экспозиций, сделать вещь активным элементом общения между людьми, перевести пользователя из разряда слушателя в непосредственного участника.

1. *Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979 с.
2. *Беззубова О. В.* Пространство музея и проблема аксиологической переориентации // Музей. Общество. Религия: Аспекты взаимодействия: К 70-летию Гос. музея истории религии : материалы IX С.-Петербур. религиозед. чтений. СПб., 2002. С. 12–14.
3. *Бойлан П., Вуллард В.* Управление музеем : практическое руководство. ИКОМ ЮНЕСКО, 2004. 238 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001478/147869r.pdf> (дата обращения: 13.07.2016).
4. *Быстрова Т. Ю.* Вещь, форма, стиль: введение в философию дизайна. Екатеринбург, 2001. 223 с.
5. *Быстрова Т. Ю.* Использование художественных механизмов в дизайне музейных коммуникаций (на примере проекта «Искусство путешествий», 2013–2014) [Электронный ресурс] // «Искусство путешествий»: опыт музейного проекта 2.0. URL: http://co-museum.ru/publ/participatory_design/1-1-0-1 (дата обращения: 10.07.2016).
6. *Бычков В. В.* Эстетика : краткий курс. М., 2003. 384 с.
7. *Еремеев А. Ф.* Границы искусства: Социальная сущность художественного творчества. М., 1987. 319 с.
8. *Именнова Л. С.* Музей в социокультурном пространстве общества: миссия, тенденции, перспективы : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. 40 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-kulturologiya/a13.php> (дата обращения: 11.07.2016).
9. *Каган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996. 415 с.
10. Конкурс проектов «Стань своим дедушкой» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club112861162> (дата обращения: 13.07.2016).

11. Концепция развития музейной деятельности в Российской Федерации до 2020 г.: от 7.02.2013 г., утв. М-вом культуры РФ [Электронный ресурс]. URL: mkrf/upload/mkrf/mkrfdocs2013/20_02_2013_1.pdf (дата обращения: 03.07.2016).
12. *Ларионов И. Ю.* Прологомены к феноменологии музея // *Studia culturae*. Вып. 11: Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна. СПб., 2008. С. 35–42.
13. *Ломако О. М.* Идея музея в генезисе культурного пространства // *Формирование дисциплинарного пространства культурологии : материалы науч.-метод. конф.* 16 янв. 2001 г., С.-Петербург. СПб., 2001. С. 72–74. (Сер. «Symposium»; Вып. 11).
14. *Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / отв. ред. А. Щербакова ; сост. Н. Копелянская.* М., 2012. 176 с.
15. *Музейная экспозиция. На пути к музею XXI века : сб. науч. тр.* М., 1997. 216 с.
16. *Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс].* URL: http://www.museum.ru/rme/sci_virt.asp?1 (дата обращения: 5.07.2016).
17. *Хейзинга Й.* Человек играющий : статьи по истории культуры : пер. с англ. М., 1997. 416 с.
18. *Энттейн М. Н., Тульчинский Г. П.* Философия тела. Тело свободы. СПб., 2006. 432 с.
19. *Spanish Civil War museums, exhibitions and sites [Electronic resource].* URL: http://iberianature.com/spain_culture/spanish-civil-war/spanish-civil-war-museums-exhibitions-and-sites/ (accessed: 08.05.2016).

Статья поступила в редакцию 20.07.2016 г.

К ВОПРОСУ О КОММЕМОРАЦИИ СВЕРДЛОВСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРАКТИКУ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ КВАРТАЛОВ

На основе анализа опыта создания культурных кварталов как стратегии ревитализации и тематизации городских пространств в статье предлагается концепция формирования культурного квартала конструктивизма в рамках процесса коммеморации архитектурного наследия свердловского /екатеринбургского конструктивизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: место памяти; культурный квартал; соседское сообщество; архитектурный конструктивизм; Екатеринбург; Свердловск.

Я, например, с детства знаю Старее Место и всегда его находил тесным и грязным. Но когда мне показали как достопримечательность рисунок одного дома (и не где-нибудь, а в «Иллюстрированном еженедельнике», да еще с описанием!), я вдруг увидел, что Старее Место прекрасно... С того времени я хожу туда каждую неделю, открываю все новые и новые достопримечательности и удивляюсь, почему я раньше не обращал на них внимания.

Б. Прус

Процесс переосмысления городских мест — районов, кварталов, площадей, улиц — является частью городского развития и нацелен на решение целого ряда проблем: ревитализации старых заброшенных зданий и территорий, снижения социальной напряженности в отдельных районах города, развития городской экономики и повышения стоимости недвижимости. И в этой деятельности городские сообщества как целевая аудитория и одновременно пользователи города, а также городская инфраструктура и смыслы, которыми она наделяется (далеко не всегда только прагматические), связаны воедино.

Екатеринбург сегодня — активно развивающийся город. Мы видим, как быстро появляются в городе новые жилые районы, как обустраивается Екатеринбург-Сити — новый деловой квартал современной застройки на берегу городского пруда, появляются новые торговые центры. Однако развитие обнаруживает и проблемные зоны города, прежде всего это относится к старой застройке. В частности, конфликт вокруг строительства нового пассажа на месте старого закончился победой девелопера, и сегодня жителям и гостям города остается только с печалью взирать на скромные (я бы даже сказала — жалкие) фасадные

СТАРОСТОВА Людмила Эдуардовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: starostova5@mail.ru).

цитаты прежнего конструктивистского здания пассажа, вставленные во в разы превышающие их размеры зеркально-барочно-безвкусных стен нового здания торгового центра. В данном случае конструктивизм проиграл сражение с девелопментом. Но Екатеринбург все еще может похвастаться богатым архитектурным наследием конструктивизма, представленным не просто отдельными зданиями, а целыми комплексами, самыми известными из которых являются Медицинский городок, Городок юстиции, Городок чекистов и Дом чекиста, а также комплекс домов Госпромураля и ряд других.

Конец 20-х — начало 30-х гг. прошлого века, когда недавно переименованный в Свердловск Екатеринбург стал столицей Уральской области и рассматривался советской властью как региональный центр индустриализации, стали золотым веком уральского архитектурного авангарда. Выдающиеся советские архитекторы-новаторы — М. Гинзбург, Г. Голубев, И. Антонов, В. Соколов, Б. Смирнов, Г. Валенков и др. — решали важные социальные задачи — обеспечить наиболее экономичным образом растущие запросы общества на жилье и производственную инфраструктуру. В результате был сформирован визуальный облик Свердловска, который отражает как эстетические, так и социальные ценности эпохи советского модерна.

На сегодняшний день конструктивистские здания в Екатеринбурге зачастую пребывают в незавидном состоянии, они требуют дорогостоящего ремонта, функциональной переориентации. В контексте этих задач по сохранению архитектурного наследия свердловского/екатеринбургского конструктивизма мне и хотелось бы обратиться к мировому опыту не просто формирования культурных кварталов, а подходов к их переосмыслению, когда место, существующее в городе не одно десятилетие или столетие, переживает радикальное обновление, репозиционирование в городском пространстве.

Для этого я буду двигаться последовательно от одних понятий к другим. Начиная с категории места памяти, я перейду к понятию соседских сообществ, а потом рассмотрю феномен культурных кварталов и опыт их создания. Только после этого мне представляется возможным обратиться к актуальной для нас теме переосмысления прошлого как части позиционирования исторических городских мест.

Место памяти. Понятие места памяти было введено П. Нора для фиксации способа сохранения преемственности социальной идентичности в процессе исторических изменений. Задача создания мест памяти обусловлена, по мысли П. Нора, прежде всего, разрывами социокультурной ткани в процессе резких социальных трансформаций: революций, войн. Память — результат нарастающей дистанции между настоящим и прошлым, обусловленной ускорением процесса социальных изменений (начавшихся в Новое время): «...места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [9, 25]. Таким образом, место памяти всегда выполняет функцию знака, указывающего на то из прошлого опыта, что должно продолжать иметь значение для нас сегодня. Как пишет французский исследователь, «все значительные попытки переосмысления истории стремились раздвинуть

рамки коллективной памяти» [Там же, 39]. Причем само понятие места П. Нора предлагает не воспринимать буквально: «...на самом деле они являются местами в трех смыслах слова — материальном, символическом и функциональном, — но в очень разной степени» [Там же]. В отличие от всех исторических объектов, места памяти не имеют референции в реальности. Они могут быть относительно самодостаточны, как «память» о том, что значимо для сообщества, но в реальности могло вовсе не существовать — «с этой точки зрения, место памяти — это двойное место. Избыточное место, закрытое в себе самом, замкнутое в своей идентичности и собранное своим именем, но постоянно открытое расширению своих значений» [Там же, 48]. Итак, место памяти служит одной из основ консолидации сообщества вокруг избранных смыслов, отсылающих к прошлому. Именно сообщества — большие и малые — формируют места памяти в целях укрепления исторической преемственности как основы современной социальной связи.

Здесь я перейду к понятию соседского сообщества, т. е. сообщества, объединенного, прежде всего, фактом совместного проживания на определенной территории, что имеет непосредственную связь с темой существования культурных кварталов.

Идея городского многообразия и соседское сообщество. Понятие соседского сообщества отражает наше представление о том, что люди, живущие рядом, образуют особое сообщество, объединенное не просто местом, а схожими повседневными практиками, ценностями, уровнем дохода, интересами. В современной урбанистике тема соседских сообществ раскрывается через изучение влияния факта проживания в обособленном жилом комплексе на чувство локальной идентичности, что выражается в эмоциональной реакции и в готовности совместно решать задачи по защите общей территории от чужаков, транспорта, сохраняя место проживания чистым и безопасным [2, 3, 8, 10, 12]. Но эти задачи не всегда решаются просто. Например, соседскому сообществу интересна стоимость жилья, зависящая от многих факторов: социального состава жильцов (рисунки на стенах подъезда, мусор, неприятный запах могут существенно влиять на рыночную стоимость зданий), культурного ландшафта (вид из окна, близость крупного предприятия и т. д.) и др. А чувство безопасности связано и с тем, насколько оживлена улица вокруг периметра застройки: если она безлюдна в дневное или ночное время, она воспринимается как небезопасная и может на самом деле быть таковой. Чувство комфорта зависит и от того, предоставляет ли район инфраструктуру для разнообразного проведения досуга.

Связь сообщества и городской инфраструктуры, на мой взгляд, очень точно и структурно описана американским урбанистом Дж. Джекобс, обращающей особое внимание на повседневную жизнь в городских кварталах и разнообразие как условие городского процветания.

По мнению Дж. Джекобс, в основе процветания города лежит многообразие людей, форм потребления города и его инфраструктуры. Исследовательница называет четыре условия городского многообразия:

1. Район должен выполнять не менее двух функций (лучше больше трех). Это значит, что люди должны приходить сюда не только для работы или для ночного отдыха, но и, например, для совершения покупок, учебы, развлечения.

2. Кварталы должны быть короткими. Это означает, что люди должны иметь возможность выбирать траектории движения по городу, не будучи вынужденными долгое время двигаться вдоль непроницаемой стены дома. Тогда больше сегментов квартала будут наполняться жизнью.

3. В районе должны быть перемешаны здания разных типов и возраста. Здания разного года постройки визуально разнообразны, кроме того, в них предоставляют помещения в аренду по разным ставкам. Маленький магазинчик, в котором заинтересована часть жителей, не может позволить себе платить аренду в новом торговом или офисном здании. Значит, для него должны быть старые постройки.

4. Нужна высокая концентрация разных людей. Это условие, собственно, является следствием соблюдения трех предыдущих условий. Разнообразная инфраструктура привлекает разных людей и в разное время суток. Те, кто приходит в квартал или район днем, в вечернее время сменяются новыми пользователями [1, 161–232].

Эти условия позволяют нагружать инфраструктуру района круглые сутки.

Первичные услуги (жилье, работа) привлекают в район людей, а люди, готовые к потреблению, притягивают вторичные услуги (например, питание, развлечение).

Идеи Дж. Джекобс существенно повлияли на городское планирование. Как утверждает сама Джекобс, многие стали повторять ее фразу: «Мы должны оставить место для маленького продовольственного магазинчика!» [1, 161–202], а ведь ему по карману только старое здание.

Таким образом, для соседских сообществ как значимых городских социальных групп условием локального благополучия является многофункциональность и разнообразная инфраструктура квартала их проживания.

Культурный квартал. Идея городского многообразия получила развитие в концепции культурных кварталов, построенной на принципах формирования в рамках одного небольшого района креативного кластера — пространственного пучка предприятий и организаций сферы творчества и услуг. Согласно концепции креативной экономики, именно представители креативного класса производят экономическую ценность в процессе творческого труда и их доля в экономике развитых стран в последние десятилетия только росла. Как пишет Р. Флорида, «отличительная черта креативного класса состоит в том, что его представители занимаются работой, основная цель которой — создавать значимые новые формы» [14, 58]. Культурный квартал насыщен предприятиями именно такого рода — это рекламные и PR-агентства, галереи, мастерские, в которых учатся и производят штучный товар, издательства, а также библиотеки, музеи, кафе и другие места, где представители указанных сфер могут общаться друг с другом.

Создание культурных кварталов помогает решать не только экономические, но и социальные проблемы — привлекая новых людей, снижать значение неблагополучных социальных групп и повышать привлекательность квартала как места жительства, туризма и бизнеса. Размеры культурных кварталов могут быть самые разные — от района города, в котором живут десятки тысяч людей, до небольших

дворов, число жителей которых не превышает нескольких сотен человек. Приведу несколько примеров.

1. Район Раваль в Барселоне. Раваль является одним из центральных районов Барселоны, прилегающих к Рамбле, активно посещаемой туристами. Между тем этот район, будучи населен по преимуществу мигрантами, имел маргинальный статус и дурную славу места, где процветала проституция, торговля наркотиками и преступность. После «перезагрузки» Барселоны к Олимпийским играм 1992 г. и резкого взлета в последующие десятилетия туристической привлекательности столицы Каталонии, власти города предприняли ряд попыток изменить репутацию Равалья. Культурная стратегия развития района четко прослеживается через специализацию вновь созданной здесь инфраструктуры и проектов. Там были построены пятизвездочные отели, открыты культурные и образовательные центры, музей современного искусства, книжные магазины и издательства, театры, арт-галереи, дизайнерские и архитектурные студии, стал ежегодно проводиться фестиваль Равалья. Особенностью культурной модели Равалья стало то, что к культурным преобразованиям активно привлекались сообщества мигрантов [18]. В результате в район удалось привлечь туристов, снизив уровень преступности и включив мигрантские сообщества в культурную жизнь города.

2. Другим примером создания культурного квартала может послужить так называемый Пассаж искусств в Дрездене (Kunsthofpassage), представляющий собой несколько соединенных между собой дворов, сквозь которые можно пройти с одной улицы Дрездена на другую. Дома в этих дворах пережили радикальное изменение во внешнем дизайне, а первые этажи были отданы под кафе, магазинчики и дизайнерские студии. Благодаря необычному облику и разнообразной инфраструктуре квартал привлекает много посетителей, особенно в выходные дни. Здесь можно не только погулять и покушать, но и послушать живую музыку, найти на время занятие себе и детям. Приток в квартал посетителей заметно увеличивает трафик и на прилегающих улицах.

На примере Равалья и дрезденского Пассажа искусств видно, что размер культурного квартала может существенно варьироваться. Но главное, что его отличает, — интенсификация разнообразных процессов городской жизни благодаря ставке на развитие сегмента креативных индустрий, что стимулирует потребление резидентами и гостями как первичных, так и вторичных услуг.

3. Привлечение культурных индустрий имеет и оборотную сторону. Об этом свидетельствует кейс Псири — одного из старых центральных районов Афин, прилегающего к туристической Плаке. Еще в конце XX в. власти Афин решили превратить Псири в культурный квартал, содействуя размещению там дизайнерских студий и мастерских местных ремесел. После этого Псири ожил: в нем открылось много дизайнерских студий и магазинчиков местных ремесел, туда потянулась работать и жить творческая молодежь. Но растущая привлекательность этого района стала стимулировать развитие ночной жизни, а с нею и развитие проституции и торговли наркотиками. А потому молодые семьи, заселившие было район, стали его покидать. По словам одной из собственниц бизнеса и жительницы Псири, она не хочет, чтобы здесь росли ее дети [17, 111]. Таким образом, запущенные

городскими властями культурные процессы в квартале стали развиваться в соответствии с собственной логикой: продавая квартиры в Псири, представители креативного класса освобождают их для мигрантов, которых стала привлекать упавшая стоимость на здешнюю недвижимость. Приток мигрантов за несколько лет изменил лицо района. Попытки властей в начале двухтысячных годов сломать сложившуюся ситуацию, пока ни к чему не привели. Пример Псири доказывает, что стремление властей к активизации социально-экономического развития районов запускает собой процессы, не всегда предсказуемые и желательные для инициаторов реформ. «Отсутствие чувства собственности места у его резидентов, несоответствие между культурным и коммерческим использованием на фоне того, что номинация Псири в качестве культурного квартала не получила формального статуса и квартал не стал объектом единого администрирования, отличает его от других культурных кварталов Европы» [17, 114].

Тем не менее практика создания разнообразия, вписанная в особое визуальное оформление городской локации (квартала, района), по-прежнему остается элементом стратегии развития многих европейских и российских городов. При этом визуально квартал получает специфические маркеры, позволяющие закреплять его уникальность и позитивность на образно-эмоциональном уровне восприятия. Для развития района города (неважно, большого или камерного) особое значение имеет процесс символизации, формирования его целостного образа в сознании жителей и гостей города. Речь в данном случае идет о смыслах, приписываемых месту. Как писала представительница культурного подхода к развитию города Ш. Зукин, в символической экономике сосуществуют две системы производства города — производство пространства, где экономика и инвестиции существуют в неразрывной связке с производством культурных символов, и производство самих этих символов, обеспечивающих социальную идентификацию [4]. Здесь мы снова возвращаемся к понятию места памяти, позволяющего символически оформить место, наделить его значимыми смыслами и при этом привязать к историческому контексту.

Для большинства культурных кварталов концептуализация их идентичности строится вокруг двух концептов:

— визуализации современности в ее лучших порывах к многообразию, включенности в глобальные контексты путем постмодернистского обыгрывания заброшенных зданий. В этом случае заброшенные здания индустриальной эпохи, как правило, перестраиваются или переформируются в современном духе, отсылая к футуристически и иронически обыгранным историческим смыслам (яркий пример — квартал Роттерманни в Таллинне или уже упоминавшийся здесь Пассаж искусств в Дрездене);

— реактуализации прошлого в эстетизированных (часто диснеезированных) образах. Этот подход реализован в многочисленных так называемых альтштадтах Европы (от немецкого слова Altstadt) (квартал Шнорр в Бремене, например).

В любом случае создается пространственный образ, который не просто целостен в визуальном решении, но и символически погружает посетителя

в определенную историческую реальность (вне зависимости от того, обращена ли ее историчность в прошлое или будущее).

Советское прошлое в контексте формирования мест памяти. Описав опыт формирования культурных кварталов как кластеров, производящих городское разнообразие средствами развития креативных бизнесов и придания конкретной локации привлекательного символического образа (смысла), обратимся к проблеме, с которой сталкиваются города постсоветского пространства, и в частности Екатеринбург, в поисках смыслов, способных выразить суть места и придать ему привлекательность в глазах пользователей. Екатеринбургский конструктивизм является частью исторического советского наследия, а потому от решения вопроса о нашем отношении к советскому прошлому зависит и то, какое место займет в нашем символическом универсуме конструктивистское наследие. Что же происходит с символами (местами памяти) советской эпохи сегодня?

Если почитать материалы, где описываются и анализируются практики переосмысления «советского», то на постсоветском пространстве бывшего социалистического лагеря видны две стратегии: уничтожение и стилизация.

Ярким примером стилизации и включения в ансамбль разнонаправленных социокультурных контекстов может служить центральная площадь в Элисте. Изначально центр советского города со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде памятника Ленину, сегодня эта площадь являет собой эклектичное собрание символов, отсылающих к разным фрагментам локальной идентичности. Наряду с сохранившимся памятником Ленину здесь появилась скульптура Будды Шакьямуни и Пагода Семи Дней. Дополняется этот необычный ансамбль гигантскими шахматами — вставкой из современной эпохи с ее модой на создание интерактивных режимов публичных пространств. Здесь советские символы соседствуют с традиционными национальными и современными, что свидетельствует о спокойном, равнодушном отношении к советскому опыту и его символам [16].

А вот анализ опыта Минска свидетельствует о процессе забывания, стирания советского в пространстве города: так, было выбрано новое место проведения коммунистических демонстраций (места советской памяти сменили места, приближенные к центрам власти). Как пишет А. Казакевич, «с начала 1990-х начинает складываться пространственная специализация протестов и празднований. Коммунисты в 1992–1995 годах, как правило, собирались в парке Горького», на площади Победы и у мемориалов, посвященных Великой Отечественной войне. Однако с середины 1990-х наблюдается новая тенденция: «...акции все больше перемещаются к центрам публичности и власти, намечается своеобразный баланс между символическостью и практичностью» [5]. Практики обращения с советскими символами в пространстве городов бывшего СССР демонстрируют тенденцию «десимволизации знаков (присутствия) социализма» [13].

За пределами СССР, в бывших странах соцлагеря, есть другие примеры обращения с советскими местами памяти: в Будапеште памятники советской эпохи были собраны в одном парке и стали одним из элементов туристического пейзажа города. Есть и более конфликтный пример — Таллинн, где перенос монумента

«Бронзового солдата» из центра города на военное кладбище привел к межгосударственному конфликту между Эстонией и Россией.

Опыт разнообразных способов нигилирования советского в местах его памяти (или непамяти) рождает вопрос: как быть с коммеморацией советского в конструктивистском наследии, если история последнего теснейшим образом связана с советским периодом в истории нашей страны? Стереть с лица земли, чтобы ничто не напоминало о той эпохе? Превратить в памятник советскому в ностальгическом духе?

Но возможен и иной подход к осмыслению травматического исторического опыта в городском пространстве как элемента современной городской идентичности. Это прекрасно демонстрирует кейс Берлина — города с травматичной, сложной историей. Следует отметить, что опыт Берлина уникален: после Второй мировой войны городу пришлось восстанавливаться не только символически, но и буквально — через отстройку разрушенных в результате боев и бомбардировок кварталов. Второй этап переосмысления Берлин пережил после разрушения Берлинской стены и объединения Восточной и Западной Германии. В архитектурном плане была принята стратегия критической реконструкции (идея директора Сената по строительству Х. Штиммана), предполагавшая постройку новых зданий (а не восстановление старых) с сохранением традиционной типологии и структуры городской ткани: в результате «в структуре исторического города были выделены существенные элементы — участок, квартал, улица, площадь, плотность, функциональное смещение, развитие высотности, образ — и сформированы методы их взаимосвязи без определения архитектурного языка» [6, 180]. Таким образом, власти города сохранили преемственность в его пространственном развитии, учитывая при этом требования новизны и соответствия духу новой эпохи. Но повторю: Берлин находился в ситуации, когда большая часть зданий была просто разрушена.

С символической же точки зрения работа с исторической памятью как частью процесса формирования современной идентичности Берлина точно зафиксирована А. Макарычевым при анализе актуальных городских музейных практик. В Берлине именно память о страшном прошлом Германии времен фашизма является обязательным условием для формирования новой городской идентичности, ориентированной на ценности свободы и плюрализма. Так, музей «Опыты границы» является жестом, обличающим гдээрровский режим как лагерное пространство всеобщего надзора и контроля, разрушившее не одну тысячу человеческих жизней. «Музей ГДР» работает как площадка для интерактивного общения с историей — скорее для ее игрового переживания, чем тотального отторжения. Музей союзников трактует историю Второй мировой войны «как историю противостояния двух диктатур — национал-социалистической и коммунистической». При этом ключевыми ценностями, вокруг которых строятся музейные дискурсы, являются «демократия», «свобода», «права человека» [7, 8].

То же самое можно сказать о надписях советских солдат на рейхстаге, которые были восстановлены и сейчас находятся внутри здания германского бундестага. Сохранение и публичная демонстрация этих надписей свидетельствуют о намерении включить память об историческом факте победы СССР над нацистской

Германией в современный культурный контекст и могут быть интерпретированы как «жест политической педагогики» [7, 11].

Опыт Берлина показывает успешность такой формулы коммеморации, когда неоднозначное прошлое становится основой конструирования сегодняшней идентичности места. Берлин признает ошибки прошлого, использует драматические и игровые способы артикуляции разных эпизодов своей истории для того, чтобы маркировать произошедшие изменения и обозначить ценностный вектор своего сегодняшнего развития.

Свердловский конструктивизм как основа формирования культурного квартала. Возвращаясь к Екатеринбург и архитектуре конструктивизма как знаку советского периода его истории, приходится констатировать, что проблемы сохранения советского прошлого по-прежнему актуальны. Наши споры о восстановлении храма Святой Екатерины на площади Труда лишней раз подтверждают, что советский культурный слой часто рассматривается как менее значимый, чем досоветский, более узко — православный.

Екатеринбургский конструктивизм находится в непростой ситуации: его инфраструктура, как правило, сильно изношена (по крайней мере, внешне), его эстетические и конструктивные достоинства многим видятся сомнительными, его функциональный потенциал кажется устаревшим. И такое положение нашего городского конструктивистского наследия отнюдь не уникально. Как пишет М. Хрусталева, советскому конструктивизму не повезло дважды: в 1930-е гг. он был переосмыслен как творческая архитектурная неудача, а в 1990-е конструктивизм воспринимался как технологически устаревший и при этом внешне малопривлекательный с точки зрения массового вкуса символ преодоленного советского строя. Но сегодня архитектура конструктивизма снова входит в моду [15, 53]. И именно сегодня в период кризиса принятия решения о его судьбе у конструктивистского наследия есть шанс застолбить символическую позицию места памяти: ведь если здание пережило кризис среднего возраста (30–50 лет), оно может снова стать модным и считаться красивым [11, 145]. Вот только о чем должна быть эта память? И зачем она нужна?

Угроза конструктивистскому архитектурному наследию исходит, прежде всего, со стороны девелоперских компаний, которые явно облизываются на занимаемые этими зданиями участки земли в центральной части города. Поэтому стратегия защиты в данном контексте может строиться как раз на формировании места памяти. И у этой символизации есть несколько целевых аудиторий, от мнения которых зависит судьба архитектурных памятников конструктивизма. Если мы производим и транслируем символы, то для какой цели и кому? Если речь идет о сохранении и реновации конструктивистских зданий, то целевая аудитория — это власть — местная, федеральная, от которой зависит присвоение статуса историческим зданиям и финансирование мероприятий по их реставрации. Сами жители таких зданий и просто горожане должны испытывать интерес к этим домам, чувство гордости, этот момент важен и для повышения стоимости данной недвижимости, которая существенно зависит от символического капитала строений.

Однако формировать в конструктивистских комплексах место памяти только лишь на основе архитектурных особенностей конструктивизма, я думаю, недостаточно. Во-первых, необходима социальная, человеческая составляющая. Во-вторых (что есть часть первого), нужна основа для вдохновляющей мифологизации.

И здесь как раз может помочь обращение к социальной истории конструктивизма — опыту советского, в который вплетена история этих зданий, построенных в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Тем более что конструктивизм сам был частью большого социального проекта, а после стал неотъемлемой частью повседневных практик социализма, особенно в Свердловске — городе, обретшим свой нынешний облик во многом благодаря конструктивистской застройке.

В последние годы вокруг свердловского конструктивизма формируются очаги новой жизни. На Уралмаше активно развивается деятельность в этом направлении центр культуры «Орджоникидзеvский», делящий здание бывшей фабрики-кухни с Екатеринбургской академией современного искусства. Одним из самых ярких его проектов по популяризации советской истории района стал туристический автобус «№ 33», объезжающий все наиболее значимые объекты соцгорода. В этом году открылась после реставрации Белая башня — один из самых ярких объектов свердловского конструктивизма. Ее внутреннее пространство будет принимать выставки.

Отдельно стоит отметить уже ставшую традицией практику использования конструктивистских пространств для размещения основной экспозиции Уральской индустриальной биеннале современного искусства: в 2010 и 2012 гг. площадкой для нее стал Дом печати, а в 2015 г. основную экспозицию биеннале приняла бывшая гостиница «Исеть», стоявшая последние годы без использования, но являющаяся самым ярким архитектурным объектом свердловского конструктивизма как сама по себе, так и в качестве части архитектурного ансамбля жилого комплекса Городок чекистов.

Третья Уральская биеннале современного искусства проходила с 10 сентября по 10 ноября 2015 г., основной контингент посетителей проекта — творческая молодежь Екатеринбурга. Поскольку данная аудитория является активным пользователем соцсетей, а объекты современного искусства нацелены, прежде всего, на визуальное восприятие, анализ фотографий и подписей к ним в социальной сети «Инстаграм», по хэштегам, маркирующим место проведения и название мероприятия (#uralbiennale, #яидунабиеннале, #исеть, #городокчекистов, #гостиницаисеть), позволяет составить достаточно полное представление о том впечатлении, которое произвела на молодых посетителей гостиница «Исеть». Большинство фотографий сопровождается комментариями пользователей о самой выставке. И если объекты экспозиции вызвали неоднозначную оценку посетителей («впечатлений много и они самые разные», «думаю, самое лучшее уместилось бы на 1-м этаже», «одним словом, на индустриальной выставке стоит побывать»), то здание гостиницы «Исеть», ее планировка и виды из окон получили однозначно высокую оценку: «Галочка биеннале поставлена. Скажу честно, стоит идти хотя бы ради самой гостиницы “Исеть”. Когда еще вы сможете посетить это закрытое здание, там такие виды города — просто загляденье!» (пользователь под

ником *mosina_t*); «...А еще какая-то особая атмосфера царит в самой гостинице “Исеть”: старые лифты, виды на город, необычные планировки» (пользователь под ником *dariamiroleeva*); «Самое яркое впечатление от #uralbiennale — вид из окон» (пользователь под ником *zyryanovasophia*). Очевидно, что здание бывшей гостиницы «Исеть» воспринимается многими молодыми пользователями как значимый эстетический объект и уникальная видовая площадка.

Растущий интерес со стороны горожан к конструктивистскому наследию (растет количество экскурсий и экскурсантов), живой отклик на нарративы, связанные с повседневной жизнью в данных архитектурных комплексах (эти нарративы описывают исключительно советский опыт), подтверждают гипотезу о том, что конструктивистские архитектурные комплексы как место памяти не только об оригинальных, новаторских для своего времени архитектурных идеях, но и об опыте советской жизни в них имеют большой потенциал интеграции в городскую идентичность.

Если место памяти конструируется, то встает вопрос о строительных элементах и способах их связи. Возвращаясь к идее культурных кварталов как места памяти, можно предложить сформировать в центральной части Екатеринбурга квартал конструктивизма, ограниченный несколькими архитектурными объектами и ансамблями, являющимися яркими образчиками новаторства конструктивистской архитектурной мысли. Это комплекс Городка чекистов, комплекс домов Госпромурала, здание Дома печати и здание Дома связи. Данный квартал можно расширить или сузить, главное — это возможность тематизации одной из зон в центральной части Екатеринбурга, построенной на образах и смыслах советского конструктивизма, глубоко связанного со специфическим социально-реформаторским порывом советского модерна.

Разумеется, такая тематизация должна сопровождаться конструктивной и эстетической реновацией зданий и функциональной переориентацией тех из них, которые уже утратили былые функции и на данный момент не используются либо используются неэффективно. Сегодня можно сказать, что здание Дома печати, где раньше располагалась типография «Уральский рабочий», используется периодически как выставочное пространство, там постоянно действует несколько кафе и ресторанов. Элементы тематизации можно обнаружить в здании гостиницы «Исеть», где на первом этаже работает кафе под названием «Фабрика-кухня», в котором в качестве фирменного стиля частично используются образы русского авангарда (работы К. Малевича).

Места памяти не просто цементируют соседское сообщество, но и интегрируют мир, в котором живет это сообщество, в глобальный символический контекст. В то же самое время свердловский/екатеринбургский конструктивизм принадлежит не только горожанам, но и стране, миру. Эта принадлежность фиксируется в знаках общей памяти о «советском» в целом и конструктивизме в частности. Поэтому символизация и трансляция данных символов может спасти памятники конструктивизма от забвения и послужить надежным обоснованием необходимости реставрации и возвращения к жизни зданий, построенных в данном стиле.

1. *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов : пер. с англ. М., 2011. 460 с.
2. *Добрякова М.С.* Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социол. исслед. 1999. № 7. С.125–133.
3. *Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю.* Формы социальной активности в новых территориальных сообществах // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1 (125). С. 82–90.
4. *Зукин Ш.* Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. М., 2015. 424 с.
5. *Казакевич А.* Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80).
6. *Козлова Г. С.* Компромисс между сохранением и развитием архитектурно-исторических ансамблей (опыт Германии) // Изв. вузов: Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2013. № 2 (5). С. 170–183.
7. *Макаръчев А. С.* Городская идентичность и историческая память: политический Берлин в образах и нарративах // Лабиринт : журн. социально-гуманитар. исслед. 2012. № 2. С. 4–14.
8. *Михалев А.* «Русский квартал» Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // Вестн. Евразии. 2008. № 2 (40). С. 7–28.
9. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17–50.
10. *Руденко Л. Д.* Особенности соседства как социального института // Вестн. ЯрГУ. Сер. : Гуманитарные науки. 2013. № 3 (25). С. 99–102.
11. *Рыбчинский В.* Городской конструктор: идеи и города : пер. с англ. М., 2014. 220 с.
12. *Тыканова Е., Хохлова А.* Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.
13. *Ушакин С.* Отстранявая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80).
14. *Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые создают будущее : пер. с англ. М., 2016. 384 с.
15. *Хрусталева М.* Светлое будущее: символический потенциал новой жизни дома-коммуны // Heritage at Risk – Special Edition 2006: The Soviet Heritage and Europe Modernism / ed. by J. Haspel, M. Petzet, A. Zalivako and. Ziesemer. Berlin, 2007. С. 53–54.
16. *Четыркова Л.* Мо(ну)менты прошлого: нелинейная история взаимосвязей в Калмыкии // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80).
17. *Karachalis N.* City Center Neighbourhoods, Culture-led Regeneration and the role of Branding: The case of Psiri in Athens // International Place Branding Conference Special Edition: Roots – Politics – Methods : Conference Proceedings, Manchester Metropolitan University Business School All Saints. Manchester, 2012. P. 105–118.
18. *Ulldemolins J. R.* Culture and authenticity in urban regeneration processes: Place branding in central Barcelona // Urban Studies. 2014. Vol. 51 (14). P. 3026–3045.

Статья поступила в редакцию 17.08.2016 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 316.47 + 37.014.53

Г. Е. Зборовский
П. А. Амбарова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ НЕЛИНЕЙНОЙ ДИНАМИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ МЕГАПОЛИСА*

Рассматривается взаимосвязь понятий «образовательные общности», «нелинейная динамика», «мегаполис». Характеризуются основные методологические подходы к исследованию этой взаимосвязи. Доказывается, что образовательные общности являются центральным элементом системы образования. Показывается существование нелинейной динамики этих общностей, выявляются ее виды. Методологические подходы раскрываются через их основные принципы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: образовательные общности; нелинейная динамика; методологические подходы; мегаполис; социальная неопределенность.

Проблема динамики образовательных общностей в мегаполисе не может не вызвать повышенного интереса у значительной части членов нашего общества, прежде всего тех, кто включен в сферу и систему образования прямо и опосредованно сегодня и будет связан с ней завтра, т. е. в ближайшем исторически обозримом будущем. Изучение этой динамики требует определенных методологических подходов. Их рассмотрение является целью предлагаемой статьи.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

АМБАРОВА Полина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: borges75@mail.ru).

В ее названии содержатся три узловых понятия, каждое из которых и связь между ними составляют предметное поле нашего исследования. Это образовательные общности, нелинейная динамика, мегаполис. Такая постановка проблемы требует специальных пояснений.

Центральное понятие — безусловно, *образовательные общности*. Далее это понятие будет рассмотрено подробно. Сейчас же нужно отметить, что актуальность изучения образовательных общностей вызвана не только особой ролью образования в жизни людей, но и местом, занимаемым данными общностями в системе образования.

Если эту систему характеризовать как единство образовательных организаций, образовательных общностей, управленческих структур, материально-технической среды, нормативно-правовых документов и механизмов, связывающих эти элементы, то ядром самой системы, с нашей точки зрения, являются именно образовательные общности. Они объединяют людей, их группы, совокупности, сообщества, включенные в образовательный процесс. Именно эти общности составляют личностный компонент, своеобразный «человеческий фактор» системы образования, так как все остальные названные выше ее элементы имеют «неличностный», скорее, обезличенный характер. Поскольку цель этой системы — формирование образованных, владеющих знаниями, умениями, навыками, компетенциями людей как ее главного результата, постольку образовательные общности и выступают как ядро самой системы. Собственно, эти общности оказываются и заказчиком, и потребителем тех социальных и интеллектуальных благ, которые «производит» система.

Второе узловое понятие, используемое в статье, — *нелинейная динамика образовательных общностей*. До последнего времени исследователи не использовали его, придерживаясь традиционных взглядов на изменения, происходящие с учащимися и педагогами — двумя обобщенными типами образовательных общностей, включенными в самые разные виды образовательных организаций. В лучшем случае они ссылались на данные демографии и статистики, отражающие динамические процессы количественного роста/сокращения образовательных общностей, и исследования мотивации, которую авторы публикаций (социологи, психологи, педагоги) пытались связать с ухудшением качества образования.

Лишь иногда появлялись материалы, в которых рассматривались неравномерность процессов изменения этих общностей, их ненаправленный и непредвиденный характер, отсутствие устойчивости в их функционировании. Это и есть проявления нелинейности трансформации образовательных общностей. Более полное понимание феномена нелинейности приходит тогда, когда рассматриваются малоизвестные качества жизнедеятельности образовательных общностей, такие как фрагментарность, полиструктурность, текучесть, виртуализация, асинхронность и др. Если же рассматривать эти многообразные проявления нелинейности образовательных общностей не в статике, застывшем, устойчивом состоянии, а в ситуации изменения, в динамике, то мы и получим как раз искомое понятие их нелинейной динамики.

Она связана с высокой степенью неопределенности изменений этих общностей, непредсказуемостью и неожиданностью результатов их деятельности, скрытостью от невооруженного взгляда, латентностью, неочевидностью причинно-следственных связей поведения. Социальная неопределенность общественных процессов и их нелинейность обуславливают необходимость принятия сложного и неочевидного выбора направлений деятельности для значительной части членов образовательных общностей.

При этом сама нелинейная динамика образовательных общностей может быть по своему характеру и направленности как позитивной, так и негативной. В первом случае речь идет о такой динамике, которая свидетельствует о имеющих положительный вектор трансформациях образовательной общности — как количественных, так и качественных. В случае с негативной динамикой мы фиксируем противоположные — отрицательные — изменения образовательных общностей. Конечно, далеко не всегда можно сразу и четко определить характер преобразований, происходящих с ними. Для этого нужны, прежде всего, понятные критерии позитивной и негативной динамики образовательных общностей и, естественно, исследования, которые позволили бы получить соответствующие результаты. Разработка этих критериев — задача научных исследований поставленной проблемы.

Но при этом следует учитывать, что нелинейная динамика образовательных общностей имеет не только объективные основания. В этот процесс может вмешиваться и так называемый «субъективный фактор». Речь идет об управленческих решениях властных структур, касающихся развития системы и института образования. Они могут иметь разнонаправленный характер в отношении как парных (ученики и учителя школы, студенты и преподаватели вузов и т. д.), так и отдельных образовательных общностей. В качестве примера можно привести ситуацию, когда при общем росте контингента учащихся школ (в рамках определенного периода времени) происходит заметное сокращение числа учителей. Если первая тенденция имеет явно выраженный объективный характер (вследствие происходящих демографических процессов), то вторая тенденция определяется субъективизмом властей, принимающих решения в отношении развития образования. В результате возникают проявления нелинейной динамики образовательных общностей — несинхронное развитие, разноразличия, противоречия, перегруженность учителей и т. д.

Возникновение такой «нелинейной» ситуации доказывается статистически. Так, численность школьников в России выросла с 2010 до 2016 г. с 13,6 млн человек (100 %) до 14,2 млн (106,2 %) и, по прогнозу, к 2021 г. увеличится до 15,5 млн (113,5 %). Иное дело — численность учителей. За эти же периоды времени их было в 2010 г. чуть более 1,3 млн (100 %), в 2016 г. — 1,2 млн (96 %), к 2021 г., по прогнозу, будет 1,3 млн (99,8 %). Не трудно обнаружить, что если за 10 лет численность школьников вырастет на 13,5 %, то количество педагогов сократится на 0,2 % (рассчитано нами по: [6, 42, 77]).

Считать рассмотренную выше ситуацию нормальной, что называется, «не поворачивается язык». Это тот случай нелинейной динамики образовательных общностей, которая имеет отрицательный вектор. Заметное снижение численности

учительства в стране «бьет» как по этой социально-профессиональной общности, так и по общности школьников. Существенное возрастание нагрузки на учителей имеет оборотную сторону — сокращение времени, которое они могут уделить учащимся. Аналогичная ситуация существует и в других видах образования, прежде всего профессионального.

Третье узловое понятие, необходимое для рассмотрения проблемы статьи, — это среда динамики образовательных общностей. Речь идет не о макросреде (общество) и не о микросреде (образовательные организации), а о том содержательном и пространственно-временном континууме, том хронотопе, который соединяет (или разъединяет) макро- и микросреду. Такой мезосредой является город. В нашем случае исследовательским полем выступает не просто город, а *мегаполис*. Среди всех типов городов он более всего подвержен нелинейным динамическим процессам, которые, так или иначе, влияют на содержание, характер, вектор изменений самых разных структур жизни мегаполиса [5].

Именно он становится ярко выраженным условием для проявления нелинейной динамики образовательных общностей. Как известно, мегаполис — это наиболее крупная форма организации городской жизни, образующаяся в результате слияния ряда соседних городских поселений. Он обладает в концентрированном виде не только комплексом всех «образовательных» проблем, но и возможностями и опытом их решения, потому что в нем сосредоточены такие возможности и ресурсы, которыми не обладает ни один другой тип поселения. Они характеризуются наличием конкретных механизмов, позволяющих успешно решать проблемы выхода из кризиса образовательных общностей в условиях социальной неопределенности.

Конкретным объектом нашего исследования являются образовательные общности г. Екатеринбурга. Этот город представляет собой типичный российский мегаполис, вместе с тем он обладает огромным опытом решения проблем образования. Это один из ведущих образовательных центров страны, в котором сосредоточено большое количество образовательных учреждений самых разных видов, уровней и форм. В нем получают допрофессиональное, профессиональное и послепрофессиональное образование несколько сотен тысяч учащихся, работают десятки тысяч педагогов. Развитие этих общностей обеспечивается соответствующей инфраструктурой, потенциалом науки, культуры и управления.

Как отмечалось выше, нелинейная динамика образовательных общностей подчеркивает социальную неопределенность их функционирования. Уральский мегаполис усиливает эту социальную неопределенность благодаря своей многоструктурности, многовекторности, чрезвычайной динамичности. Коль скоро образовательные городские общности отражают социальную неопределенность мегаполиса, они нуждаются в глубоком научном исследовании.

Сегодня мегаполисы, которые в своем большинстве развиваются чрезвычайно динамично, превращаются в относительно самостоятельные и самодостаточные субъекты экономического, финансового, социального, политического, культурно-образовательного, научного развития. Они представляют собой интереснейший объект изучения различных наук — экономики, урбанистики, политологии,

культурологии и др. Важная роль среди них принадлежит социологии. Она способна интегрировать знания этих наук о мегаполисе, придать им особое качество через изучение конкретных городских социальных общностей.

Прежде всего, социология рассматривает образовательные общности как ресурс развития мегаполиса, всех сфер его общественной жизни. Кроме того, эти общности трактуются как специфический объект городского управления, требующий учета во всех видах государственного и муниципального управления. И наконец, мегаполис представляется особым социокультурным пространством, в которое образовательные общности вписываются органично, как «градообразующие». Необходимость такого многоаспектного рассмотрения взаимосвязи мегаполиса и образовательных общностей, взаимосвязи, которая имеет место в условиях усиливающейся социальной неопределенности развития общества и образования в нем, актуализирует проблему нашего исследования.

Разработка концепции нелинейной динамики образовательных общностей в условиях социальной неопределенности базируется на использовании ряда методологических подходов [1, 2]. Среди них — общностный, деятельностный, системный, институциональный, темпоральный. Каждый из этих подходов опирается на ряд основных принципов.

Начнем с развернутой характеристики первого и, пожалуй, центрального подхода — *общностного*, учитывая, что предметом исследования являются образовательные общности.

Что мы понимаем под *образовательными общностями*? В самом общем виде это взаимосвязь (совокупность) людей, их групп и объединений, которая характеризуется доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обусловливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями.

Сами эти общности чрезвычайно дифференцированы. Одни из них учатся, другие учат, третьи помогают учиться, четвертые выполняют функции учебно-вспомогательного персонала. Образовательные общности мы рассматриваем как разновидность социальной общности. Следовательно, все основные признаки социальной общности могут в той или иной мере экстраполироваться или, что точнее, применяться к характеристике образовательных общностей. Отсюда следует трактовка общностного подхода как первого методологического подхода к исследованию образовательных общностей. Что он включает в себя?

Прежде всего, широкую характеристику социальной общности. В обобщающем варианте мы будем понимать под ней реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую и самостоятельную совокупность (взаимосвязь) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Социальные общности характеризуются рядом признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним

(идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов [3, 109–110].

Что целесообразно использовать из этого определения при рассмотрении динамики образовательных общностей? Во-первых, социокультурные основания выделения общностей. Именно они стали основой выделения рассматриваемой в статье разновидности социальной общности. Во-вторых, такие признаки социальной общности, как относительная целостность, идентификация и самоидентификация ее членов, выполнение ими функций самостоятельного субъекта социального действия, схожие условия жизни и деятельности, единое пространственно-временное поле бытия, обладание различными ресурсами и их использование. В-третьих, динамические изменения, характеризующие эти признаки сквозь призму темпоральных перемен.

Говоря об изучении динамики образовательных общностей, следует отметить, что общностный подход, рассматриваемый в качестве методологической основы такого исследования, несмотря на большой гносеологический потенциал, практически не реализуется в изучении проблем образования. Применение общностного подхода в изучении нелинейной динамики образовательных общностей мегаполиса позволит по-новому и более глубоко раскрыть процессы трансформации субъектов образовательной деятельности — через рассмотрение типичных для жителей мегаполиса моделей и стратегий их поведения, ценностного выбора, форм интеракции в сфере образования, и не только в ней.

Отсюда появляется еще одна возможность — изучения межсекторного взаимодействия основного, дополнительного образования и учреждений культуры в плане развития образовательных общностей в мегаполисе. В ходе предшествующих собственных исследований авторы пришли к выводу об особой роли городской системы дополнительного образования и культуры в развитии образовательного капитала городской молодежи и его дальнейшей трансформации в другие виды ее социальных ресурсов [4]. Но она нуждается в дополнительном теоретико-эмпирическом обосновании. Оно связано с поиском новых и уже имеющихся, но малоизученных внеобразовательных ресурсов и форм развития образовательных общностей. Авторы ставят задачу — исследовать влияние на динамику образовательных общностей различных форм их культурной, общественной деятельности, волонтерства, участия в работе некоммерческих организаций (НКО) и других структурах гражданского общества.

На динамику образовательных общностей мегаполиса, перспективы их развития и трансформации существенное влияние оказывает фактор социальной неопределенности и связанные с ним разновекторность, текучесть, вероятностность экономических, политических и социальных процессов. Научный подход к рассмотрению образовательных общностей мегаполиса сквозь призму концепции нелинейной динамики и социальной неопределенности соответствует современным тенденциям в развитии социологии и формирует качественно иной ракурс

видения проблем образования и его субъектов, по-новому показывает причины и характер происходящих с ними трансформаций.

Основными принципами общностного подхода, которые следует применять к анализу динамики образовательных общностей, являются:

— рассмотрение образовательных общностей в качестве главных субъектов образовательной деятельности;

— структурирование, типология и классификация образовательных общностей;

— выявление особенностей взаимодействия в сфере образования парных общностей: преподаватели — студенты, учителя — школьники, основные — дополнительные образовательные общности (административно-управленческая общность, родители);

— характеристика ресурсов (социальных, интеллектуальных, темпоральных и др.) образовательных общностей;

— анализ связей и взаимодействий образовательных и иных социальных общностей (в сферах семьи, производства, бизнеса, культуры, науки, управления и др.);

— трактовка вышеуказанных принципов в их динамике, изменении в рамках темпоральных перемен.

Второй методологический подход, который применяется нами к изучению динамики образовательных общностей, — *деятельностный*. Его суть сводится к трактовке особенностей форм и видов деятельности образовательных общностей, их образа жизни, к исследованию специфики именно общностной, а не индивидуально-личностной образовательной деятельности, к выявлению эмоциональных, когнитивных, мотивационных и поведенческих механизмов — под углом зрения динамических перемен, происходящих в условиях смены темпоральных характеристик на каждом этапе развития образования.

Основные принципы деятельностного подхода предполагают:

— обусловленность специфики образовательной общности ее образом жизни, содержанием и характером основного вида деятельности;

— рассмотрение динамики образовательной общности через изменение целей, форм, способов, результатов ее деятельности и взаимодействия с другими образовательными общностями;

— анализ специфики образовательной деятельности каждой общности, взятой в ее социальном контексте и подразумевающей выявление функциональных и статусно-ролевых характеристик;

— исследование и трактовку мотивационной, диспозиционной и поведенческой структуры деятельности и ее изменений;

— выявление связей деятельностного подхода с другими методологическими подходами к изучению образовательных общностей.

Третий методологический подход, направленный на исследование динамики образовательных общностей, — *системный*. Он означает их анализ в единстве, комплексности и целостности, в тесной взаимосвязи как между собой, так и с окружающей средой, включающей основные социально-экономические, политические,

культурные, этнические, демографические и иные условия и факторы общественной жизни, рассматриваемые в процессе динамических изменений.

Выделим основные принципы системного подхода, в том числе синергетического, применяемые к анализу динамики образовательных общностей:

— комплексный охват основных образовательных общностей мегаполиса: учащихся школ и образовательных организаций СПО, студентов вузов, учителей школ, преподавателей ссузов и вузов, а также взаимодействующих с ними общностей родителей, административно-управленческого персонала, представителей органов власти;

— комплексность качественных и количественных методов исследования динамики образовательных общностей;

— исследование образовательных общностей в координатах системы социокультурных, экономических, политических, демографических факторов, подверженных серьезным динамическим процессам трансформации;

— обусловленность динамики образовательной общности внутренними тенденциями ее развития и изменениями внешней социокультурной среды;

— учет пространственно-временного континуума образовательных общностей, влияющего на их функционирование и развитие;

— прогнозирование нелинейного развития образовательных общностей на основе сценарного метода, описывающего спектр стратегий их поведения и взаимодействия.

Четвертый методологический подход, применяемый к изучению динамики образовательных общностей, — *институциональный*. Его суть состоит в анализе влияния различных социальных институтов на происходящие с этими общностями изменения через систему механизмов, включающих в себя нормативно-правовые, организационные, финансово-экономические, социокультурные и иные. Применение институционального подхода означает выявление связей между отношением к образовательным общностям со стороны государства и реакцией на это отношение (влияние через указанные механизмы, регулирование деятельности самих общностей, контроль за их поведением) со стороны самих общностей.

Основные принципы институционального подхода к исследованию динамики образовательных общностей предполагают:

— рассмотрение образовательных общностей в системе социальных институтов образования, управления, города, семьи, вектор которых направлен на регулирование отношений и взаимодействий образовательных общностей;

— изучение динамики образовательных общностей сквозь призму изменений институциональных рамок их функционирования: экономических и материальных условий, социальных правил, норм, санкций, образовательной идеологии и т. д.;

— анализ рефлексии образовательных общностей на основные линии (векторы, направления) институционального воздействия сквозь призму нормативно-правовой, организационной, финансово-экономической и иной динамики;

— выявление социальной эффективности динамики образовательных общностей в результате институционального регулирования их положения и развития.

Наконец, пятый (последний по счету, но не по значению) методологический подход, применяемый к изучению образовательных общностей, — *темпоральный*. Его суть состоит в том, чтобы использовать в исследовании в полной мере фактор времени как определяющий динамические процессы образовательных общностей в темпоральных границах их изменений от линейности к нелинейности.

Выделяются следующие основные принципы темпорального подхода:

— необходимость учета фактора времени в развитии образовательных общностей, причем как «по вертикали», так и «по горизонтали». «Вертикальность» рассматривается как хронологический срез времени образовательной общности, средней и типичной единицей измерения которого выступают годы функционирования общности. «Горизонтальность» предполагает актуальный срез времени образовательной общности, выражающийся в более мелких единицах измерения (наиболее типичны недели, дни, часы); используемый метод изучения — бюджет времени;

— рассмотрение динамики образовательных общностей как категории временной, и тогда сама эта динамика превращается во *временную перспективу* образовательной общности. Эту перспективу мы характеризуем как прогнозируемый временной горизонт, который образуется благодаря неразрывному единству объективной и субъективной сторон восприятия и понимания прошлого и настоящего образовательной общности. Объективный аспект ее временной перспективы представляет собой прогноз и оценку состояния образовательной общности в количественных и качественных параметрах, которые фиксируют объективные показатели ее развития. Субъективный аспект предполагает видение и понимание представителями образовательной общности своего будущего места и роли в системе общественных отношений.

Каждый из названных выше и охарактеризованных пяти методологических подходов обладает важным исследовательским потенциалом и вполне может быть «конвертирован» в методологическую и методическую программу эмпирического исследования динамики образовательных общностей мегаполиса через систему операциональных понятий, а также показателей и индикаторов, их конкретизирующих. Реализация такой возможности — задача следующего этапа исследования нелинейной динамики образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности.

1. Амбарова П. А. Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2 (126). С. 103–110.

2. Зборовский Г. Е. Плюрализм методологических подходов как проблема научного исследования // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3. С. 6–15.

3. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009. 304 с.

4. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Амбарова П. А. и др. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности. Екатеринбург, 2014. 200 с.

5. Холлис Л. Города вам на пользу: Гений мегаполиса. М., 2015. 432 с.

6. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации: (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). М., 2015. 288 с.

Статья поступила в редакцию 30.03.2016 г.

УДК 316.47 + 37.014.53

П. А. Амбарова

АНОМАЛИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В МЕГАПОЛИСЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

Статья посвящена раскрытию понятия нелинейной динамики образовательных общностей как теоретической основы социологического изучения социальных аномалий развития образовательных общностей мегаполиса в условиях социальной неопределенности. Характеризуются два типа социальных процессов, отражающих нелинейную динамику образовательных общностей российского мегаполиса. Акцентируется внимание на неоднозначном влиянии управления системой российского образования на ее функционирование и развитие в условиях социальной турбулентности. Показано, что нивелирование значения образовательных общностей как субъективного фактора, оказывающего «сверхслабое» воздействие на систему образования, приводит к появлению образовательных симулякров, парадоксальной мотивации, образовательному манкуртизму и других аномальных явлений и процессов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нелинейная динамика образовательных общностей; социальные аномалии; социальная и экономическая неопределенность; вдруг-события; образовательные симулякры; образовательный манкуртизм.

Китайцы не случайно называли Россию «э го» — «государство неожиданно-стей», «затягивания и мгновенных перемен». Последнее выражение точно отражает ситуацию в системе современного российского образования. Она складывается, с одной стороны, из вялотекущих процессов и годами, иногда десятилетиями, «тлеющих» противоречий и проблем; с другой — из неожиданных *вдруг-событий*, круто и внезапно меняющих траекторию развития образовательных институтов, организаций, общностей. Такое парадоксальное сочетание различных по своей динамике процессов отражает ситуацию социальной неопределенности в системе российского образования и характеризует все его уровни и подсистемы, начиная с дошкольного и заканчивая высшим.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

АМБАРОВА Полина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: borges75@mail.ru).

© Амбарова П. А., 2016

В центре этой сложной ситуации оказались представители многообразных, притом массовых социальных общностей — учащихся и учителей школ, студентов и преподавателей колледжей, вузовского студенчества и научно-педагогического сообщества, родителей учащихся, управленцев, учебно-вспомогательного персонала образовательных организаций. Социальная и экономическая неопределенность развития российского общества, особенно ярко проявляющаяся в крупных городах, делает запутанным и противоречивым их сегодняшнее состояние и неясной — временную перспективу. Положение этих образовательных общностей усугубляется тем, что происходящие образовательные реформы мало учитывают их актуальные потребности, интересы, проблемы и, по сути, «подминают» под себя многие из них. Между тем, согласно синергетике, в условиях социальной турбулентности при выборе социальной системой новой модели и траектории развития повышается роль субъективного фактора и фактора сверхслабых воздействий. На наш взгляд, именно образовательные общности выполняют сегодня эту роль, следовательно, должны находиться в центре образовательной политики и в фокусе исследовательского внимания.

Целью данной статьи является рассмотрение понятия нелинейной динамики образовательных общностей мегаполиса и методологических оснований социологического изучения этого явления. Несмотря на большой массив данных о тех или иных аспектах жизнедеятельности образовательных общностей, имеющийся в современной социологии образования, в ней отсутствует концептуализация представлений об особенностях динамики их развития и появления у них новых качественных характеристик в условиях социальной и экономической неопределенности мегаполиса.

Ключевое понятие исследования — нелинейная динамика образовательных общностей — разрабатывалось автором на основе методологии анализа нелинейных систем. Перечислим основополагающие принципы этой методологии:

1. Социальная система (в нашем случае система образования) является самоорганизующейся системой. Ее развитие определяется тенденциями перехода от хаоса к новому порядку.

2. Связь социальной системы с внешней средой нелинейная и строится по принципу флексибильности и реакции на малые воздействия.

3. «Жесткое» управление социальной системой в условиях неопределенности неэффективно и вредно, поскольку не учитывает имманентных законов развития этой социальной системы.

4. В ходе самоорганизации социальной системы, выстраивания ею нового порядка огромную роль играет фактор времени. Система развивается по принципу своевременности. Его нарушение влечет деформацию социальной системы.

5. Траектории развития социальной системы в условиях неопределенности вариативны. Система сама выберет свой аттрактор (траекторию развития). При этом большое значение приобретает субъективный фактор. В системе образования роль субъективного фактора выполняют образовательные общности. От их мотивации, поведения, предпочтений и культуры во многом зависит развитие системы образования в описываемых условиях.

Нелинейная динамика образовательных общностей представляет собой совокупность процессов нелинейных изменений количественных и качественных характеристик образовательных общностей, усиливающихся в условиях социальной неопределенности. Нелинейные изменения образовательных общностей могут характеризоваться:

- 1) неожиданностью, означающей, что эти изменения *не вытекают* из предыдущих состояний образовательных общностей;
- 2) парадоксальностью — они не имеют логического объяснения, противоречат здравому смыслу;
- 3) латентностью — их причины и проявления нередко скрыты и не могут быть обнаружены в повседневности обыденным сознанием;
- 4) вероятностностью — неопределенностью момента их возникновения и траектории развития, что усложняет возможности их прогнозирования;
- 5) напряженностью — высокой скоростью и интенсивностью изменений;
- 6) «неправильностью» их темпоритма, что означает сочетание рекурсивности (неожиданных возвратов к прежним, более ранним состояниям) и форсирования развития, резкого скачкообразного движения.

Синергетическая методология позволяет также осуществить трактовку понятия *социальной и экономической неопределенности*, которое означает неравномерное ускорение экономических и социальных процессов, зачастую непредвиденный характер их развития, отсутствие устойчивости экономической и социальной систем, их фрагментарность, полиструктурность, «текучесть» (нестабильность структуры, функций, связей), виртуализации, асинхронности [4, 6]. Неопределенность различных общественных подсистем, в том числе образования, обуславливает неуравновешенность и непредсказуемость процессов перехода его в новое качество, высокую вероятность рассогласования траекторий его модернизации с процессами развития экономики, рынка труда, науки, культуры, социальной сферы и систем управления ими.

Нелинейная динамика образовательных общностей отражается в процессах двух типов: 1) изменениях, вызванных непредвиденными и парадоксальными последствиями явных, рациональных действий; 2) изменениях, связанных с *вдруг-событиями* (Ж. Делез) или появлением новых, ранее неизвестных свойств и состояний образовательных общностей, вызванных латентными причинами, не имеющими на первый взгляд рационального объяснения.

Первый тип процессов — это *неправильные* результаты *правильных* решений. Но при интерпретации этих процессов важно учитывать *кажимость их правильности и неправильности*. Например, при «правильном», т. е. осознанном и обоснованном, выборе профессии и соответствующего ей профиля обучения в вузе, при сохранении высокой мотивации к учебе и соблюдении всех формальных требований к поведению в вузе, студент *закономерно* должен на выходе из системы высшего образования включиться в профессиональную деятельность.

Линейная образовательная и профессиональная траектория означает закономерное движение студента по пути овладения профессиональными компетенциями к приобретению права и возможности их использовать для получения

заработка. Однако в условиях социальной неопределенности, когда закономерные связи между уровнями системы образования (школой и вузом), между системой высшего образования и рынком труда нарушены, линейные закономерности, которым подчинено поведение студента, не приводят к запланированному результату.

Парадоксально неверным оказывается выбор профессии и профиля подготовки, *парадоксально неправильным* оказывается выбор самого вуза, *странным и неожиданным* становится момент трудоустройства выпускника (если он вообще случается, а не оказывается отложенным на неопределенное время). Таким образом, в условиях социальной неопределенности *правильный выбор образовательной траектории* становится *неверным*, потому что не приводит к ожидаемому результату. Такая трансформация верного/неверного, правильного/неправильного выбора может произойти вследствие изменения интереса к той или иной профессии, появлению привлекательных открытых ниш на рынке труда, новых видов занятости, не требующих строго определенных профессиональных компетенций.

Второй тип процессов и явлений, характеризующих нелинейную динамику образовательных общностей, достаточно сложно идентифицировать. Примером вдруг-события можно считать стремительную, почти мгновенную дифференциацию образовательных учреждений после запуска национального проекта «Образование». Следствием этого проекта стало стремительное усиление неравенства среди образовательных организаций. Какие-то из них получили гранты, иную материально-финансовую поддержку, а какие-то остались без нее. Практически сразу между школами, вузами обострилась конкуренция. Безусловно, конкурентные отношения всегда существовали в сфере образования, однако они не носили такого выраженного характера и складывались естественным образом. Управленческие решения и действия искусственно стимулировали резкий скачок процессов дифференциации и отчуждения.

Примерно та же ситуация сложилась в системе высшего образования после запуска проекта «5–100», о чем мы скажем ниже, но уже в связи с анализом такого фактора нелинейной динамики, как ресурсная ограниченность. Здесь же отметим, что эффект этого управленческого решения был точно такой же: государственная поддержка, прежде всего финансовая, нескольких сильных вузов повлекла за собой резкие разрывы между вузами страны, разрушив единое образовательное пространство финансовыми противоречиями, обострением жестких конкурентных отношений, открытой завистью и другими деструктивными для системы высшего образования явлениями. Процессы разворачивались настолько стремительно, что мы можем с полным правом отнести их к сжатым во времени вдруг-событиям.

Оба типа нелинейных процессов наблюдаются в жизнедеятельности образовательных общностей, локализованных в мегаполисе. Для них характерны следующие признаки нелинейности:

1. Процессы развития и изменений образовательных общностей мегаполиса *не являются* уменьшенной копией всероссийских (нет повторения их конфигурации) либо они являются их деформированной копией. Это означает *уникальность* изменений, происходящих с образовательными общностями в том или ином мегаполисе.

2. Нарушение *принципа пропорциональности результата усилиям*. Это означает, что субъективное и объективное сопоставление различных видов инвестиций в образование, образовательные общности и отдачи от этих инвестиций показывает их непропорциональность.

3. Расхождение динамики процессов развития системы образования и экономических процессов. Это проявляется в том, что до экономического провала 2014–2015 гг. на фоне относительного экономического благополучия в стране наблюдалось усиление деградации системы образования. В логике линейного развития — чем богаче общество, чем выше уровень благосостояния населения, тем больше должны быть инвестиции в образование и, соответственно, отдача от них в виде роста качественных показателей. В логике нелинейной динамики прямой корреляции объема финансирования и качественных изменений в образовании не существует [5]. Здесь нужно иметь в виду, что сроки отдачи от инвестиций в образование составляют как минимум 15–20 лет. Отсутствие очевидных корреляций, видимо, связано с отложенным во времени эффектом. В связи с этим деградация системы образования может наблюдаться, если: а) инвестиций было недостаточно; б) инвестирование осуществлялось нерегулярно; в) инвестирование рассматривается в краткосрочной перспективе.

Нелинейная динамика образовательных общностей порождает ряд последствий, названных С. А. Кравченко парадоксальными разрывами и синтезами [7]. По сути, они являются результатами адаптации образовательных общностей к нелинейным процессам, происходящим как внутри самих этих общностей, так и во внешней среде — мегаполисе. Образ таких нелинейных процессов представлен в книге М. Павича «Хазарский словарь», в которой один герой «в понедельник вечером мог вместо следующего дня недели взять из будущего какой-то другой и использовать его назавтра вместо вторника. А дойдя до использованного дня, он употреблял на его месте вторник, через который в свое время перескочил, — таким образом, баланс был восстановлен. Правда, в таких случаях швы между днями получались не совсем гладкими, возникали трещины во времени...» [9, 46].

Парадоксальные разрывы и синтезы — это и есть *не совсем гладкие швы и трещины*. Парадоксальные разрывы и синтезы, возникающие вследствие нелинейной динамики образовательных общностей, означают *социальные аномалии социальной структуры, образа жизни, «социальной ткани» жизнедеятельности и взаимодействий образовательной общности, возникающие в ходе привыкания и приспособления ее к неправильному течению жизни, хаотическим изменениям и их непредсказуемым последствиям*.

На теоретическом уровне они хорошо просматриваются и могут быть описаны языком теоретической социологии. Проблема заключается в необходимости разработки методики эмпирического исследования — методики, у которой нет прямых аналогов, но которая необходима для замера этих парадоксальных разрывов и синтезов, швов и трещин в поведении и жизнедеятельности, образе жизни и сознании образовательных общностей.

Нелинейная динамика образовательных общностей порождает ряд аномалий в их развитии. Одна из таких аномалий — *образовательный манкуртизм*. Он

означает потерю информации о прошлом образовательной системы (согласно синергетике, в хаотическом процессе детерминированный хаос заглушает исходную информацию). Система образования и образовательные общности в хаотических интенсивных процессах теряют информацию о собственной истории, традициях. Причем первоначально «область забвения» может быть узкой, но постепенно она все более расширяется. В перспективе — потеря истории российской системы образования.

Другое аномальное явление — *потеря целостности, или «эффект пекаря»*. Процесс потери истории в образовательных общностях может сопровождаться «эффектом пекаря», или *разнослойностью*, когда элементы общности (ее отдельные индивиды, слои, подгруппы) сначала расходятся в своих путях и траекториях развития, а когда снова сближаются, оказываются на разных полюсах или в разных структурах, т. е. теряют свое единство и подобие. «Эффект пекаря» очень точно отражают слова З. Баумана: «Что было разрезано на части, то не может быть снова склеено вместе. Оставь надежду на цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текущей современности» [3, 29].

Еще одно интересное для исследования, но деструктивное для практики образования явление — *образовательные симулякры*. Их сущность заключается в *имитации* форм и функций образовательной, научной и управленческой деятельности в образовательных учреждениях. Впервые проблему образовательных симулякров в российском образовании обозначили Ю. В. Латов и Г. А. Ключарёв [8]. Они проанализировали симуляцию обучения в некоторых российских вузах и феномен «торговли» дипломами о высшем образовании, а также диссертациями. Эти авторы считают, что данное явление в той или иной степени наблюдается во всем мире. Но особенно оно характерно для стран догоняющего развития. В нашем исследовании мы не рассматриваем названное явление хотя бы потому, что этот симулякр уже «открыт», и с ним ведется борьба как официальными органами власти, так и общественными организациями. Поскольку предпосылки появления образовательных симулякров объективно «созрели», сегодня появляются все новые и новые их виды. Среди них — симулякры законодательного творчества в сфере образования, реализация сетевых форм образовательной деятельности (в том числе академическая мобильность), аспирантура как третья ступень высшего образования, дистанционное образование и др.

Опасность образовательных симулякров заключается в том, что нередко они являются не дублирующими, а основными структурами образовательной деятельности. Они просто замещают традиционные структуры, которые по тем или иным причинам исчезают. В большинстве случаев их исчезновение является результатом управленческих решений, принимаемых Министерством образования и науки Российской Федерации. Сокращение финансирования образования и его институциональная трансформация происходят в ускоренном режиме, при отсутствии серьезно продуманной стратегии реформы образования и расчета рисков. В результате этих процессов возникают и раздуваются как мыльный пузырь образовательные симулякры.

Появление симулякров зачастую вызвано ресурсной ограниченностью и искусственной конкуренцией среди образовательных организаций различных уровней. Именно в этих условиях появляется и усиливается, по мнению С. А. Кравченко, нелинейность социальных процессов [7]. В случае ресурсной ограниченности система ищет компенсацию за счет одновременного использования сразу нескольких ресурсов или использует способ конвертации одного ресурса в другой. Так, например, время является одним из ограниченных ресурсов, и эта темпоральная ограниченность приводит к нелинейности.

Для подсистемы управления сферой образования на всех этапах ее реформирования самым дефицитным, ограниченным ресурсом было время: мегарегулятор (президент) и макрорегулятор (Минобрнауки) всегда ставили и ставят задачи аврально, неожиданно, вдруг и для их решения всегда устанавливают минимальные сроки. Форсирование развития системы образования в условиях ограниченного временного ресурса (ограничения временных рамок реализации указов президента, подготовки нормативных документов, достижения целевых показателей и т. д.) привело к тому, что образовательные общности начали искажать траекторию своего развития, порождать в своей жизнедеятельности «неожиданные» симулякры.

Нелинейная динамика образовательных общностей порождает еще один деструктивный процесс в системе российского образования — *рост ее неуправляемости и возникновение рисков*. Конкуренция — важнейший фактор, порождающий и стимулирующий этот процесс. Конкуренция тесно связана с ресурсной ограниченностью. Образовательные общности (локализованные в различных образовательных учреждениях) постоянно находятся между собой в конкурентной борьбе за дефицитные или лучшие ресурсы, не только финансы и материальные ресурсы, но и человеческий капитал — лучших преподавателей и студентов, иногда — лучших руководителей. В условиях усиливающейся социальной неопределенности конкурентная борьба приобретает гипертрофированный характер, который стимулирует те или иные нелинейные процессы, образующие нелинейную динамику образовательных общностей. Отрегулировать нелинейные процессы, порожденные конкуренцией, удается не всегда или для этого необходимо прилагать огромные усилия, эффект от которых только в ряде случаев достигает запланированных показателей. Приведем несколько примеров.

В 2014–2016 гг. органы управления образованием г. Екатеринбурга попытались отрегулировать хаотичные процессы распределения первоклассников по школам города. Попытка введения регулирования через запись детей в первый класс (для того чтобы снизить уровень конкуренции между школами города) привела к обратному эффекту: резко возросла конкуренция внутри общности будущих первоклассников и их родителей, она вылилась в плохо управляемые конфликты и теневые практики добровольных оргвзносов и покупки прописки, завуалированной практики получения места в школе посредством оплаты дополнительных образовательных услуг (обучение в школах развития).

Весьма показателен другой пример — разработка и реализация программы повышения конкурентоспособности российских вузов «5–100», которая также

подхлестнула конкурентную гонку среди них. Причем усиление конкуренции, по-видимому, было одной из целей спроектированной авторами концепции.

Достаточно привести слова заместителя министра образования и науки России А. Повалко по поводу описываемого нами фактора: «*Мы будем ужесточать конкуренцию* (курсив наш. — П. А.), но только чтобы поддержать такое веселое и добродушное взаимодействие между университетами, — пошутил федеральный чиновник. — То, что сделано университетами за последние три года, достойно тиражирования! Причем внедрение этих моделей роста *не всегда требует больших финансовых вложений*. Все университеты — участники проекта показали существенный прирост по качеству абитуриентов и научно-исследовательской деятельности» [6].

Усиление конкурентных позиций, напротив, всегда требует больших финансовых вложений. То, что проект обеспечивается небольшими инвестициями, похоже на ситуацию с госзакупками — побеждает тот, кто обещает сделать больше за меньшую стоимость. Такая ситуация порождает огромное количество рисков невыполнения проекта, а для нас служит доказательством искусственности повышения уровня конкурентной борьбы в условиях финансовой ограниченности.

На наш взгляд, такое искусственное стимулирование конкуренции запускает хаотичные процессы с поисками средств достижения рейтинговых показателей. Эти процессы и порождают очень много симулякров (привлечение иностранных студентов, преподавателей, объемов финансирования, библиометрических индексов и пр.). В качестве незапланированного эффекта такого процесса мы наблюдаем усиление неравенства между вузами, дискриминацию в отношениях между образовательными общностями.

Самым опасным последствием управленческих действий в условиях социальной и экономической неопределенности, направленным на сглаживание нелинейной динамики образования и образовательных общностей, является трансформация *образования из общественного блага в коммерческую услугу*.

Один из результатов реформирования российского образования — его коммерциализация. Данный процесс поддерживался с двух сторон. С одной стороны, начиная с 1990-х гг. государство частично отказывалось финансировать определенные сферы образования (в меньшей степени — общее среднее, в большей степени — среднее профессиональное и высшее), что повлекло за собой поиск различных моделей коммерциализации образования (различных для средней школы, ссузов, вузов). Формирование этих моделей шло стихийно в условиях сохранения достаточно жестких нормативно-правовых ограничений и отсутствия сигналов со стороны реальной экономики, которая на тот момент была разрушена и не могла сформулировать свой запрос-сигнал [2, 61].

В 2000-е гг., когда произошло «возвращение» государства в образование (т. е. в образовании усилилась регулирующая деятельность государства), коммерциализация образовательной деятельности продолжалась и усиливалась уже целенаправленно. Система образования к этому моменту уже научилась работать как коммерческий проект, позволяющий, по крайней мере, обеспечивать свое существование. Этой ситуацией нельзя было не воспользоваться государственной

бюрократии, занятой поисками дополнительных источников дохода. В это же время образование стало рассматриваться как инструмент решения политических задач, в том числе приоритетной — вступление в ВТО, что закрепило кардинальные изменения государственной идеологии образования, в которой главным, определяющим стало понятие коммерческой услуги. Реальными признаками этой идеологии можно считать введение коммерческих механизмов финансовых расчетов в сфере образования. Так, для расчета вознаграждения за предоставление образовательной услуги вводится коммерческий механизм эффективного контракта (во всех образовательных учреждениях). Объем финансирования образовательных организаций также рассчитывается с использованием коммерческих схем (подушевая оплата, позиция в рейтинге и пр.).

Поскольку нас интересуют, прежде всего, образовательные общности, мы должны посмотреть, как в их сознании отразились эти изменения. Наш опыт показывает, что часть представителей этих общностей действительно глубоко восприняла эту рыночную идеологию. Она осознает образование как услугу со всеми вытекающими отсюда рыночными последствиями (позитивными и негативными). Для другой части образовательных общностей по-прежнему актуально понимание образования как общественного блага, безусловно, имеющего свою рыночную цену, но стоимость которого не исчерпывается ею. Мы также предполагаем, что определенная часть образовательных общностей имеет *кентаврическое сознание*, в котором эти две противоположные идеологические установки смешиваются.

Пожалуй, самым наблюдаемым и хорошо фиксируемым даже на уровне обычного сознания следствием нелинейной динамики образовательных общностей является *парадоксальная мотивация*. Образовательная деятельность вообще основана на специфичной мотивации. Прежде всего, необходимо сказать о тех, кто учится (школьниках и студентах). Образование возможно только при наличии мотивации к соучастию в образовательной деятельности. В некоторых других сферах получатель общественного блага (а тем более получатель услуги) пассивен — он не прикладывает (и не должен этого делать) усилий для его создания. Образование не укладывается в схемы предоставления коммерческой услуги, поскольку требует от ее получателя соучастия, трудового вклада, усилий.

Коммерциализация образования была осуществлена без сохранения этого важного компонента образовательной деятельности, что и стало «бомбой замедленного действия»: стремительно сформировалась в широких слоях образовательных общностей *аномальная мотивация к получению образования — получить образование без труда, без усилий; поступить в престижный вуз, но не для получения знаний*.

Об аномальной инверсии исходных учебных установок и мотивации к образованию свидетельствуют многие исследования. Но в этих исследованиях не рассматриваются глубинные причины этого явления, которые мы связываем с нелинейностью развития образовательных общностей и попыткой жесткого управления их развитием в условиях социальной неопределенности.

Четко прослеживается еще одно проявление парадоксальной мотивации (характерное, прежде всего, для среднего и высшего профессионального

образования) — *мотивация на обучение по профилю, по которому в дальнейшем человек не планирует работать*. В линейной парадигме получение профессионального образования закономерно необходимо для того, чтобы человек имел возможность и право работать по выбранной профессии. В нелинейной ситуации такая линейная связь во многих случаях отсутствует. В этом случае можно фиксировать функциональную амбивалентность, т. е. положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, это потеря инвестиционных ресурсов (для государства, родителей, самих обучающихся), с другой — возможность выстроить индивидуальную жизненную и профессиональную траекторию с множеством потенциально возможных выборов.

Малоисследованной проблемой является парадоксальная мотивация преподавателей, возникающая в нелинейном хаотичном образовании. Она нередко порождает «гремучую смесь» альтруизма и коммерческого расчета и находит выражение в феномене репетиторства — институте-компенсаторе дисфункциональности образования. Если учитель становится репетитором своих же учеников, значит, он не выполнил профессиональные функции. В эмпирическом исследовании необходимо изучить особенности такой парадоксальной мотивации в различных образовательных общностях и ее амбивалентную функциональность — для выработки решений, минимизирующих риски и потери при массовой реализации такой мотивации.

Исходя из выше сказанного, задачи нашего исследования нелинейной динамики образовательных общностей можно конкретизировать следующим образом:

1. Идентифицировать нелинейные социальные процессы, происходящие в образовательных общностях мегаполиса. Спецификой нелинейных процессов является то, что нередко с первого взгляда их трудно отличить от линейных. Для этого необходимо сформировать ряд признаков, достоверно указывающих на нелинейный характер динамики образовательных общностей.

2. Изучить восприятие представителями образовательных общностей высокой скорости изменений в сфере образования и их способность успешно и быстро адаптироваться к ней. Исследовать восприятие ими рваных ритмов современной реформы российского образования (*аритмию образования* [1]).

3. Выявить качественные (кардинальные, парадоксальные) отличия различных поколений образовательных общностей — в их ценностных ориентациях, образе жизни и т. д. («эффект пекаря»). Определить парадоксальное сочетание антагонистических ценностей в сознании различных образовательных общностей (например: познавательные и прагматические, стремление поступить в вуз и не учиться в нем; ориентация на профессию при выборе вуза и слабое желание реализовать ее в будущем и др.).

4. Изучить феномен прерывания преемственности в синхронном и диахронном аспектах. Синхронный аспект подразумевает выявление проблем взаимосвязи и преемственности между различными уровнями образования. Диахронный аспект подразумевает выявление степени исторической преемственности внутри образовательных общностей.

5. Выявить возможные *парадоксальные дисхронозы* в образовательных практиках: сочетание старого, отжившего и нового, инновационного; сочетание

старой и новой системы знания; новые технологии и старое содержание образования.

6. Обнаружить образовательные симулякры и «китчи» (дешевые подделки «под образование»). Исследовать «разрывы» в образовании вследствие его *детрадиционализации* (например, коммерциализацию образовательных традиций, при которой происходит формальное сохранение традиций, но разрушается их роль как социального регулятора).

7. Исследовать степень *резонансности управления* системой российского образования, т. е. его соответствия внутренней логике развития образовательных общностей. Данная задача связана с нашей гипотезой о том, что бюрократизация управления сферой образования напрочь разрушила его рефлексивность и породила еще одну аномалию, когда управление стало жить своей жизнью, а реальное образование и образовательные общности — своей.

8. Определить растущие риски для образовательных общностей в ситуации постоянного выбора, детерминированной нелинейностью развития системы образования и российского общества в целом. При этом мы опираемся на положение о том, что выбор всегда связан с конкуренцией идей и требует от представителей образовательных общностей больших затрат жизненной энергии. Он сопряжен с целым спектром социальных эмоций, прежде всего, страхом перед принятием решения и вытекающей из него ответственностью.

9. Определить влияние мегаполиса на динамику образовательных общностей, локализованных в нем, и усиление ее нелинейности. В качестве основных факторов городской среды, определяющих нелинейную динамику образовательных общностей, необходимо рассмотреть многоструктурность мегаполиса, многовекторность и чрезвычайную динамичность его развития.

Таковы, на наш взгляд, перспективные задачи эмпирического исследования нелинейной динамики образовательных общностей мегаполиса в условиях социальной неопределенности. Их формулирование опирается не только на понимание ключевых проблем основных субъектов образования, но и на необходимость поиска позитивных следствий их нелинейного развития. Обозначенные в данной статье социальные аномалии в сфере образования имеют универсальный характер, т. е. возникают во всех подсистемах и на всех уровнях российского образования. Зачастую их появление — это цепная реакция, которую трудно, но необходимо остановить. Возможно, такие образовательные аномалии — это способ поиска системой образования своей новой траектории, новых ресурсов, новых целей. В этом случае для образовательных общностей включенность в эти аномальные практики и процессы есть способ адаптации к ситуации высокой социальной неопределенности.

1. Балацкий Е. В. Синдром аритмии реформ в системе высшего образования // Журнал новой экономической ассоциации. 2014. № 4 (24). С. 111–140.

2. Балацкий Е. В. Как из высшего образования в России надули мыльный пузырь // Проблемы управления в социальных системах. 2014. Т. 7, № 11. С. 56–82.

3. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
4. *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Теоретические основания концепции динамики образовательных общностей в условиях социальной неопределенности // Социология образования. 2016. № 6. С. 5–17.
5. *Кокшаров В. А.* Оценка развития системы высшего образования в России // Экономика региона. 2014. № 4. С. 30–44.
6. Конкуренция в проекте «5–100» будет расти из года в год [Электронный ресурс]. URL: <http://kpfu.ru/news/seminar-proekta-5-100-172572.html> (дата обращения: 21.05.2016).
7. *Кравченко С. А.* Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестн. МГИМО-Университета. 2008. № 2. С. 66–77.
8. *Латов Ю. В., Ключарёв Г. А.* Неформальные «правила игры» в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 31–42.
9. *Павич М.* Хазарский словарь: Роман-лексикон в 100 000 слов. Мужская версия. СПб., 2005.

Статья поступила в редакцию 11.08.2016 г.

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

УДК 316.612-053.6 + 316.334.56

В. Н. Ярская-Смирнова
А. А. Калайджян

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

В статье представлена авторская трактовка социального времени молодежи российского провинциального города. Цель статьи заключается в рассмотрении темпоральности этой социальной группы в разрезе проблем молодежной политики, инклюзии и социальной сплоченности. Реализован важный принцип исследования социального времени — учет его субъектности, т. е. зависимости от системы временных координат молодежи как социальной группы. Показаны особенности темпорального измерения социальных взаимодействий молодежи и старшего поколения в условиях провинциального города.

Ключевые слова: социальное время; молодежь; инклюзия; поколение; город; сплоченность; молодежная политика; благополучие.

Социальное время представляет собой многоуровневый атрибут социального бытия, раскрывающий значимые для людей исторические и повседневные события, индивидуальные биографические и групповые темпоральности и системы отсчета, альтернативные привычному для нас объективированному астрономическому темпорализму. Детерминизм, «прозрачность», монокультура и монологическое описание социального времени конструировали научную картину мира, основанную на представлениях классической механики Ньютона об абсолютном времени. В связи с этим организационными началами культуры техногенного типа, сложившейся в индустриальную эпоху, стали линейная темпоральность и централизация. Время этой эпохи бессубъектно, оно не содержит ничего социального и личного,

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Валентина Николаевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина (e-mail: jarskaja@mail.ru).

КАЛАЙДЖЯН Андраник Аршакович — аспирант кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина (e-mail: Fed-andranik@mail.ru).

© Ярская-Смирнова В. Н., Калайджян А. А., 2016

не задерживает в себе событий прошлого. Оно не накапливает индивидуальную и коллективную память и не нуждается в объединении ее составляющих. В эту эпоху возникает *парадокс настоящего* — единственно существующего модуса времени, когда прошлого уже нет, а будущее еще не пришло.

Современный темпорализм как научная методология характеризуется обилием парадигм и дефиниций, которые складываются под влиянием постмодернистского понимания нелинейного мира, моделирования социальных практик, обострения проблемы неравенства и солидарности. В современной отечественной науке контекст исследования социального времени определяется историей и политикой, включает проблемы дискриминации и инклюзии, прогресса и упадка, разобщенности и сплоченности. Темпорализм пронизывает многие направления социологических исследований, поскольку «игнорирование социального времени делает невозможным существование социологии» [13, 42–43].

Данная статья основана на результатах исследований, проведенных научной группой саратовских социологов¹ и посвященных проблемам инклюзии, молодежной политики и социальной сплоченности. Мы попытались включить концепт социального времени и темпоральности в дискурс изучения молодежи, основных принципов молодежной политики и феномена социальной сплоченности.

Важный момент в понимании социального времени — это чувство его *субъектности*, т. е. зависимости от системы временных координат индивида или социальной группы. Основой этого понимания становится трактовка социального времени как «изменения социального пространства в его динамике, ритмах, циклах, последовательностях состояний, фиксируемых нашим сознанием, памятью и измеряемых на базе выбранного эталона» [8, 13]. Мы исходим из того, что временные отрезки в жизни общества, отдельных групп и индивидов наделяются значением в зависимости от того, какие события происходили в их рамках [11, 116]. Мы также полагаем, что субъектность социального времени в конкретных культурно-исторических практиках делает возможным конструирование времени с помощью коллективной памяти «как внешних обрамляющих форм» [14, 43].

Социальное время в силу своей субъектной природы открывает нам достаточно «закрытые» чувства молодой когорты, существующей в условиях провинциального российского города. Это чувства антипатии, неприязни, отношение к инаковости — людям другой сексуальной ориентации, веры, представителям других стран и регионов, расы и национальности, бедным и богатым [9, 6–10]. Несовершенство этнокультурной, миграционной, социальной, молодежной политики отражается в социальном времени провинциальной молодежи. Эмоции, возникающие у нее по отношению к событиям современности, связаны с некоторой фрустрацией, чувством неопределенности, ощущением неявной угрозы

¹ В исследованиях применялись качественные и количественные подходы. В серии интервью в качестве экспертов выступили специалисты в области молодежной политики, образования, руководители общественных объединений, государственные деятели и журналисты. Анкетные опросы молодежи в возрасте от 18 до 30 лет проводились в г. Саратове и выборочных регионах ($N = 600$). Для обработки количественных данных были использованы процедуры дескриптивного и корреляционного анализа. Обработка данных производилась с помощью программы SPSS. Последний этап эмпирического исследования осуществлялся методом онлайн-фокус-групп.

и преимущественно тревожным и пессимистичным отношением к окружающему. Среди эмоциональных характеристик молодежи, вызванных современными процессами и событиями, наиболее очевидны недоумение, огорчение и ирония.

Молодое поколение среднего провинциального города ощущает яркую *динамику и субъектность социального времени*. Время перестает быть стабильным и равномерным. Внимание молодежи привлекают сетевые коммуникации с их особым временем, связанным с виртуализацией, гибким графиком трудовой деятельности, скоростью перемещения капитала. Молодое поколение остро ощущает, что социальное время сжимается как пружина: быстрее достигаются результаты, завершаются масштабные проекты и т. д. [7, 61–64].

Темпоральности отдельных индивидов, социальных групп и общностей детерминированы характером прогнозирования их будущего, особенностями используемых ими сценариев поведения, стремлением контролировать свою собственную деятельность и деятельность других людей. Различные темпоральные противоречия и дисхронозы внутри социальных групп и общностей заставляют формировать целый спектр темпоральных стратегий [2, 61–71]. Кроме того, социальное время в сопряжении с инклюзивной культурой становится важным элементом *социального управления обществом*.

Мы исходим из того факта, что разным поколениям внутри одного сообщества присущи различия в представлениях о времени. Это касается и молодежи, в жизни которой социальное время играет особую, направляющую роль. Понимание молодежи как социально-демографической группы, имеющей специфические возрастные характеристики, социальное положение и социально-психологические свойства, дополняется представлениями о ней как носителе особого социального времени. Именно социальное время молодежи становится значимым ресурсом активизации ее деятельности при условии эффективной молодежной политики.

Молодежь в целом оценивает свое положение как благополучное, но условия жизни расцениваются ею неоднозначно, как многофакторный конструкт. Отсутствие эффективной экономической политики, социальных гарантий, молодежная безработица, низкий уровень дохода сопровождаются сокращением численности молодежи на фоне постарения общества, обострением проблем в сферах образования и здравоохранения, процессами криминализации, алкоголизации и распространения наркомании. И хотя молодежь, будучи одной из наиболее амбициозных социальных групп, стремится проявить свои знания и навыки, добиться положения в обществе, властные структуры не могут ее поддержать эффективным решением актуальных проблем молодежного сообщества.

Представители старших поколений способны прогнозировать будущее общества, предвидеть его трансформации [5]. Возможно, молодежь в меньшей степени способна к такому предвидению, однако она является «одним из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность» [5, 440–443]. Этот ресурс можно и нужно активизировать, чтобы достичь общественного благополучия. Кроме того, активность молодежи, особенно городской, может привести к позитивным изменениям социального порядка, как это не раз бывало в истории.

Молодое поколение может реализовать свои ресурсы и возможности в процессе трансформации общества только в том случае, если государство обеспечивает необходимые условия для его развития в качестве субъекта своей жизни. Многие представители молодежной когорты сегодня не могут в полной мере реализовать свой потенциал либо выстроить эффективные индивидуальные жизненные стратегии в силу существования того общественного уклада, в котором доминируют знания и мнения представителей старшего поколения. Развитие в подобном статичном социуме протекает в медленном темпе, в формате повторения, воспроизводства ценностей предшествующих поколений.

Наше исследование показывает, что большинство молодежи в настоящий момент *не рассматривает себя в качестве активного субъекта изменений*, способного повлиять на политические, экономические, социальные, культурные процессы и события. 73 % респондентов не чувствуют личную ответственность за происходящее в стране [9]. Подобная позиция, которая может быть названа «эффектом Питера Пэна», объясняется тем, что современные институты социализации способствуют инфантилизации определенной части молодого поколения, поддерживают ее нежелание взрослеть, принимать на себя ответственность за собственные действия.

Мы должны констатировать, что социальное время постоянно увеличивает свой бег и теряет свойства линейности [12, 66–71]. Показатели неравномерности времени — ускорение и замедление — выступают составной частью социального развития общества и социальных групп в последние десятилетия. Помимо расширения внутренней свободы социальных групп и индивидов происходит актуализация процессов мобильности как феномена внешней свободы передвижения, как высшей ценности в глобализирующемся мире, как инструмента и критерия динамичности и успеха.

На индивидуальном и групповом уровнях многие социальные акторы ощущают неспособность воздействовать на свое будущее и контролировать его. Однако молодые люди в большей степени способны принимать вызовы своего времени, они успевают сделать как можно больше в сжатые сроки. А вот представители старшего поколения ориентированы на прошлое [3, 51], и с возрастом им все тяжелее и тяжелее перестраивать свое сознание и поведение в соответствии с требованиями мобильности и быстро меняющимися условиями жизни. Следовательно, в динамичном обществе значимость молодого поколения возрастает.

Заметим, что роль молодого поколения напрямую связана с типом темпоральности социума. На него, в свою очередь, влияет политика репрезентаций, создаваемых экономическими, законодательными, корпоративными и гражданскими акторами. Некоторые исследователи и практики в конструировании темпорального измерения социального управления сегодня отходят от традиционных моделей социального времени, которые строились на основе теории систем, объективистских марксистского и ньютоновского подходов. Они указывают, что в особенностях темпоральных стратегий поведения конкретных общностей кроются предпосылки перехода к мягкой парадигме управления, а само социальное время становится важнейшим видом капитала и ресурсом социального управления [1].

Характерные особенности социального времени молодежной страты раскрываются в тезаурусной концепции молодежи [4, 13], где также указываются отличительные черты и функции данной социальной группы. Согласно этой концепции, восприятие социального времени представителями молодежи зависит от различных факторов: места жительства (крупный город или село, столица или провинция), профессиональной принадлежности, возраста.

Наше исследование социального времени молодежи включало в себя поколенческий анализ. Мы выделили два «субпоколения» молодежи, рожденной в период с 1982 по 1998 г. и разделенной границей 1991 г. [16]. Описывая характерные черты первого субпоколения (1982–1991), респонденты назвали его предрасположенность к цинизму, приспособленчеству, пренебрежительное отношение к моральным ценностям. Тем, кто родился после 1991 г., приписывали менее выраженное равнодушие, но при этом предрасположенность к совершению необоснованных действий.

Можно представить более широкую градацию социального времени поколений, не связанную с границами города. Так, К. Е. Медведев выделяет три отрезка социального времени: 1) советское время как время «сильной веры»; 2) перестроечное время — эпоха, отличающаяся появлением субпоколения с присущими ему цинизмом и приспособленческими чертами; 3) постсоветский период, когда на первый план вышли чувства социальной аномии и отсутствия перспектив [6, 7752–7754].

Политическое измерение времени молодежи выступает одновременно как структурируемый и структурирующий социальный институт. Политическая темпоральность по-разному упорядочивает общественную структуру. В городской среде возникают конфликты темпоральности гегемонных социальных групп и временных ритмов различных уязвимых групп и меньшинств. Хроническое время используется доминирующими группами для формализации большинства человеческих действий и для механического их измерения. Эта тенденция усиливает власть администрации, поддерживает жесткие механизмы административного контроля, а также детального изучения поведения и социальных характеристик людей.

Время открывается нам в социальном взаимодействии не только как ресурс, но и как культурный код социальной жизни горожан. Мы замечаем, что место жительства определенным образом влияет на самоидентификацию молодых горожан, связывает их социальное пространство (образ территории, на которой они обитают) с их социальным временем. Сошлемся на мнение психологов о детерминированности одной из молодежных субкультур — субкультуры люберов — серостью архитектуры, улиц и быта провинциальной городской среды. Сегодня можно говорить о том, что в эпоху постмодернизма возможна деконструкция темпоральной монополии тоталитаризма посредством социальных сетей и формирования темпорального опыта индивидов, семей, организаций, общин и т. д.

Социальное время городской молодежи — ключевой параметр социального проекта нелинейного общества. Это социальный конструкт, воплощенный в практиках, событиях, жизненных случаях, входящий в конфликт с этакратизмом. Исследования бюджетов времени домохозяйств, а также темпоральных противоречий в структуре оплачиваемой и неоплачиваемой работы вскрывают гендерный

аспект политики времени и заставляют нас отвергать его навязанный распорядок. Дискурс гражданственности, свободы, рыночных институтов изменяет конфигурацию социального времени молодежи при переходе к информационному обществу, заставляя время служить социальным механизмом, ориентирующим молодежь на диалог, инклюзию, солидарность.

Качественное изменение социального времени молодежи связано с социальной сплоченностью как условием ее активности. Изменения в структуре социального времени, отраженные в сокращении рабочего дня и увеличении свободного времени молодых людей, расширяют их возможности. Такие изменения обеспечивают стремление молодежи позиционировать себя не только в профессиональной сфере, но и в других сферах социальной деятельности и активности, в которых наиболее ярко проявляется субъектность молодежи. К сожалению, те структуры, которые формируют государственную молодежную политику, с трудом воспринимают и учитывают трансформацию темпоральности [15, 8].

Сложно представить современный социум как исключительно линейный и однонаправленный. Напротив, развитие современного общества, а значит, и его социальное время, характеризуются прерывностью, разворотами и разрывами. В прогнозировании будущего молодого поколения и формировании условий его повседневной жизни важную роль играет город. Фактор благополучия городской среды, ее инфраструктуры и возможностей для самореализации позволяет молодежи планировать не просто повседневное время, но и время жизненное, переживаемое. Конструктивистский дискурс темпоральности демонстрирует субъектные аспекты социального времени в противовес той методологической позиции, которая подчеркивала его объективированные качества и характеристики. Широкий спектр альтернатив социальной деятельности в городском пространстве формирует у молодых желание включиться во все ее виды и, следовательно, подталкивает к высоким жизненным скоростям, стремлению успеть сделать как можно больше.

Презентация поколениями себя и сверстников означает их дислокацию в социальном времени и вызывает интерес с позиций исторической перспективы от прошлого к настоящему и будущему [10, 109–119]. В связи с этим интересно рассмотреть молодость как феномен, который имеет культурно-историческую и социальную природу и зависит от участия в формировании различных социальных молодежных «программ». Наше исследование показывает, что непонимание старшими поколениями молодежи и молодежной культуры конструирует *семантику социальной опасности*. Этот фактор также усиливает социальный контроль, сдерживание и стремление к нормализации и эффективной социализации в административной риторике [16].

Исследуя сложную систему социальных взаимодействий, в которые включена городская молодежь, можно говорить не просто о роли или особенностях ее социального времени. Имеет смысл ставить вопрос о *социальной эффективности времени*. Парадоксальным следствием ритуализации процессов взаимодействия оказывается именно эффективность времени, которое действительно даже в том случае, если ничего не происходит. Просто «время течет» и «время работает на...». Время ритуализированных взаимодействий, в которых участвует молодежь,

«приобретает» эффективность от состояния отношений, в которых оно проявляется. Такое понимание социального времени в контексте изучения молодежи означает глубинный, «проникающий» мониторинг ее социальной жизни, уже не воспринимаемой просто как фон, на котором разворачивается ее существование.

Наше исследование социального времени в контексте проблемы молодежной политики осуществлялось как анализ *со-времени*, т. е. совместного проживания одних и тех же событий, исторических периодов в рамках одного или нескольких поколений. Мы исходили из того, что социальное время влияет на жизнь молодых людей не только как ресурс, но и как сила, конструирующая социокультурный код, определяющий такие параметры ее жизни, как инклюзия и сплоченность. К сожалению, не всегда отчетливо видна возможность перехода от технократической доминанты социального времени к времени гражданского диалога и сплоченности поколений. Но в сознании молодых горожан присутствует надежда на возрождение идеи солидарности поколений на основе культурно-исторической памяти и гордости за свою родину.

1. Амбарова П. А. Социальное время в контексте современного социологического знания // Вестн. СурГПУ. 2015. № 2. С. 13–24.

2. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социол. исслед. 2015. № 5. С. 61–71.

3. Бабаян И. В. Социальное время: проблема и подходы // Изв. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Сер. : Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 47–51.

4. Луков Вал. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социол. исслед. 2012. № 1. С. 5–16.

5. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

6. Медведев К. Е. Социальное время и поколенческие черты современной российской молодежи [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV очередного Всерос. социол. конгр. М., 2012. С. 7752–7754.

7. Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопр. философии. 2012. № 9. С. 56–66.

8. Нестик Т. А. Социальное конструирование времени // Социол. исслед. 2003. № 8. С. 12–21.

9. Принципы инклюзивной культуры в работе с молодежью: сравнительный анализ молодежной политики Российской Федерации и Республики Беларусь. Саратов ; Москва, 2016.

10. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009.

11. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социол. исслед. 2004. № 6. С. 112–119.

12. Троицкий С. А. Ускорение времени // Философия старости: геронтософия : сб. материалов конф. Сер. : Symposium, вып. 24. СПб., 2002. С. 67–72.

13. Фомичёв П. Н. Современные социологические теории социального времени : науч.-аналит. обзор. М., 1993.

14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

15. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.

16. Ярская В. Н., Бабаян И. В. Культурные практики горожан (на примере Саратова) // Социальное развитие города: дизайн инноваций : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2013. С. 76–94.

Статья поступила в редакцию 30.09.2016 г.

УДК 314.74 + 316.74:39-053.6

И. Б. Бритвина
Г. А. Савчук
А. М. Бритвин
С. А. Жбанкова

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛИЭТНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ*

В статье анализируется роль этнической культуры как одного из факторов интеграции жителей полиэтнической территории. Этническая культура молодежи рассматривается на уровне повседневного поведения, мнений и взглядов молодых респондентов, на уровне их установок на интеграцию с мигрантами. Анализ осуществлен на основе результатов опроса молодежи в городах Нижневартовске и Екатеринбурге. Авторы утверждают, что в молодежной среде этническая культура не является доминирующим фактором среди факторов, определяющих наличие позитивных установок на интеграцию с приезжими. Здесь преобладают социальные факторы, которые в большей степени формируют установки на интеграцию с мигрантами.

Ключевые слова: этническая культура; внешние мигранты; принимающее общество; интеграция; интолерантность; стереотип; установка.

Последние десятилетия в мире фиксируется увеличение количества лиц, склонных к проявлению националистических настроений и экстремизму, и даже мелкие инциденты на этнической и религиозной почве провоцируют локальные конфликты. В такой ситуации изучение этнической культуры жителей полиэтнических регионов как фактора их интеграции/дезинтеграции приобретает большое значение. В условиях полиэтнического региона степень приверженности к этническим ценностям «своей» национальной группы может играть двоякую роль. С одной стороны, социальное разнообразие региона является залогом успешности его развития. Так, Джейн Джекобс на примере городов США установила положительную корреляцию между «процветанием» города и «городским разнообразием» [6]. Среди факторов, влияющих на городское разнообразие, Дж. Джекобс выделяет

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-33-00010.

БРИТВИНА Ирина Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: irina.britvina@urfu.ru). САВЧУК Галина Анатольевна — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: galina.savchuk@urfu.ru).

БРИТВИН Алексей Михайлович — магистрант Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: alexey.britvin@urfu.ru). ЖБАНКОВА Светлана Александровна — магистрант Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: l.zh2203@mail.ru).

© Бритвина И. Б., Савчук Г. А., Бритвин А. М., Жбанкова С. А., 2016

в городе наличие высокой концентрации разных по социальным характеристикам людей. По мнению отечественных авторов, позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности [9]. Но, с другой стороны, «сильная» культурно-этническая идентичность является барьером на пути интеграции мигрантов в новое сообщество, не способствует интеграции с коренным населением региона, приводит к возникновению так называемых «этнических кварталов». Особое значение в этом контексте занимает позиция молодежи как самой активной в коммуникативном и поведенческом отношении группы. Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, эффективность интеграции коренных и приезжих во многом зависит от стратегии аккультурации, которую выбирают мигранты: ассимиляция; интеграция; сегрегация (сепарация); маргинализация [4].

Стратегия аккультурации приезжих во многом связана с отношением к ним принимающего сообщества, так как мотивация на сближение зависит и от мотивации местных жителей на культурное принятие мигрантов. Таким образом, стратегии аккультурации являются составной частью моделей взаимoadaptации коренных и приезжих. В свою очередь, степень приверженности к нормам «своей» культуры является базой формирования мотивации на сближение как у принимающего сообщества, так и у внешних мигрантов. Опираясь на теорию самокатегоризации Дж. Тернера в рамках конструктивистского подхода (*self-categorization theory*) и используя результаты опросов в полиэтничных городах (Екатеринбург и Нижневартовск), авторы статьи характеризуют отношение принимающего сообщества к мигрантам и роль этнической культуры в интеграции коренных и приезжих с точки зрения местного населения.

Город Нижневартовск входит в состав Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) — одного из субъектов Российской Федерации, отличающегося этническим многообразием. В Нижневартовске проживают представители 111 национальностей: русские (63,6 %), татары (7,1 %), башкиры, белорусы, азербайджанцы, ханты (более 1 % каждой национальности) и др. Экономические и политические изменения на постсоветском пространстве способствовали притоку в город представителей кавказских и среднеазиатских этнических групп, наблюдается и приток украинцев. В ноябре 2015 г. авторы статьи опросили 205 молодых жителей г. Нижневартовска в возрасте от 14 до 29 лет. Тематика опроса в целом касалась оценки уровня межэтнической толерантности.

Екатеринбург — один из российских мегаполисов с населением более 1,5 млн человек. В Екатеринбурге русские пропорционально представлены в большей доле, чем в Нижневартовске (согласно статистическим данным, русское население Свердловской области составляет 85,7 %). В мае 2016 г. в Екатеринбурге было опрошено 485 респондентов, проживающих в городе не менее 5 лет. В состав респондентов вошли 230 горожан в возрасте 16–29 лет. Эта группа респондентов и была выбрана для сопоставления данных двух опросов.

Проблемам интолерантности молодежи и ее отношению к внешним мигрантам посвящен ряд работ российских авторов. Так, подробный обзор социальных проблем и настроений российской молодежи дан М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги [5]. Авторы на материалах исследования 2009 г. делают вывод, что подавляющее

большинство молодежи проявляет симпатию к различным этносам (72 %) и менее трети опрошенных (28 %) являются этнически «апатичными». В целом авторы, сравнивая данные 2009 г. с опросами 1990-х гг., приходят к выводу, что российской молодежи в меньшей степени присуща ксенофобия по сравнению с более старшими поколениями [5, 207–209]. Такие же результаты были зафиксированы в европейском социальном исследовании (проект ESS-Россия, 2006 г.). Мнение «можно позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения, переезжать жить в страну» встречалось у российской молодежи чаще, чем в других возрастных группах (78 % против 68 %). Л. М. Дробижева отмечает, что такая же тенденция была выявлена и в г. Екатеринбурге [7, 54]. Диагностика толерантности молодежи Екатеринбурга в 2015 г. позволяет утверждать, что большинство молодых людей положительно относятся к представителям других рас и национальностей, готовы признавать и принимать их культуру, но не допускают их присутствия в своем близком окружении [8]. Результаты опроса молодежи (2008 г.) в Центральном федеральном округе РФ ($N = 3000$) [3] свидетельствуют о том, что причины экстремизма и ксенофобии кроются в особенностях социального, социокультурного, политического статуса молодежи, которые отражаются на характере этнического сознания и поведения молодого поколения в сфере национальных отношений. Абсолютное большинство молодежи, по данным этого опроса, выступает за жесткое регулирование внешней миграции.

Проблемам этнической культуры молодежи также посвящен ряд работ. Так, например, Е. А. Ходжаева и Е. А. Шумилова изучали влияние религиозности молодежи Татарстана на интенсивность проявления ее этнической культуры [10], проблематика установок молодежи на интеграцию с другими этническими группами нашла отражение в работе, написанной на материалах исследований в Якутии [1].

В целом все работы делятся на две группы. В одной доказывается повышенная интолерантность молодежи к представителям других этносов, которая проистекает из возрастного эгоцентризма. В другой, напротив, речь идет о большей гибкости молодежи в силу неполного осознания проблем присутствия иноэтничных мигрантов или из-за апатичности к другим этногруппам.

Этническая культура

В условиях современного российского города этническая культура соединена с рядом других культурных ориентаций в сложную систему: она тесно переплетается с «массовой» и «городской» культурами, культурами отдельных городских сообществ. Доминирование в повседневной жизни связанных с ней поведенческих практик может служить индикатором преобладания той или иной культурной идентификации в сознании молодого человека. Поэтому важно проследить, насколько характерно проявление этнической культуры в молодежной среде, на следующих уровнях: 1) повседневного поведения; 2) мнений и взглядов; 3) установок. 90,3 % опрошенной молодежи в Екатеринбурге и 61,5 % в Нижневартовске назвали

себя русскими на основании самокатегоризации. Это примерно соответствует этническому составу указанных территориальных образований. Важно подчеркнуть, что большинство молодых людей в Екатеринбурге полностью или частично согласны с утверждением «я постоянно помню о своей национальности» (71,6%). Проанализируем, как эта самоидентификация отражается в повседневном поведении. Учитывая, что в Нижневартовске почти 40 % молодежи относят себя к нерусским этническим группам, целесообразно представить данные раздельно. По Екатеринбургу такой необходимости нет, так как подавляющее большинство считает себя русскими (табл. 1).

Таблица 1

**Национальные традиции, которые соблюдают молодые жители
Нижневартовска и Екатеринбурга, %***

Варианты ответа	Нижневартовск			Екатеринбург (в целом)
	в целом	русские	нерусские	
Отмечаю главные религиозные праздники	46,8	39,7	63,5	39,6
Умею готовить национальные блюда	38,0	31,7	50,8	35,2
Посещаю гуляния по случаю национальных праздников	29,3	26,2	36,5	31,7
Интересуюсь литературой на национальном языке	20,5	21,4	20,6	31,7
Регулярно бываю в храме, мечети	17,6	11,9	28,6	9,6
Стараюсь придерживаться национального стиля в одежде	4,9	3,2	6,3	4,8
Другое	2,0	1,6	3,2	1,3
Затрудняюсь ответить	24,9	29,4	15,9	29,1
Нет ответа	1,5	1,6	1,6	0,4

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Из представленных данных очевидно, что, несмотря на различия городов, проявление этнической культуры в поведенческих повседневных практиках у молодежи практически одинаково. Русская молодежь, которая реализует в своем поведении элементы этнической культуры, составляет около 40 %. Выражается это в первую очередь в традиции отмечать главные религиозные праздники, умении готовить национальные блюда и в участии в гуляниях по поводу национальных праздников. Среди различий можно назвать более высокий интерес к национальной литературе в Екатеринбурге, а также выделить более активное поведение в сфере, связанной с этнической культурой, у нерусской молодежи из Нижневартовска (особенно это очевидно в отношении религии). Для характеристики реализации этнической культуры в повседневном поведении молодежи важно

обратить внимание на тот факт, что почти треть молодежи, которая отнесла себя к русским, никак не проявляет этническую культуру в поведенческих практиках.

Следующий уровень проявления этнической культуры — это система мнений и взглядов. Большинство респондентов в обоих городах указывают, что с уважением относятся к русским национальным традициям, русской культуре и считают, что они должны занимать ведущее место в России (68,3 % в Нижневартовске и 72,6 % в Екатеринбурге). Если проанализировать данные по Нижневартовску отдельно, то такое распределение ответов характерно и для русской молодежи, и для молодежи из других этнических групп, но обращает на себя внимание, что среди представителей других этнических групп безразличное отношение к русской культуре усиливается, особенно это характерно для мужчин в возрасте 14–19 лет. Мнение об ущемленности интересов «своей» национальной группы, несмотря на разницу этнических характеристик респондентов, практически не отличается в двух городах, хотя в целом большинство не указывает на напряженность в этом отношении (табл. 2).

Таблица 2

Мнение об ущемленности интересов собственной национальной группы молодых жителей Нижневартовска и Екатеринбурга, %

Варианты ответа	Нижневартовск (все)	Екатеринбург (все)
Нет, не считаю, что ущемлены	59,5	64,8
Да, я так считаю	13,7	10,9
Затрудняюсь ответить	24,9	21,3
Нет ответа	2,0	3,0

Акцентуация на своей этнической принадлежности, националистические настроения — эти мнения и взгляды также формируются под воздействием этнической культуры, но связаны скорее с недостаточной социальной зрелостью, отсутствием понимания, что собственная этническая культура может успешно развиваться и во взаимодействии с другими культурами.

В целом примерно половина молодежи (в Екатеринбурге — около 50 %, в Нижневартовске — 40 %) отрицательно относится к националистическим организациям (табл. 3). Вместе с тем положительное отношение к националистическим организациям высказало 18,6 % респондентов в Нижневартовске, в Екатеринбурге — 4 %. Такая ситуация обусловлена тем фактом, что в составе респондентов из Нижневартовска представлена бóльшая доля молодежи 14–19 лет по сравнению с Екатеринбургом. Именно этот слой молодежи, как показал наш анализ, составляет группу риска в отношении межэтнической толерантности в Нижневартовске и является носителем экстремистских настроений в силу возраста и невысокого уровня образования. По данным опроса молодежи в пяти регионах Центрального федерального округа, именно эта возрастная группа имеет повышенный уровень экстремистских настроений [3, 75, 80].

Таблица 3

**Отношение к националистическим организациям со стороны молодых жителей
Нижевартовска и Екатеринбурга, %**

Варианты ответа	Нижевартовск	Екатеринбург
Положительно	9,8	1,8
Скорее положительно	8,8	2,2
Равнодушно	26,8	18,9
Скорее отрицательно	13,7	25,9
Отрицательно	26,3	24,1
Затрудняюсь ответить (не знаю)	13,7	27,2
Нет ответа	1,0	0,0

Третий уровень проявлений этнической культуры — это установки. В контексте данной статьи нам было интересно проанализировать установки в отношении возможной интеграции собственной этнической культуры с другими культурами. Полученные результаты косвенно свидетельствуют о недостаточности ориентации молодежи на интеграцию с другими национальными культурами.

Интеграция с мигрантами

Стремление к интеграции представителей различных этнических групп во многом связано с доброжелательными отношениями между ними, тогда как отсутствие установок на сближение свидетельствует об отрицательном отношении. Опрошенные молодые жители Нижевартовска проявили негативное отношение прежде всего к представителям Чечни, Ингушетии и Дагестана — 27,3 % («отрицательно» и «скорее отрицательно»); к представителям Средней Азии (киргизы, таджики, узбеки, казахи) — 22,9 %; к представителям Кавказа (грузины, азербайджанцы, армяне) — 21,5 %. Эти данные, с одной стороны, отражают настроения молодых россиян в целом [3, 79; 5, 207], а с другой стороны, показывают специфичность ситуации в городе, в котором исторически доля представленности русских является меньшей, чем по России в целом. И фактически к «коренному» населению (основателям города в XX в.) принадлежит значительная доля нерусских, которые также проявляют негативное отношение к приезжим. В целом три четверти молодых респондентов Нижевартовска определили свое отношение к приезжим из бывших республик СССР как равнодушное или негативное. И только четверть молодежи настроена позитивно, т. е. имеет установки на сближение с мигрантами.

О наличии установок на сближение свидетельствует и та социальная дистанция, которую молодые жители Нижевартовска устанавливают между собой и другими этническими группами. Точками наибольшего сближения на данной шкале считаются дружеские и брачные связи. Молодежь Нижевартовска устанавливает для себя довольно близкую социальную дистанцию с представителями других национальностей: так, 76,6 % респондентов ответили, что при выборе друзей никогда не придают значения их национальности. 20 % респондентов указали,

что предпочитают дружить с людьми своей национальности. 50,2 % респондентов допускают для себя возможным вступить в брак с представителем другой национальности (кроме того, 2,9 % уже состоит в таком браке), 26,8 % — исключают для себя такую возможность. Эти данные коррелируются с результатами общероссийских и региональных опросов молодежи России [3, 80–81; 5, 209]. Отметим, что к наибольшему сближению с представителями других национальностей готовы прежде всего представители молодежи 25–29 лет, а более молодые респонденты — в меньшей степени. Так, предпочитают иметь дружеские связи прежде всего с людьми своей национальности 33,8 % 14–19-летних и 6,6 % 25–29-летних.

В результате можно сделать вывод, что исторически сложившаяся полиэтничная ситуация в Нижневартовске, с одной стороны, способствует формированию устойчивых социальных привычек и установок на интеграцию с другими этносами, но, с другой стороны, содержит постоянный конфликтогенный фон, который не только объединяет местную молодежь против мигрантов, но и обостряет застарелые конфликты между давно живущими в городе этносами.

Ситуация в Екатеринбурге несколько иная. Город в первые десятилетия XXI в. из довольно моноэтничного превратился в полиэтничный, причем с доминированием среди приезжих представителей стран Центральной Азии, культурно чуждых в первую очередь молодым екатеринбуржцам, не имеющим «советского» опыта интеграции. Данные опроса показали, что в Екатеринбурге доля тех, кто отметил отсутствие неприязни к представителям других национальностей, по сравнению с Нижневартовском, существенно меньше (37,8 % и 50,2 % соответственно). Кроме того, лишь треть молодых екатеринбуржцев считают, что вполне привыкли к присутствию большого числа представителей титульных этносов стран Центральной Азии. Половина опрошенных привыкли лишь частично, а 17,4 % респондентов совершенно не могут привыкнуть к этому факту. Более половины молодых екатеринбуржцев (54,8 %) отрицательно относятся к тому, что город принимает таких мигрантов. 53,9 % опрошенных отмечают, что присутствие мигрантов — это проблема, которая обостряет другие городские проблемы.

Молодые екатеринбуржцы в перечне нежелательных этнических групп из стран Центральной Азии выделяют прежде всего таджиков и узбеков (8,3 % и 2,6 % соответственно). В перечне требований к мигрантам из этих стран молодежь Екатеринбурга на первые места и с большим отрывом выставляет соблюдение «наших» культурных норм и российских законов (по 67,4 %) и знание русского языка (66,5 %). Соответственно, более трети молодых людей Екатеринбурга считают мигрантов из стран Центральной Азии «чужими», несмотря на факт их проживания в России в течение нескольких лет. Только четверть опрошенных согласны считать мигрантов «своими». Такое культурное неприятие приезжих из этих стран имеет своим следствием тот факт, что подавляющее большинство опрошенных молодых людей не согласны менять свои культурные привычки ради безопасного сосуществования с мигрантами (75,7 %), т. е. их установка на интеграцию с приезжими имеет односторонний характер (за счет изменений самих мигрантов). Характер и интенсивность контактов с мигрантами из этих стран также не способствует интеграции. Более четверти молодых респондентов

из Екатеринбурга сами практически не контактируют с представителями этих этносов (26,4 %). Три четверти молодых людей контактируют с приезжими из стран Центральной Азии эпизодически и вынужденно.

Кроме этого причины нежелания интегрироваться с приезжими могут быть связаны с воздействием средств массовой информации, которые в первую очередь информируют екатеринбуржцев о негативных событиях в миграционном поле. Вследствие этого большинство представителей молодежи Екатеринбурга имеют в основном отрицательную информацию о мигрантах (59,6 %). Положительной информацией обладает только десятая часть респондентов. Факт такого влияния подтверждают и данные других исследований. Так, украинские ученые пишут, что наивысший показатель недружелюбного отношения к другим этносам (28,7 %) у молодежи сложился не на основании собственного опыта, а из сообщений в СМИ [2]. Об установках на интеграцию с мигрантами свидетельствует и стремление оказывать им помощь. Большинство молодых екатеринбуржцев пояснили, что не имеют возможности либо не считают нужным оказывать помощь приезжим из стран Центральной Азии (60,4 %). Треть респондентов указали, что готовы оказывать помощь в поиске нужной информации, а 17,4 % — в адаптации к новым условиям жизни, каждый десятый согласен помочь продуктами, одеждой, предметами быта. Реальную помощь мигрантам среди опрошенной молодежи уже оказывали 18,3 %, не оказывало такой помощи большинство респондентов (59,6 %).

Сравнительный анализ мнения молодых нижевартовцев и екатеринбуржцев показывает, что в целом результаты опроса в этих двух городах очень похожи. Однако бóльшая доля русских и цивилизационные характеристики Екатеринбурга обуславливают некоторые отличия в мнении респондентов. Степень приверженности к национальным традициям среди молодежи Екатеринбурга и Нижневартовска характеризуется как «средняя». Скорее всего, в молодежной среде доминируют другие виды культур: например, массовая культура. Нерусские представители молодежи проявляют более высокую степень приверженности к национальным традициям. Этническая культура в среде молодежи не является преобладающей в формировании ценностей, взглядов, мнений и установок. В соответствии с нашими предположениями о роли «сильной» этнической идентичности в отношении к мигрантам и в стремлении к интеграции с ними, можно сделать вывод, что степень соблюдения национальных традиций не является базовым фактором формирования отношения к ним. Здесь преобладают социальные факторы, которые формируют установки на интеграцию с приезжими. Кроме того, положительное отношение к собственной национальной культуре в бóльшей степени проявляется в виде стереотипных мнений и взглядов, а на поведенческом уровне — гораздо слабее. Это несоответствие между установками и реальным поведением (парадокс Лапьера) проявляется в отношении к мигрантам как в положительном, так и в отрицательном смысле. Очевидно, что не столько национальная принадлежность и следование культурным традициям, сколько мнение о мигрантах, сформированное средствами массовой информации, обуславливает отсутствие стремления к интеграции с приезжими. Представители молодежи

в обоих городах считают, что в первую очередь мигранты сами должны меняться, подстраиваясь под требования принимающего сообщества.

Большинство молодежи демонстрирует довольно высокий уровень общей толерантности к представителям других этнических культур, готовность устанавливать близкую социальную дистанцию, но это можно интерпретировать как умозрительные рассуждения, так как, с одной стороны, у молодых людей отсутствует опыт постоянного и конструктивного взаимодействия с представителями других культур, а с другой стороны, эти взгляды не оказывают влияния на их поведенческие практики. Поэтому отношение молодежи к представителям других этнических культур может, во-первых, достаточно быстро поменяться в процессе приобретаемого опыта или в зависимости от изменений социального контекста, а во-вторых, не определяет реального поведения, так как данные мнения и взгляды не становятся установками, а в дальнейшем — поведением. Кроме того, пятая часть молодежи в обоих городах настроена на конфликт, на безоговорочное неприятие иноэтничных мигрантов и фактически не имеет ни мотивации, ни установок на интеграцию с ними.

1. *Абрамова М. А., Гончарова Г. С.* Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социол. исслед. 2009. № 3. С. 108–115.

2. *Афанасьева Л. В., Букреева И. В., Глинская Л. Ф., Орлов А. В.* Особенности этнической толерантности молодежи в контексте украинского регионального политкультурного социума // Социол. исслед. 2013. № 7. С. 52–58.

3. *Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В.* Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодолений // Мир России. 2011. Т. 20, № 1. С. 74–87.

4. *Берри Дж. У.* Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3/4. С. 183–193.

5. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет [Электронный ресурс]. 2-е изд., доп. М., 2010. 592 с. 1 CD ROM.

6. *Джекобс Д.* Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011. 460 с.

7. *Дробижева Л. М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтничной среде // Социол. исслед. 2010. № 12. С. 49–58.

8. *Козыра Д. Н., Садовникова Н. О.* Толерантность современной молодежи: этнический и социальный аспекты // Концепт : [науч.-метод. электрон. журн.]. 2016. Т. 11. С. 1951–1955. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86417.htm> (дата обращения: 01.09.2016).

9. *Лебедева Н. М.* Этническая толерантность в России и способы ее укрепления [Электронный ресурс] // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе : Междунар. науч. конф. (Ставрополь, 6–9 окт. 2003 г.). URL: <http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1-35.htm> (дата обращения: 01.09.2016).

10. *Ходжаева Е. А., Шумилова Е. А.* Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в Республике Татарстан // Социол. исслед. 2003. № 3. С. 106–108.

Статья поступила в редакцию 02.09.2016 г.

УДК 316.4.051 + 364-2

**М. В. Певная
Г. Е. Зборовский****МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПРАКТИК,
ПРОБЛЕМ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ
ВОЛОНТЕРСТВОМ***

В статье представлены основные положения исследовательской концепции, позволяющей изучать российское волонтерство с позиции социологической науки. Описываются методологические и методические аспекты исследовательского подхода, логика которого нацелена на выделение ключевых проблем, связанных с перспективами развития волонтерства в современной России. Авторами задаются новые векторы изучения проблем включения добровольчества в социальную жизнь россиян на основе выделения отдельных видов волонтерской деятельности и разных подбобщностей волонтеров, определения их специфики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: волонтерство; добровольчество; общность волонтеров; методология исследования; управление волонтерством.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить основные положения исследовательской концепции, позволяющей изучать перспективы развития волонтерства в нашей стране. Суть авторской концепции заключается в разработке специальной социологической теории волонтерства, а также теоретической концепции социального управления добровольцами и их деятельностью. Важными представляются четыре ключевых аспекта концепции.

Во-первых, в методологическом плане авторами разрабатывается особый исследовательский подход, который позволит системно рассмотреть динамику российского волонтерства как общности и социального института, выявить значимые изменения среди российских добровольцев, трансформации характера и содержания разных видов волонтерской деятельности, условий ее реализации в прошлом, настоящем и будущем. Ядром этой концепции выступает модель социального управления.

Во-вторых, в несколько ином ракурсе, отличном от традиционного исследовательского подхода к заявленной проблеме, обосновывается необходимость

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00 016 «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

ПЕВНАЯ Мария Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru)

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

оценки изменений ключевых характеристик общности российских волонтеров, в частности, ее внутренней динамики в контексте понимания возможностей социального управления различными подобщностями волонтеров в разных сферах жизни общества.

В-третьих, концепция нацеливает на выявление оснований трансформации внешней институциональной среды, определение условий, в которых появляются новые виды неформальных волонтерских практик, изучение социальных механизмов, влияющих на процессы их развития и закрепления (институционализации) в российском обществе.

В-четвертых, с теоретической и практической точек зрения основной акцент сделан на оценке ряда развивающихся в России видов добровольчества, которые во многом определяют динамику самого феномена «российское волонтерство». Следует отметить, что в данной концепции выделены для анализа развивающиеся в нашей стране виды волонтерства, которые отличаются: темпами, характером, перспективами своего развития; охватом разных социальных групп россиян; своей значимостью и последствиями для российского общества и государства, а также степенью своей изученности и возможностями прогнозирования их изменений.

За последние 15 лет накоплен богатейший эмпирический материал по российскому волонтерству. Целый ряд всероссийских исследований третьего сектора, гражданских активистов, в том числе волонтеров [1–3, 5, 7, 9, 11], дает возможность получить статический срез характеристик общности волонтеров и вместе с тем позволяет проследить генезис отдельных видов волонтерской деятельности россиян, понять их природу и национальные особенности. Однако проекты, нацеленные на комплексную оценку динамики российского волонтерства как общности и социального института, на изучение текущих изменений данного социального феномена на личностном, общностном и институциональном уровнях, сегодня не реализуются. В связи с этим новизна проблемы и методологии ее исследования определяется разработкой социологической теории динамики российского волонтерства для его комплексного исследования как социальной общности и института в пространственно-временном континууме с учетом исторического опыта, современного состояния и прогнозов его развития в управленческой перспективе.

В последнее десятилетие волонтерство как социальное явление вызывает достаточно широкий интерес у представителей различных научных дисциплин. Феномен волонтерства фрагментарно изучается в историческом, психологическом, правовом поле, в области экономики, социологии, социальной педагогики, социальной работы, социального менеджмента и социальной психологии. В международном социологическом сообществе реализуются крупные межстрановые проекты, позволяющие получить характеристики волонтеров в разных странах. Реализован ряд национальных исследований волонтерства. Некоторые исследования посвящены глубокому изучению отдельных видов волонтерской деятельности (спортивный, международный, экологический и т. д.).

В мировой научной мысли волонтерство чаще всего рассматривается как элемент гражданского общества, как участие и вовлеченность населения в деятельность третьего сектора [12, 20, 21]. С конца XX в. на основе ряда кросс-культурных

исследований начинает развиваться теория волонтерского труда. Социологи создают концепции, объясняющие отдельные тенденции в развитии волонтерства. S. Chambré и С. Einolf уточнили, что в теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях волонтерство рассматривается с разных сторон — как добровольческий труд, просоциальное поведение или досуг [15]. Т. Rotolo, J. Wilson, проводя некоторые обобщения, выделили группу «социально-демографических, институциональных и культурных теорий», которые построены на результатах межстрановых исследований [19].

Разрабатывая свою теорию волонтерского труда, социологи выделяют формальный и неформальный волонтерский труд, но постулируют, что участие человека в организованных волонтерских проектах стимулирует его желание оказывать неформальную помощь кому-либо [23]. При этом сети неформальной помощи, образованные вокруг личных отношений, не преобразуются в формальные волонтерские практики. Волонтерство рассматривается как социальный вид деятельности, который увеличивает социальный капитал, укрепляет общественные связи [18, 23].

Зарубежными социологами изучаются отдельные аспекты управления волонтерством в конкретных некоммерческих организациях социальной сферы, в некоторых работах волонтерству дается оценка как объекту государственного регулирования [13, 14, 16, 17, 22].

В современной России исследования добровольчества проводятся с начала XXI в. Реализован ряд проектов, где волонтерство изучается как ресурс благотворительности, как одна из практик гражданского общества [7], как ресурс модернизационного развития общества, как форма активизации гражданского участия жителей российских городов [1–3, 5, 9], как добровольческое движение [4, 10, 11].

Анализ научной литературы показывает, что сегодня существует большое число эмпирических исследований российского волонтерства, исследуются отдельные его виды и проблемы [6, 8, 10, 11]. Но практически все данные отечественных социологов характеризуются фиксацией текущего положения дел, а их анализ в большей мере носит описательный характер, в том числе из-за относительной «молодости» объекта изучения. По нашему мнению, в современных реалиях, когда накоплен значительный эмпирический материал, требуется комплексное рассмотрение результатов многих исследований с определенных теоретических позиций, учитывающих потребность в целостном социологическом исследовании динамики российского волонтерства как общности и социального института, как широкого социального феномена, имеющего свою национальную специфику.

На уровне методологии в концепции представлен целый спектр теоретических подходов к изучению волонтерства (системный, общностный, институциональный, деятельностный), что позволяет комплексно изучать данный феномен как социальный институт, общность и деятельность, а также рассматривать отдельные его проявления в динамике. Общностный и институциональный подходы как базовые дают возможность рассматривать российское волонтерство на разных уровнях — от личностного (микроуровень социального взаимодействия)

до институционального (макроуровень), в разных сферах жизнедеятельности общества.

В заданной исследовательской логике внутренние и внешние изменения в разных направлениях волонтерской деятельности, а также в отдельных подобщностях волонтеров исследуются благодаря целому комплексу эмпирических социологических методов (качественных и количественных). Анализ субъективных факторов, влияющих на изменение российского волонтерства, сопряжен с исследованием комплекса объективных, ограниченных территориально-временными рамками факторов, во многом определяющих его динамику. В основе заявленной теории лежит авторская трактовка динамики волонтерства как изменения внутренних и внешних, количественных и качественных характеристик общности российских волонтеров, их деятельности и институциональных условий ее реализации.

На наш взгляд, для верификации теории необходимо следующее: 1) характеристика динамики общности российских добровольцев как ресурса социального управления в контексте мировых трендов и логики национального развития данного феномена; 2) характеристика развития неформального волонтерства и выявление условий институционализации стихийных волонтерских практик россиян; 3) характеристика динамично развивающихся видов формального волонтерства для определения их перспектив в российском обществе, выявления роли в решении социальных проблем, а также возможностей использования этих видов волонтерства как ресурса социального управления; 4) концептуализация социального управления волонтерством, учитывающая возможности интеграции самоорганизации волонтеров и внешнего управления ими в разных сферах общественной жизни. Остановимся на каждой из заявленных позиций и обозначим ключевые направления реализации исследовательской концепции.

По нашему мнению, российские волонтеры — это та социальная общность и в то же время то социальное движение, которое обладает выраженными признаками динамичности. К ним мы относим определенные индикаторы количественных и качественных изменений. В них входит число добровольцев в стране, гендерные, возрастные характеристики волонтеров, включенность в волонтерство различных социальных групп (профессиональных, образовательных и др.), планы и намерения добровольцев, а также качественные трансформации волонтерства (изменение содержания разных видов деятельности волонтеров, их спектр, соотношение между формальными и неформальными структурами, обеспеченность ресурсами) и условий, которые оказывают существенное влияние на добровольческую активность россиян в разных сферах жизни общества.

Волонтерство развивается в условиях постоянных социально-экономических и политических трансформаций, при этом сами добровольцы всегда оказываются общественно полезными. Их деятельность имеет позитивную направленность, нацелена на конкретные социально значимые результаты и востребована в пространственно-временной локализации. Постоянная потребность общества в помощи волонтеров, все расширяющийся спектр проблем (экономических, социальных, экологических, культурных, политических и т. д.) в различных его сферах влияют на самих волонтеров.

Российские добровольцы — это крайне сегментированная общность, которая включает в себя людей, которые в реальной деятельности создают свою особую культуру, формируют уникальную идеологию. Многие волонтерские группы и объединения обладают потенциалом самоуправления и адаптируемости к изменениям среды. В то же время на отдельные подобности российских волонтеров сегодня направлено активное внешнее управленческое воздействие.

Понимание изменений, происходящих в общности волонтеров, а также трансформаций институциональной среды межсекторного взаимодействия в России тесно сопряжено с государственной политикой и механизмами ее реализации на региональном, муниципальном и локальном уровнях государственного управления. Это обеспечит возможности разработки не только теоретической концепции исследования динамики российского волонтерства, но и практической модели социального управления волонтерами и их деятельностью в стране.

Следует отметить, что региональный аспект управления в целом мало разработан в науке и является самостоятельной междисциплинарной проблемой. В связи с этим в отношении нашего объекта исследования концептуально ставятся вопросы кластеризации волонтерства и выявления возможных критериев его пространственной локализации. Такая задача обуславливает поиск специфических признаков волонтерства в мегаполисах и крупных городах, особенностей развития данного феномена и конкретных практик управления волонтерами и их деятельностью в них.

Разработка теоретических и эмпирических аспектов методологии изучения неформального волонтерства и его исследование как потенциала развития общности российских добровольцев, а также гражданского общества в стране, задающего динамику российского волонтерства в целом, на наш взгляд, является востребованным направлением как в российской, так и в международной традиции изучения добровольчества.

Динамика общности волонтеров и их деятельности в первую очередь зависит от распространенности неформальных видов помощи россиян друг другу, от характера их проявления и частоты стихийного объединения людей с целью решения вновь возникающих практических проблем. В свою очередь, организованное волонтерство, управляемое «извне», в своем развитии более прозрачно и понятно и сегодня хорошо изучено. Существующие исследования как российских, так и зарубежных социологов в основном охватывают формализованное волонтерство. В научном дискурсе методологические подходы, как и эмпирические данные по изучению неформальных волонтерских практик, крайне ограничены. Неформальное волонтерство в России сегодня требует особого исследовательского взгляда, определенной методологии эмпирических исследований, не ограничивающей его рассмотрение в качестве проявлений ситуативной помощи россиян друг другу.

По нашему глубокому убеждению, неформальный сектор российского волонтерства — это та точка роста самой общности волонтеров, которая задает динамику видов волонтерской деятельности, включенности в волонтерство различных социальных групп. Таким образом, эмпирические исследования, глубинные интервью в стратегии кейс-стади должны быть направлены на определение теоретических

рамок понимания неформальных видов волонтерской деятельности россиян, выявление институциональных условий, способствующих не только появлению стихийных волонтерских практик, но и закреплению их в обществе с учетом социально-экономической и культурно-исторической специфики России. Мы убеждены, что неформальная добровольческая деятельность — это потенциал развития общности российских волонтеров, основа ее динамики.

Еще одно важное направление исследования российского волонтерства — изучение развивающихся в стране видов формального волонтерства, имеющих свою логику развития и перспективы, во многом зависящие от самих волонтеров, их деятельности и динамики институциональных условий, в которых эта деятельность реализуется и будет (или не будет) развиваться в будущем.

В историческом разрезе волонтерство в нашей стране существовало всегда, но принимало различные формы и виды общественной деятельности, реализовывалось в тех практиках, которые были актуализированы в ту или иную историческую эпоху. Элементы волонтерства можно выделить практически при любом политическом строе в различающихся социально-экономических условиях, однако только в гражданском обществе оно получает признанный статус и активное развитие.

Исторический контекст, в частности, социальные нормы, традиции и стереотипы во многом определяют формы, содержание многих формальных видов волонтерской деятельности в стране сегодня. Национальные традиции советской общественной деятельности, а также характер командно-административной системы государственного управления оказывают влияние не только на специфику функционирования различных социальных институтов, но и на динамику развития отдельных видов волонтерства, как широко распространенных во всем мире, так и особых, достаточно специфичных. Сложившаяся ситуация во многом объясняет, почему в России волонтерская общность имеет свои специфические особенности, заключающиеся в распространенности неформальных видов волонтерской деятельности среди россиян, а также в условном разделении волонтеров на «прогосударственных» и «общественных» [11].

Таким образом, динамика российского добровольчества, с одной стороны, определяется международными тенденциями в развитии волонтерства, с другой — национальной спецификой, которая отражается в особенностях развития целого ряда формальных видов волонтерской деятельности. Например, процессы становления спортивного волонтерства в России должны укладываться в логику развития этого вида в других странах. Динамику детского и корпоративного волонтерства (социально значимого для развития России и распространенного в странах с высоким уровнем популярности добровольчества), обусловленную национальной спецификой, сложно прогнозировать на ближайшее будущее в силу ограниченности, а в некоторых случаях полного отсутствия, исследовательского материала. Не определены перспективы развития международного и военного волонтерства в стране. Несмотря на спровоцированное политикой разделение волонтеров на два лагеря — поддерживаемых государством и развивающихся самостоятельно, само добровольчество по своей природе сопряжено с развитием гражданского общества.

Одна из методологических проблем изучения динамики российского волонтерства — анализ его связи с развитием гражданского общества в стране, потенциалом которого и выступает сама общность волонтеров, их деятельность в разных сферах жизни общества. В отличие от других видов гражданской активности (протестной, политической), волонтерство является тем элементом социальной структуры, который в любом случае должен иметь широкую государственную и общественную поддержку. Это возможно только в рамках правового государства, во всех же других случаях волонтерство развивается не «благодаря», а «вопреки», в силу внутренних стремлений, интенций людей, проявлений антропологической сущности и реализации индивидуальных желаний. Концептуальная задача, поставленная при изучении динамики волонтерства, связана с пониманием условий социального управления на всех его уровнях, в которых российское волонтерство сможет реализовать свой потенциал развития во всех своих практиках и проявлениях, не только в организованных, но и стихийных добровольческих инициативах (формальных и неформальных).

Исследовательский интерес именно к этим видам волонтерской деятельности определяется тремя причинами. Во-первых, тем, что каждый из них имеет свою внутреннюю динамику, задаваемую их разной логикой становления в России, историческими основаниями и перспективами дальнейшего развития. Во-вторых, их соответствием международным трендам в развитии волонтерства. В-третьих, важностью того, что общие тенденции в изменении данных видов позволят в теоретическом плане определить рамки их управляемости на макро-, мезо- и микроуровнях, в практическом смысле наполнить модель социального управления российским волонтерством, с учетом его динамики, конкретными механизмами и технологиями.

Знание, позволяющее понять природу субъективных и объективных изменений, происходящих с волонтерами различных подобщностей, динамику их ценностей, взглядов, образа жизни, особенностей мотивации, открывает перспективы выявления универсальных принципов управления волонтерством в российском обществе в интересах не только государства, но и самих волонтеров. На федеральном уровне государственного управления в 2010–2011 гг. были разработаны определенные концептуальные идеи развития волонтерства в стране в целом, оформлены и приняты государственные программы и проекты (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662; Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 года: новая ред. утв. распоряжением Правительства РФ от 16.07.2009 г. № 997-р; Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ: одобрена распоряжением Правительства РФ от 30.07.2009 г. № 1054-р). Однако в действительности многое из того, что заявлено в этих документах, остается нереализованным, потому что реальная деятельность волонтеров осуществляется на локальном уровне и касается конкретных проблем отдельных людей, а на государственном уровне планируются программы и мероприятия, решающие проблемы преимущественно государственного значения.

Для изучения важны те характеристики общности российских волонтеров и те виды их деятельности, которые в современных условиях влияют на процессы активной институционализации исследуемого феномена в нашей стране и могут способствовать созданию сетевой (организационной, коммуникационной) структуры на формальном и неформальном уровнях, интегрироваться в концепцию социального управления волонтерством с учетом жесткой государственной политики в отношении третьего сектора.

Таким образом, новая теория динамики российского волонтерства необходима для получения реальной картины его развития, выявления его перспектив в связи с социально-экономическими и политическими процессами дальнейшей трансформации общества. Эта теория может быть плодотворной и дать исследовательский результат при условии учета фактора социального управления, способствующего развитию волонтерства. При этом само социальное управление должно опираться на комплексный анализ волонтерства как социального института и социальной общности на основе реализации эмпирических исследований по данной проблематике.

1. Амбарова П. А., Кузьминчук А. А. Темпоральные характеристики социальной общности волонтеров // Вестн. СурГПУ. 2015. № 3. С. 140–146.

2. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем : свод. аналит. отчет. М., 2014.

3. Иванова И. И., Петренко Е. С. Авангардные группы — основа российского добровольчества. М., 2012.

4. Климов И. А. Конструктивные и протестные движения как ресурс для изменения социальных практик и институтов // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 2. С. 201–216.

5. Климова С. Г., Петренко Е. С. (ред.) Ресурсы российского добровольческого движения : аналит. докл. по результатам исслед. ФОМ. 2012–2013 гг. М., 2013.

6. Краснопольская И. И. Корпоративное волонтерство в России: основные характеристики // Корпоративное волонтерство в России : сб. лучших практик. М., 2012.

7. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение. М., 2013.

8. Оберемко О. А. Волонтер vs доброволец: как предпочитают называть себя активные граждане [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/science/178935303.html> (дата обращения: 06.04.2016).

9. Петренко Е. С. Настроение акторов гражданского участия. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/science/151249247.html> (дата обращения: 01.04.2016).

10. Сухарькова М. П. Олимпийское волонтерское движение после игр в России // Материалы XVI апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М., 2016.

11. Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1(5). С. 71–89.

12. Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons // Civil Society: Working Paper. 2001. Vol. 10. P. 2–25.

13. Beigbeder Y. The Role and Status of International Humanitarian Volunteers and Organisations: The Right and Duty to Humanitarian Assistance. L., 1991.

14. Brudney J., Williamson A. Making government volunteering policies more effective // Public Management Review. 2000. № 2(1). P. 85–104.

15. *Chambré S., Einolf C.* Is volunteering work, prosocial behavior, or leisure? An empirical study // Center for nonprofit strategy and management: Working papers series. USA, 2008.
16. *Gil-Lacruz A., Marcuello C.* Voluntary work in Europe: Comparative analysis among countries and welfare systems. Springer Science and Business Media B.V., 2012.
17. *Hackl F., Halla M., Pruckner G.* Volunteering and the State: Discussion Paper. Germany, 2009.
18. *Holmes K.* Contemporary policy debates – Volunteering, citizenship and social capital: a review of UK government policy // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2009. № 1 (3). P. 265–269.
19. *Rotolo T., Wilson J.* State-level differences in volunteerism in the united states: research based on demographic, institutional, and cultural macrolevel theories // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2011. № 41(3). P. 452–473.
20. *Salamon L. M., Sokolowski S. W., Haddock M. A.* Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, estimates and a roadmap to the future // Annals of public and cooperative economics. 2011. № 82(3). P. 217–252.
21. *Salamon L., Wardell F., Lishman J.* Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future // Annals of public and cooperative economics. 2011. № 82(3). P. 217–252.
22. *Wellens L., Jegers M.* Effective Governance in nonprofit organizations: a literature based multiple stakeholder approach // European Management Journal. 2013. № 32 (2). P. 223–243.
23. *Wilson J., Musick M.* Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. P. 694–713.

Статья поступила в редакцию 02.08.2016 г.

ВОСТОЧНЫЙ МЕРИДИАН

УДК 39(=511.3) + 502.11(517) + 130.2

Наранбаатар Баасансурэн

КАРТИНА МИРА В МОНГОЛЬСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена исследованию основообразующих элементов традиционной картины мира в монгольской культуре (небо и земля, гора, водные источники, дерево). Результаты этого исследования дают возможность проанализировать магические действия, присущие основной хозяйственной деятельности монголов — скотоводству и охоте.

Ключевые слова: биоцентрическое мировоззрение; культы природы; родовая земля; общедоступные ресурсы; природопользование.

В современном потребительском обществе мировоззрение монголов претерпевает существенные изменения, обусловленные проникновением антропоцентризма, разрушением традиционного землепользования, утверждением взглядов на природу как на неисчерпаемый ресурс, удовлетворяющий неограниченные нужды человека. При этом многие обычаи и запреты утрачивают свою регуляционную функцию. Такие священные места, как гора, водные источники и дерево, олицетворяющие духов-хозяев, вовлекаются в эксплуатацию. Все шире используются новые виды хозяйственной и производственной деятельности, ухудшающие природные комплексы.

Основные культы природы в традициях монголов

Почитание природы и связанные с ним воззрения и обряды формировались на территории Центральной Азии на протяжении многих веков, начиная с новокаменного века — неолита. С этим временем связывается возникновение и развитие верований, которые в последующем стали религиозной идеологией. С переходом древнего человека к кочевому скотоводству происходят изменения

БААСАНСУРЭН НАРАНБААТАР — преподаватель департамента гуманитарных наук Института управления бизнесом и гуманитарных наук Монгольского государственного университета науки и технологии, г. Улан-Батор (e-mail: b_naranbaatar@yahoo.com).

© Баасансурэн Наранбаатар, 2016

в его верованиях. Он начинает осознавать свою зависимость от сил природы, свое бессилие перед ними. Появляется вера в сверхъестественное, в то, что благополучие рода, умножение рода, умножение скота всецело зависят от земных и небесных сил, от небесного отца [2]. Ключевым в культуре монголов стал культ неба, гор, водных источников, дерева. Это главные элементы картины мира монгольских народов [2].

Культ земли. В конце XIX — начале XX в. в духовной жизни монголов все еще сохранялись элементы почитания природы. Они находили свое выражение в отношениях к окружающей среде, в обычаях повседневной жизни.

У монголов с древнейших времен до наших дней почитаются земля, горы и водные источники. Древние представления о земле отразились в культуре монголов, а позднее, в период распространения буддизма, они были переработаны и зафиксированы в текстах обрядников.

В традиционном мировоззрении монголов земля всегда считалась женским началом, а небо — мужским. Мужские образы божества земли, как писал Т. М. Михайлов, относительно позднее явление, порождение формировавшегося патриархально-родового строя [6, 102]. Монголы представляли небо отцом, а землю — матерью и именовали ее по-разному: *газар эх* — «мать-земля», *хэрс этугэн* — «почва-земля», *дайр этугэн* — «серо-желтая земля» [9, 215].

В обряднике вечного и могущественного неба говорится: «Вечное синее небо — владыка всего живого... воздавший ему хвалу обрадует мать-землю и восемь водных царей» [16, т. 132]. Так как считалось, что люди появились на земле по благословию неба, они почитали землю как мать, а небо как отца. Земля давала людям благодатные пастбища, кормила их, поэтому монголы верили, что живут благодаря плодородию матери-земли. Люди понимали, что для спокойной жизни и благополучия надо уважительно относиться к земле и совершать ей жертвоприношения. Они относились к земле учтиво, поклонялись ей, почитали ее горы и деревья. Западные монголы с древних времен давали имена объектам окружающей среды — горам, рекам, озерам — и считали, что у каждого природного объекта есть дух — *сабдак*, этим духам поклонялись, читали молитвы.

Одним из главных почитаемых компонентов матери-земли являются горы.

Почитание гор и возвышенностей. *Обо*¹ считается одним из самых распространенных культов почитания земли. *Обо*¹ устанавливается возле рек, воды и на возвышенностях (горы, насыпи). Причинами засухи, падения скота, болезней и других несчастных случаев монголы считали злонамеренные действия духов земли и воды — *лус, сабдаков*. В целях умилоствления устанавливали в их честь *обо* и проводили обряды их почитания. В старину монголы жертвовали на ритуале *обо тахилга* первинки белой пищи, а сам обряд проводил только шаман [10, т. 35].

В основе культа *обо* в традиционной культуре номадов Центральной Азии лежат разные представления и соответствующие им обряды, которые в процессе развития менялись и наполнялись новым содержанием. В понимании человека, принадлежащего традиционному обществу, жертвоприношение, совершенное

¹ Обо — культовые места в культуре монголов; как правило, представляют собой кучи из камней или деревья, украшенные ленточками.

небу на священной горе, быстрее достигнет адресата, а боги наделят жертвователя великой благодатью. С давних времен насельники Великой степи, поднявшись на вершину горы, вели диалог с небом. Совершая поклонение небу, кочевники также воздавали почет духам гор, хозяевам вод — *лусам* и *сабдакам*, угощая их напитками и пищей, чтобы они ниспослали благополучие и устранили несчастья [13, т. 126].

Что представляет собой в диахронном плане культ родовых *обо*? По формальным этнографическим описаниям, на *обо* совершается жертвоприношение «хозяевам» родовой земли, сакральным покровителям людей, населяющих данную территорию. *Обо* является сакральным центром этнической территории — сакральной земельной собственностью рода, или группы родственных родов, или территориальной общины родственных и неродственных родов [3, 22].

Почитание родоплеменной территории обычно связывается с культом гор. Л. П. Потапов писал, что «почитание определенных гор... как родовых явилось отражением общей родовой собственности на определенную (преимущественно охотничью) территорию. Почитаемая родовая гора... как своеобразный родовой пенат... явилась отражением той общности родовой территории, которая была так понятна и доступна каждому члену рода и каждым четко сознавалась. В таком освещении становится объяснимым и факт неперенной связи почитаемой родовой горы с родовой территорией» [7, 157]. Западные монголы родовое *обо* воздвигали вблизи зимовки, на которой проживали из поколения в поколение, — единственном месте кочевого маршрута, которое закреплялось за семьей и передавалось по наследству.

Ритуал сакрализации местности начинается с обращения старейших представителей рода к духам — хозяевам местности и испрашивания разрешения на поселение. Ритуал сопровождается жертвоприношением [8, 210].

Главный смысл совершения жертвоприношения на *обо* заключается в просьбе благополучия и мира, чтобы все духи Алтая — Белый старец горы и другие были успокоены. Западные монголы глубоко верили в то, что Белый старец живет на самой вершине горы, покровительствует животным и людям и управляет силами природы [11, б. 2, т. 328]. Верили в его существование и южные алтайцы, называющие хозяина горы Эзэн Ээлу или Ульген [1, 63].

У монголов до сих пор сохраняют актуальность верования в духов земли и воды — *сабдаков* и *лусов*. Выбор летнего времени для обряда почитания *обо* мотивируется тем, что свежая зелень вокруг радует духов, люди просят удачи и счастья, надеются на получение благодати свыше. Обряды осеннего времени, когда сыт скот, заготовлены впрок продукты, носят благодарственный характер. В преддверии зимы люди, готовясь к зимовке, просят духов помочь пережить это тяжелое время года.

Рассмотренные выше разнообразные ритуалы, связанные с почитанием священных гор и воспроизводимые в религиозных практиках монголов, являются свидетельством высокой значимости в жизни монголов традиционных верований, которые сохранились, несмотря на влияние буддизма.

Почитание водных источников. У монголов с давних времен существует обычай почитания рек и озер, являющихся источниками жизни. Среди религиозных представлений, сохранившихся у современных монголов, важное место

занимает почитание источников (*аршанов*), которые считаются целебными. Почитают, собственно, не сам источник, а его хозяина, так как лечебное действие источника приписывается духу — хозяину *аршана*. В настоящее время известен полный обряд почитания хозяина *аршана*.

Монголы верили, что домом «луса» является вода, и поэтому стремились содержать водоемы в чистоте. Строго запрещалось загрязнять реки и озера, брать воду из источника грязной посудой, стирать одежду и мыться. Соблюдались и другие запреты: не проливать в водоем молоко и кровь, не допускать попадания в водоем любого рода выделений, не убивать в воде сухопутных животных, не сорить на берегу, находясь в непосредственной близости от водоема [14, т. 72].

Наличие большого числа обычаев, запретов, связанных с водой, свидетельствует, с одной стороны, о бережном отношении к воде как источнику жизни, с другой — о существовании культа воды в традиции монголов.

Духи — хозяева водных источников различались по цвету. Чтобы задобрить их, монголы посвящали им скот разной масти, желательно соответствующей цветовому облику *лусов*. Посвященный *лусам* скот становился их собственностью. *Лусы* могут находиться не только в воде, они имеют свойство проникать в растущие возле воды деревья или в бревна, поэтому считается большим грехом срезать деревья, растущие на берегу водоема или реки, и даже притрагиваться к ним.

Почитание деревьев. Культ дерева, как известно, был широко распространен среди монгольских народов. Монголы называют иву *бура*. Ива считается кустарником, придающим меткость, из него изготавливают остроконечные палки, препятствующие проникновению в дом чего-то плохого, вредного. В старинных поэтических произведениях встречается фраза «преграждающий путь хозяин ивы», т. е. предполагалось существование у каждого дерева духа-хозяина. Возможно, что ива входила в категорию духов — хранителей дома. Веточку чистого *сухая*, так же как и ветку саксаула, подвешивали к дымовому обручу [4, 136]. Ц. Жамцарано отмечает, что из ивы шаманы изготавливали свой бич *ташуур*. Кроме того, ива *бухай/сухай*, так же как и береза, предохраняет дом от молнии.

В традиционных представлениях народов Сибири и Монголии понятие о шаманском дереве связано с концепцией мирового дерева. В обряде посвящения дерево играет роль лестницы, по которой шаман восходит на небо, в мир богов и духов, или в верхний мир шаманов, который находится выше, чем небо [5, 82]. Нижние ветки считались нижним миром, средние — средним миром, верхние олицетворяли верхний мир. Нижний мир шаманского дерева наделяется большой силой.

Монгольские и тюркские народы сохранили мировоззренческую традицию деления мира на три уровня: верхний, средний, нижний. Средний мир считали местом обитания человека и животных и местом произрастания дерева, которое проходит через все миры и является их составной частью, тем самым связывая все три мира. «Хозяевами» этих трех миров являлись три божества *тэнгэр*, к которым шаманы обращались за защитой и благословением. Шаманы считали себя единственными, кто знает язык божеств, связывали природные бедствия, болезни скота и людей с гневом и вредительством хозяев местностей и верили, что только

обращение к *тэнгэр* миров может защитить людей. Проводником их слов к *тэнгэр* является *удаган мод*, в женской природе которого сомневаться не приходится.

Подобная трехчленная картина мира с деревом, связывающим все миры, стала основообразующей в мировоззрении кочевых народов.

Основные функции сакральных объектов природы

В основе почитания таких сакральных объектов, как земля, гора, водные источники и дерево, лежит эоцентрическое мировоззрение монголов. Обряды и обычаи, поддерживаемые в обществе через духовные взаимоотношения человека и природы, имели не только чисто хозяйственное значение. Они влияли и на распределение земельных угодий между теми или иными социальными группами, начиная с семьи, рода, племен и до этнических групп и нации.

Глобальное потепление и воздействие человека на окружающую среду приводят хрупкие экосистемы степи, полустепи и пустыни Монголии к опустыниванию и необратимой деградации. В современных условиях рыночной экономики природа рассматривается как объект, служащий для обогащения человека-потребителя, а дух-*сабдак* земли уже не воспринимается как хозяин, он не страшен и даже может быть управляемым человеческой волей.

Эоцентрическое мировоззрение составляло идейную основу традиционных нравов и обычаев почитания сакральных предметов и осуществляло регуляционную функцию во взаимоотношениях человека и природы, сохраняя природное равновесие. Утрата этой функции приводит к негативным последствиям, к расточительному и хищническому использованию природных ресурсов — земли, гор, водных источников и деревьев, сохраняемых с давних времен по причине значимости их для формирования социальных групп, племен и родов.

Сегодня частные скотоводческие хозяйства хотят обогатиться за счет использования такого общедоступного ресурса, как пастбищные угодья. Факты показывают, что между ростом поголовья коз и обеднением растительного покрова есть прямая взаимосвязь. Утрачено традиционное структурное равновесие скота, что приводит к вытаптыванию и эрозии пастбищных угодий, которые находятся в государственной собственности.

Рост населения и поголовья скота также является социально-экономическим фактором, влияющим на деградацию пастбищ.

Выводы

Верования в сакральные смыслы в традициях монголов позволяли сохранить природное равновесие. Остановить процессы деградации пастбищ и исправить наметившиеся природные дисбалансы исключительно с помощью технических средств не представляется возможным. На смену хищническому использованию природы должно прийти переосмысление ценностей и возвращение к основам традиционного монгольского эоцентризма — почитанию и сохранению земли, гор, водных источников и деревьев.

1. *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
2. *Волков В. В.* Основные проблемы изучения бронзового и раннего железного века МНР // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. I боть. (Тр. II Междунар. конгр. монголоведов; т. 1) Улан-Батор, 1973. С. 91–94.
3. *Герасимова К. М.* Священные деревья: контаминация разновременных обрядовых традиций // Культура Центральной Азии : письменные источники. Улан-Удэ, 2000.
4. *Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991.
5. *Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
6. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен до XVIII в.). Новосибирск, 1980.
7. *Потанов Л. П.* Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.
8. *Содномпилова М. М.* Категории пространства и основообразующие компоненты культуры жизнеобеспечения. Традиционный костюм монгольских народов // Вестн. БГУ. Сер. : Востоковедение. 2011. Вып. 8. С. 210–215.
9. Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990.
10. *Далай Ч.* Монголын бөө мөргөлийн товч түүх. Улаанбаатар, 1959. (На монг. языке).
11. Монгол улсын угсаатны зүй. 2-р боть. Улаанбаатар, 1996. (На монг. языке).
12. Монгол улсын хүний хөгжлийн илтгэл 2011. Эмзэг байдлаас тогтвортой хөгжил рүү: Байгаль орчин хүний хөгжил. Улаанбаатар, 2011. (На монг. языке).
13. *Отгонбаатар М.* Төрийн тахилгатай уул, овооны тухай // Угсаатан судлал. 1985. № 13. С. 1–22. (На монг. языке).
14. *Пурэв О.* Монгол бөөгийн шашин. Улаанбаатар, 1999. (На монг. языке).
15. *Тогтохтөр Б.* Хэбэй вангийн аж төрөх үйлийг заасан сургаал. 1853 он. УТНСан. Гар бичмэлийн сан. (На монг. языке).
16. Эрхэт мөнх тэнгэрийн сан ану // Арван гурван Алтайн ариун сангууд оршвой. Эрхэлсэн Ж. Цолоо. Улаанбаатар, 1999. (На монг. языке).
17. *Hardin G.* Tragedy of the commons // Science. 1968. Vol. 162, № 3859. P. 1243–1248.

Статья поступила в редакцию 05.05.2016 г.

УДК 279.99(73) + 325.5 + 316.324

К. М. Товбин
А. В. Семичаевский
В. В. Соколов

СТАРООБРЯДЦЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ КАК ПРИМЕР СОВРЕМЕННОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА*

В статье анализируется старообрядчество как одно из ярчайших явлений русской традиционной культуры. Актуальность темы современного старообрядчества — в выяснении возможностей адаптации традиционной русской культуры и менталитета к современным светским условиям. Сегодняшние старообрядцы Аляски являются примером приспособления традиционных духовных принципов к условиям пребывания в центре мировой глобализации, вестернизации, научно-технического прогресса и постиндустриализма. Авторы исследования в 2015 г. участвовали в экспедиции к русским старообрядцам Аляски, задача которой заключалась в комплексном исследовании мировоззрения, менталитета, образа жизни аляскинских старообрядцев. Обзор итогов и выводов этой экспедиции приводится в данной статье.

К л ю ч е в ы е с л о в а: старообрядчество; староверы; православие; древлеправославие; эмиграция; диаспора; Россия; США; Аляска; Николаевск; полуостров Кенай; традиционализм; секуляризация; контрсекулярный; община; идентичность; глобализация; адаптация; ассимиляция.

Николаевск, находящийся в центральной части полуострова Кенай (штат Аляска, США), был первым старообрядческим поселением на Аляске, возникшим

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-18037-е «Русские старообрядцы в Северной Америке: национальная идентичность в эпоху глобализации».

ТОВБИН Кирилл Михайлович — кандидат философских наук, доцент Южно-Сахалинского института Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, член Российского философского общества, религиовед, культуролог (e-mail: kimito@yandex.ru).

СЕМИЧАЕВСКИЙ Артемий Викторович — специалист Южно-Сахалинской центральной городской библиотеки им. О. П. Кузнецова, журналист (e-mail: arsem-86@yandex.ru).

СОКОЛОВ Валентин Валентинович — независимый специалист, переводчик, журналист (e-mail: falcon8282@mail.ru).

© Товбин К. М., Семичаевский А. В., Соколов В. В., 2016

в 1968 г. [8, 680; 18, 5]. История заселения Аляски староверами подробно отражена Ю. В. Аргудяевой и А. А. Хисамутдиновым [2, 4, 5, 19] и другими исследователями [6, 11]. Поскольку историческая и этнографическая стороны старообрядческой жизни на Аляске изложены более чем подробно, наша исследовательская группа обратилась к культурологической и этнопсихологической сторонам исследования. Однако исторический контекст в нашей работе продолжал присутствовать, и в его рамках нами было сделано определенное открытие. Согласно общепринятой точке зрения, опирающейся как на исторические описания, так и на свидетельства самих староверов [18, 5], инициатива заселения Аляски принадлежала старообрядцам. Но документы, просмотренные и скопированные нами в архиве Alaska Anchorage University, доказывают первичность инициативы совершенно других участников — Толстовского фонда и муниципальных властей боро Кенай Пенинсула, не только пригласивших староверов на новые земли, но и всемерно участвовавших в их переезде и обустройстве. Об этом факте упоминает и Ю. В. Аргудяев [2, 15; 4, 56]. Наша исследовательская группа подтвердила его, работая с архивными материалами. Факт этот — умалчиваемый староверами или неизвестный им — весьма важен, так как дополняет доказательства принципиальной социальной пассивности православных, их тотальную зависимость от государства, даже если речь идет о столь внешне антигосударственном и автономистском тренде, как русское старообрядчество.

В остальном наши исследования носили культурологический и религиоведческий характер. Мы анализировали повседневную жизнь старообрядцев в условиях воздействия на них трех культур: традиционной (древлеправославной), русской и американской. Нашей задачей было выяснить, как сохраняются традиционная русская культура и православная ментальность в условиях американского социокультурного господства.

Следует отметить, что аляскинские староверы — единственные деревенские старообрядцы США, что в некоторой мере обуславливает их особое место в старообрядческой среде Северной Америки. Они переселялись в основном из пригородов Портленда и Вудбёрна (Орегон) в связи с угрозой ассимиляции со светским американским обществом [20, 41]. Николаевск заселялся с 1968 г., первыми насельниками были четыре семьи: Калугины и три ветви рода Мартюшевых. Основным занятием изначально было огородничество, а место фермерства заняли рыболовство и судостроение. Стоит отметить, что сельское хозяйство староверов было несамодостаточным и в Орегоне, и в Бразилии — основной доход давали работа на мебельных фабриках или батрачество на фермах крупных местных землевладельцев. Начало реструктуризации старообрядческого хозяйства было положено еще до переселения на Аляску.

Основным событием в истории старообрядчества Аляски было принятие священства Белокрыницкой иерархии в 1983 г. До этого момента все староверы — выходцы из Бразилии (впоследствии — Орегона) принадлежали к специфическому согласию *часовенных*, «вынужденно» относившемуся к беспоповскому толку [7]. Их принадлежность к беспоповцам обуславливалась не догматической стороной, а психологической — они стали беспоповцами не из-за принятия беспоповской

доктрины, а в силу вымирания дораскольного, благочестивого и не вызывающего сомнений священства. Таким образом, часовенные не разделяли особенностей беспоповской догматики («духовный антихрист», «замирщение», «мирское священство», двойственность в отношении к институту брака) и придерживались поповской мировоззренческой линии, но у них не было собственного духовенства. Из-за отсутствия епископата священства у часовенных также не было, но, в отличие от поморцев или федосеевцев, они не провозглашали наступления «духовного антихриста» и не отрицали саму возможность наличия духовенства, продолжая искать «неповрежденных попов» в разных православных юрисдикциях, старо- и даже старообрядческих. В то же время сходство литургической и повседневной культур часовенных и «классических» беспоповцев (поморцев и федосеевцев) привело к заимствованию первыми у вторых значимых деталей богословского самоопределения и, как следствие, менталитета и поведенческих моделей.

С другой стороны, тема «вынужденного» беспоповства и идея не найденного «потаенного священства» в согласии часовенных (до 1917 г. бывшего самым большим в России) продолжали быть актуальными и всегда решались по-разному. Находясь в Америке в годы холодной войны, часовенные были вынуждены искать духовенство за пределами СССР и нашли для себя вариант в виде Румынской (Браильской) митрополии Русской православной старообрядческой церкви (Белокриницкая иерархия). Выбор обуславливался наличием родственников-поповцев в Румынии; эта же причина повлияла на выбор первого американского священника — *Конрада Фефелова* [18].

Но специфика старообрядческого и, в частности, поповского отношения к таинству крещения привела к серьезному и усиливающемуся со временем расколу в среде николаевских староверов. Румынские поповцы ставили под сомнение правомочность «мирянского» крещения, совершенного над некоторыми николаевцами. Православное богословие допускало бессвященническое исполнение таинства крещения «страха ради смертного», но к личности такого исполнителя предъявлялись весьма строгие требования, а некоторые фундаменталисты, типичные для старообрядческой среды, могли сделать эти требования невыполнимыми. Так, некоторые авторитетные старики были признаны некрещеными, это привело к серьезным скандалам и конфликтам, и, как следствие, только 20 % старообрядцев присоединилось к поповству, остальные остались беспоповцами, но уже принципиальными. Раскол прошел через семьи, затрагивая личные, имущественные, земельные и ментальные интересы. Обычный для староверов догматический склад мышления и унаследованные из России непримиримость и максимализм привели к криминогенной обстановке в Николаевске и вынужденному переселению принципиальных беспоповцев на иные территории Аляски — в первую очередь на юг полуострова Кенай, где возник особый беспоповский социокультурный анклав. По словам некоторых очевидцев тех событий, староверы периодически даже были вынуждены применять огнестрельное оружие. Некоторые николаевцы-беспоповцы переселились на юг, бросив свои дома и земли, — пустующие жилища и ржавые автомобили по сей день напоминают о том расколе.

Поскольку нововозникших поповцев косные часовенные считали еретиками, вопрос о семейной связи с ними стоять не мог. Соответственно, поповское меньшинство не смогло брать женихов и невест в среде староверов не только Аляски, но и Орегона, и даже почти всей Латинской Америки, заселенной в основном беспоповцами [3, 14]. Вследствие этого стали заключаться смешанные браки (это происходит и по сей день) с этническими англо-американцами, мексиканцами, индейцами и аборигенами Аляски, что привело к полному уничтожению русского языка в среде старообрядческой молодежи Николаевска, к отходу от традиционного русского семейного уклада и бытоустройства, к почти повсеместной «американе» как образу жизни. В среде поповцев возникли такие социальные аномии, как запойное пьянство, наркомания, разводы и домашнее насилие. Это можно считать «выхлопами» травматичного перехода из русско-старообрядческого культурного пространства в современное американское. Сегодня посещаемость Никольского храма в Николаевске чрезвычайно мала, богослужения проводятся на церковнославянском языке, который понимается только старшим поколением, поэтому священник вынужден читать проповедь и по-английски. К примеру, наша исследовательская группа полностью отстояла праздничное богослужение на один из важнейших для православных праздников — Покров Богородицы (14 октября); в храме присутствовало лишь около двадцати человек, из которых язык службы был понятен менее чем половине. Мы слышали, как даже чтецы произносили: «Господи, помилуй *найс*». Некоторые прихожане были явными «пришельцами» из иных сред: так, мы видели татуированных латиноамериканцев в русских рубахах. По завершении литургии все прихожане незамедлительно покинули храм, не было никакой совместной трапезы или общения.

Все браки с иноверцами заключаются только в церкви и только после крещения и формального воцерковления брачующихся; однако, по свидетельству священника *Николы Пименовича Якунина* и его брата, старосты села *Виктора Пименовича Якунина*, почти 80 % современных браков заканчиваются разводами.

В повседневной жизни староверы Николаевска повсеместно отказались от сельского хозяйства и занялись рыболовством, которое повлекло за собой многочисленные экономические связи с иноверцами и муниципальными властями. Эти связи со временем все более крепнут, а традиционная старообрядческая артель почти исчезла. Это — второй по важности фактор, обусловивший потерю староверами традиционной идентичности. Моральные дилеммы, повсеместно сопровождающие капиталистическое хозяйствование, трудноразрешимы в родственной среде.

Семейный уклад староверов претерпел значительные изменения. Почти все женщины работают (правда, большая часть — на дому), выстраивая собственную карьеру и формируя собственный вклад в семейный бюджет, — это прямой путь к равноправию и эмансипации, к уничтожению традиционной, домостроевской семейной этики. Почти каждая женщина имеет свой «бизнес», в который не вмешивается супруг, свой автомобиль, круг общения и свое мировидение. Семья, таким образом, строится как современное нуклеарное партнерство, признаком

которого является (помимо вышеупомянутых разводов) малодетность, отличающая молодые семьи от семей старшего поколения.

Все дети старообрядцев обучаются в средней муниципальной школе Николаевска по светской программе, в которую родители, как правило, не вникают. В течение десятилетий объем изучения русского языка постоянно сокращался; в следующем учебном году предполагается полная отмена обучения русскому языку. Юное поколение Николаевска не знает русского языка. И хотя это беспокоит стариков-староверов, но проблема никак не решается.

Для сравнения: старообрядческие сообщества юга Кенайского полуострова, отпочковавшиеся от николаевцев, вполне преуспели в решении подобной проблемы. Там русская речь используется в домашнем обиходе, в общении детей. Функционируют две собственные школы; в этих школах родители контролируют учебный процесс. Отдаленность южнокенайских старообрядческих поселений позволила удалиться и от государственных органов опеки и попечительства. Здесь практикуется патриархальная мораль, в том числе применяются физические наказания детей за использование английского языка вне школы.

Огромное значение для детей и их родителей имеет ювенальная практика в школе Николаевска, более интегрированного в американскую социальную среду. Инциденты выяснения отношений родителей с детьми, за которыми последовал отъем детей органами опеки, стали негативными примерами для всех жителей бывшей столицы старообрядцев Аляски. По этой причине телесные наказания в Николаевске не применяются, и родители, придерживающиеся патриархальной модели воспитания и не сведующие в современной педагогике, лишены способов контроля за подрастающим поколением. Дети существуют в собственной среде (как в гетто крупных городов), родители контролируют только то, что, по их мнению, определяет поведение, — одежду и формальные посещения храма. Это еще одна причина социальных аномий и культурной дезориентации старообрядческого населения Николаевска.

Все заботы о сохранении русской культуры жителей Николаевска взяла на себя учительница русского языка из Хабаровска *Нина Фефелова* (невестка первого николаевского священника), которая на деле занимается только собственным магазином сувениров и экзотики. Некоторые насельники Николаевска возлагают вину за упадок русской культуры лично на Нину Фефелову.

Следует отметить отсутствие торговой этики у русских староверов: при любой возможности они завышают цены, допускают обман, лукавство и давление на покупателя, используют любые возможности для продвижения собственных товаров или услуг (например, превращение стандартного американского почтового отделения в фактический гипермаркет). Солидная, устоявшаяся за столетия культура американского магазина соседствует у николаевских староверов с культурой рынка и ярмарки, унаследованной из провинций России.

Староверы Николаевска полностью копируют у американцев дизайн жилищ, планировку территорий, домашнюю обстановку (включая телевизоры со спутниковыми антеннами, игровые приставки и компьютеры с подключением к Интернету), марки автомобилей и отношение к ним, способы организации

досуга (от барбекю до семейных выездов на пляжи теплых стран). В Николаевске присутствуют, помимо школы, и иные атрибуты американской жизни: почта, водоканал, пожарный участок; регулярные объезды совершает полицейский. За исключением «кафе» Нины Феловой и единственного русского дома, ничто не выдает в этом поселении русскую православную деревню. Даже храм выполнен по внешним лекалам, характерным для протестантского молитвенного дома; в присутствующих в его дизайне элементах православного декора также чувствуется влияние современной американской культуры.

Однако господство «американцы» не мешает староверам и даже их детям одеваться в русские рубахи и сарафаны. Замужние женщины непременно носят отличительный головной убор — *кичку* (весьма упрощенную и оставляющую часть волос открытой). Все мужчины, начиная с юных лет, непременно носят бороды. Впрочем, это также укладывается в американскую мультикультуралистскую логику, приветствующую внешнее своеобразие, которым маскируется тотальная вовлеченность в кредитно-финансовую и хозяйственную системы страны.

Таким образом, Николаевск не имеет ничего общего с русской деревней, тем паче — со старообрядческим селом. Это типичное американское county (автономная община), имеющее большое сходство с постиндустриальным пригородом. Такое положение укладывается в нынешнюю американскую социальную стратегию рурализации, опирающуюся на высочайшее качество североамериканских дорог, автомобилей, оптоволоконных линий и систем спутниковой и мобильной связи.

Несомненно, эти черты, во многом явившиеся следствием вынужденного брачного либерализма поповцев, вызвали отрицательную реакцию со стороны более традиционно ориентированных беспоповцев. Беспоповцы, в силу своей численности, не испытывали проблем ни с семейными, ни с трудовыми связями, поэтому имели возможности для построения своей жизни на более традиционалистических основаниях, затруднявших ассимиляцию в американской среде. После принятия священства некоторыми населенниками Николаевска и последующего усиления криминогенной обстановки многие староверы выехали на юг, в окрестности г. Хомер [10]. До сих пор некоторые представители старообрядческих обществ южного Кеная характеризуют николаевцев как «разбойников», проводя соответствие между принятием священства, упадком русского языка и культуры, смешанными браками, семейным насилием и распространенным в Николаевске пьянством.

Таким образом, вместо адаптации или консервации национальной культуры и религиозного менталитета, имевших место в старообрядческой жизни на чужбине — в Турции, Китае, Бразилии [21], мы увидели почти сплошь ассимиляционные процессы — притом весьма травматичные. Безусловно, в среде аляскинских поповцев и беспоповцев эти процессы весьма различаются; описанию беспоповцев и сравнению этих двух локусов будут посвящены следующие очерки. Ассимиляция, доходящая до нелепой подражательности, и почти полная утрата родной речи и традиционного уклада свойственны поповцам Николаевска-на-Аляске в большей мере, чем их бывшим одноверцам южного Кеная. Причина — в динамической

напряженности и ослаблении негативной идентичности, свойственной «классическим» старообрядцам. Архаичный образ жизни, «воинствующий антиинтеллектуализм» [12], знаменитое староверческое начетничество (в смысле «принципиальное буквоедство») [1], агрессивная патриархальность и тотальное отрицание «грехопадшего мира сего» (раскольничество, в смысле «сектанство») — эти детали «классического» древлеправославия всегда являлись сдерживающим механизмом, препятствующим утрате собственной идентичности [16]. Логичным было бы увидеть у старообрядцев Америки образ жизни, напоминающий жизнь амишей или меннонитов. Однако старообрядческая среда Аляски столь быстро модернизировалась и секуляризовалась, что по динамике вовлеченности в «мир сей» заметно обгоняет даже диаспоры современного, новообрядческого православия — греков и сербов. Что же позволило староверам начать столь стремительно ассимилироваться, прикрывая секуляризационные процессы чисто внешней традиционностью? Судя по всему — наша гипотеза еще ждет уточнений — речь идет именно о государственническом векторе православия в целом. Если «византистское» православие — православие Кирилла Александрийского, Иосифа Волоцкого и Димитрия Ростовского — предполагает «душеспасительный» сервилизм в отношении к государству, то древлеправославие («раскольничество») — формат Иоанна Златоуста, Нила Сорского и Аввакума — является «теневым», негативно и критично зависящим от государства, но никак не самостоятельным [17]. Таким образом, для православного христианина государство является одним из важнейших акторов его смыслополагания в земной и даже загробной жизни [15]. Либо подчиняясь «всяким властям от Бога» (Рим., 13: 1–2), либо доказывая отсутствие этой взаимозависимости, строит свою духовную жизнь православный верующий [9]. США подарили староверам иную систему координат, в которой государство сдвинуто на периферию сознания. Оно не может дать огромных и долговременных льгот: так, органы государственной власти поддерживали старообрядческое поселение на Аляске, но затем легко отменили рыболовецкие льготы, что нарушило сложившуюся экономику Николаевска. С другой стороны, частная жизнь гражданина США автономна; государство принципиально не вмешивается в область взглядов и верований, снижая до нуля необходимость сопротивляться ему как «антихристову учреждению». Государство в США строит отношения с отдельным активным индивидом, предлагая взаимовыгодные условия, напрямую зависящие от ментальной секуляризации и автономизации этого индивида. Диаспора для политэкономической системы США представляет интерес, только если выступает как хозяйственный субъект в условиях современной турбокапиталистической экономики. В этом — отличие и от политически выгодного автономизма, на условиях которого проживали староверы в Турции и Китае, и от отстающей аграрной экономики Латинской Америки, давшей возможности для привычного старообрядцам труда и образа жизни.

В связи с конфессиональным отпочкованием от основной старообрядческой среды обеих Америк, насельники Николаевска были вынуждены более интенсивно интегрироваться в экономическую и социальную сферы светских США, что и привело к значимым социальным инверсиям. Напрашивается вывод о зависимости

экономического процветания николаевцев от их постепенной ассимиляции в светском пространстве — возможно, с поверхностным соблюдением старообрядческих традиций.

1. *Адрианова-Перетц В. П.* Старообрядческая литература // История русской литературы. Т. 1, ч. 1 / ред. В. А. Десницкий, Б. С. Мейлах, Л. А. Плоткин. М., 1941. С. 85–99.
2. *Аргудяева Ю. В.* Эмиграция русских старообрядцев-дальневосточников в Китай и Северную Америку // Религиоведение. 2012. № 2. С. 9–20.
3. *Аргудяева Ю. В.* Русские старообрядцы в Южной Америке // Религиоведение. 2014. № 1. С. 76–93.
4. *Аргудяева Ю. В.* Потомки русских казаков-старообрядцев в Турции и Северной Америке // Религиоведение. 2014. № 3. С. 46–61.
5. *Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А.* Из России через Азию в Америку. Владивосток, 2013.
6. *Гортер В. Т.* До Бога высоко, до царя далеко! Заметки по итогам путешествия на Аляску // Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях : материалы II науч.-практ. конф. / ред.: С. Г. Ступин, С. В. Мельникова. Иркутск, 2015. С. 152–171.
7. *Злобин А.* Русские барбудос: Старообрядцы часовенного согласия в Уругвае // Старообрядец. 2005. № 33. С. 23.
8. *Калугина С. Г.* Николаевск // Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. / ред. В. В. Нехотин. М., 2009. С. 679–685.
9. *Кузнецов Ф. С.* Об отношении древлеправославной старообрядческой церкви к верховной советской власти // Самарское староверие : [сайт]. 2013. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/137-1-0-1208> (дата обращения: 01.06.15).
10. *Моррис Р. А., Моррис (Юмсунова) Т. Б.* Русские староверы на Аляске // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 10. С. 115–122.
11. *Попова О. В.* Трансформация этнокультурных систем старообрядческих общин в зарубежных странах // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2015. № 7 (182). С. 173–181.
12. *Рябцев А. Ю.* Когда простота хуже воровства. Старообрядческой церкви нужны дискуссии, а не благостная тишина // НГ-Религии. 2007. 7 нояб. С. 17.
13. *Софроний (Липолит), архиеп.* Орегон. Соединенные Штаты Америки // Русь православная. 1999. № 2. С. 6.
14. *Теплоухова М. В.* Восстановление беспоповской старообрядческой общины Приморья: предварительные итоги // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. : Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 258–269.
15. *Тихомиров Л. А.* Единоличная власть как принцип государственного строения // Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни / ред. О. А. Платонов. М., 2008. С. 9–167.
16. *Товбин К. М.* Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве. М., 2014. С. 78–82.
17. *Товбин К. М.* Концепция «Москва — Третий Рим» в русском православном старообрядчестве. М., 2014. С. 73–75.
18. *Фефелов К. С., свящ., Гашкова Н.* Николаевск на Аляске // Русь православная. 1999. № 2. С. 5.
19. *Хисамутдинов А. А.* Старообрядцы: из России в Америку через Китай // Вопр. истории. 2011. № 7. С. 90–102.
20. *Хисамутдинов А. А.* Русская Аляска и православие. Владивосток, 2015. С. 41.
21. *Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д.* Конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 110–125.

УДК 2-534.3 + 343.301(470) + 130.123 + 94(470)“19/...”

О. В. Иванова

МОЛИТВЫ О ВРАГАХ ВРЕМЕН РЕПРЕССИЙ 1930-х гг. КАК ОПЫТ ДУХОВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

На материале неизвестных ранее молитвенных текстов, обнаруженных в судебно-следственных делах, рассматривается отношение к врагам как духовный и культурный феномен времен сталинских репрессий 1930-х гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: христианство и культура; репрессии; духовное сопротивление; молитвы о врагах.

На всем протяжении советского периода Русская православная церковь подвергалась репрессиям. Таких продолжительных гонений и в таком масштабе христианская церковь в своей истории еще не знала. По данным, которые были приведены в 1995 г. председателем Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий Александром Яковлевым, за годы советской власти были уничтожены 200 тыс. священнослужителей, еще полмиллиона мирян подверглись репрессиям [10]. Пик репрессий пришелся на 1930-е гг. Они шли по нескольким направлениям. Главное — это физическое уничтожение епископов, священников и церковного актива. По данным Комиссии по реабилитации Московской патриархии, в 1930-е гг. за веру в СССР были репрессированы 350 тыс. человек, из них в 1937 г. 150 тыс. было арестовано и 80 тыс. расстреляно [10]. К 1941 г. на свободе находилось всего 4 епископа. Также беспощадно уничтожались храмы и монастыри: к 1940 г. на территории СССР было чуть более сотни открытых храмов, а на территории РСФСР не осталось ни одного действующего монастыря. Запугивание простых прихожан шло с помощью принятия антицерковных законов, секретных постановлений «по усилению антирелигиозной работы» и тотальной антирелигиозной пропаганды. Основная антирелигиозная агитация была направлена на молодое поколение, она осуществлялась во всех сферах и являлась главной задачей всех молодежных организаций и «просветительских» обществ.

В этих условиях, когда само существование Русской церкви было поставлено под сомнение жестокой и идеологически беспощадной светской властью, рассматривающей религию как врага, Церковь должна была дать ответ на вызовы времени. Выбранная ею позиция полностью соответствовала принципам христианства. Ее смысл — противопоставление жестокости и бесчеловечности христианского гуманизма.

Любовь к врагам — главный маркер, который отличает христианство от всех других религий и систем, призывающих ненавидеть врага, бороться с ним и мстить

ИВАНОВА Оксана Витальевна — бакалавр богословия, руководитель экспозиционной группы Музея святости, исповедничества и подвижничества на Урале в XX веке, г. Екатеринбург (e-mail: ox0517@gmail.com).

© Иванова О. В., 2016

ему до победного конца, до последней капли крови, беспощадно и безмерно [8]. Такое понимание врага содержится в Новом Завете. В Благой вести Христос открывает людям, что есть только один настоящий враг — Дьявол, Сатана. Врагом может стать и человек, который является носителем сатанинской силы, силы зла. Такой человек является врагом постольку, поскольку он воплощает и проявляет эту силу и это зло. В отличие от врага-сатаны враг-человек не является перманентной величиной. Христианство утверждало, что почти каждый может в какой-то момент оказаться в плену у сил зла, но новозаветное христианство никогда не считало, что это состояние неизменно. В Евангелии масса примеров исцеления бесноватых, обращения гонителей или прощения отречшихся учеников. Но даже если человек является врагом, новозаветное отношение к нему требует почти невместимой нормы: «...благословляйте проклинающих вас и молитесь за врагов ваших, молитесь и за гонящих вас, ибо какая вам за то благодарность, если вы любите любящих вас? Не то же ли делают и язычники? Вы же любите ненавидящих вас и не будете иметь врага» [7].

Эту евангельскую максиму христианство развивало в своем этическом учении, в аскетической и мистической мысли и практике. Иоанн Златоуст в своих проповедях связывал исполнение этой заповеди с возможностью такого человеческого совершенства, которое можно назвать богоуподоблением [17, 452]. Преподобный Максим Исповедник обращал внимание на то, что принципиальное значение имеет то духовное состояние, с которым приступают к молитве о врагах, так как именно по этому можно судить о качестве христианства, его подлинности [13]. Симеон Новый Богослов призывал благо-творить врагам «по силе твоей», «от души молиться за обидящих тебя», благодаря чему человек получает мистический результат — возможность увидеть Бога [14].

Через Евангелие, святоотеческие тексты и житийную литературу христианская идея о принципиальной важности отношения к врагам вошла в русскую культуру. И там же, в ее недрах вступили в острую полемику христианский гуманизм и гуманизм просвещенческий.

Знаменитое учение Льва Толстого о непротивлении злу насилем «связано с учением об естественном состоянии как добром и божественном. Не противясь злу, и добро само осуществится без твоей активности, будет естественное состояние, в котором непосредственно осуществляется божественная воля, высший закон жизни, который и есть Бог» [18, 130]. Учение это оказалось настолько привлекательным, что из философского концепта превратилось в практически ориентированное жизнеучение [19], под обаяние которого попала российская интеллигенция, к началу XX в. стряхнувшая с себя «последние пережитки христианства» [1]. В этой ситуации масштаб личности и таланта Льва Николаевича Толстого затмил христианскую традицию понимания зла и врага. «Проповедник христианства, исключительно занятый Евангелием и учением Христа, он был до того чужд религии Христа, как мало кто был чужд...» [18, 123].

Льву Толстому идейно противостояли Ф. М. Достоевский и Н. А. Бердяев. В своих произведениях они заложили основы русского гуманизма, основанного на христианской антропологии. К сожалению, яркое литературное пророчество

первого и религиозная философия второго не были услышаны. Или они прозвучали слишком поздно. Хотя роман-предупреждение «Бесы» был опубликован в журнале «Русский вестник» еще в 1871–1872 гг. Однако современники автора посчитали, что это роман о каких-то фантастических негодях, которых нет в реальности русской жизни и не может быть никогда. Критики назвали сочинение Достоевского литературным уродом, случаем мрачного помешательства. Роман был объявлен «клеветой на современную молодежь» [16].

В столкновении двух ценностных систем — христианства и просвещенческого гуманизма — христианство потерпело поражение. На уровне общественной мысли и практики это привело к тому, что российское общество в начале XX в. отказалось от осмысления необходимости духовного сопротивления злу. Последствия оказались трагическими. Российская культура и общественная мысль не смогли противопоставить ничего действенного бессовестным манипуляциям народным сознанием и террору большевиков, так как целое поколение российской элиты было воспитано в духе непротivления, что в момент исторического испытания обернулось растерянностью, апатией, бездействием и в конечном счете капитуляцией перед натиском зла. Не уцелел ни один светский институт дореволюционной России, все было относительно быстро уничтожено вместе с правящим классом и аристократией.

В отличие от «непротivляющейся» культуры Русская церковь хорошо понимала характер происходящего: «Мы все переоценили уровень религиозно-нравственного состояния нашего народа. Увы, мы мало знали его: за пеленой внешнего благочестия народа от нас была скрыта степень развития в нем истинно христианского настроения, степень усвоения учения Христа. Революция сдернула эту пелену, и пред нашими глазами предстал родной наш народ во всей своей наготе, покрытый зияющими язвами греха и беззакония, безбожия и кощунства, насилия и жестокости, приближающих его к человеку-зверю» [6, 157].

Гонения оказали сильное влияние на возвращение церкви к своим духовным основам. Церковь на практике получила возможность (и необходимость) осмысления и обновления своего отношения к врагам для нахождения действенной силы сопротивления им. Вершиной этих поисков стала молитва за врагов, которая прямо проистекает из того, на чем основано христианство. В том числе этот процесс происходил и на Урале.

В заявлении дьякона Николая Тохтуева начальнику Мытищинского райотдела НКВД суть противоборства определяется так: «Вы нас считаете врагами, что мы веруем в Бога, а мы считаем вас врагами за то, что вы не верите в Бога, но, если рассмотреть глубже и по-христиански, то вы нам не враги, а спасители наши, вы загоняете нас в Царство небесное, а мы этого понять не хотим, мы как упорные быки увильнуть хотим от страданий...» [11].

Проиграв в политической и культурной борьбе, церковь ставит перед собой другую цель — не историческую победу в противостоянии, а духовное преодоление зла. Выдавливаемая из материального пространства жизни, церковь сосредотачивается на экзистенциальном действии.

В рукописях 1929 г., обнаруженных в деле о. Иоанна Морозова из с. Николо-Павловское Нижнетагильского округа, этот переход описывается так: «Все наше святое посмеяно и нецензурной брани от безбожников предается... Но если нас не понимают и понимать не хотят, то что же после этого делать нам? Как по обычаю, молиться за ненавидящих и обидящих нас; с молитвою предавать Творцу свою душу, помня, что для истинно Христа любящих христиан, по слову св. апостола Павла: и “смерть есть приобретение”» [4]. Трезвая оценка сложившейся ситуации совсем не приводит к параличу перед лицом зла. До середины 1930-х гг. в судебно-следственных делах нередко встречаются попытки призвать врагов к разуму, совести и чувству справедливости: «Эта противоположная нам сторона не хочет бороться со мною и другими подобными мне исповедниками или проповедниками веры, любви, религии, гуманным и научным способом; спокойно, пользуясь свободой слова и печати; нет! Она как бы в отчаянии, или в бессилии, хватается сразу за оружие и... старается теснить, в темницы садить и огорчать нас, коварным и нелегальным способом, будируя разного рода лжами и клеветами» [Там же]. Противопоставить этому предлагается усиленную молитву «по слову Господа нашего Иисуса Христа: “любите враги Ваша, добро творите ненавидящим Вас и молитесь за обижающих Вас, да будете сынами Царствия”» [Там же].

Этот поворот сознания приводит к преодолению страха, рабства и конформизма, дает большие силы для свидетельства: «И все мое огорчение телесное и гонение принимаю и понимаю как гонение за веру и Церковь православную... И во всеуслышание искренно заявляю, что своих религиозных убеждений не изменял, и не изменю Господу ми помогающую! И только в любви ко всем людям счастья искал и ищу, а также и всем желаю. После этого, как хотите, так меня и судите. Больше добавить ничего не имею» [Там же].

Несколько лет спустя в обращении Нины Рогачевой в Пермский комитет коммунистической партии большевиков горячее обличение врагов соединяется с таким же сильным стремлением к примирению. Разливающееся вокруг море зла настолько страшно, что дает чувство общей судьбы даже с врагами. «Обратитесь к пастырям Церкви, чтобы они научили нас, как... снять с нашей страны несчастья, беды и муки. <...> Идите скорей, слишком много мучается людей, нельзя доле выносить эту муку» [12].

Усиленная молитва о врагах становится внутренней потребностью для многих христиан. В текстах новосоставленных молитв этого периода есть большая надежда на возможность изменения ситуации и покаяния гонителей: «Ненавидящих и обидящих нас прости, не воздай им, Господи, по делам их и по лукавству начинаний их, не ведают ибо, что творят. Но к братолюбной и добродетельной наставь их жизни, да обратятся к Тебе, своему Владыке, и вместе с сынами Церкви прославят Тебя, Единого в Троице славимого Бога во веки веков».

В период Большого террора появляются уже не только краткие молитвы, но и более объемные тексты, фиксирующие и развивающие полученный христианский опыт отношения к врагам. Например, в акафисте «По умершим», сохранившемся в качестве вещественного доказательства в деле 1938 г., заведенного на священника Анатолия Стахиева, неоднократно звучат ходатайственные мотивы

о врагах, гонителях, хулителях, клеветниках, тех, кто к церкви никогда не принадлежал или явным образом ушел из нее во времена гонений: «Отче наш, прости пролившим невинную кровь. Отче наш, прости строивших свое благополучие на слезах другого ближнего. Отче наш, не осуди гнавших нас клеветою и злобою. ...Отче наш, да будет сия молитва о них таинством примирения!» [3, 83].

Удивительно, что в ситуации вопиющей исторической несправедливости верующих больше занимает не вопрос восстановления справедливости и реванша, а процесс созидания духа покаяния, прощения и примирения, способного очистить страну от скверны издевательств, насилия, убийств и доносов: «Отче наш, скорбим об ожесточенных беззаконниках и хулителях святыни. ...Отче наш, сжался над уязвленными гибельным неверием. Отче наш, не познавший Тя на земли, да возлюбит Тя на небеси. ...Отче наш, спаси погубивших себя в омрачении ума. Отче наш, да угаснет пламень нечестия их в море благости Твоей» [Там же].

Подвиг мученичества, с церковной точки зрения, превращает человека из жертвы истории в духовного победителя, получающего силу ходатайства за современников: «Отче наш, за молитвы страдальцев, за кровь мучеников пощади грешников» [Там же]. Кроме того, христиане почувствовали, что не могут не разделять тяжесть последствий всеобщей озлобленности, враждебности, и увидели глубокое жизненное призвание в духовном преодолении этого. Так, в молитве, составленной иеросхимонахом Константином (Шипуновым) передаются чувства христиан, прошедших горнила лагерей, переживших горечь преследований, отречений и остракизма, но победивших в себе дух вражды: «Слава Тебе, Господи, что Ты... особенно нас ценною наградой наградил: скорбями, бедами, болезнями, презрением и поношением, клеветою и всякою обидою и лишением спокойной и радостной жизни».

Подвиг любви к врагам не мог не принести плодов. О моральной победе Церкви свидетельствуют результаты переписи населения 1937 г. Как выяснилось, 55,3 млн человек (или 56,7 %), лиц 16 лет и старше, считали себя верующими [2], 75,3 % из них были православными [15, 41].

Таким образом, гуманизм, опирающийся на учение Христа, победил репрессии, основанные на коммунистическом богоборчестве. И хотя Православная церковь понесла огромные потери, ее сила и авторитет окрепли.

1. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество [Электронный ресурс] // Вехи [б-ка рус. религиоз.-филос. и худож. литературы]. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (дата обращения: 05.05.2016).

2. Волков А. Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // История статистики. М., 1990. Вып. 3–5, ч. 2. С. 6–63.

3. ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 19062. Л. 83.

4. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24677. Л. 30.

5. Гельфонд М. Л. Критика учения Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилеием в отечественной религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX в.: три основных аргумента. [Электронный ресурс] // Теоретический семинар сектора этики Института философии РАН. М., 2008. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/seminar/gelfond_q.html (дата обращения: 05.05.2016).

6. Деяния Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. : в 8 т. М., 1996. Т. 8. Репринт.
7. Дидахе: учение двенадцати апостолов [Электронный ресурс] // Дидахе. URL: http://didahe.papod.ru/didahe_txt.htm (дата обращения: 05.05.2016).
8. *Кочетков Г., свящ.* Прощать ли врага? // Наука и религия. 1991. № 6.
9. *Кравецкий А.* Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2012.
10. *Обозный К.* Неперемолотые. Россию в XXI веке может спасти опыт духовного сопротивления тотальному злу XX века : [сайт ПСМБ]. URL: <http://psmb.ru/newmartyrs/article/pereremolotye-2311/> (дата обращения: 05.05.2016).
11. ПермГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768.
12. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 8835.
13. *Преподобный Максим Исповедник.* Главы о любви. Вторая сотница [Электронный ресурс] // URL: <http://www.omolenko.com/biblio/maximus2.htm> (дата обращения: 05.05.2016).
14. *Преподобный Симеон Новый Богослов.* Божественные Гимны. Гимн 13 : Изъявление благодарности за дары Божии и каким образом во отце, пишушем это, действовал Дух Святой. Также наставление, изреченное от лица Бога о том, что должно делать, чтобы получить спасение // Золотой корабль : [электрон. православ. б-ка]. URL: <http://www.golden-ship.ru/knigi/3/simeonNB-VG.htm> (дата обращения: 05.05.2016).
15. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 41.
16. *Селезнев Ю. И.* Достоевский. М., 1985.
17. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского : в 6 т. СПб., 1898. Т. 1.
18. Типы религиозной мысли в России. Paris, 1989.
19. *Эгуги Мицуру.* Учение Л. Н. Толстого о сопротивлении злу и его влияние на общественную мысль в Японии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/uchenie-l-n-tolstogo-o-neprotivlenii-zlu-i-ego-vliyanie-na-obshchestvennyu-mysl-v-yaponii#ixzz45z5OgbuK> (дата обращения: 05.05.2016).

Статья поступила в редакцию 27.05.2016 г.

SUMMARY

SCHOLAR'S ROSTRUM

Lozovsky B. N. Why do We Need the Journalism Departments.....6

This article describes the problems of journalism education, the role and position of journalism departments in terms of the mass media development, the issue of organization of practical training for bachelor students, considering the new mass media demands and new information technologies. Author also focuses on the different methods, that can be used in educational process to improvement the quality of the students' professional training.

Key words: journalism; mission; new media; professional standards; educational competences; practice; professionalism; monetizing; mass media; demands of the branch.

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

Fedotova L. N., Krasavchenko I. A. Two Countries — Two Television.....15

This article is based on the comparative analysis of content of two major domestic TV channels in dynamics: in 1990 (USSR) and in 2015 (Russia) years. The main goal is to identify the trends of these channels' broadcasting policy. The most significant are the following results: the growth of the news content and film showings, emergence of religious programs, a noticeable reduction of transmission that meets not only the mass audience' interests, but the ones of the special viewers. The results of the study reveal, that today's television remains a field of tension among the society members, the state, content producers and advertisers.

Key words: TV; television programme; types of television broadcasts; advertising.

Bulatova E. V. Cognitive and Discursive Practices of the Author and the Addressee of a Creolized Media Text.....25

The article defines the «cognitive and discursive practice» and an example of analysis of the social advertising creolized text. The principles of cognitive and discursive approach to the analysis of media texts are presented. An integrative frame-slot model of the dominant text concept is shown.

Key words: discursive practices; cognitive and discursive practice; concept; text concept; text concept sphere; frame; slot; frame-slot model; creolized text; perception.

Nemirovskaia E. S., Abramova A. V., Mozgovaya Y. V. Metaphorical Modelling of the Russian Image (Based on the Material of the U.S. Media Texts).....36

The article is devoted to the analysis of metaphorical modelling of the Russian image by identifying, analysing and classifying metaphorical models in the contemporary U.S. media texts mainly in 2010–2016. The revealed metaphorical models clearly demonstrate that the “Image of the Enemy” is based on three principal points: 1. negative image of the Russian leader; 2. negative image of Russia; 3. negative relationships between Russia and the United States.

Key words: metaphorical modelling; mass media; image; stereotype; national world picture; Russia; The United States of America.

Kablukov E. V. The Concept of «Information War» in the Russian Government and Opposition Media45

The paper deals with the concept of «information war» which is being actively constructed in the modern Russian media discourse. The author focuses on the differences between participants (including Russia) and methods of conducting an information war in two newspapers — governmental «Rossiyskaya gazeta» and oppositional «Novaya gazeta».

K e y w o r d s: information war; concept; discourse; media; media discourse; Russia.

Smolin I. V. The Functioning of the Concept «Patriotism» in the Discourse of the Media About the Russian Army56

In the article the practice of functioning of the concept “patriotism” in modern media discourse about the Russian army, the connection of patriotism with the idea of national unity and relying on the military history of Russia, the cult of the heroic past.

K e y w o r d s: critical discourse analysis; media discourse; concept; patriotism; nation; army.

Chepkina E. V. Discursive Practices of the Regional Press Recipient Construction: National-Civic Identity61

The article studies the problem of Russian identity assignment in the discourse of modern media. The definition of “national-civic identification”, which underlines the multidimensional nature of Russians identification as a nation, is introduced. The discursive practices of identifying the recipient in the discourse of regional media are considered. The article presents the discourse analysis of the regional community civil identity construction, identifies the linguistic markers of territorial, political and economic discursive practices identities.

K e y w o r d s: discourse analysis; discursive practice; identity; media discourse; the recipient; the Russian language.

Lukina G. A., Portnyagina V. O. Print Media Coverage of the Refugee Crisis in Germany Based on the Examples of the Publications from Spiegel, Stern and Focus. Critical Discourse Analysis69

The problem of refugee influx in Europe is particularly acute in Germany today. Modern media are a powerful tool for shaping people’s consciousness and behaviour. Discourse analysis of German print media enables us to track changes in the use of vocabulary referring to refugees in federal publications and in the perception and representation of refugees and German citizens. It also allows us to consider the subject of articles covering the events and to assess the degree of support of the media for the refugee policy of Germany.

K e y w o r d s: discourse analysis; migration; refugees; print media; socio-demographic characteristics of refugees; the Federal Republic of Germany.

Myasnikova M. A., Tarasov I. E. The Role of the Documentaries in the Modern Russian TV Channels’ Programming Policy78

The article examines the Russian TV channels’ approaches towards documentaries (on the example of the films devoted to the Great Patriotic War). It reveals the essence of documentaries in its true (not surrogate) form and proves the necessity of their presence on TV.

K e y w o r d s: documentaries; Russian television channels; programming policy; the theme of the Great Patriotic War in the documentary film.

Volkomorov V. A. Practice of Using Mobile Multimedia Technologies in the Educational Process of Students of Media Departments87

The article is devoted to the study of messaging applications use as tools for connecting classroom learning for students of media departments. An overview of messengers is provided.

K e y w o r d s: mobile learning; multimedia; smartphone; social networks; media; students of journalism departments; second screen; connected classroom learning.

POETHICS

Kazarin Yu. V. The Types of Poetical Meta-phrase 92

The article deals with the research of multiple types of poetic translation and factors, which define special linguistic and aesthetic functioning of this text. Different areas of the types of poetical meta- phrase (8 types) were identified and the phenomenon of translation adequacy was analysed. The types of linguistic, stylistic, grammatical, metatextual, overtextual synonymy were analysed. The paradigm of poetic translation types is systematic. The correlation of the text-original, types of poetical metaphrase and translated text were considered with functional content plans.

Key words: types of poetical metaphrase; the textual nature of metaphrase; adequacy of the poetical translation; text-original; metaphrase; text-translation

PSYCHOLOGY

Karapetyan L. V. Theoretical and Empirical Approaches to the Creation of a Model of Emotional and Personal Well-being 100

In this article, the field of psycho-social science analyses referring to foreign and domestic approaches to understanding of the well-being is analysed. Based on the theoretical analysis, the author describes this phenomenon as multifactor construct and offers a model for emotional personal well-being, incorporating both positive (happy, successful, competent, lucky, optimist, reliable) and negative (pessimist, unhappy, envious) descriptors. The author shows that happy, successful, competent, lucky, optimistic, reliable man is the epitome of emotional well-being. On the contrary, unhappy, pessimistic, envious people cannot enjoy life and feel the joy of being their emotionally-personal well-being is at a low level.

Key words: subjective and psychological well-being of the person; life satisfaction; happiness; model emotional-personal well-being.

Bodnar A. M., Bodnar E. L. Ways of Coping with Stress Among Service Men with Different Gender Identity 108

The article discusses the results of studies referring to the behavioural strategies of servicemen (149 people) with different gender identity. High level of stress was discovered in the groups of feminine, masculine and androgynous men-soldiers related to ability to cope with the with negative non-adaptive consequences in the special stress conditions of service. The results of this study may be useful for clarification of criteria of professional selection, as well as for meaningful development of programs of prevention and rehabilitation in hazardous activities.

Key words: military personnel; coping strategies; femininity; masculinity; androgyny; maladaptive behaviour.

Alekseeva A. S., Minkov C. A., Okonechnikova L. V. The influence of Computer Role-Playing Games (CRPG) on the Personal Characteristics of Adolescents 115

The purpose of the study, carried out on a sample of 83 13–15 years old adolescents is to establish whether the level of passion to the Role-Playing Games influences the personal characteristics of modern adolescents. For this purpose, the following methods were used: «Questionnaire for evaluating degree of dedication to the Role-Playing Games» (Belovolov, E. V., Kolotilova I. V.), Buss — Durkee Hostility Inventory (BDHI) and Eysenck Personality Questionnaire (EPQ). The result of research shows the influence of level of passion for the Role-Playing Games on such personal characteristics of adolescents as auto-aggression (guilt feeling), offense, negativism, aggression, hostility, irritation, sincerity, psychoticism.

Key words: Computer Role-Playing Game; RPG; level of passion for computer games; personal characteristics; adolescence.

Zalesky M. L., Vinnik V. K., Nacvalova M. Y. Harnessing the Power of Social Networking in Solving Psychological Problems of Adaptation of Freshman in the University 121

Main psychological problems that accompany the process of socialization and adaptation of a student at the University are analysed. As an example, showcase of the capabilities of «vkontakte» social network to address the problems were identified.

Key words: adaptation; axiological structure; University; freshmen; social network; social group.

Raspopin E. V. Methods of Study and Evaluation of Mental States 129

Methods of assessment and diagnosis of mental states are of great practical importance. The purpose of the article was to review these methods. The author describes the following methods: observation, experiment, projective techniques, physiological methods. Discusses the general characteristics of these methods. Special attention is paid to the analysis of their inherent advantages and disadvantages.

K e y w o r d s: mental states; methods for studying mental states; observation; experiment; self-report; projective techniques; psychophysiological methods.

CULTURE STUDIES

Kirillova N. B. Andrei Tarkovsky's Creative Phenomenon: the Artist's Spiritual Mission 138

The article analyzes ethical and philosophical aspects of Andrei Tarkovsky's cinema as a unique phenomenon in global cinema culture. The relevance of this research topic is grounded in the still urgent ethical and aesthetical issues of creative work presented by Tarkovsky. The author of this article uses analysis of films and theoretical works by Andrei Tarkovsky and other researches to highlight an original intake of the philosophy of his works, focusing on the artist's spiritual mission.

K e y w o r d s: Tarkovsky's phenomenon; outstanding filmmaker; screen culture; auteur cinema; conceptual cinema; poetic cinema; "depicted time"; moral philosophy; philosophical parable; spirituality; spiritual mission.

Emelyanov B. V., Ionaitis O. B. Traveloh «The Russian Traveller» (Marking the 250-th Anniversary of N. M. Karamzin) 150

In the following article, «Letters of a Russian traveller» by N. M. Karamzin are analysed. Following the example of analysis of prospects of education, European culture and philosophy the development of Russian thought of the XVIII — early XIX century was studied.

K e y w o r d s: masons; travel; education; philosophy; Russia; Europe.

Bystrova T. Yu., Susarova K. S. Experience in the development of some Museum projects: avoiding the planar material at the museum 2.0 156

The article presents the author's experience in the development of some Museum projects 2015–16 in collaboration with other professionals. Limitation of actual museum projects integration in terms of participation culture exceptionally to operation with written and visual text is demonstrated. The idea of existential living of history on museum's place is assumed and pictured with actual instances. The experience of the organization of several Museum projects, which develop this approach, is provided.

K e y w o r d s: Museum; Museum communication; "culture of participation"; narrative; existence; co-existence; accommodation; history; photo project; the formation of communities.

Starostova L. E. To the Question of Commemorating the Sverdlovsk Constructivism: a View Through the Practice of the Formation of Cultural Quarters 163

Based on the analysis of the experience of the creation of cultural quarters as a strategy for the revitalization and theming of urban spaces, the author proposes the concept of the formation of the cultural quarter of constructivism as a part of the commemoration of the Sverdlovsk / Ekaterinburg constructivism' architectural heritage.

K e y w o r d s: place of memory; cultural quarter; neighbourhood community; architectural constructivism; Ekaterinburg; Sverdlovsk.

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Zborovskiy G. E., Ambarova P. A. Methodological Approaches to the Study of Nonlinear Dynamic of the Megalopolis Educational Communities 175

The article examines the relationship between the concepts of «educational community», «nonlinear dynamic», and «megalopolis». The author describes the basic methodological approaches to the study of this relationship.

It is proved, that the educational communities shape the core of the education system. The essence of nonlinear dynamic of these communities is shown. Methodological approaches are revealed through their basic principles.

Key words: educational communities; nonlinear dynamic; methodological approaches; megalopolis; social uncertainty.

Ambarova P. A. Anomalies of Educational Communities Development in the Megalopolis Under the Conditions of Social Uncertainty 184

The paper is devoted to the concept of non-linear dynamics of educational communities as a theoretical basis for the sociological study of social anomalies of educational communities development in the megalopolis under the conditions of social uncertainty. Two types of social processes that reflect the nonlinear dynamics of the educational communities in the Russian megalopolis are characterized. Attention is paid to the ambiguous influence of the education management on functioning and development of Russian educational system in the context of social turbulence. Educational communities are presented as a subjective factor that has “ultra-weak” impact on the educational system. The levelling importance of this factor leads to educational simulacra, paradoxical motivation, educational mankurtism, and other anomalous phenomena and processes.

Key words: nonlinear dynamics of educational communities; social anomalies; social and economic uncertainty; suddenly-events; educational simulacra; educational mankurtism.

AT THE SCHOLAR’S LABORATORY

Yarskaya-Smirnova V. N., Kalaydzhan A. A. Social Time in the Research Youth of a Russian Provincial City..... 196

This article presents the author’s interpretation of social time young of Russian provincial town. The purpose of the article is to consider the temporality of this social group in the context of the problems of youth policy, inclusion and social cohesion. The paper carried an important principle of the study of social time — keeping its subjectivity, depending on the time of the coordinate system of youth as a social group. The features of temporal measurement of social interactions of young people and the older generation in a country town.

Key words: social time; youth; inclusion; generation; city; cohesion; youth policy; welfare.

Britvina I. B., Savchuk G. A., Britvin A. M., Zhbankova S. A. Ethnic Culture as a Factor of Integration of the Inhabitants of Ethnically Diverse Territory..... 203

The role of ethnic culture as one of factors of integration of inhabitants of the poly-ethnic territory is analysed in article. The ethnic culture of youth is considered at the level of daily behaviour; opinions and views of young respondents; at the level of their installations on integration with migrants. This analysis is carried out on the basis of the youth poll conducted in the cities of Nizhnevartovsk and Yekaterinburg. Authors come to the conclusion that among young people the ethnic culture is not the dominating type of culture among the factors defining existence of positive installations on integration with migrants. In this regard social factors which more form installations on integration with migrants prevail.

Key words: ethnic culture; external migrants; host society; integration; intolerance; stereotype; installation.

Pevnaya M. V., Zborovsky G. E. Research Methodology Promising Practices, Problems and Russian Volunteering Management Capabilities 212

The article is devoted to the main provisions of a research concept, which allows to study the Russian volunteering according to sociology. It describes the methodological and methodical aspects of the research approach, the logic of which is aimed at the selection of key issues related to the development of volunteering in modern Russia. The authors suggest new vectors of studying the difficulties of incorporating volunteering issues in the everyday life of Russians. It is concerned with research of different types of volunteer activities and different groups of volunteers and their specificity.

Key words: volunteering; volunteers community; research methodology; volunteering management.

THE EASTERN MERIDIAN

Naranbaatar Baansuren. Worldview in the Mongolian Traditional Culture.....221

The study is devoted to the analysis of the thematic elements of the traditional worldview of the Mongolian people: the sky and the earth, the mountains, the waters sources and the woods. The results of this study enable us analyze magical acts, found in the main economic activity of the Mongolian people — hunting and cattle breeding.

K e y w o r d s: biocentrism; nature cults; tribal land; common resource; land use.

POINT OF VIEW

Tovbin K. M., Semichaevsky A. V., Sokolov V. V. Russian Old Believer of Amerika as an Example of Modern Traditionalism.....227

Russian Old Believers is one of the most striking phenomenon of the Russian traditional culture, and in this respect is the subject of numerous studies. Today the Old Believers in Alaska represent an example of adaptation of traditional spiritual principles to the life style in the centre of the world globalization, westernization, scientific and technological progress and post-industrialism. The authors of this study have been on an expedition to the Old Believers in Alaska and studied their worldview, mentality and way of life. The results of this trip are presented in the following article.

K e y w o r d s: Old Believe; Old Believers; Orthodoxy; Ancient Orthodoxy; emigration; diaspora; Russia; USA; Alaska; Nikolayevsk; Kenai Peninsula; traditionalism; secularization; counter-secular; community; identity; globalization; adaptation; assimilation.

Ivanova O. V. Prayers for Enemies During the Repressions of 1930-s as a Kind of Spiritual Resistance 235

The Christian attitude to enemies and prosecutors observed in the investigation files of 1930-s containing prayer texts has become a cultural and religious phenomenon of the Stalin's repressive era. Extraordinary aggression towards human-beings and the Church itself on the one hand, poor availability to manifest spiritual resistance to evil in Russia in the beginning of XX century on the other hand resulted in serious search for new understanding and new forms of religious resistance.

K e y w o r d s: Christianity and culture; repressions; spiritual (religious) resistance; prayers for enemies.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2016. Т. 22
№ 4 (156)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чаноева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 07.12.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 20,8. Усл. печ. л. 20,3. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 429.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, журнал публикует статьи по трем отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.00. **Литературоведение**); 24.00.00. **Культурология**; 19.00.00. **Психологические науки**. Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу), **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>) и отсканированную **внешнюю рецензию** (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе или на одном факультете с автором статьи). Официально заверенный оригинал внешней рецензии автор предоставляет в редакцию по почте или лично. Статьи без анкеты и внешней рецензии не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании представленной внешней рецензии и заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редакция обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5—7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58—112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8—10.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906—1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

12. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX—XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56—64.

13. *Smyth A.* Nationalism and modernism [Electronic resource]. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

1. ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

2. РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Excel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru